ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ФЕВРАЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 25 февраля 1863 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

№ 24.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОЛЬШИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Политическій катихизисъ Рѣчи Посполитой, или польское правительство въ таинствахъ.

(Въ 1735 г. напечатано г. Стерномъ на англійскомъ языкѣ, потомъ на французскомъ и польскомъ, а теперь переведено съ послѣдняго языка). *

Вопросъ. Какая политическая форма въ Польшѣ? **Отвѣтъ.** Польша—это королевство, междуцарствіе и рѣчь-посполитая. **В.** Кто сотворилъ рѣчь-посполитую? **О.** Привилегіи и неурядицы. **В.** Кто имѣетъ въ рѣчи-посполитой власть законодательную и исполнительную? **О.** Король, сенатъ и рыцерство, (военное сословіе) три сословія, а одинъ шляхтичъ. **В.** Развѣ король—шляхтичъ? **О.** Шляхтичъ. **В.** И сенаторъ—шляхтичъ? **О.** Шляхтичъ. **В.** И посолъ (депутатъ на сеймѣ)—шляхтичъ? **О.** Шляхтичъ. **В.** И такъ, эти три государственныя сословія составляютъ только одно сословіе? **О.** Какимъ образомъ рѣчь-

*) Въ тридцатыхъ годахъ случилось мнѣ читать эту брошюру на польскомъ языкѣ въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ. Происхожденіе ея приписывали королю Станиславу Августу, скончавшемуся въ С.-Петербургѣ и завѣщавшему библіотикѣ свои книги. *Ред.*

посполитая, управляемая только однимъ шляхетскимъ сословіемъ, образовала однакожъ изъ него три сословія, это тайна непостижимая для разума, это такая же чудесная тайна, какъ и та, что изъ единой личности короля она образовала цѣлое отдѣльное сословіе. **В**. Изъ этого видно что весь *маестатъ* польскаго правленія есть не что иное какъ только шляхетская рѣчь-посполитая? **О**. То несомнѣнно, что въ польскомъ народѣ кто не шляхтичъ, тотъ не можетъ быть даже человѣкомъ. **В**. Неужели же права натуры и право собственности могутъ быть уничтожены конституціей польскаго правительства? **О**. Въ Польшѣ, гдѣ дѣло идетъ о важности шляхетскаго сословія, то такія мелочныя права, какъ право натуры и собственности, не имѣютъ значенія. **В**. А хлопъ-земледѣлецъ неужели не считается человѣкомъ въ Польшѣ? **О**. Конечно нѣтъ. **В**. Какъ же такъ, когда онъ имѣетъ душу и тѣло, есть такая же личность, какъ и шляхтичъ? **О**. Въ Польшѣ хлопъ имѣетъ одни только признаки души и тѣла, самая же личность его—не человѣкъ, а вещь, принадлежащая шляхтичу, какъ его собственность, и которую, по этому, онъ, какъ полновластный господинъ, можетъ продавать, покупать, обращать въ свою пользу, подобно скоту, продаваемому вмѣстѣ съ фольварками и инвентарями. **В**. А мѣщанинъ—человѣкъ ли? **О**. Мѣщанинъ—не полный человѣкъ, онъ есть только среднее существо между человѣкомъ-шляхтичемъ и не человѣкомъ-хлопомъ. Мѣщанинъ, говоря языкомъ богословскимъ, это substantia incompleta (не полное существо). **В**. Въ чемъ же мѣщанинъ равенъ шляхтичу? **О**. Въ имуществѣ, выгодахъ жизни, воспитаніи,—во всемъ этомъ мѣщанинъ уравнивается съ шляхтичемъ; шляхтичъ отличлется отъ него въ этомъ отношеніи только орденами, гербами и воеводскими мундирами, иногда даже онъ кланяется ему, прося объ одолженіи денегъ. **В**. Что сближаетъ мѣщанина съ хлопомъ—не человѣкомъ въ Польщѣ? **О**. То, что онъ не можетъ пользоваться ни властью, ни правами, украшающими природу человѣческую. **В**. Почему же? **О**. Потому, что ему законъ не дозволяетъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, мѣщанинъ не можетъ достигнуть высшихъ церковно-іерархическихъ степеней, потому что законъ запрещаетъ ему быть игуменомъ монастыря или епископомъ извѣстной епархіи; не можетъ онъ имѣть и обнаружить воинскихъ доблестей, ибо законъ

не позволяетъ ему быть офицеромъ; не можетъ быть государственнымъ сановникомъ въ своемъ отечествѣ и сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, потому что законъ запрещаетъ ему пріобрѣтать землю въ собственность. Однимъ словомъ, мѣщанство въ Польшѣ не есть сословіе и не состоитъ въ числѣ гражданъ. **В**. Такимъ образомъ въ Польшѣ по городамъ нѣтъ и жителей? **О**. Жители городовъ имѣютъ такое значеніе, какъ города отечественные, города слагаются изъ своихъ особыхъ названій и изъ развалинъ, жители же ихъ украшаются давними привиллегіями, т. е. постояннымъ презрѣніемъ со стороны шляхты и притѣсненіями со стороны старостъ. **В**. Кто въ этой, такъ обширной странѣ, занимается торговлею, ремеслами и содержаніемъ корчемъ и питейныхъ домовъ? **О**. Евреи, потому что, сравнительно съ ихъ численностію, едва десятая часть націи занимается этими общественными отправленіями. **В**. Отъ чего же это? **О**. Отъ того, что всякая торговля и всякое ремесло также запрещается шляхтѣ по причинѣ важности этого сословія, какъ грѣхи запрещаются божественными заповѣдями и правомъ природы. При такомъ презрѣніи къ отправленіямъ городской жизни, евреи, какъ народъ пронырливый, лукавый, подлый и равнодушный къ презрѣнію, легко занимаетъ мѣсто городскаго сословія. **В**. Значитъ, шляхтичъ теряетъ права и покровительство своего сословія, какъ скоро онъ своимъ ремесломъ или торговлей является полезнымъ обществу? **О**. Точно такъ, потому что въ Польшѣ воровство или мошенничество считается не столько низкимъ, сколько торговля или ремесло. **В**. По этому можно думать, что шляхетское сословіе должно быть самымъ бѣднымъ? **О**. Напротивъ, сословіе это должно быть самимъ богатымъ, потому что оно въ Польшѣ тоже самое, что единодержавный монархъ на престолѣ. **В**. Выясни это опредѣленнѣе? **О**. Шляхта въ Польшѣ—это поземельный собственникъ, полно властный господинъ, неимѣющій надъ собой никакой власти, кромѣ того закона, который онъ самъ постановляетъ и котораго не исполняетъ, если это ему угодно, и вообще относится къ нему, какъ къ своему собственному произведенію. **В**. Кто налагаетъ и кто платитъ подать. **О** Налагаетъ подать шляхетское сословіе, а выплачиваетъ ее крестьянинъ, мѣщанинъ и жидъ,—нельзя же налагать подать на самаго себя. Если же шляхтичь и дастъ что

нибудь, то это называется пожертвованіемъ, для различія между господиномъ и подданымъ. **В**. Какія же другія права шляхетскаго сословія? **О**. Оно владѣетъ королевскими имѣніями, образовавшимися изъ имѣній или наслѣдственныхъ или конфискованныхъ; однимъ словомъ, царствующій король, изъ уваженія къ заслугамъ, обязанъ все раздавать, а самодержавная шляхта все захватывать. **В**. Какимъ образомъ король польскій получаетъ престолъ? **О**. Выбранный свободнымъ вотированіемъ, король зачинается, такъ сказать, въ утробѣ рѣчи-посполитой, подъ покровительствомъ шляхетской свободы, при содѣйствіи какого нибудь сосѣдственнаго государства. **В**. Какое значеніе имѣетъ король въ своемъ достоинствѣ? **О**. Король въ Польшѣ—это цѣлое сословіе, хотя онъ только единичная личность. **В**. Какое значеніе короля въ народномъ управленіи? **О**. При своемъ избраніи король сосредоточиваетъ въ себѣ всю власть, но по вступленіи на престолъ, онъ имѣетъ не большое значеніе. **В**. Какимъ же образомъ король имѣетъ большое значеніе при своемъ избраніи? **О**. Народъ, не желая самъ ничего дѣлать для общественнаго блага, удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей возлагаетъ на короля въ pactахъ conventахъ, поэтому въ моментъ своего избранія король имѣетъ тоже значеніе, какое долженъ имѣть весь народъ. **В**. почему же по вступленіи на престолъ онъ имѣетъ мало значенія? **О**. Потому что аристократическая власть пановъ, внося раздѣленіе въ среду шляхты, не даетъ королю никакой возможности что нибудь сдѣлать. Управленіе войсками, городскіе суды, распоряженіе государственными финансами, даже безопасность королевской особы, все сосредоточено въ рукахъ министровъ. **В**. Что же остается, послѣ этого, во власти короля? **О**. Созваніе сеймовъ, раздача должностей и утвержденіе ярмарокъ. **В**. Чьимъ же именемъ ограждается правосудіе въ судахъ? **О**. Именемъ короля, за исключеніемъ градскихъ судебныхъ позывовъ, которыя пишутся во имя старостъ и королевскихъ намѣстниковъ. **В**. Есть ли, и какого рода судьи въ Польшѣ? **О**. Есть, двоякаго рода: пожизненные и временные, покупные и наемные. **В**. какіе судьи пожизненные? **О**. Градскіе старосты, судьи земскіе,—это судьи пожизненные; судьи же въ трибуналахъ, въ коммисіяхъ, носящіе титулъ »ясьне-вельможныхъ пановъ,« —это судьи

временные. **В**. Какіе судьи покупные и какіе наемные? **О**. Градскіе старосты, пріобрѣтающіе деньгами свои староства вмѣстѣ съ судебнымъ управленіемъ,—это судьи покупные; судьи съѣзжающіеся на кондесценсіи (съѣздъ судей на спорныя земскія имѣнія),—это не покупные, а оплаченные, т. е. получающіе одновременно опредѣленную плату, особенно если имъ приходится только подписаться; судьи же въ трибуналахъ нанимаются при различныхъ договорахъ. **В**. Какъ это при различныхъ договорахъ? **О**. Есть депутатъ, который въ каждомъ тяжебномъ дѣлѣ обязанъ повиноваться такому то №№ ясьне-вельможному пану также точно, какъ эссаулъ, подстароста, экономъ и т. д. Только иногда нанимаютъ депутата для какого нибудь особеннаго дѣла, по рѣшеніи котораго онъ снова можетъ входить въ соглашеніе съ кѣмъ нибудь другимъ. **В**. Какія особенныя, привилегированныя права шляхетскаго сословія? **О**. Вольность (т. е. своеволіе) и равенство. **В**. Какимъ же образомъ равенство мирится съ распоряженіями Провидѣнія? **О**. Польскіе шляхтичи, какъ люди, одни богаты и бѣдны, ученые и неученые, умные и глупы. И однакожъ, помимо этого не равенства, шляхтичи всѣ равны между собою, что составляетъ самое важное преимущество изъ конституціи въ Польшѣ, какъ скоро кто имѣетъ счастіе быть шляхтичемъ, таковый уже не есть ни глупцемъ, ни бѣднымъ,—святое равенство возвышаетъ его надъ всѣмъ тѣмъ, что Промыслъ даетъ людямъ по частямъ. **В**. Когда это шляхецкое равенство является очевиднымъ для народа? **О**. Во время сеймовъ. **В**. Какъ долго одинъ бываетъ здѣсь равенъ другому? **О**. Также долго, какъ долго театральному актеру приходится быть Ахиллесомъ, Цезаремъ, Энеемъ, или какимъ нибудь другимъ богатыремъ. **В**. Какъ же это происходитъ? **О**. Въ каждой провинціи своимъ особымъ образомъ. **В**. Какимъ образомъ достигается это шляхетское равенство въ Великой Польшѣ? **О**. Въ Великой Польшѣ есть шляхтичи—бруковцы, (уличники) живущіе въ городахъ: это нищіе, лѣнивцы и пьяницы, а нерѣдко и бродяги. При наступленіи сеймиковъ богатѣйшіе помѣщики велятъ перешить на изнанку свои старые мундиры, пріодѣнутъ бруковцевъ; каждый привезетъ своихъ партизановъ, послѣ ихъ и называетъ своими панами братьями и чрезъ это вдругъ является уже равенство. **В**. Какимъ образомъ дости-

гается шляхетское равенство въ провинціяхъ мало-польскихъ? **О**. Паны имѣютъ тамъ общирныя наслѣдственныя имѣнія и большія староства, а въ нихъ—множество чиншовой шляхты, своею бѣдностію, простотою и повинностями нисколько не отличающейся отъ простыхъ земледѣльцевъ. Этой-то шляхтѣ они велятъ итти на сеймики, какъ на барщину избрать извѣстное лице посломъ или депутатомъ и, если выступитъ оппозиціонная партія, драться съ нею, какъ обыкновенно бываетъ въ этой странѣ при межевыхъ спорахъ. Этой же шляхетской толпѣ, собранной на сеймикъ, даютъ обильное количество водки, меду и называютъ ее панами братами, vivat вольность и равенство. И вотъ снова является шляхетское равенство: тотъ самый шляхтичъ, котораго эсаулъ кнутомъ выгоняетъ на полевыя работы, является здѣсь равнымъ своему господину. Тоже можно сказать о мелкихъ шляхтичахъ, живущихъ въ другихъ польскихъ воеводствахъ. **В**. Какая торговля въ Польшѣ? **О**. Торговля въ Польшѣ двоякаго рода: торговля земными плодами, удовлетворяющая общечеловѣческимъ потребностямъ, и торговля политическая, возникающая изъ фантазіи шляхетскаго сословія и свойственная только польскому народу. **В**. Какіе виды имѣетъ эта послѣдняя торговля? **О**. Она заграничная и внутренняя. **В**. Въ чемъ состоитъ торговля истыхъ поляковъ съ сосѣдственными государствами? **О**. Въ продажѣ сосѣдственнымъ кабинетамъ правительственныхъ мнѣній и государственныхъ таинъ: этой торговлей занимаются только сенаторы и министры, какъ лица чиновныя; мелкіе же шляхтичи являются здѣсь только какъ бы перекупщиками и мѣлочными торговцами. **В**. Какая внутренняя торговля истыхъ поляковъ? **О**. Продажа правосудія, наемъ на сеймики, продажа сана и чиновническихъ мѣстъ. **В**. Какую же выгоду представляетъ продажа сана и мѣстъ? **О**. Кто продаетъ ихъ, тотъ беретъ за нихъ деньги, какъ за товаръ, а между тѣмъ въ Польшѣ размножается чиновничество, вслѣдствіе сего къ сенаторамъ присоединяются эксъ-сенаторы, къ чиновникамъ—эксъ-чиновники и т. д. **В**. Кромѣ этихъ промысловъ, имѣютъ ли поляки еще какіе нибудь? **О**. Есть, уступка имѣній кредиторамъ per potioritatem. **В**. Какимъ образомъ происходитъ эта уступка и не есть ли она удовлетвореніе за долги? **О**. Такое значеніе имѣетъ она вездѣ, но не въ Польшѣ, гдѣ

расточительные паны, продавши свое имѣніе и задолжавшись больше, чѣмъ сколько позволяетъ ихъ состояніе, сбываютъ свои имѣнія за вдвое большую цѣну, чѣмъ стоятъ дѣйствительно. **В**. Какъ велика была доселѣ военная сила Польши? **О**. До сихъ поръ войска польскіе весьма малочисленны, онѣ двоякаго рода,— иностраннаго и собственно польскаго строя. **В**. Какъ велико было войско польскаго строя? **О**. Такъ велико, что каждый сенаторъ, каждый министръ и коронный сановникъ имѣлъ гусарскую или панцырную хоругвь для ношенія при вооруженіи. **В**. Какіе обязанности войска польскаго строя? **О**. Легкая дворянская кавалерія обязана собираться во генеральный собраніе, а войска—на радомскую коммисію и на сеймики для торжественной встрѣчи ясье-вельможнаго гетмана охранителя панской крови. **В**. Какіе обязанности войска иностраннаго строя? **О**. Въ Піотрковѣ и Люблинѣ, во время трибунальныхъ судовъ, поддерживать порядокъ и палить изъ орудій во время торжественныхъ обѣдовъ, даваемыхъ при тостахъ за цѣлость и благоденствіе республики. **В**. Кто начальствуетъ надъ войсками рѣчи-посполитой? **О**. Гетманъ. **В**. Что такое Гетманъ? **О**. Гетманъ—это великій вождь весьма сильнаго войска, вождь котораго булава переставъ быть страшною для враговъ, превратилась въ насиліе и самодержавіе, и сдѣлалась тяжкимъ бременемъ для гражданъ. **В**. Въ чемъ состоитъ такой авторитетъ гетманской власти? Въ разогнаніи сеймовъ, въ распространеніи подозрѣній о королѣ, въ насильственномъ выборѣ своихъ пословъ на сеймикахъ, въ доставленіи своихъ депутатовъ въ трибуналы, чтобъ исторгнуть чужое достояніе, словомъ, въ распоряженіи совѣтами и судами и, наконецъ, въ присвоеніи себѣ посредничества inter Majestatem et libertatam, королемъ и свободою. **В**. Если конституція рѣчи-посполитой состоитъ изъ такихъ противныхъ здравому смыслу таинствъ, то она, должно быть, часто подвергается тяжкимъ потрясеніямъ и бѣдствіямъ? **О**. Да, подвергается, но всегда сообразно съ своимъ правительствомъ и совершенно отлично отъ другихъ народовъ. **В**. Какъ нужно понимать это? **О**. Польская страна рѣдко страдаетъ отъ естественныхъ бѣдствій; не бываетъ въ ней вреднаго землетрясенія, рѣдко случается моровая язва, голодъ въ ней неизвѣстенъ, война невозможна. **В**. Почему же невозможна въ ней

война? **О**. Потому что если бы вздумали даже отнять у Польши Пруссію, часть Малой Польши и Литвы, то все это могло бы совершиться безъ войны, безъ пролитія крови, даже безъ выстрѣла. **В**. Какимъ же бѣдствіямъ подвергается рѣчь-посполитая? **О**. Она имѣетъ свои особыя несчастія, отличныя отъ несчастій другихъ народовъ какъ то: междуцарствія, конфедераціи, элекціи, насилія на выборахъ, примиренія, амнистіи: этими явленіями, по милости ея гибельной конституціи, такъ разстроивается и разслабляется республика, что ихъ весьма достаточно, для замѣны землетрясеній, эпидемій и послѣдствій раззорительныхъ войнъ. **В**. Что такое амнистія? **О**. Это точка терпѣнія стоическихъ философовъ, перенесенная въ конституцію польскаго правительства: когда во время междуцарствія открываются грабежи, разбои, пожары и другія насилія, рѣчь-посполитая все это извиняетъ, являя въ правительственныхъ дѣйствіяхъ слабость, а въ оскорбленіи гражданъ—терпѣливость.

Сумволъ вѣры польскаго правительства.

Вѣрую и признаю вольность польско-шляхетскаго сословія, виновницею безпорядковъ, притѣсненій и презрѣнія ближнихъ, лишившую хлопа правъ человѣческихъ, а мѣщанина—правъ гражданскихъ, отъ которой произошло самовластіе пановъ, породившее разладъ, подлость и раздѣленіе шляхты на партіи, проникнутыя духомъ мошенничества и дерзскаго насилія сильныхъ. Вѣрую, что король, лишенный правъ, терпитъ отъ преобладающей аристократіи упреки въ народныхъ бѣдствіяхъ часто даже незаслуженно. Вѣрую, что войско, казна, стража, юстиція и безопасность столицы, раздѣленныя между четырьмя управленіями, служатъ причиною притѣсненій, грабительствъ и несправедливости. Вѣрую въ подкупность государственныхъ чиновъ и пословъ, вѣрую въ ихъ сношенія съ иностранными министрами для общихъ своекорыстныхъ видовъ. Вѣрую въ воскресеніе иностраннаго преобладанія и неурядицъ, вѣрую въ прощеніе клятвопреступленія и измѣны и въ учрежденіе когда нибудь лучшаго правительства въ Польшѣ.

II.

Дипломатическая депеша лорда Гейтесбюри лорду Палмерстону, извѣщающая о перемѣнахъ, которыя Россія намѣрена произвести въ Польшѣ, и которымъ иностранныя державы не могутъ воспрепятствовать, потому что акты и условія вѣнскіе 1815 года, касательно Польши, очень неопредѣленны.

(Переводъ съ французскаго, изъ изданной въ 1862 г. въ Парижѣ книги Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762-1862, par le comte D' Augeberg. Paris, pag, 870).

Такъ какъ быстро приближается то время, когда должно ожидать, что рѣшеніе императора Николая касательно будущаго положенія Польши будетъ приведено въ исполненіе; то я, естественно, нетерпѣливо ожидаю отъ вашего превосходительства инструкцій самаго опредѣленнаго и положительнаго характера и подобныхъ тѣмъ, которыя ваше превосходительство сообщали мнѣ въ депешѣ, адресованной вами на мое имя минувшаго 22 марта.

Въ этой депешѣ, я получилъ наставленіе, что если бы я нашелъ, что со стороны русскаго правительства существуетъ какое либо покушеніе произвести радикальныя измѣненія въ политическомъ положеніи Польши, то я долженъ слѣдить за этими измѣненіями съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и въ энергическихъ выраженіяхъ дѣлать представленія противъ всякой мѣры такого рода, которая не будетъ строго сообразна съ условіями вѣнскаго трактата.

Но условія вѣнскаго трактата такъ неопредѣленны и общи, что въ политическомъ положеніи Польши можетъ быть

произведено полное и радикальное измѣненіе такъ, что не нарушится ни одно изъ этихъ условій.

Вѣнскій трактатъ говоритъ прямо: «Герцогство Варшавское присоединено къ Россійской имперіи. По своему устройству оно будетъ безвозвратно соединено съ нею, чтобы на всегда принадлежать Е. В. Императору всея Россіи, его наслѣдникамъ и пріемникамъ. Его Императорское Величество удерживаетъ за собою право дать этому государству, пользующемуся отдѣльною администраціею, такое внутреннее разширеніе [правъ], какое почтетъ приличнымъ. Къ другимъ своимъ титуламъ онъ присоединитъ титулъ царя и короля польскаго, согласно съ протоколомъ употребляемымъ и освященнымъ титуламъ, усвоеннымъ для другихъ его владѣній.»

«Поляки обязательные (respectifs) поданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительство и національные учрежденія», сообразно съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, какое каждое правительство, которымъ они принадлежатъ, найдетъ полѣзнымъ и удобнымъ даровать имъ.»

Въ числѣ документовъ, относящихся къ вѣнскимъ переговорамъ, которые, ваше превосходительство доставили мнѣ, я на самомъ дѣлѣ нахожу очень много разсужденій объ другихъ пунктахъ, но никакого обязательно положительнаго [документа] касательно польскаго королевства, кромѣ грамоты объ томъ устройствѣ, которое соединяетъ его съ Россійской имперіею и объ образѣ его отдѣльной администраціи.

Образъ отдѣльной администраціи легко понять: на этотъ счетъ не можетъ представиться никакого сомнѣнія; въ этомъ случаѣ предостереженія дѣлаются необходимыми. Но коституція, частныя формы которой нисколько необозначены, слово— самаго неопредѣленнаго значенія. Это слово само по себѣ не означаетъ даже необходимо представительной формы правленія, хотя и сказано *представительство*, если судить объ этомъ по введенію такого слова въ послѣдній параграфъ члена, относящагося самымъ исключительнымъ образомъ до польскихъ провинцій, не вошедшихъ въ составъ королевства. Одно слово *конституція* значитъ все или ничего. Чтобы быть понятнымъ оно должно быть опредѣлено.

Невидно чтобъ другія державы имѣли бы совмѣстныя доли

въ конституціи данной Польшѣ по заключеніи вѣнскаго трактата или гарантировали ее. Въ самомъ дѣлѣ для иностранныхъ державъ могло быть не возможнымъ гарантировать частную и опредѣленную форму правленія для страны. Императоръ Александръ удержалъ за собою право дать Польшѣ ту специіальную конституцію, которую онъ самъ почтетъ самою приличною для этой страны. Онъ далъ эту конституцію, которая однажды будучи дана, можетъ быть, давала бы намъ право смотрѣть на ее, какъ на особую форму правленія, предложенною трактатомъ и болѣе или менѣе исключительно поставленною подъ наше покровительство. Но въ такомъ случаѣ, съ другой стороны, представляется, что эта конституція во многихъ обстоятельствахъ была переиначена и видоизмѣняема, безъ малѣйшей аппеляціи къ иностраннымъ державамъ и безъ малѣйшей ноты съ ихъ стороны, сначала Императоромъ и, очень не давно и очень радикально, самими поляками въ то время какъ они отказали въ своемъ повиновеніи своему верховному повелителю. Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ, не обращаясь снова къ вашему превосходительству, не возможю опредѣлить до какой точки могутъ доходить видоизмѣненія, чтобъ не были разсматриваемы британскимъ правительствомъ какъ нарушенія существующихъ обязательствъ. Касательно національной арміи въ Польшѣ, послѣ всего происшедшаго, я совершенно убѣжденъ, что ни Австрія, ни Пруссія не воспротивятся ея уничтоженію, тѣмъ болѣе, что продолженіе ея существованія не составляетъ части условій вѣнскаго трактата. Франція можетъ очень безпокоиться на этотъ счетъ, но это конечно сдѣлаетъ Россію еще непоколебимѣе въ своемъ намѣреніи распустить эту армію.

Образъ воззрѣнія британскаго правительства на польскій вопросъ вообще совершенно извѣстенъ въ Санкт-Петербургѣ. Разговоръ вашего превосходительства съ княземъ Ливеномъ и сообщенія, которыя я обязанъ сдѣлать здѣсь не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ отвѣтахъ меня всегда увѣряютъ, что условія вѣнскаго трактата будутъ точно соблюдены; но это увѣреніе приводитъ къ малому чему либо или ни къ чему: впрочемъ я не уполномоченъ требовать болѣе, особенно съ моими настоящими инструкціями; и слѣдовательно если ва-

ше превосходительство почтете необходимымъ идти далѣе; то было бы кстати, чтобы ваши намѣренія были извѣстны мнѣ прежде, нежели будетъ сдѣлано какое либо рѣшительное распоряженіе. Что же касается до того, какое намѣреніе русское правительство можетъ принять для выполненія по совершенномъ замиреніи съ Польшею, думаю того никто не можетъ опредѣленно сказать и, быть можетъ, еще ничто не рѣшено. Но судя по ходящимъ слухамъ, я согласенъ вѣрить, что хотя королевство и сохранитъ свою цѣлость съ отличительною и отдѣльною администраціею; но тѣмъ не менѣе армія будетъ совершенно разпущена и конституція значительно видоизмѣнена. Такія мѣры не нарушатъ вѣнскаго трактата, но найдутся въ противорѣчіи съ тѣмъ смысломъ, въ какомъ заключенъ этотъ трактатъ.

»Гейтесбюри.«

№ 26.

материалы для исторіи брестской уніи.

I.

Указъ короля Сигизмунда III виленскимъ православнымъ жителямъ, предающій ихъ комиссарскому суду за построеніе новой Св. Духовской церкви въ Вильнѣ, за неповиновеніе уніятскому митрополиту Іосифу Рутскому и за признаніе ими православнаго митрополита Борецкаго и другихъ архіереевъ, поставленныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, законными своими пастырями. 1622 г. генваря 22.

(Списано съ подлинника, находящагося въ Архивѣ Полотской Духовной Консисторіи. Связка 30. № 8).

Жигимонтъ третій Божю милостью Король полский великий Князь Литовский руский пруский жомойтский мазовецкий ифлянтский а шветский кгодский вандалский дедичный (наслѣдственный) король.

Славетнымъ бургомистромъ райцомъ лавникомъ и посполству (народу) мещаномъ места нашого Вилна набоженства (богослуженія, исповѣданія) руского духовнымъ и светскимъ Ласка (милость) наша Королевская, словетнымъ намъ милымъ, ижъ множество звасъ неконтентуючисе (недовольствуясь) церквами Божими старыми давно вместе нашомъ Виленскомъ збудоваными фундоваными и надаными безволи и позволеня нашого господарского и безъ благословенства велебного отца митрополита, ва-

жилистесе (осмѣлились) збудовати церковъ новую вместе нашомъ виленскомъ светого духа, чого вамъ чинити негодилось и немелисте, бо вамъ того боронятъ и непозволяютъ права и привилея продковъ нашыхъ и звычаи давные, Анехотечи вы быти подъ послушенствомъ властнаго (собственнаго) пастеря своего велебного отца Езофа Вѳлямина руцкого Митрополита Киевского Галицкого и всее руси отъ насъ поданого и отъ власное зверхности духовное постановленого, нетолко набоженство свое втой церкви своволне ново збудованой отправуете, але и станъ (сословіе) *шляхетный* до себе затегаете старостами ихъ обираете, а станы шляхетскіе жадное (никакой) владзы вместе нашомъ немаютъ и мети немогуть, Кгдыжъ ихъ стану шляхетскому вместехъ нашихъ Королевскихъ пляцы домы шпихлеры (амбары) куповати имети для потребы и обыходу ихъ позволено, але церквей будовати безъ воли и позволеня нашого права и привилея продковъ нашыхъ и нашы непозволяютъ а овшемъ (а напротивъ) боронятъ, Абы надто наданя давные права и привилея пляцы домы каменицы (каменныя строенія) на церковъ и набрацтво монастыря светое тройцы отъ продковъ нашыхъ и отъ людей побожныхъ наданые и фундованые одеймуете, и до церкви светого духа черезъ васъ своевольне новозбудованое забираете и привлащаете (присвоиваете), бунты седыцые (возмущенія) противъ велебного отца митрополита чините и до суду головного трибунального и иншыхъ судовъ светскихъ, которымъ онъ зособы и ураду пастырского неподлегаетъ, неналежне позываючы права нанемъ переводите зверхность нашу господарскую увлачаете, и много непристойныхъ речей чыните, нетолько противъ велебному отцу митрополите и владзы его, Але и противъ зверхности маестату (величія) нашого господарского, яко то подчасъ той коли цесаръ турецкий зломавши (нарушивъ) покой (миръ) постановленый и присяжоный противко насъ войну подпалилъ (возжегъ) и на панства нашы звойски своими потужными (сильными) наступовалъ, чернцовъ кгрековъ шпекговъ (шпіоновъ) до москвы и до панствъ нашыхъ выправовалъ, абы москву противъ побудили, а ту въ панствахъ нашыхъ подданыхъ нашыхъ бунътовали, вы до тыхъ шпекговъ здрадецъ (измѣнниковъ) на тыхъ везалистесе за патрыарху Ерозолимского признавалисте, хочъ тотъ которыйсе меновалъ патріархою небылъ. Яко естъ певная

ведомость але нато отъ цезара турецкого до москвы былъ посланый абы на насъ москву побудилъ а впанствахъ нашыхъ бунты чинилъ а вы того кгречына за патрыарху признаваты, пенезми и инъшими вшелякими (всякими) потребами закладовъ (изъ складчинъ) своихъ давалисте и подмагалисте безъволи ведомости поданя и позволеня нашого *Борецкого* на митрополю, *Смотрицкого* на полоцкую архіепископію и наиншые влодыцтва люди злыхъ промовалисте (возводили) и всажалисте, тытулы преложенства (начальства) и владзы имъ неналежене, вцеркви светого духа черезъ васъ ново своволне збудованой з церемоніями и уберами Епископими набоженство отправовати допусчалисте, чого права и уставы церковные непозволяютъ и боронятъ, А вы ничого на права и уставы церковные и на зверхность маестату нашого господарского недбаючи то шточе одно вамъ пободило подчасъ войны впанстве нашомъ чинисте, непаметаючы и недбаючы на то же въ панствахъ нашыхъ Мы зволи и ласки Божое естесмы подавцою и оборонцою церквей Божыхъ и никто иншый метрополитовъ и владыковъ подавати неможеть, одно мы господарк сами, А вы противъ тое владзы и права маестату нашого *Борецкого* за митрополита, а *Смотрицкого* за влодыку полоцкого отъ того шпекга здрадцы нашого мнеманого патриархи Ерозолимского неслушне постановленыхъ признавалисте, пенезми и всякими потребами потаемными складками запомогалисте и сами ездилисте и послонцовъ своихъ зрозныхъ сторонъ посылалисте згромадою (толпою) немалою людей и поповъ своволныхъ Смотрицкого здрадцу нашого за влодыку полоцкого признавали и примовалисте и послушенство ему отдавалисте, и доместа нашого столечного вильна неиначей якобы зрамени нашого поданого впроводившы, набоженство втой церкви отъ васъ своеволне новой збудованой отправовати позволялисте, чого и власне отъ насъ поданый и слушне постановленый архиепископъ полоцкий, безъ воли и позволеня отца метрополита, яко вчужой дыецызии (епархіи) чинить неможетъ. Книги въ друкарни (типографіи) своее которое безволи нашое мети немають и немогуть усчипливые (оскорбительныя), достоенство нашое неслушне (несправедливо) и непристойне тыкаючи выдавалисте, а подчасъ поднесеня войны отъ неприятеля крыжа (креста) светого, бунты замешане

межы людми впанствахъ нашыхъ чынилисте и всѣ рѣчъ politую до великого небеспеченства (опастости) подати и привести усиловалисте, Ажесте вы сами били намъ чоломъ, абы есмо тую справу узнали и разправили обецуючисе стого, ошто и отъ ураду меского были есте сужоны и винными найдены справитисе и невинности показати.

Мы господарь зачолобитемъ вашимъ, а забегаючи тежъ абысе таковые бунъты вместе нашомъ виленскомъ недеели зъсылаемъ комиссаровъ нашыхъ спановъ радъ и урядниковъ нашыхъ зацныхъ (почтенныхъ) половина релеги римское и набоженства руского светое унии и половина релеги вашое греческое не въ унии светое будучыхъ вбозе. велебного ксендза *Яустахнуша воловича* бискупа виленского—латинскаго), Авелможныхъ *Яна Завишу* воеводы Витебского старосту суражского (въ 1599 г. перешедшаго въ латинство—см. Stebelski T. 2) *Януша Скумина Тыткевича* воеводу мстиславского, Старосту браиловского, (еще въ то время православного) *Адама Талвоша* Каштеляна Жомойтского *Крыштофа Нарушевича* подскарбего земского и ловчого нашого великого князства Литовского, А урожоныхъ *Миколая Тризну* подкоморія Слонимского *Юрья Мелешка* Хорунжого слонимского и *адама Хребтовича*; давшы имъ моцъ зуполную, абы они на насъ певный, (извѣстный) и завитый вроку теперешнемъ тисеча шестьсотъ двадцатвторомъ месеца марта первого дня вместе нашомъ столечномъ у вилни будьто на ратушу виленскомъ, албо гдесе имъ налепей видети будетъ, тое справы прослухали, разсудкомъ своимъ разсудили, и винныхъ водле выступку покарали, а такъ приказуемъ вамъ всимъ тамъ мещаномъ нашымъ виленскимъ, яко и попомъ которые набоженство вцеркви ново своволне збудованой, светого духа отправуете, абысте натотъ часъ и день помененый яко на року завитомъ, передъ комиссарами нашыми становилисте, и образу (оскорбленіе) маестату нашого господарьского о наступованье надостоинство и подаванье нашо, о зношене зъдрайцою нашымъ шпекгомъ турецкимъ и овладзу нашу и велебного отца митрополита, также о своеволное збудоване чрезъ васъ церкви светого духа и отправяване вней набоженства, о привлащене фундацый на-

даня правъ привилеевъ, брацтва церкви и монастыру старожитному светое тройцы належачыхъ, яко то вамъ все часу права шырей отъ инъстыгатора нашого и отъ велебного отца митрополита преложоно и показано будеть, яко на року завитомъ во всемъ скутечне (дѣйствительно) усправедливисте выроку (рѣшенія) комиссаровъ нашыхъ слухали, нивчомсе тому неспротивляючы, наконецсе совсего справили и розправили конечне, для ласки нашое господарское. Писанъ у Варшаве, Лета Божого нароженя тысеча шестьсотъ двадцати второго месеца генвара двадцать второго дня.

Sigismundus Rex. (**М. П.**) Кгедеонъ Трызна Секретаръ.

II.

Выпись изъ градскихъ книгъ витебскаго воеводства протестаціи уніятскаго митрополита, полотскаго архіепископа Антонія Селлявы на полотскій магистратъ и мѣщанъ, что они почти всѣ отпали отъ уніи въ православіе. 1646 г. Марта 21.

(Списано изъ подлинной выписи, находящейся въ Архивѣ Полотской Духовной Консисторіи, связка 30 № 67).

Лета отъ нароженя сына Божего тысеча шестсот сорокъ шестого месеца марца двадцат первого дня.

На враде господарскомъ икгродскомъ воеводства полоцкого, передомною яномъ лисовскимъ мечнымъ упицкимъ и подвоеводемъ полоцкимъ отъ ясне велможного пана его милости пана Януша Кишки воеводы полоцкого гетмана полного великого княжества литовского, старосты пернавскаго будучымъ. Оповедалъ и утяжливе жаловалъ в бозе превелебный ясне велможный его милость отецъ Антоний селява Митрополита Киевский галицкий и всея россии архиепископъ полоцкий витебский и мстиславский, за данемъ себе ведомости и таковое певное справы отъ велебного отца миколая брозки, протопопы витебского, также и отъ намесника витебского его мило-

сти пана томаша Селявы на словетныхъ (т. е. мѣщанъ) пана миколая гутора, пана данилу булата райцовъ, пана романовского пана романа козла лавниковъ, в року теперешнемъ тысеча шестсотъ сорокъ шостого, в ратушу витебскомъ мандатъ (указъ) отправуючыхъ а пры томъ и на иншыхъ всихъ бурмистровъ радцовъ и лавниковъ тогожъ места витебского, о томъ иж де помененые панове бумистры райцы и лавники места витебского, пропомневшы, то ижъ в прошлых летах за певные (извѣстные) выступъки свое сами, и все посполство витебское отпали были зъ гродского декрету отъ ихъ милостий пановъ комисаровъ отъ его Короля и пана нашого милостивого зосланыхъ, на нихъ ферованого (взнесеннаго), отъ всихъ правъ, свободъ и волностей месту витебскому служачыхъ, где тежъ въ тотъ часъ, по ферованю таковогодекрету комисарского, и по учыненю екцекуцыи право магдебурское у них отнято было которого и долго неуживали (не пользовались, не употребляли), ажъ нерыхло (нескоро) за прычыною ясне велможныхъ некоторыхъ ихъ милостей пановъ Сенаторовъ, А особливе и запрычыною моею, мене метрополиты и архиепископа полоцкого витебского и мстиславского Его Королевская милость панъ нашъ милостивый знову имъ всимъ мещаномъ витебскимъ право магдебурское надать рачилъ (изволилъ подтою однакожъ кондыцыею, же они вси мещане витебские старшые и меньшые совсими зъ жонами з детми и зовсими потомками своими, николи неотступне и неодменне до едности светое с костеломъ рымскимъ приступили, и под владзу и послушенство теперешнего Архиепископа полоцкого и витебского и по нимъ наступаючого поддали ее на вси прышлые потомные и вечные часы, а еслибы колижколвекъ отъ унии светое и отъ послушенства владыки своего витебского одорвали, през то само вси мещане витебские, отъ права магдебурского имъ наданого отпадать и оное тратить маютъ, чого пилно маистратъ витебский постерегать мелъ, абысе жадная церковъ схизматицкая в месте витебскомъ и около места не будовала и жаденъ (ни одинъ) сизматыкъ нетолко в маистрате але и в посполстве витебскомъ не былъ, яко обо всемъ шырей в томъ самомъ привилею отъ его Королевское милости на право магдебурское имъ наданомъ срокго (строго) и варовне естъ писа-

но и доложоно, Помененые теж панове бурмистры райцы и лавники места витебского, пропомневшы того всего што на нихъ презъ привилей его королевское милостю вложоно и самисе того доброволне стеречь терпеть и поносить, подняли, также пропомевшы доброволного листу запису своего и заруки двухъ тысячей копъ грошей вней заложоное, Нетолко абы мели посполство отъ схизмы одводить и оную з витебска выкоренять, Але сами будучы скрытыми схизматыками и на ошукане (обманъ) едности светое той собе прывилей у его королевское милости пана моего милостивого за прычиною моею на право магдебурское отрымали, бо в року теперешнемъ тысеча шестсотъ сорокъ шостого месеца марца одинадцатаго дня тые помененые панове бурмистры райцы и лавники места витебского незабежичи тумултовъ и седиціамъ (не предотвращая мятежей и смятеній) але будучы до оныхъ сами поводомъ допустили, впроводить разныхъ черцовъ дызуницкихъ до витебска, которые черцы дызуницкие з нимижъ самими бумистрами райцами и лавниками и посполстомъ витебскимъ которыхъ было до трехъ тысеч, арматно (вооруженно) зухвале (нагло) и помнозе, Ато все чынечы на взгарду (презрѣніе) едности светое спротивляючысе значне привилееви его Королевское милости под певною кондыцею (подъ извѣстнымъ условіемъ) имъ на то даною, мимо ведомость помененого отца миколая брозки протопопы витебского и всихъ иншыхъ свеценниковъ витебскихъ подъ владзею (властію) моею въ едности светой будучыхъ, смели и важылисе, тело змерное матки пана матвея лытки бурмистра тежъ витебского, ховать (погребать) и оной погребъ отправовать несучы тое тело в день неделный з места витебского мимо церквей и цвинтары (кладбища) униятские ажъ за место витебское, где тое тело матки своее тотъ помененый панъ матвей лытка бурмистръ з братомъ своимъ рожонымъ василемъ лыткою и з тыми черницами дызуницкими поховалъ пры згромаженю (при стеченіи) посполства (простаго народа), личбою (числомъ) вышей выраженой, недбаючы ничого на заруку заложоную, тысечу копъ грошей на его королевскую милость, также и непогледаючы за ничого на одпаднене права своего магдебурского, бо отецъ протопопъ витебский со всимъ духовенствомъ заразъ [сейчасъ] того часу енерала [вознаго] до магистрату

сего рочнего витебского посылалъ, жодаючы [требуя] абы таковѳго впроваженя [введенія] схизмы небыло, а затымъ и тумулты се недеяли закладаючы имъ помененую заруку, але они маистратъ витебский и сами на томъ погребе а втомъ тумулте будучы, тому всему початкомъ зостали и показалисе, зачымъ значне нетолко втую заруку тисечу копъ черезъ енерала заложоную, але и въ одпаднене права своего майдебурского попали, кгдыжъ заразъ потомъ своемъ учынку, на ратушу у витебску незаседаютъ, бо тотже отецъ протопопа витебский зиншыми свещенниками тамошними поколко разъ зъ енераломъ прыходилъ на ратушъ, лечъ [но] завше [всегда], ратушъ знашолъ замкненый откулсе значытъ же то все зъ споліное рады намовы и ведомости всемъ маистрату витебскому деетсе на уближене хвалы Бозкое и едности светое о што все хочеты спомененымъ маистратомъ витебскимъ правомъ чынить абы водлугъ кондыцый в прывилею описаной отъ права майдебурского отпали и тую заруку черезъ енерала заложоную тысечу копъ грошей литовскихъ, которую сами доброволне презъ листъ записъ мой на себе вложыли заплатили, просилъ его милость отецъ митрополита ижбы тое оповедане было до книгъ городскихъ полоцкихъ записано скоторыхъ и сей выписъ подъ печатю моею подвоеводскою, в Бозе велебному ясне велможному его милости отцу Антонему Селяве митрополите Киевскому галицкому и всей россии архиепископу полоцкому витебскому мстиславскому есть выдано писано у полоцку.

(М. П.) Коррикговалъ Нарушевичъ.

II.

ОЧЕРКЪ

дѣйствій папской пропаганды въ древней Руси и безуспѣшность ея въ покореніи русскихъ славянъ римской церкви.

»Отъ лѣтъ Святаго Владиміра, крестившаго Русскую«
»землю даже и до днесь, »говоритъ нашъ древній лѣтописецъ,«
»змій всепагубный возгнѣздившійся въ Костелѣ Италійскомъ,«
»всегда небесныя звѣзды отторгая, не только во Европіи, чет-«
»вертой части Вселенныя, но и на Востоцѣ, и Югѣ и Сѣверѣ«
»не почивая гонитъ. И лесть оттолѣ отъ многихъ лѣтъ про-«
«тязуется на Россію. Искусъ его въ посланіяхъ благовѣрнымъ«
»княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ облеченъ бысть.«
»Такожде и святыми Архіепископы Новаграда злый совѣтъ«
»его разорися. И надежная засылка оболченный волкъ во ов«
»чую кожу, шествовавый на осмый соборъ, Ісидоръ Митропо-«
»литъ проклятый погибе же. И Антономъ Поссевинуеомъ на-«
»дѣявся прельстити Царя Ивана Васильевича, и той осрамися.«
»А еже многими деньми искій не можетъ обрѣсти, и то не-«
»начаемо діаволъ восхитилъ къ поглощенію того насыщенія,«
»самовольно приведе. И уже чаяше конецъ злобѣ изблеванъ«
»видѣти. Но не у еще время временъ, и полъ времени испол-«
»нися, по откровенію Іоанна Богослова. Тѣмъ же и Господь«
»не отверже насъ.« [1]) Рѣзкій отзывъ о папѣ и его дѣйствіяхъ, но не удивительный въ устахъ нашихъ предковъ. Какъ бы предчувствуя будущее величіе и силу Россіи, папы очень рано

---

[1]) Слова древ. лѣтописца; см. Ист. Плат. ч. II. стр. 189.

еще прежде Владиміра Святаго, [1]) начали обнаруживать свои виды на Россію и употребили всѣ возможныя средства: и лесть, и угрозы, жесточайшія насилія, чтобы привести ее въ послушаніе себѣ. Тяжелы были для нашихъ предковъ эти замыслы западнаго владыки, [2]) но вмѣстѣ и спасительны.—Папа со всѣмъ своимъ могуществомъ, со всею ревностію доминиканцевъ и хитростію іезуитовъ, былъ для Россіи постояннымъ, самымъ строгимъ и дѣятельнымъ напоминателемъ ея высокаго назначенія—блюсти православіе во всей древней его чистотѣ. Чѣмъ непоколебимѣе стояли русскіе въ православіи, тѣмъ хитрѣйшія и сильнѣйшія употреблялъ папа средства къ покоренію ихъ своей власти, не скупясь ни на жестокости ни на обольщенія.[3])

Не успѣвъ подчинить Россіи своей власти при всеобщемъ обращеніи ея въ христіанство, и увидѣвъ, что князья русскіе готовы пользоваться могуществомъ папъ въ Европѣ только изъ политическихъ расчетовъ, [4]) папы прибѣгли къ обыкновеннымъ мѣрамъ своей пропаганды, гдѣ нельзя достигнуть цѣли силою оружія, тамъ нужно дѣствовать лестію и обратно. Обстоятельства союзныхъ Россіи областей и обстоятельства самой Россіи благопріятствовали папѣ, и онъ, объявивъ все-прощеніе и вѣчное блаженство всякому, кто, подъ знаменемъ креста, будетъ лить кровь человѣческую, [5]) внесъ огнь и мечь на сѣверѣ Россіи—въ Чудь и Ливонію, чрезъ сѣверныхъ же христіанъ, особенно шведовъ, а потомъ меченосцевъ,—[6]) и всякаго рода притѣс-

[1]) Римскіе миссіонеры были еще при Ольгѣ (см. Опис. Кіев. Соф. Соб стр. 58.—О перв. Хрис. Церк. у Славянъ. Маціев. стр 137. Жур. Мин. Нар. Прос. Іюль. 1843 года. Отд. II.) и при Ярополкѣ. Лѣт. Ник. стр. 62.

[2]) Никто столько Россіи бѣдъ не надѣлалъ, какъ папа римскій да ханъ крымскій, говорятъ наши православные русскіе въ своихъ пословицахъ. Кн. III стр. 40.

[3]) Примѣръ подобныхъ дѣйствій папы уніаты.

[4]) Великій князь Изяславъ, сынъ Ярослава, во время вторичнаго изгнанія своего изъ Кіева, обратился къ папѣ за помощію, съ обѣщаніемъ признать надъ собою какъ духовную, такъ и мірскую власть его. Но, взошедши на престолъ, онъ оставилъ посланіе папское безъ вниманія. Ист. Г. Р. т. II. стр. 82-84. Спб. 1818 года.

[5]) Ист. Г. Р. т. III. ст. 86-87. 141-144.

ненія на Югѣ—въ Галицію, чрезъ Венгрію и Польшу. [1]) Междоусобія за велико-княжескій престолъ отвлекали взоръ русскихъ князей отъ пограничныхъ русскихъ областей, а потому папы, возымѣвъ нѣкоторые успѣхи на сѣверѣ Россіи и въ Галиціи,[2]) заявили свои виды и на всю Русь. »Не заблужденія ли въ« »вѣрѣ раздражаютъ противъ васъ небо и причиняютъ бѣдствія« »всей странѣ вашей? »Писалъ папа Гонорій III ко всѣмъ князьямъ нашимъ. »Бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ« »истинѣ. Увѣщеваемъ и молимъ васъ письменно изъявить на« »то добрую волю.« [3]) И угроза и просьба остались безъ отвѣта. А между тѣмъ Галиція досталась умному Роману, который сильно стѣснилъ власть западнаго духовенства. Папа Иннокентій III обратился къ лести,—предложилъ Роману королевскій титулъ и власть надъ окрестными землями,—не преминулъ высказать нашимъ пастырямъ и о взятіи крестоносцами Константинополя, а потому »не безразсудно ли будетъ, » писалъ онъ,« »если часть не будетъ согласоваться съ своимъ цѣлымъ.[4])« Извѣстенъ отвѣтъ Романа римскому послу. Романъ умеръ, и Галиція опять сдѣлалась жертвою то венгровъ, то поляковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жертвою римскаго духовенства. Народъ же ни за что не хотѣлъ оставить обрядовъ Восточной церкви. [5]) Для большаго успѣха въ исполненіи своихъ намѣреній, папы учредили миссію изъ доминиканцевъ и францисканов (societas peregrinantium). И дѣйствительно, монахи эти успѣли проникнуть въ нѣкоторыя мѣста Руси и построили церкви латинскія въ Кіевѣ, Луцкѣ, Галичѣ, Перемышлѣ и пр. [7]) Нашествіе татаръ (въ 1224 г.) изпепелило всю Россію и разрушило все, что заведено было въ ней папою, [8]) но не прекратило въ папахъ желанія и надежды покорить ее своей власти.—Въ на-

---

[1]) Ист. Княженія. Псковс. ч. III. стр. 7, 8.

[2]) Ист. Г. Р. т. III. стр. 78.

[3]) Разсуж. о ерес. и расколахъ, соч. студ. Моск. Ак. Рудневымъ стр. 235, 236, 238-242.

[4]) Ист. Г. Рос. т. III. стр. 250.

[5]) Ист. Г. Рос. т. III., стр. 149.

[6]) Опис. Кіево-Соф. Соб. ст. 89.

[7]) Тамъ же стр. 90. прим. 51.

[8]) Тамъ же стр. 84.

деждѣ, что обезсиленная татарами Русь будетъ удобопреклоннѣе, папа тотъ-часъ началъ дѣйствовать на Галицію, объявилъ крестовый походъ въ сѣверныхъ странахъ противъ Финляндіи и Руси, не оставилъ въ покоѣ и поработителей Россіи-монголовъ съ намѣреніемъ и оттуда извлечь для себя выгоды въ отношеніи къ церкви русской. [1]) Въ Галиціи княжилъ въ то время мужественный Даніилъ, сынъ Романа. Помышляя о сверженіи ига, онъ объявилъ желаніе соединиться съ римскою церковію, съ условіемъ помощи противъ монголовъ. Возрадовался Иннокентій IV, тѣмъ болѣе, что на Руси уже 10-ть лѣтъ, не было митрополита и готовъ былъ признать всѣ обряды греческой церкви, называлъ его любезнѣйшимъ сыномъ и предлагалъ вѣнецъ королевскій. Не видя помощи, Даніилъ, не смотря ни на просьбы, ни на угрозы, отказалъ папѣ. [2]) Не успѣшенъ былъ и крестовый походъ. Юный витязь Александръ, разбитіемъ шведовъ на голову заслуживъ прозванiе *Невскаго*,—заставилъ трепетать и орденъ меченосцевъ. [3]) »Вѣдай,« писалъ папа къ Александру, убѣждая его лестію къ принятію римской вѣры, послѣ того какъ не успѣлъ склонить къ сему силою, »вѣдай, что »покорившись намъ, паче же Богу, ты будешь поставленъ вы-« »ше всѣхъ католическихъ правителей и мы всегда будемъ за-»ботиться о приращеніи твоей славы. [4]) Но искусъ его въ пос-« »лѣднихъ благовѣрнымъ княземъ облеченъ бысть«.—Такимъ образомъ папа ошибся въ своихъ расчетахъ на безсиліе и удобопреклонность Руси во времена ига татарскаго. Она крѣпилась и мужественно отражала насилія и затѣи папъ.—Перенесеніе митрополичьей каѳедры на сѣверъ Россіи и обстоятельства Литвы, Волыни и Польши, послѣ нашествія татаръ сдѣлались тягостными для югозападной русской церкви. Подъ владычествомъ князей дома Гедиминова, а потомъ Ягеллонова и потомъ подъ властію королей польскихъ, церьковь православная жестоко

---

[1]) Св. Петръ, митрополитъ московскій, долженъ былъ поспѣшить въ орду между прочимъ и для того, чтобы предупредить посольство нѣмецкое и отъ папы. Ист. Г. Рос. т. IV, прим. 245.

[2]) Тамъ же стр. 51-54.

[3]) Тамъ же стр. 26-31.

[4]) Hist. Russ. Monum. tom. 1 № LXVIII.

страдали отъ римскаго духовенства въ Литвѣ, Кіевѣ, Волыни и Галиціи. Но въ надеждѣ на единовѣрную сѣверную Русь, окрѣплявшуюся въ силахъ, юго-западъ напрягалъ всѣ свои силы къ отраженію папскихъ ударовъ.—На сѣверѣ Новгородцы мужественно отразили шведскаго короля Магнуса. [1]) Папа увидѣлъ, что напрасны будутъ всѣ его усилія и на юго-западѣ Россіи, пока не побѣдитъ самой Россіи, и рѣшился возвести на всероссійскую митрополію своего приверженца. Много обѣщало папѣ исполненіе этаго намѣренія! Онъ зналъ, что колеблющаяся подъ оттоманскими ударами Греція, которой такъ предана была Россія, сама желаетъ того, чего онъ такъ долго домагался— соединенія церквей, и что, слѣд., вся сила православія остается въ непоколебимыхъ пастыряхъ Руси, и грамотою къ патріарху константинопольскому возводитъ на митрополію русскую воспитанника своего, хитраго, уклончиваго, льстиваго Исидора. [2]) Но удѣлы прошли и силенъ былъ для всей Руси голосъ великаго князя московскаго. Неохотно пустивъ на флорентійскій соборъ, Василій низвелъ Исидора съ престола въ монастырь на заключеніе за своевольное подчиненіе церкви папѣ. [3]) »Литва »же и Русь о томъ не вняша.« [4]). Не внялъ юго-западъ Россіи Исидору, но туда поставленъ былъ митрополитомъ Григорій Болгаринъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Исидоромъ бѣжалъ изъ Россіи. [5]) И западное ученіе, нашедъ въ лицѣ его ревностнаго себѣ, стало распространяться на западѣ Россіи съ замѣтнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что этимъ краемъ управляли ревностные поборники папъ. [6]) Между тѣмъ Россія, свергнувъ иго татарское, быстро укрѣпилась въ силѣ, и начала силою оружія стѣснять успѣхи римскаго духовенства и на юго-западѣ. Іоаннъ III

---

[1]) Ист. Г. Р. т. IV стр. 262.

[2]) Грамоты папы къ патріарху о возведеніи Исидора на митрополію, см. Жур. Минист. Нар. Прос. 1841 г. ч. XXIX ст. Новыя извѣстія, извлеченныя изъ Ватиканской рукописи о Флорентійскомъ Соборѣ.

[3]) Ист. Г. Рос т. V. стр 280-295

[4]) Слова Новгородскаго лѣтописца, см. соч. Руд. о ересахъ и расколахъ, стр. 271.

[5]) Ист. Платона ч. 1. стр. 314.

[6]) Таковы были Казимиръ, Александръ и др. короли польскіе. О ерес. и раск. стр. 276, 277, 280-283.

Васильевичъ помышлялъ уже о присоединеніи Литвы. Съ другой стороны турки выхватили изъ рукъ папы Константинополь. Папа началъ умѣрять свои требованія, но тѣмъ ревностнѣе взялся за обращеніе Россіи въ папизмъ, онъ предложилъ Іоанну III руку греческой царевны Софіи, укрывавшейся въ то время съ отцемъ своимъ Өомою Палеологомъ въ Римѣ, съ тѣмъ чтобы русскіе приняли Флорентійскій Соборъ и участіе въ крестовомъ походѣ противъ турковъ, въ надеждѣ, что будущая царица, воспитанная въ папизмѣ, постарается окатоличить Россію. [1]) Но и послѣднее завѣщаніе Греціи было для насъ такъ же православно, какъ и первое.—Озлобился папа, но преемникъ Іоанна III Василій Іоанновичъ, взявъ Смоленскъ, доходилъ даже до Вильны, и потому православіе быстро начало возвышаться въ Литвѣ,—[2]) а Селимъ 1-й грозилъ порабощеніемъ самому папѣ;—такимъ образомъ, папа, какъ бы по необходимости, обратился къ вел. князю уже съ просьбою о соединеніи съ нимъ, обѣщая не умалять и не перемѣнять добрыхъ обычаевъ и законовъ Россіи, возвесть митрополита нашего на степень патріарха, а вел. князя въ королевское достоинство. Успѣха опять небыло. [3]) Впрочемъ не осталась въ покоѣ Россія. На главу римскихъ первосвященниковъ все болѣе и болѣе собиралось ударовъ. Сверхъ опасности со стороны турковъ, на западѣ созрѣла въ это время и во всей силѣ развилась реформація. Папа Климентъ VII опять обратился къ Василію Ивановичу съ прошеніемъ не отвергать больше союза съ Римомъ въ надеждѣ, что вел. князь не откажется дѣйствовать противъ турковъ [4]) и, не получивъ желаннаго, онъ началъ выжидать болѣе удобнаго случая. Іоаннъ IV Грозный самъ искалъ помощи у папы противъ Стефана Баторія. Миръ съ Польшею заключенъ,—но въ преніяхъ вѣрѣ съ Поссевиномъ пылкій царь грозно отозвался о папѣ. [5]) Оскорбленный езуитъ удалился, и папа, наблюдая изъ

---

[1]) Ист. Гос. Россійскаго т. 17. стр. 58-64.

[2]) Опис. кіево Соф. Соб. стр. 119.

[3]) Ист. Г. Р. т. VII стр. 99, 100. прим. 189.

[4]) Переписка папъ съ русс. государями стр. 3-26.

[5]) Ист. Г. Росс. т. IX, стр. 357-368. Іоаннъ между прочимъ сказалъ: »кто живетъ и учитъ не по ученію Христову,« »тотъ папа волкъ, а не пастырь.«

дали чрезъ езуитовъ за ходомъ дѣлъ въ Россіи, придумывалъ тѣмъ сильнѣйшій ударъ для нея, чѣмъ въ большей опасности находился самъ. Случай и средство скоро открылись. Съ Грознымъ кончилась владѣтельная династія Рюрика. На престолъ рускій взошелъ Годуновъ, но тѣнь убіеннаго имъ царевича Димитрія сильно волновала умы Россіи, и мнимый намѣстникъ Христовъ не устыдился употребить всѣ усилія, для достиженія своихъ цѣлей, возвести на всероссійскій престолъ предавшагося ему бродягу. [1]) »Благословенъ Богъ и Отецъ Господа наше-« »го Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ,« писалъ Павелъ V къ Самозванцу, узнавъ о возшествіи его на престолъ. [2]) Не долго въ прочемъ папа лилъ радостныя слезы. [3]) За приверженность къ латинству, народъ скоро убилъ Самозванца, какъ еретика.[4]) Тяжело было папѣ и Польшѣ, чрезъ которую онъ дѣйствовалъ, выпустить Россію, такъ сказать изъ рукъ, и они вознамѣрились воспользоваться бѣдствіемъ Россіи и сокрушить въ ней державу и православіе, подобно какъ въ Литвѣ. [5]) Поляки, ревностные поборники папы, снова отыскали человѣка, который ничѣмъ не отличался, кромѣ безстыд-

---

[1]) Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что первый Самозванецъ былъ орудіемъ папистовъ. Исторія дѣйствій папы и езуитовъ въ семъ дѣлѣ, см. Ист. Рус. Цер. пер. патріарш. стр. 128-134., Рига 1847 г., также „Современникъ" № 4. Апрѣль 1848 г. Обзоръ событій Рус. Ис., отъ конч. цар. Ѳед. Ив. до дома Романовыхъ.

[2]) Hist. Russ. Monum. t. II. № LXXVI.

[3]) Папа къ Самозванцу писалъ, что онъ, узнавши отъ Ез. Лавицкаго о его царск. дѣлахъ не могъ удержать радостныхъ слезъ. Hist. Russ. Monum. t II № LXXVI.

[4]) Ист. Плат. ч. II стр. 155-157. Маржеретъ, Беръ, Детуховорятъ, что во время общаго возставія боярскій сынъ Григ. Волуевъ, протѣснясь сквозь толпу, сказалъ: „чего толковать съ" „еретикомъ. Вотъ я его благословлю польскаго свистуна." Скаэ. Соврем. о Самозв. Спб. 1834.

[5]) Цѣль похода поляковъ въ Россію опредѣлена была публично.— овладѣть рус. престоломъ и ввесть унію. Сборн. Мухан. стр. 188-191.— Тоже выражено и въ манифестѣ царя Ивана Васильевича. Ис. Плат. ч. II стр. 184.

ства и дерзости, [1]) назвали его спасенымъ Димитріемъ и подъ знаменами его успѣли разорить Россію, ниспровергнуть даже державу, но не православіе. Голосъ церкви, въ лицѣ пастырей спасъ православную Русь, [2]) и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ польской партіи исчезло и вліяніе папы, а слѣд. и послѣдніе надежды на подчиненіе себѣ Россіи. Съ начала XVII столѣтія папы стали смотрѣть иными глазами на Россію и ея сношенія съ римскимъ дворомъ почти совершенно прекратились. Не отказываясь впрочемъ отъ честолюбивой мысли дѣйствовать на Россію, папы чрезъ своихъ нунціевъ изъ Польши, постоянно слѣдили за состояіемъ умовъ Руси. [3]) Съ восшествіемъ на московскій престолъ Михаила Θеодоровича Русь окрѣпла и папы перестали и думать о ней. Спустя уже 100 лѣтъ, т. е. въ 1717 г., когда Петръ Великій во второй разъ путешествовалъ по Европѣ и былъ въ Парижѣ, папа, узнавъ о цѣли его путешествія и о томъ что дѣлалъ русскій царь для просвѣщенія своего народа, обратился къ прежнимъ покушеніямъ ввести римскую вѣру въ Россію; римское духовенство, послушное папскимъ инструкціямъ, [4]) не давало покоя Петру, но всѣ ихъ старанія остались тщетными: царь объявилъ Сорбоннѣ, что это не его дѣло, а дѣло духовенства; духовенство же русское рѣшительно обличило коварство затѣй папскихъ. [5]) Съ тѣхъ поръ не было явныхъ покушеній папскихъ на Россію, хотя по временамъ и проникали въ нее хитрые езуиты. [6]) За то жестоко страдала единовѣрная намъ Западная Русь подъ правленіемъ

---

[6]) Ис Г. Р. т. XII стр. 59.

[2]) Извѣстны дѣйствія Патр. Гермогена, Келаря Палицына и иноковъ Сергіевой Лавры.

[3]) Жур. Мин. Нар. Прос. 1844 г. ч. XII. отд. VI. стр. 19.

[4]) Документы, свидѣтельствующіе о сихъ покушеніяхъ папы, см Hist. Russ. Monum. t. II. подъ 1717 годомъ; ихъ числомъ десять.

[5]) Отвѣтъ Сорбонской Академіи, см. соч. Θеоф. Прокоп. книга III. Москва 1805 года.

[6]) Езуиты выгнанные изъ Россіи въ 1719 г., при Петрѣ 1-мъ въ 1801 г. явились опять изъ Бѣлоруссіи, но скоро (въ 1813 г.) выгнаны изъ Спб., а потомъ (въ 1820 г.) совсѣмъ изъ Россіи. См. Высоч. утвержден. докл. Министер. Духов. дѣлъ 1820 г. Марта 13.

Сигизмунда III, а потомъ еще сильнѣе отъ своеволія польскихъ магнатовъ и папской пропаганды, не слушавшихъ ни короля, ни сильныхъ нотъ русскаго двора, пока наконецъ не погибла сама Польша. И Западная Русь въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ боровшаяся съ римскою церковію, по одному кроткому привѣту православной матери своей, со всею силою любви,слилась въ одно семейство. Такимъ образомъ папа, дѣйствуя на Россію хитро и жестоко болѣе VII вѣковъ, ничего не успѣлъ, хотя и успѣвалъ иногда (два три раза) возводить своихъ приверженцевъ на всероссійскій царскій и митрополичій престолы. Предки наши все вытерпѣли, утѣшая и ободряя себя тою мыс- »лію, что »не осталось на землѣ ни единаго царства православ-« »наго, кромѣ русскаго.« [1])

Неудивительно, впрочемъ, почему папы, не смотря на рѣшительную непреклонность русскихъ измѣнить православію и принять унію римскимъ съ престоломъ, во все время существованія Россіи, употребляли всѣ возможныя средства къ покоренію ея своей власти. Кромѣ честолюбія обладать, »без-« »численными какъ звѣзды, Руссами,« [2]) и желанія обезсилить тѣмъ ненавистную для папъ, за укоры ихъ въ отступленіи отъ православія, Грецію,—кромѣ выгодъ, какія они моглибы извлечь изъ могущественной Россіи противъ турковъ и реформатовъ, [3]) одна уже непреклонность русскихъ должна была усилить упорство гордыхъ владыкъ Запада—настоять на своемъ. Вообще человѣкъ чѣмъ больше видитъ препятствій для полученія желаемаго, тѣмъ сильнѣе къ нему стремится. Какъ же было отказаться отъ Россіи и сознаться въ собственномъ безсиліи тому,

---

[1]) Ист. Г. Р. т. V пр. 381.

[2]) Такъ писалъ епископъ краковскій Бернарду, посланному обращать руссовъ въ латинскую вѣру около половины VII вѣка. Ис. Г. Р. т. III прим. 112.

[3]) Албертъ Кампензе, одинъ изъ приверженцевъ папы, въ письмѣ къ Клименту VII, обѣщая папѣ безсмертіе въ потомствѣ за обращеніе Московіи, страны многолюдной, писалъ, »что отъ одной мысли о семъ лютеране, эти неистовые без-" „умцы, дерзнувшіе возстать противъ чести и могущества" „престола папы, застонутъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ," что помощь Московіи очень важна и противъ турковъ. Библіот. иностр. писателей о Россіи, письмо Алберта Кампензе, стр. 10

который повелѣвалъ не только Европою, но и въ другихъ частяхъ свѣта,—предъ которымъ смирялись могущественные монархи и который имѣлъ уже подобныя дѣла съ единоплеменными русскимъ славянами и побѣдилъ ихъ съ меньшимъ усиліемъ? Но почему русскіе, всегда послушные греческимъ патріархамъ и ничего важнаго не дѣлавшіе безъ нихъ въ церкви даже и тогда, когда патріархи подпали подъ иго турецкое,—ни зачто не хотѣли измѣнить православію и покориться могущественному папѣ? Рѣшеніе этаго, самаго по себѣ достойнаго вниманія, вопроса откроетъ намъ съ одной стороны, пути Промысла Божія въ избраніи Россіи хранительницею православія и веденіи ея къ нынѣшнему могуществу,—съ другой,—покажетъ, какъ русскіе исполнили свое высокое назначеніе.

»Отцы наши приняли вѣру отъ грековъ,« вотъ общій, кроткій, но многозначительный отвѣтъ русскихъ на всѣ папскія покушенія. Высказанный еще Св. Владиміромъ римскому миссіонеру, [1]) онъ, какъ завѣтъ священный, всегда былъ повторяемъ предками нашими, когда только отвѣчали они папамъ. [2]) И нельзя было иначе и лучше отвѣчать докучливымъ, желавшимъ вызвать русскихъ на споръ о вѣрѣ, папистамъ.—Отцы наши приняли вѣру отъ грековъ, слѣдовательно, папы должны были уважить уже одно это патріотическое чувство русскихъ къ памяти своихъ отцевъ и давности православія въ Россіи. Но въ сихъ словахъ заключается еще болѣе глубокая и умная мысль. Отцы наши приняли вѣру отъ грековъ, но не случайно, не подъ вліяніемъ какого либо авторитета. Къ нимъ приходили миссіонеры различныхъ вѣроисповѣданій,—были и римскіе. Но на предложеніе вел. кн. Владиміра о перемѣнѣ вѣры и о бывшихъ миссіонерахъ, старцы сказали »государь, всякій человѣкъ« »хвалитъ вѣру свою: ежели хочешъ избрать лучшую, то пош-«

---

[1]) Нест. по Кенигс. см. стр. 74.

[2]) Отвѣтъ новгородцевъ Магнусу, см. Ист. Плат. ч. I. стр. 173. Приказ. В. К. Василія Васильевича Исидору, отправлявшемуся на Флорент. Соборъ. Ис. Г. Р. т. V. стр, 280. Отвѣтъ папѣ В. К. Василія Ив., тамъ же т. VII, пр. 191. Отвѣтъ папѣ Алек. Невск. Ис. Рус. Цер. пер. 2. стр. 63. Мос. 1847 г. Отвѣтъ Сорбонской Академіи Ѳеоф. Прокоп. соч. кн. III и проч.

»ли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ« »достойнѣе покланяется Божеству,« [1]) и, только по испытаніи вѣръ десятью избраннѣйшими мужами, они приняли вѣру отъ грековъ въ то время, когда латиняне уже отдѣлилися отъ Востока. Слѣд. предки наши имѣли достаточныя причины къ принятію христіанства изъ Греціи, а не изъ Рима, и мы »увѣрены въ истинѣ« православія,) къ чему же намъ новые учители.[3]) Что могли возражать папы на этотъ отвѣтъ? Одно развѣ то, что греки, а не римляне отпали отъ православія, а потому безразсудно русскимъ пребывать въ заблужденіи потому только, что ошиблись ихъ предки? Но въ прежнемъ отвѣтѣ русскихъ заключается уже какъ слѣдствіе, отвѣтъ и на это возраженіе: отцы наши приняли вѣру отъ грековъ, если хочете спорить о вѣрѣ, то идите въ Царьградъ къ грекамъ, [4]) нашимъ древнимъ учителямъ. Такимъ образомъ русскіе, мудро уклоняясь отъ споровъ о вѣрѣ съ папами, этимъ самымъ отвѣтомъ обнаруживаютъ и то, что они имѣли причины по которымъ не приняли римско-католическаго вѣроисповѣданія. Эту мысль прямо выразилъ царь Іоаннъ Грозный Поссевину, когда хитрый езуитъ, желая вызвать царя на споръ о вѣрѣ и избѣжать древняго отвѣта, началъ рѣчь свою съ того, что греки, а не римляне, отдѣлились отъ православія, въ чемъ сознались уже сами греки, принявъ флорентійское единеніе. »Греки для насъ—не Евангеліе, сказалъ грозный царь,—мы вѣримъ Христу, а не грекамъ. [5]) Слѣд. для полнаго рѣшенія вопроса: почему папы не имѣли почти никакого успѣха въ Россіи, необходимо показать: 1) почему отцы наши приняли вѣру отъ грековъ, а не римлянъ, и 2) почему, принявши ее ни зачто не хотѣли измѣнить православію и покориться папѣ?

I.

Вся исторія предковъ нашихъ до всеобщаго принятія ими христіанства и въ избраніи православной вѣры, при всей тем-

---

[1]) Нест. по Кенигсб. стр. 77.

[2]) Изъ отвѣта новгородцевъ Магнусу.

[3]) Изъ отвѣта Алек. Нев.

[4]) Такъ и отвѣчали новгородцы. Ис. Плат. ч. I. стр. 173.

[5]) Ист. Г. Р. т. IX. стр. 349-364.

потѣ своей, есть ясное выраженіе Божественнаго Промышленія о Россіи и мудраго, хотя, быть можетъ, не со всѣмъ понятнаго для самыхъ русскихъ, соотвѣтствія ихъ Божественному о нихъ предопредѣленію.—Какъ нѣкій новый Богоизбранный Израиль, славяно-руссы издревле избираются и предуготовляются въ сосудъ храненія православной вѣры. Еще въ глубокой древности они сближаются съ греками, народомъ самымъ просвѣщеннымъ, долженствовавшимъ быть въ послѣдствіи свѣтильникомъ православія. Связь эта усиливается именно тогда, когда греки сдѣлались христіанами, и такимъ образомъ, славяне не чувствительно привязываются къ православной вѣрѣ Греціи. Оттуда же, какъ даръ неба, является къ намъ славянскій переводъ Божественныхъ книгъ, окончательно расположившій ихъ къ принятію православной вѣры греческой и положившій непреодолимую преграду властолюбивымъ замысламъ римскихъ первосвященниковъ. Наконецъ, дабы защитить русскихъ даже отъ самыхъ нападеній папы, и дать глубоко вкорениться въ нихъ православію, они совершенно отдѣляются отъ запада и въ отношеніи политико-географическомъ. Но съ другой стороны и самъ этотъ новый Израиль былъ осмотрительнѣе и постояннѣе древняго. При всей предрасположенности къ грекамъ, русскіе, при избраніи вѣры, не довѣряютъ сами сѣбѣ, и съ умомъ здравымъ и сердцемъ чистымъ, съ однимъ только желаніемъ узнать какой народъ достойнѣе покланяется Божеству,—безпрестанно испытуютъ различныя вѣроисповѣданія. Но для сердца русскихъ, готоваго къ принятію одной только истины, не нравятся нѣкоторыя злоупотребленія церкви римской, и здравый умъ ихъ понялъ несоотвѣтствіе дѣйствій папы при распространеніи христіанства съ духомъ религіи, и русскіе не соблазнились примѣромъ своихъ единоплеменниковъ, отпадшихъ отъ Востока, [1]) приняли православную вѣру греческую. Дабы полнѣе видѣть, какъ все это болѣе и болѣе предрасполагало русскихъ къ принятію вѣры изъ Греціи и отклоняло ихъ отъ Рима, разсмотримъ по возможности всѣ эти обстоятельства подробнѣе.

Внимательно читая исторію нашихъ предковъ мы замѣтимъ,

---

[1]) **Славяне исповѣдующіе теперь римско-католическую вѣру, первоначально всѣ были просвѣщены христіанствомъ изъ Греціи, см. Ис. первоб. Церкв. у Слав. Маціевскаго.**

что они обитая въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, имѣли сношенія съ греками. Пріятность, богатство и выгода мѣстоположенія, занимаемаго славянами на берегахъ Чернаго моря, были причиною того, что греки очень рано начали заводить между ими свои колоніи. Уже въ VII вѣкѣ до Рождества Христова на берегахъ Чернаго моря было греческое поселеніе, извѣстное подъ именемъ Ольвіи. Съ будинами, славянскимъ народомъ, еще до Геродота, жили Гелоны, по происхожденію греки, вѣроятно такъ названные славянами вмѣсто Еллиновъ.[1]) Но не въ этомъ собственно заключается причина той тѣсной связи, которая постоянно до позднѣйшихъ временъ существовала у грековъ съ славянами. Просвѣщенные греки очень рано сознали неудовлетворительнось собственной языческой религіи, и, пользуясь утонченнымъ образованіемъ азіатскихъ народовъ, начали, съ одной стороны, входить въ сношенія съ таинственнымъ и суевѣрнымъ Египтомъ, съ другой по направленію на Западъ, а болѣе на Сѣверъ, заимствовали религіозные обряды и мистеріи, по словамъ Платона, отъ варваровъ, т. е. отъ Фракійцевъ и Скиѳовъ[2]). Это свидѣтельство Платона, достовѣрное уже и потому, что греки, живя между славянами, естественно должны были мѣняться своими религіозными обрядами и вѣрованіями, подтверждается и всею послѣдующею нравственно религіозною жизнію славянъ. Исторія убѣждаетъ насъ, что чѣмъ народъ образованнѣе, тѣмъ онъ благороднѣе по нравамъ и возвышеннѣе въ понятіяхъ о вѣрѣ;—но она же показываетъ намъ и то, что славяне, находясь на низшей степени образованія, при самомъ появленіи своемъ на сценѣ свѣта, отличились предъ прочими тогдашними европейскими народами кротостію нравовъ и болѣе основательными понятіями о вѣрѣ. Это явленіе трудно объяснить, не допустивъ означеннаго свидѣтельств. И дѣйствительно греки, какъ говоритъ одинъ современный намъ историкъ, »трудясь« »надъ усовершенствованіемъ своей языческой религіи, перенятыя« »ими отъ преданнаго таинственности Сѣвера религіозныя поня-« »тія преобразовали, совершенствовали и снова пересылали«

---

[1]) Ис. Г. Р. т. I. стр. 5—7. Ист. первоб. Церкв. у Слав. Маціевс. стр 21.

[2]) Въ разговорѣ его: Cratylus, opera Plat. 1578 г. стр. 425.

»на Сѣверъ.« [1]) Въ числѣ таковыхъ мнѣній они передали славянамъ и понятіе своихъ философовъ о единомъ, высочайшемъ существѣ. Славяне же на низшей степени образованія, съ радушіемъ принимали отъ грековъ всѣ религіозныя понятія, тѣмъ болѣе что онѣ были большею частію ихъ родныя, только въ совершеннѣйшемъ видѣ,—но не оставляли и прежнихъ своихъ баснословныхъ вѣрованій. И отъ сего то именно смѣшенія, по замѣчанію того же ученаго, произошла та страшная путаница въ славянской миѳологіи, которая и доселѣ затрудняетъ ученыхъ.[2]) Не смотря впрочемъ на всю эту миѳологическую путаницу славянъ, у нихъ осталось до позднѣйшихъ временъ священнымъ и непрекословнымъ понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и который печется только о небесномъ, избравъ другихъ низшихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Его то, по мнѣнію исторіографа, именовали они преимущественно Бѣлымъ Богомъ, и не строили ему храмовъ, воображая что смертные не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія. [3]) Впрочемъ необразованные славяне, пріемля столь возвышенныя религіозныя понятія отъ просвѣщенныхъ грековъ, не могли идти за нимы быстрыми шагами по пути религіознаго развитія. Греки, трудясь надъ усовершеніемъ своей религіи, скоро увидѣли, что въ этомъ дѣлѣ безсильны однѣ человѣческія усилія, а необходима высшая помощь и безъ фанатизма покланяясь своимъ божествамъ, они вмѣстѣ съ своими философами, тосковали о чемъ то лучшемъ и ожидали того, который поправъ язычество, исправилъ бы ихъ нравственность и одухотворилъ бы человѣка новою жизнію. Отъ того, когда явился Спаситель міра, Іисусъ Христосъ, греки, прежде всѣхъ съ жаромъ приняли вѣру Христову, и среди ихъ св. Апостолы нашли самыхъ ревностныхъ послѣдователей христіанства, готовыхъ умереть за св. вѣру. Для славянъ же, въ то время не понятна была эта тоска грековъ, не знали они необходимости и въ исправленіи своей жизни, и, передоставленые собственнымъ опытомъ дойти до этого состоянія, чтобы въ послѣдствіи, подобно грекамъ,

---

[1]) Маціевскій Ист. перв. Церкв. у Слав. стр. 2.

[2]) Маціевс. Ис. перв. Цер. у Слав. стр. 2.

[3]) Ис. Г. Р. т. I. стр. 82, прим. 164.

быть вполнѣ готовымъ хранилищемъ православія, они, и въ особенности славяно-руссы, потому между прочимъ и до тѣхъ поръ коснѣли въ язычествѣ, пока не убѣдились въ ничтожествѣ собственной религіи. Урокъ заданный греками, изученъ вѣковою жизнію, и славяно-руссы, подобно грекамъ, дѣлаются столь же ревностными поборниками православія, готовыми и умереть за св. вѣру. Правда, предъ всеобщимъ принятіемъ вѣры Христовой нашими предками исторія представляетъ намъ какъ будьто противное явленіе. Вел. князь и народъ со всею ревностію язычниковъ желаютъ принесть неслыханную дотолѣ у нихъ жертву своимъ богамъ. [1]) Но это было последнее испытаніе силы религіи,—испытаніе души, истомившейся подъ чувствомъ ея ничтожества. [2]) Жертва принесена, но не удовлетворила душѣ русскихъ. Это замѣтили сосѣдніе народы и прислали своихъ миссіонеровъ. Замѣчательно, что на предложеніе Владиміра о приходившихъ послахъ и о перемѣнѣ вѣры, ни самъ князь, ни народъ не упомянули даже о важности прежней своей вѣры, какъ бы стыдясь и воспоминать о ея ничтожествѣ. Всѣ ожидали удобной минуты высказаться и предложили только испытать, какой народъ достойнѣе покланяется Божеству. Такого явленія, равно какъ и всеобщаго, одновременнаго принятія русскими христіанства, нельзя объяснить одною безпредѣльною покорностію народа своему повелителю, или чѣмъ нибудь подобнымъ. [3]) Исторія представляетъ намъ, что народъ ни за

---

[1]) Ист. Плат. ч. I. стр. 21

[3]) Чувство ничтожества собственной религіи естественно не вдругъ проявилось въ русскихъ. Его сознавали избраннѣйшіе, какъ напр. Ольга, и прежде, но стыдились или боялись выварužить его,—какъ напр. Святославъ не по приверженности къ язычеству не принялъ христіанства, а по стыду и боязни открыться »могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною“. Ист. Г. Р. т. I. стр.170. Ярополкъ, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, любилъ христіанъ, и самъ не крестился только потому, что боялся, а другимъ креститься не запрещалъ. Введ. въ Ис. Рус. Церк. стр. 328. Спб. 1864 год.

[3]) Притомъ повелительный голосъ князя идти на рѣку и креститься не только не смутилъ русскихъ, а даже принятъ

что такъ усердно не стоитъ, какъ за вѣрованія религіозныя,— и никакая сила, даже самая смертъ не въ силахъ заставить ихъ, пока онъ самъ не дойдетъ до сознанія необходимости сдѣлать это. Такимъ образомъ вся послѣдующая жизнь славянъ была слѣдствіемъ той давней связи ихъ съ греками, которая сильнѣе всѣхъ общественныхъ обязательствъ, потому что имъ даетъ силу только авторитетъ религіи,—крѣпче узъ родства физическаго, поколику крѣпче его родство духовное, и могущественнѣе власти завоевателя, безъ сближенія религіознаго, по свидѣтельству опыта, составляетъ слабое и не дѣйствительное средство къ удержанію побѣжденныхъ въ постоянной зависимости и крѣпкой, неразрывной связи съ собою. Какъ же было русскимъ, по одному уже этому, при перемѣнѣ вѣры, забыть свою вѣковую тѣсную связь ихъ съ греками, и обратиться къ латинянамъ? Христіанство должно было прекратить прежнія религіозныя отношенія. Русскіе прекратили ихъ, но душѣ больно разстаться съ тѣмъ, чьи мысли и чувства она раздѣляла долгое время. Притомъ ихъ древніе учители греки уже давно христіяне, и русскіе никогда не прекращали съ ними связи, не смотря на ихъ разновѣріе.

Главнымъ, между прочими, доказательствомъ того, что связь славянъ съ греками не прекращались и по принятіи греками христіанства, служитъ раннее появленіе православной вѣры между самыми славянами. Сѣмена проповѣди Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ самомъ началѣ своемъ подавленныя у славянъ тьмою идолопоклонства и дикими народами готѳами, гуннами и другими истреблявшими все что ни попадалось имъ, скоро были воззваны къ жизни ревностію греческихъ христіанъ, побуждаемыхъ къ тому желаніемъ и облегчить тяжкій жребій своихъ присныхъ союзниковъ, и противопоставить силѣ оружія дикихъ народовъ умиротворяющую силу слова Божія. И еще въ первые вѣки христіанства является исповѣдникъ Имени Христова въ южной Россіи. Тертулліанъ, ученнѣйшій писатель 2-гов., свидѣтельствуетъ о скиѳахъ, гетахъ и сарматахъ, уже какъ о

былъ съ радостію: »се же слышавше людіе съ радостію идяху, „ замѣчаетъ лѣтопись. Нест. по Кениг. стр. 83.

христіанахъ. [1]) Это свидѣтельство тѣмъ вѣроятнѣе, что въ концѣ III-го и въ IV вѣкѣ находимъ здѣсь уже нѣсколько епархій, [2]) существующихъ до позднѣйшихъ временъ, [3]) подъ властію цареградскаго патріарха. [4]) Въ числѣ входящихъ въ составъ сихъ епархій христіанъ, безъ сомнѣнія, были и Славяне-коренные обытатели сихъ странъ. [5]) Какъ давно началъ проникать свѣтъ Христовъ во внутренность нынѣшней Россіи, съ опредѣленностію рѣшить трудно. Можно, впрочемъ думать, что христіанство принимаемо было въ Руси раньше VII вѣка, хотя не многими лицами, заимствовавшими его частію отъ своихъ южныхъ единоплеменниковъ, уже христіанъ, но больше всего изъ Греціи, которая издревле привлекала нашихъ предковъ выгодною службою при греческихъ императорахъ, торговлею и пріятностію добычи. Покрайней мѣрѣ дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства о семъ, хотя довольно позднія, представляютъ эти связи уже какъ дѣло давнее, укоренившееся, обыкновенное, и въ такомъ видѣ, въ какомъ не могли онѣ

---

[1]) Cui et aliæ gentes crediderunt. Parthi, Medi...., Romani... et cæteræ gentes: ut jam Getulorum varietates et Maurorum multi fines....., et Britannorum inacessa Romanis loca, Christo vero subdita, et Sarmatorum, et Dacorum.... et Scytarum?... Jn quibus omnibus locis Christi nomen, qui jam venit, regnat.... Tertul. lib. adver. Judæos cap. 7. in Patrologiæ Cursu completo tom. II. pag. 610-611. Paris. Введеніе въ Ист. Рус. Цер. стр. 41 пр. 89.

[2]) Таковы, напр. Скифская, въ которой рядъ епископовъ начался въ послѣдней четверти III-го в. см. Вв. въ Ис. Рус. Цер. стр. 50,—Херсонская, которой еписк. Ееерій II, по числу уже 9-й присудствовалъ на 2 вселенскомъ соборѣ (въ 381 г.); тамъ же стр. 64,—и Готская, которой еп. Ѳеофилъ присутствовалъ на 1-мъ вселенс. соборѣ (въ 325 г.); тамъ же стр. 68.

[3]) О Скифахъ напр. упоминаетъ въ своемъ уставѣ Левъ Премудрый въ концѣ IX в. (Corpus Hist. Bys. XXIII. pag. 293 и 315. Venet.) Въ Херсонск. въ томъ же вѣкѣ были епископы (Вв. въ Ис. Цер. Рус. с. 65).

[4]) На Халкидон. соборѣ всѣ епархіи, находившіяся въ предѣлахъ варварск. народовъ подчинены цареградс. патріарху. Вв. въ Ис. Рос. Цер. стр. 65.

[5]) Введ. въ Ист. Рус. Церк. стр. 55-58. 66. 77-80.

явиться вдругъ. [1]) И безъ сомнѣнія всѣ эти сношенія русскихъ съ греками не оставались безполезными для вѣры христіанской и при чудесныхъ дѣйствіяхъ Божественныхъ,[2]) какъ не оставались онѣ бездѣйственными со временъ памятныхъ исторіи. Первый историческій извѣстный походъ русскихъ противъ грековъ, подъ предводительствомъ Оскольда и Дира (въ 866 г.), былъ и первымъ исторически извѣстнымъ часомъ спасенія земли русской. Увидѣвши карающій перстъ божій въ чудной бурѣ, разбившей ихъ суда, Оскольдъ и Диръ увѣровали въ Бога истиннаго, и возвратившись въ отечество, послали пословъ въ Константинополь просить себѣ крещенія. Чудо не сгорѣвшаго Евангелія, совершенное прибывшимъ по сему случаю епископомъ, побудило креститься присутствовавшихъ при этомъ: великое множество народа, вельможъ и князей Изъ сего времени православная вѣра не оскудѣвала на Руси, а болѣе и болѣе распространялась. Въ Кіевѣ воцарился Олегъ, хотя язычникъ, но отличающійся вѣротерпимостію, [3]) и можно думать, что и его походъ противъ грековъ способствовалъ умноженію христіанъ между русскими, тѣмъ болѣе, что не безъ основанія же императоръ греческій Левъ Премудрый церковь русскую при Олегѣ ставитъ уже въ числѣ митрополій, подвластныхъ цареградскому патріарху. [4]) Послѣ договора Олегова съ греками, съ условіемъ связи съ ними, несомнѣнно умножалась и вѣра Христова. Изъ Россіи ходили въ Константинополь цѣлые

---

[1]) Такъ описуетъ торговлю съ Константинополемъ руссовъ изъ Кіева, Вышгорода, Чернигова, Любеча, Смоленска и даже изъ Новгорода, импер. Константинъ Багрянородный около половины X вѣка (De administrando imperio cap. IX). Въ договорѣ Олега съ греками (911 г.) гости русскіе представляются приходящими въ Константинополь цѣлыми десятками (Ис Г. Р. т. I ст. 134). Древнѣйшее извѣстіе о службѣ русскихъ (числ. до 700 ч.) въ гречес. войскѣ относится къ 902 году (Извѣст. Визан. Ист. ч III, стр. 21. Спб. 1774 г).

[2]) Извѣстно чудо, совершившееся надъ Бравалиномъ, княземъ рати Новгород. въ концѣ VIII или IX вѣка. Вв. въ Ис. Рус. Цер. стр. 170, 175.

[3]) Вв. въ ист. Р. Цер. стр. 295, пр. 282.

[4]) Corp. Hist. Byz. t. XXIII, pag. 326. Извѣст. Виз. Ист. ч. 3 стр. 255.

торговые караваны по Днѣпру и Черному морю; гости русскіе оставались жить въ Константинополѣ по нѣскольку мѣсяцовъ съ ряду у монастыря Св. Маммы; другіе Руссы сотнями нанимались въ службу греческихъ императоровъ. [1]) Между греческими царями и русскими князьями существовали даже письменныя сношенія. [2]) Греки, безъ сомнѣнія, не упускали при этомъ случаѣ знакомить нашихъ предковъ съ своею вѣрою, какъ поступили они еще съ послами Олеговыми по заключеніи мира. [3]) И дѣйствительно многіе руссы, служившіе при греческомъ дворѣ, пріемлютъ христіанство, [4]) а нѣкоторые изъ нихъ, возвращаясь по временамъ въ отечество, могли сообщать его своимъ ближнимъ. Какъ бы то ни было впрочемъ, только въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ, къ концу княженіѣ Игорева, при новомъ договорѣ нашемъ съ греками (въ 945 г.), русскіе раздѣляются уже на крещеныхъ и не крещеныхъ, въ Кіевѣ есть уже и соборная церковъ Св. Иліи. [5]) А между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія христіанства въ Россіи естественно ощутительно рождалось и росло недовольство языческою религіею. И вотъ вел. княгиня Ольга, »мудрѣйшая всѣхъ женъ,« плѣняется лучемъ новаго свѣта Христова, и отправляется въ столицу вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. [6]) »Напаяется имъ какъ губа,« и орошаетъ землю русскую и своимъ примѣромъ и убѣжденіями. Примѣръ Ольги сильно подѣйствовалъ на умы русскихъ.—но еще не настало время всеобщаго обращенія ихъ въ Христіанство, еще русскіе не успѣли твердо убѣдиться въ ничтожествѣ собственной религіи,

---

[1]) См. выше прим. 1 стр. 18.

[2]) Stritteri Momor. popullorum. III, 46.—Ис. Р. Г, т. I. стр. 140.

[3]) И престави къ нимъ (царь Лавъ) мужи свои показати имъ церковную красоту.... еще же и чудеса Бога своего и страсти Господня, и вѣнецъ и гвоздія, и хламиду багряную и мощи Святыхъ: учащеся въ вѣрѣ своей, и показующе имъ истинную вѣру. Нест. слич. Шлецеромъ ч II. стр. 748-749.

[4]) Извѣст. Визант. Истор. ч. III, стр. 28.

[5]) Ист. Г. Р. т. 1. стр. 151-154. (смотри Изслѣд. о древнѣйшей Кіевской церкви св. Иліи соч. Остромысленскаго. Кіевъ. 1850 г.

[6]) Тамъ же, стр. 166.

по крайней мѣрѣ они не забывали Ольги, и когда настало время, — воскликнули: »если бы законъ греческій не былъ лучше другихъ, не приняла бы его Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей.«[1]) Такимъ образомъ древняя связь русскихъ съ греками скрѣплена новыми крѣпчайшими узами. Святость греческой вѣры русскіе уже не разъ испытывали въ чудесныхъ дѣйствіяхъ Божественныхъ. Ее исповѣдывали уже многіе на Руси, и при томъ мудрѣйшіе. — Чего же послѣ этого могли ожидать римскіе миссіонеры? Убѣжденія Владиміра въ принятіи христіанства изъ могущественнаго Рима? Но могущественный князь слышалъ еще въ малолѣтствѣ отъ Ольги о томъ Христѣ, Спасителѣ міра, котораго проповѣдывали написты, и зналъ, что всѣ русскіе просвѣщались свѣтомъ Христовымъ изъ Греціи. Какъ же послѣ всего этого онъ могъ разорвать связь съ кроткими греками, чтобы принять туже вѣру отъ маловѣдомаго папы? И не посему то ли Владиміръ, разсуждающій о вѣрѣ съ магометанами и евреями, безъ всякихъ расиросовъ отсылаетъ пословъ папы: »идите себѣ обратно; отцы наши не принимали вѣры отъ папы?« [2])

Давняя, тѣсная связь славянъ съ просвѣщенными греками, вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства между славянами, естественно должна была имѣть вліяніе и на ихъ умственное развитіе. И дѣйствительно наши предки не такъ были грубы и необразованны, какъ обыкновенно представляютъ ихъ, послѣдуя свидѣтельству тщеславныхъ грековъ, любившихъ величать только себя образованными, а всѣхъ прочихъ варварами. Ихъ языкъ, выраженіе внутренняго совершенства умственнаго, способенъ былъ выразить высочайшія истины Св. писанія. — Помѣрѣ распространенія вѣры Христовой и по мѣрѣ умственнаго развитія славянъ, все болѣе и болѣе развивалась у нихъ любознательность. Съ дѣтскимъ любопытствомъ жадно прислушивались они ко всему что ново, и ни въ чемъ не находили для себя полнаго удовлетворенія. Не находили его въ собственной религіи языческой, потому что она была темна и запутана. Не находили и въ грекахъ, потому что не понимали ихъ рѣчи. Стремились сами что нибудь произвесть, но не понимая самыхъ себя, не умѣя пользоваться тѣмъ богатствомъ, которымъ обладали, что они могли сдѣлать, выражая свои мысли мертвыми

---

[1]) **Нест. по Кенигс. см. стр. 79.** ([2] **Тамъ же стр. 74.**

чертами и рѣзями. [1]) Наконецъ невыносимо стало имъ это неудовлетворимое стремленіе, и они обратились къ древнимъ учителямъ своимъ грекамъ съ просьбою прислать имъ людей, способныхъ наставлять ихъ, на ихъ же собственномъ языкѣ. [2]) И въ это то время дѣтскаго любопытства и дѣтскаго безсилія славянъ являются Кириллъ и Меѳодій съ переведеннымъ на ихъ языкъ Св. Писаніемъ и другими книгами, объясняющими его. »Съ Библіею на языкѣ просвѣщаемаго народа, говоритъ одинъ современный намъ архипастырь, проповѣдникъ, хотя бы и не зналъ этого языка находить пріемъ себѣ у народа, предлагая вмѣсто своей проповѣди проповѣдь Божію;— вмѣсто него говоритъ душѣ язычника Библія и говоритъ лучше всякаго проповѣдника. [3]) Какъ же должны были принять своихъ апостоловъ предки наши какъ не съ радостію? »И ради бяху Словене, слыша величіе дѣлъ Божіихъ на своемъ языкѣ,« замѣчаетъ нашъ древнѣйшій лѣтописецъ. [4]) Ради бяху, потому что слово Божіе говорило всему существу славянина и внѣшнею своею одеждою и внутреннею своею силою. Въ немъ въ первый разъ они услышали свои родные звуки въ рѣчи стройной, возвышенной,—въ первый разъ узнали, такъ сказать себя,—ощутили все богатство и могущество силъ своихъ, для выраженія которыхъ служитъ столь величественное слово, и полюбили его, какъ свое родное. Съ другой стороны въ этомъ гармоническомъ словѣ, они нашли тѣ истины, которыя, превышая даже ихъ любопытство, давали имъ новое наслажденіе въ первый разъ испытать свои умственныя силы. Читая слово Божіе на родномъ языкѣ, славяне видѣли въ немъ изображеніе себя, сожалѣли о прежнемъ своемъ невѣденіи, съ жаждою слушали Божественныя средства ко спасенію и приняли ихъ всею душою, приняли именно потому, что онѣ были имъ понятны. Такое дѣйствіе произвелъ славянскій переводъ и въ нашихъ русскихъ. Съ любовію спѣшили они въ отверстые храмы

---

[1]) См. О письменахъ Чръноризца Храбра, напеч. въ изслѣд. Калайдовича объ Іоаннѣ экзархѣ болгарскомъ, стр. 189, гдѣ говорится: »Славяне не имяху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтяху и гадаху погани суще.“

[2]) Ис. перв. Цер. у Слав. ст. 45.

[3]) Ис. Р. Цер. ч. 1 с.-Моск. 1848 г.

[4]) Нес. по Кенигб. стр. 21.

и не могли наслушаться Божественныхъ истинъ. Отъ того вдругъ сдѣлались они и ревностными защитниками православія. Послѣ сего римскіе миссіонеры, по справедливости, должны были казаться нашимъ предкамъ чуждыми. Они не понимали ни рѣчи, ни проповѣди о Христѣ по латинѣ. Какъ же могли разстаться съ своимъ роднымъ первенцемъ, вѣщающимъ имъ то же самое понятно, плѣнительно?—Славянскій переводъ, по словамъ неизвѣстнаго объ обращеніи каринтійцевъ, унизилъ и вытѣснилъ отправленіе Богослуженія на латинскомъ языкѣ даже у тѣхъ славянъ, которые приняли было его,[1]) что же папа могъ ожидать отъ русскихъ, предлагая имъ, что при обращеніи къ латинству, нужно отказаться отъ славянской Библіи и Богослуженія и вмѣсто ихъ принять латинскія, какъ не явной ненависти?—Папа скоро понялъ какая преграда полагается для его замысловъ въ семъ переводѣ и вызвалъ къ себѣ на судъ самаго составителя его Меѳодія.[2]) Но и самъ увидѣлъ и правоту дѣла и невозможность остановить его, опасаясь совершеннаго отпаденія отъ него славянскихъ народовъ,—успѣлъ только склонить Меѳодія къ допущенію чтенія Евангелія и Апостола и на латинскомъ языкѣ вмѣстѣ съ славянскимъ, для большей якобы важности, [3]) въ надеждѣ истребить этотъ переводъ совершенно, когда пройдетъ первый жаръ любви славянъ къ своей первой стройной рѣчи.—Но славяне чѣмъ больше читали Слово Божіе, тѣмъ больше находили красоты и могущества въ своемъ словѣ,—тѣмъ больше видили высоты и святости въ Божественныхъ истинахъ и тѣмъ сильнѣе воспламенялись къ нему любовію. Въ особенности это справедливо въ отношеніи къ нашимъ предкамъ. У насъ въ древности, кто читалъ, тому нечего было читать, кромѣ книгъ церковныхъ,—кто писалъ, тотъ не смѣлъ иначе писать какъ приближаясь елико возможно, къ рѣчи церковно-славянской. Къ священнымъ книгамъ спѣшили наши предки въ минуты радостей и благочестивыхъ восторговъ; къ нимъ же спѣшили они и за утѣшеніями въ годины бѣдъ и печалей. И незамѣтно, но крѣпко сроднились съ ними всею своею душею. Папа скоро также увидѣлъ и свою ошибку, и на-

[1]) Введ. въ Ист. Рус. Цер. стр. 196.
[2]) Ис. перв. Цер у Слав. стр. 48.
[3]) Москвитянинъ. 1843 г. ч. 3, № 6. стр. 426.

чалъ употреблять всѣ возможныя средства къ искорененію славянскаго перевода. Іоаннъ III-й буллою своею торжественно запретилъ даже буквы славянскія, [1]) самъ Меѳодій объявленъ еретикомъ.—[2]) Но чѣмъ больше возставалъ папа противъ славянскаго перевода, тѣмъ больше возбуждалъ къ себѣ ненависть въ славянахъ. Правда, обстоятельства нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ расположились въ пользу папы, и онъ успѣлъ жестокостію и хитростями истребить употребленіе этаго перевода и подчинить ихъ своей власти. [3]) Но въ нихъ то онъ нашелъ и главный подрывъ своего могущества. Богумилизмъ, происшедшій въ Болгаріи и вытѣсненный изъ нея силою правительства, нашелъ жаркихъ послѣдователей себѣ въ славянахъ, подвластныхъ папѣ. Словаки передали его моравамъ и чехамъ и у нихъ явились Янъ Гусь и Іеронимъ Прагскій; моравы и чехи передали богумилизмъ сорабамъ, обытателямъ Саксоніи, Лузаціи, Бранденбурга и въ этихъ земляхъ явился Лютеръ; въ Швейцаріи онъ же произвелъ Кальвина, перенесенный во время войнъ французовъ съ англичанами, въ Англію богумилизмъ породилъ ученіе Виклефа. [4]) Такъ глубоко запало это доброе сѣмя—слово Божіе на родномъ языкѣ въ душу славянъ, что не смотря на все стараніе папы подавить его латинизмомъ, оно принесло плодъ, хотя противоположный своему существу,—горькій и для папы и для многихъ народовъ, страдавшихъ подъ его владычествомъ. Въ одной только Россіи расло оно безпрепятственно, утвердило православіе и было главною причиною, особенно въ началѣ безуспѣшности папскихъ покушеній. Возрасло безпрепятствено и предохранило Русь отъ папы потому именно, что надъ нею издревле бдѣлъ промыслъ Божій, уготовляющій ее въ хранилище православія и потому еще прежде, чѣмъ русскіе услышали и полюбили слово Божіе на родномъ языкѣ, положившій преграду папскимъ замысламъ на нее,—чудно и рѣзко отдѣливъ русскихъ отъ неправославнаго Запада и въ отношеніи политико-географическомъ. (*Продолженіе впредь.*)

---

[1]) **Ис. Г. Р. т. 1. прим. 269.**

[2]) **Ис. Г. Р. т. 1. стр. 111.**

[3]) **См. Ис. первооб. Цер. у слав. Маціевскаго.**

[4]) **Римскіе папы ихъ церковь и Государство въ XVI и XVII столѣт. Савельева стр. 12, 13, Спб. 1842 г.**

О СОЕДИНЕНІИ ПОЛЬШИ СЪ РОССІЕЮ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Польша всегда сама желала и искала соединенія съ Россіею;—никогда не умѣла пользоваться этимъ соединеніемъ, и—слѣдовательно—никогда не была достойна этой чести и пользы.

«Парадоксъ! неправда!» Закричатъ поляки и полякофилы, прочитавши (если только удостоятъ прочитать) эти строки.— Не торопитесь, господа, обвинять насъ въ парадоксѣ и неправдѣ; мы поставимъ вамъ на видъ еще слѣдующій результатъ, естественнымъ образомъ вытекающій изъ польской исторіи: *теперь Польша, потерявши всякую способность къ какой-либо политической самостоятельности, можетъ не иначе существовать, какъ только подъ милосердымъ покровомъ Россіи; а ежели она во зло употребитъ и это милосердіе, то.... Эту фразу пускай окончитъ уже грядущая неумолимая исторія.*—Какъ бы вы ни старались извращать и портить историческіе факты, но исторію вы всё—таки не подкупите и не передѣлаете. Опредѣленій Промысла Божія такъ же не можно поворотить въ другую сторону, какъ вы ни кричали по всей Европѣ въ газетахъ и журналахъ; а недомолвки въ исторіи—хуже всего,—надобно говорить *полную* правду.—Эти «мужики, суздальцы, финны, москали, тураны»,—какъ бишь они еще называются?—Ну, однимъ словомъ, эти, «русскіе разбойники и схизматики», Богъ знаетъ за что, наказаны исторической необходимостью быть опекунами Польши, и вмѣсто благодарности за свои попеченія объ ней, должны терпѣть отъ нея постоянныя безпокойства и оскорбленія. По той же исторической необходимости они не

могутъ оставить на произволъ судьбы этотъ несчастный народъ, пережившій свою исторію, и отъ дѣйствій котораго давно уже отчуралась всякая логика. И по той же исторической необходимости должны они, эти «разбойники,» терпѣть на своемъ здоровомъ тѣлѣ эту историческую болячку. Однимъ словомъ: соединеніе Польши съ Россіей, есть такая фатальная необходимость, которую исторія еще съ 1386 года наложила и доселѣ держитъ на этихъ двухъ единоплеменныхъ націяхъ.

Древнее преданіе о трехъ братьяхъ: Лехѣ, Чехѣ и Руссѣ, жившихъ въ доисторическое время, служитъ основаніемъ тому убѣжденію, что Польша и Россія—если не родныя, такъ ужъ непремѣнно *двоюродныя* между собою *сестры*, хотя въ послѣдствіи времени поляки, въ безсильной злобѣ, и выдумали извѣстную непристойную и несправедливую поговорку: *якъ святъ святемъ, никды полякъ не былъ русину братемъ.* Родство это, въ древнія времена, было скрѣплено единствомъ языка, Св. Апостолъ Андрей Первозванный, еще гораздо прежде просвѣтителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, былъ общимъ апостоломъ всѣхъ славянъ, сѣверныхъ и южныхъ, а именно поляковъ и россіянъ; равнымъ образомъ и то не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство перешло съ Востока на Западъ, а не на оборотъ. Въ Польшѣ, гораздо раньше Мечислава I-го (965), была уже насаждена христіанская вѣра восточными проповѣдниками, и богослуженіе было совершаемо на славянскомъ языкѣ. Латинскіе обряды долго были не по сердцу полякамъ (obrządek Łacinski nie przemawiał do serc polaków) *).

Въ то время у славянскихъ народовъ не было постоянныхъ и рѣзкихъ границъ ни между землями, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ и обычаяхъ. Польскій языкъ того времени былъ очень много похожъ на русскій, чему свидѣтельствомъ служатъ многія прозвища королей, городовъ, рѣкъ и проч. предметовъ,

*) S. Andrźei powszechny, przed Cyryllem i Metodiuszem, wszystkich północnych i południowych Slowian, a mianowicie też Polaków Rusinów apostoł. **Pamiętniki o Dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie Słowian. Pierwotne Dzieje Chrescianskiego Kosciola u Słowian. W. A. Maciejewskiego.** (1839). Стран. 70 и 77.—Obrządek Łacinski, z tych że samych, co i u innych Słowian, przyczyn nie przemawiał do serc polaków. Тамъ же стран. 149.

(наприм: Chrobry, Krasny Staw, Ostrow и т. п.).—Одинъ историкъ польскій говоритъ, что и въ послѣдствіи времени не смотря на разность исповѣданія, правленія, и на тысячу другихъ причинъ, между славянами всегда была и есть какая-то общность: *они были и будутъ людьми одного языка и сердца, если только знаютъ другъ друга* *). Добродушный историкъ, кажется, ошибся,—потому что поляки доселѣ еще не знаютъ русскихъ, даже не удостоиваютъ ихъ имени славянъ, но выдумываютъ для нихъ какое-то имя «*тура-новъ*»!!!

Единство языка и сердца между древнею Польшею и древнею Россіей разорвалось именно съ того печальнаго случая какъ государь польскій *Мечиславъ* 1-й, самъ православный и женатый на православной супругѣ *Домбровкѣ*, овдовѣлъ, и потомъ по совѣту своихъ прислужниковъ женился въ другой разъ на украденной имъ изъ монастыря католической монахинѣ *Одѣ* (976) —Жена, экс-монахиня католическая, сдѣлала его католикомъ **).—Мечиславъ I примкнулъ къ Западной Европѣ, сдѣлался ленникомъ Германской Имперіи, и не препятствовалъ въ Польшѣ, при богослуженіи, измѣненію славянскаго языка на латинскій. Мало по малу, вслѣдъ за своимъ государемъ, окатоличилась вся Польша, и пошла по другой совсѣмъ дорогѣ, нежели сестра ея Россія. Впрочемъ государи Польши и Россіи долго еще не переставали скрѣплять семейными узами древнее національное родство: такъ дочь Болеслава Храбраго была замужемъ за усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра Святополкомъ,—дочь Св. Владиміра—за королемъ Казиміромъ I; Болеславъ Отважный (audax) былъ женатъ на русской княжнѣ,—сынъ его Мечиславъ такъ же,—Болеславъ III такъ же, и т д.

Примкнувши къ Западной Европѣ, Польша, при самомъ началѣ своего политическаго развитія, приняла отъ тевтоновъ и

---

*) Mimo rozróżnenie Słowian przez rządy, wyznanie religii i tysiączne inne przyczyny, zawsze jest i będzie niejakaś między nimy wspólnosć. Oni są i będą jednego słowa i serca, kiedy się znaią. **Dzieje Król. Polskiego przez J. S. Bandtke. Tom. 1.** примѣчаніе на стран. 102. изд. 1820.

**) Pamiętniki.... Maciejwskiego. 1 Стран. 116.

саксовъ обычаи ихъ, образъ жизни и законы противные славянству. Такимь образомъ вмѣстѣ съ феодализмомъ и федерализмомъ вошло въ Польшу изъ среднихъ вѣковъ и *кулачное право,* право частной мести за обиду безъ посредства законовъ (pochwałki i odpowiedzi), наѣзды, разбои, поединки и всевозможное самоуправство аристократіи. Власть государя въ ней, съ каждымъ новымъ царствованіемъ, болѣе и болѣе слабѣла, наконецъ дошло до того, что *Польша, не переставая быть монархіей, не стыдилась уже публично называться республикой* (rzecz pospolita). Въ этомъ отношеніи Польша была похожа на извѣстную *Мессалину*, жену императора римскаго Клавдія, которая, не переставая быть законною женой своего живаго мужа—императора, торжественно вышла замужъ за одного любимца своего—плебея. Даже слабоумный Клавдій призналъ такую неслыханную дерзость достойною смертной казни.

Главныхъ сословій народа въ Польшѣ было четыре: духовенство, шляхта, или stan rycerski, мѣщане и крестьяне; но права этихъ сословій не были достаточно опредѣлены, и всѣ невыгоды такой неопредѣленности падали на крестьянъ. Города польскіе были похожи на села; а потому короли, желая поправить ихъ, поощряли нѣмцовъ селиться въ своихъ городахъ съ удержаніемъ при нихъ права судиться не по мѣстнымъ, но по заграничнымъ *магдебургскимъ* законамъ. Отъ этого въ скоромъ времени польскіе города почти совершенно превратились въ нѣмецкіе *). Села польскія отъ войнъ и грабежей обѣднѣли. Части польскаго королевства, недавно собранныя во едино, еще не крѣпко были связаны между собою. Порядокъ престолонаслѣдія не былъ обезпеченъ никакимъ закономъ, но зависѣлъ отъ произвола избирателей, хотя избраніе долго ограничивалось одною фамиліей Пястовъ. Въ такомъ состояніи засталъ Польшу знаменитый король ея **Казиміръ Великій** (1333). А со смертью Казиміра В. прекратилась и династія Пястовъ на польскомъ престолѣ. Наслѣдника его, Лудовика Венгерскаго,

*) Większe mianowicie miasta tego napływu doznały, i stolice Lechii, Krakow, Poznań, wątpliwą było czy polskie czy niemieckie? **Teodora Wagi Historia....** стр. 112.

поляки справедливо прозвали *отчимомъ*, а не отцомъ Польши. Наконецъ—въ 1384 году на престолъ польскій была возведена 15-лѣтняя дѣвица *Ядвига*, которая своими дѣтскими руками не могла удержать Польшу отъ грозившаго ей паденія, тѣмъ болѣе что паны поспѣшили связать ей и эти слабыя руки, какъ увидимъ ниже.—Жалкое тогда было состояніе Польши: короли ея не кончили еще спора съ императоромъ и папою за королевскій титулъ, не крѣпко еще привязанный къ ихъ престолу, а съ родственниками своими спорили за Краковъ; народъ раздѣлялся на природныхъ поляковъ и на пришельцевъ—нѣмцовъ,—тѣ и другіе имѣли свой особый языкъ, свои обычаи, свой судъ и расправу. На божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ и въ литературѣ господствовалъ языкъ латинскій, непонятный для большинства народа. Вельможи не слушали королей: духовенство, при первомъ сильномъ неудовольствіи, проклинало ихъ. При такомъ разногласіи правъ, уставовъ и понятій, и при королѣ—слабой дѣвицѣ, Польша не могла бы долго прожить въ видѣ самостоятельнаго государства, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ угрожали ей истребленіемъ и опасные сосѣди ея: чехи, нѣмецкіе рыцари, Венгрія, и Литва.

Благоразумнѣйшіе изъ поляковъ угадали, что единственная, самая надежная опора и защита для падавшаго и погибавшаго отечества ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ оно соединилось съ единокровною себѣ Россіей, если тогда еще не со всей, то по крайней мѣрѣ съ тою великою частью Россіи, которая тогда называлась *Великимъ Княжествомъ Литовскимъ*, и надъ которою владычествовалъ тогда, *Ягелло* (Іаковъ) одинъ изъ сыновей Ольгерда.

Что жъ это—за часть Россіи, которая тогда называлась Литовскимъ Княжествомъ, или даже просто *Литвою*?

Это были древнія русскія области: минская, ковенская, черниговская, витебская, кіевская, волынская и каменецъ-подольская. Настоящихъ литвиновъ—язычниковъ въ этихъ областяхъ была только $^{1}/_{12}$ часть всего народонаселенія: всѣ прочіе были русскіе православные, говорившіе русскимъ языкомъ.—Составилось это, такъ называемое *Литовское В. Княжество*, слѣдующимъ образомъ. Удѣльная система, какъ кошемаръ, налегла на древнюю Россію и ослабила ея силы. Въ 1224 году напали на нее татары и опустошили ее отъ восточныхъ ея пре-

дѣловъ до западныхъ, отъ береговъ Оки до Сана. Подобно татарамъ, покорившимъ половину извѣстнаго свѣта, была тогда въ Европѣ другая еще власть, объявлявшая свои притязанія на всеобщее господство,—власть папы. Казалось, что весь извѣстный тогда свѣтъ былъ раздѣленъ на два государства—на *татарское* и *латинское* *).

Послѣ татарскаго погрома, между князьями югозападной Россіи сильнѣйшимъ былъ *Даніилъ Романовичъ Галицкій*. Папа обратилъ на него свое вниманіе, и желая чрезъ него привлечь Россію подъ свою власть, повелѣлъ своему послу, аббату Мессинскому, возложить на него королевскую корону. Но Даніилъ, хотя именовался королемъ галицкимъ, однако не спѣшилъ подчиняться папѣ. Недовольный этою неудачею, папа выставилъ противъ Даніила другаго новопожалованнаго имъ короля, *Миндовга* литовскаго. Произведши этого князя въ короли, онъ далъ ему право и власть надъ всѣми землями, которыя онъ отниметъ у россіянъ.—Мелкій литовскій народъ издревле жилъ въ дремучихъ лѣсахъ между Нѣманемъ и западною Двиною, въ нынѣшней виленской губерніи. До нашествія татаръ, этотъ народецъ дѣлалъ набѣги на границы Польши и Россіи, часто былъ поражаемъ, и принужденъ былъ платить дань русскимъ и польскимъ князьямъ звѣриными шкурами, лыками и даже вѣниками. Но въ первые годы послѣ татарскаго погрома, литовцы выступили изъ своихъ лѣсовъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ грабить и покорять земли своихъ сосѣдей. Главный предводитель ихъ, *Миндовгъ* имѣлъ свою столицу въ *Керновѣ*, и хотя съ королевскою короною отъ папы принялъ было христіанскую вѣру, но чрезъ два года послѣ того снова обратился къ язычеству и къ разбоямъ. Въ 1263 году Миндовгъ былъ убитъ своими родственниками, а въ 1266 году умеръ и Даніилъ Галицкій. Младшій сынъ Даніила, *Шварнъ*,

---

*) Kiedy naiazdy Mongolskie Europę zatrwożyły, następcy Innocentego III nie przestawali wołać do krzyżowych wypraw, rozdarowywałi kraie i ludy, które ich za papieżów nie znali, grozili złotey hordzie, i z nią w imie chrześcijan tractowali. Zdawało się, że świat znany na dwa rodzielił się państwa, na Mogolskie i Łacińskie. **Teod. Wagi Historyia ksążat i królei polskich,** изд. 1833, стран. 103, 104.

женатый на дочери Миндовга, кромѣ Галича получилъ въ свою власть и Литовское Княжество; но чрезъ два года умеръ. Послѣ него, князья литовскіе *Тройденъ*, а потомъ *Витенъ*, пользуясь безпорядками и ослабленіемъ Россіи, овладѣли всѣми русскими княжествами на Волыни по рѣку *Гордынь*, и сверхъ того Полоцкомъ, Витебскомъ и Минскомъ. А *Гедиминъ*, овладѣвши послѣ Витена литовскимъ престоломъ, захватилъ въ свою власть Черниговъ и Кіевъ, и принялъ титулъ *великаго князя литовскаго и русскаго*; онъ построилъ Вильно и перенесъ туда свою столицу.—Сынъ Гедимина, *Ольгердъ*, сперва язычникъ потомъ православный христіянинъ съ именемъ *Александра*, а предъ смертью постригшійся даже въ монашество съ именемъ *Алексія*, былъ женатъ на православныхъ русскихъ княжнахъ, сперва *Маріи* витебской, потомъ *Іуліаніи* тверской, и имѣлъ отъ нихъ одинадцать сыновъ, которые всѣ были крещены въ православную христіанскую вѣру. Одинъ изъ этихъ сыновъ, *Іаковъ* (по литовски *Ягелло*) былъ, по завѣщанію отца, наслѣдникомъ его на великокняжескомъ престолѣ

Очевидно, что такъ—называемое великое княжество литовское было не что инное, какъ *великое княжество русское*, состоявшее изъ русскихъ областей, населенное русскимъ народомъ православнаго исповѣданія, и состоявшее хотя подъ властью князей литовскаго происхожденія, но уже принявшихъ православную вѣру, литвиновъ язычниковъ, какъ сказано выше, было въ этомъ русскомъ княжествѣ весьма не много, едва одна двѣнадцатая часть.

Что же касается до сѣверовосточной *части Россіи*, то она, имѣя своихъ отдѣльныхъ князей, изъ дома Рюрика, сперва состояла въ зависимости татаръ и принуждена была платить имъ дань, потомъ мало-по малу начала выбиваться изъ-подъ зависимости этой, и соединившись въ одно *великое княжество московское*, наконецъ совсѣмъ побѣдила татаръ, и начала называться *царствомъ*. Такимъ образомъ—Россія, наслѣдіе Рюрика и Св. Владиміра, раздѣлилась на двѣ великія половины: на сѣверовосточную, или *московскую*, и на юго-западную или *литовскую*, которая иначе называлась *великимъ княжествомъ литовско—русскимъ*.

Съ этою-то, послѣднею частью Россіи Польша искала соединенія чтобы обезпечить и упрочить свое ненадежное сущест-

вованіе. Королева Ядвига должна была служить звѣномъ этого соединенія.

У нея былъ уже женихъ избранный ея сердцемъ и уже обрученный съ нею, ***Вильгельмъ*** эрцгерцогъ австрійскій. Но, сдѣлавшись королевою Польши, Ядвига уже не могла располагать ни рукою своею, ни сердцемъ. Ксендзы и паны ***запретили*** ей видѣться съ нареченнымъ женихомъ даже въ костелѣ, и заперли ворота замка, чтобъ она не ѣхала на свиданье. Огорченная невѣста—королева схватила топоръ и хотѣла было разрубить ворота, но усилія ея были безполезны: самодержавные подданные ея заставили ее выдти за-мужъ за ***Ягелла*** великаго князя русско-литовскаго, увѣривши ее, что этаго требуетъ польза религіи и отечества, т. е. что безъ соединенія съ Литвою Польша неминуемо должна была бы погибнуть.

Такимъ образомъ—***соединеніе Польши съ Россіей началось*** со вступленія Ягеллы на польскій престолъ, послѣ его брака съ королевою Ядвигой. Это случилось въ 1386 году. Изъ этого соединенія готово было образоваться огромное государство съ ощутительнымъ перевѣсомъ силы противъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Большинство народонаселенія въ этомъ, задуманномъ ксендзами и панами, государствѣ состояло изъ русскаго народа, съ русскимъ языкомъ и русскою вѣрою; а аристократическія права съ титуломъ королевства были на сторонѣ Польши.

Какъ же Польша воспользовалась этимъ соединеніемъ?

Началось съ измѣны православію.—Князь Іаковъ (Ягелло), дѣлаясь королемъ польскимъ, долженъ былъ отказаться отъ православнаго вѣроисповѣданія: ксендзы ***перекрестили*** его въ р. католическую вѣру, съ именемъ ***Владислава***. Замѣчательно, что оба государи польскіе, стоящіе на двухъ самыхъ главныхъ граняхъ польской исторіи (Мечиславъ 1 и Ягелло), оба измѣнили православію для женщинъ,—первый для Оды, а другой для Ядвиги.—При католическихъ крестинахъ Ягеллы-Владислава, ксендзы и паны взяли съ него обѣщаніе, что онъ и всѣхъ своихъ литовскихъ подданныхъ, какъ литвиновъ—язычниковъ такъ и всѣхъ православныхъ—русскихъ, непремѣнно окрестить въ римско-католическую вѣру.—Поляки были убѣждены, что этимъ только ***однимъ средствомъ*** можно было

сплотить Польшу съ Россіей въ одно государственное тѣло. Въ послѣдствіи времени они достигли желаемой ими цѣли, только—къ великому своему удивленію—не съ той стороны, съ какой ожидали. *Литовская Русь*, по естественному взаимному другъ къ другу влеченію однородныхъ частей, рано или поздо должна была возвратиться къ первобытному соединенію съ *московскою Русью*. А какъ сама Польша усиливалась связать свою судьбу съ судьбою литовской Руси и составить съ нею одно тѣло, то изъ этаго и вышло естественное слѣдствіе, что и Польша должна была неминуемо, вслѣдъ за литовскою Русью, войти въ составъ одной державы всероссійской,—каковое событіе совершилось не скоро, но послѣ многихъ, кровавыхъ недоразумѣній. Вопіять теперь противъ этого событія, значитъ—вопіять противъ законовъ природы и исторіи. Между тѣмъ какъ исторія говоритъ еще вотъ-что: при безчисленномъ множествѣ названій, которыми древніе греки отличали одно славянское племя отъ другаго, они *всѣхъ славянъ вообще* называли *спорами, т. е. разсѣянными по землѣ* *). И добросовѣстные польскіе историки видятъ слѣды этого древняго, общаго названія славянъ—именно: въ имени *Россіи*, почитая такимъ образомъ имя *Россіянъ* (разсѣянныхъ по землѣ) за общее имя, приличное всѣмъ (слѣдовательно и польскому) славянскимъ поколѣніямъ. **)

Вскорѣ послѣ коронаціи, Ягелло съ Ядвигою и со многими прелатами и панами поѣхалъ въ Вильно совершать *дѣло соединенія*. Онъ немедленно уничтожилъ древнее литовское язычество, и безъ всякаго препятствія окрестилъ всѣхъ своихъ литвиновъ, тѣмъ болѣе, что князь и княгиня раздавали имъ, при крещеніи новые бѣлые суконные кафтаны и кожанные сапоги, въ замѣнъ прежнихъ рубищъ и лаптей. Но—къ святому дѣлу обращенія язычниковъ сейчасъ же примѣшались нечистые и корыстные виды римскаго прозелитизма: польскіе прелаты захотѣли перекрещивать въ р. католическое исповѣданіе и русскихъ православныхъ христіанъ—подданныхъ Ягеллы. Чтобы успѣть въ этомъ, Ягелло, побуждаемый ксендзами, тогда же

---

*) Отъ греч. слова σποςὰσ разсѣянный, σπὸςοσ сѣяніе.

**) Нарушевичъ, Бандтке, и др. См. Dzieje Król. Polskiego, przez J. S. Bandtke, Том. 1. стран. 43, 44, 45.

объявилъ, что только тѣ дворяне русско-литовскаго княжества могутъ пользоваться правами польскихъ шляхтичей, которые будутъ принадлежать къ р. католической церкви; тогда же запретилъ католикамъ жениться на христіанкахъ православнаго исповѣданія и не велѣлъ опредѣлять не католиковъ къ государственнымъ должностямъ *); а двухъ православныхъ вельможъ даже замучилъ за то, что не захотѣли измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ **).—Но при всѣхъ усиліяхъ такого прозелитизма, онъ могъ открыть въ Литвѣ *только семь р. католическихъ плебаній*, или церковныхъ приходовъ, для которыхъ учредилъ въ Вильнѣ и бискупскую катедру,—между тѣмъ какъ православныхъ приходовъ въ одной Вильнѣ было тогда 30, а все в. княжество литовское состояло изъ 10 православныхъ епархій ***): такъ мало было тамъ окрещенныхъ въ католичество литвиновъ, и вообще такъ мало было тамъ католиковъ.

Возвращаясь въ Польшу, послѣ этихъ *подвиговъ соединенія* Литвы, Ягелло оставилъ въ Вильнѣ намѣстникомъ брата своего *Скиригайла*. Но русскіе православные жители в. княжества литовскаго, будучи жестоко оскорблены отступничествомъ Ягеллы отъ православія и гоненіемъ на православіе, обратились къ двоюродному брату его *Витольду*, жившему въ Пруссіи, который съ войскомъ прусскихъ рыцарей пришелъ въ Литву и почти безъ всякаго сопротивленія занялъ великокняжескій престолъ, а брату Скиригайлѣ далъ въ управленіе городъ Кіевъ, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ. Вотъ—и разрушилось желанное поляками соединеніе Польши съ Россіей,—и разрушилось, какъ всякому видно, по неумѣнью поляковъ пользоваться этимъ соединеніемъ,—слѣдовательно, по недостоинству ихъ составить одно тѣло съ Русью. Вызываемъ охотниковъ, изъ литературныхъ наѣздниковъ польскихъ, опровергнуть эту историческую истину.

Хотя *Витольдъ* (во святомъ крещеніи *Александръ*) выдалъ дочь свою Софію въ супружество за в. князя московскаго

---

*) Dzieje Król. Pol. Том. II стран. 35, 37.

**) См. примѣчаніе 110, къ 5 тому И. Г. Р. Карамзина.

***) Владимірская, луцкая, полоцкая, львовская, перемышльская, хелмская, пинская, кіевская, могилевская, и смоленская.—См. Dzieje.... przez Bandtke T. II. стр. 141.

Василія Дмитріевича (сына Донскаго), но въ 1395 году-посредствомъ коварства и обмана захватилъ Смоленскъ изъ владѣній своего затя, и уже простиралъ виды свои на Псковъ и Новгородъ, чтобъ основать особое королевство русское. Уже нѣмецкій императоръ выслалъ-было Витольду и королевскую корону; но поляки на дорогѣ перехватили ее *). Не смотря на то, В. княжество литовско—русское продолжало существовать отдѣльно отъ королевства польскаго.

Послѣ Витолда княжилъ тамъ братъ Ягеллы *Свидригайло*, который началъ съ Польшею кровопролитную войну, на которой литовскіе руссы жестоко мстили Ягеллѣ за униженіе православнаго исповѣданія.

Противъ Свидригайла поляки выставили брата Витольдова, ***Сигизмунда*** (уже католика), который выгналъ его изъ Литвы и самъ занялъ литовскій престолъ, съ обязательствомъ платить Ягеллѣ подать, помогать ему во всѣхъ его войнахъ, и—главное, чего домагались поляки въ видахъ соединенія Польши съ Русью—***уступить Польшѣ Волынь и Подолію***. Но внуки Ольгерда, князья Иванъ и Александръ Чарторижскіе убили Сигизмунда, и—желаемое поляками *соединеніе* опять не состоялось.

Православные жители В. княжества литовскаго и слышать не хотѣли объ этомъ соединеніи, а потому въ 1440 году они избрали себѣ отдѣльнымъ княземъ младшаго сына Ягеллы, ***Казиміра***. Они чувствовали всю пагубу, угрожавшую имъ отъ такого соединенія: русская аристократія Литовскаго княжества начала уже перенимать у польской аристократіи всѣ ея недостатки, стала самовольно мѣшаться въ управленіе, ограничивать власть князя и собирать республиканскіе сеймы; города домагались магдебурскаго права; даже языкъ русскій, общенародный и оффиціальный въ княжествѣ, начиналъ уже портиться отъ смѣшенія съ польскимъ языкомъ, и постепенно перерождался въ какія-то особенныя, уродливыя нарѣчія: *бѣлорусское* и ***малороссійское*** **). Въ этомъ отношеніи русскіе жители В.

---

*) Dzieje.... przez Bandtke. Том. II. стран. 42.

**) Historija ksążat i król. Polsk. Teodora Wagi (1833) стран. 151. Вотъ каково происхожденіе малороссійскаго языка!

княжества литовскаго пострадали, можно сказать, за свою вѣрность династіи Ольгерда, потому что ихъ князья—Ольгердовичи, ополячиваясь, увлекали за собою и всѣ родныя стихіи русскаго края.

Когда король польскій *Владиславъ* III, (братъ В. князя литовскаго Казиміра) погибъ подъ *Варною*, нарушивши, *съ разрѣшенія папы*, клятву 10-лѣтняго мира съ Турками, поляки опять задумали *о соединеніи Польши съ Россіей*, и просили Казиміра, чтобъ онъ, не переставая быть княземъ литовскимъ, занялъ и у нихъ королевскій престолъ (1445 г.). Казиміръ долго не соглашался; когда же наконецъ, по убѣжденію матери своей, согласился, то русскіе подданные княжества долго *не пускали его въ Польшу*. Причиною этого было то, что при возшествіи его на княжескій престолъ онъ далъ клятву своимъ подданнымъ не отдѣлять къ Польшѣ Волынь, Подолію и Кіевъ,—а теперь поляки предлагали ему свой престолъ именно на условіи отдѣленія къ нимъ этихъ русскихъ областей, безъ чего Польша чувствовала себя слишкомъ слабою, чтобъ быть порядочною державою и защищаться отъ враговъ.

Казиміръ (IV) сѣлъ на польскомъ престолѣ, но присяги полякамъ на присоединеніе къ нимъ тѣхъ областей не давалъ даже до 1453 года. Когда же въ этомъ году онъ принужденъ былъ дать такую присягу, то связанный двумя противорѣчивыми клятвами онъ не зналъ, что и дѣлать. Русскіе подданные литовскаго княжества не отдавали Польшѣ тѣхъ областей, и, по совѣту виленскаго воеводы *Гастольда*, хотѣли отложиться отъ Казиміра и избрать себѣ другаго князя; а между тѣмъ неожиданно и непримѣтно усилилась въ сосѣдствѣ *московская Русь*, и государь ея *Іоаннъ* III (Великій), рѣшившись возвратить литовскую Русь къ прежнему соединенію съ московскою Русью, послалъ сказать о томъ Казиміру. Вслѣдъ за тѣмъ православные правнуки Ольгерда, князья *Трубецкіе*, *Ольшанскій*, *Бѣльскій*, *Олельковичъ* и потомки Св. Владиміра, князья *Одоевскіе*, *Воротынскіе*, и *Перемышльскіе*, вмѣстѣ съ родовыми своими имѣніями въ Сѣверской землѣ (въ нынѣшней черниговской губерніи) добровольно поступили въ подданство Іоанна, объявивши только Казиміру, по древнему княжеско-удѣльному обычаю, о своемъ переходѣ подъ другую власть.

Казимiръ молчалъ и не могъ ничего предпринять противъ Iоанна Василiевича; наконецъ, въ 1492 году онъ умеръ, не любимый поляками за его привязанность къ русско-литовскому княжеству.

По смерти Казимiра IV, жители В. княжества литовскаго упредили Польшу: чтобъ не соединиться съ нею, избрали себѣ особаго князя, четвертаго Казимiрова сына *Александра*; а въ Польшѣ взошелъ на престолъ братъ его *Янъ—Албрехтъ*.

Русскiй князь, но, къ сожалѣнiю, католикъ—*Александръ*, хотя женился на православной дочери московскаго государя (Iоанна III) *Еленѣ*, и хотя предоставилъ ей право оставаться въ православномъ исповѣданiи, но долго не позволялъ ей устроить для себя придворную православную церковь, и даже удалилъ отъ нея духовника ея (священника Ѳому) *).–Такая привязанность къ католичеству была очень прiятна полякамъ, и они, чрезъ 8 лѣтъ, по смерти короля Яна—Албрехта, опять обратились къ осуществленiю *своей любимой идеи о соединенiи съ Россiей*; для чего и предложили престолъ свой русско-литовскому князю Александру,—причемъ сдѣлали постановленiе, чтобы съ этаго времени санъ короля польскаго навсегда былъ соединяемъ въ одной особѣ съ саномъ великаго князя литовскаго.

Александръ взошелъ на польскiй престолъ. *Русь* опять, повидимому, *соединилась съ Польшей*—по крайней мѣрѣ подъ правленiемъ одного государя. Но поляки опять *не умѣли пользоваться этимъ соединенiемъ* и сами же разрушали его. Начали съ того, что королеву *Елену* не допустили къ коронацiи вмѣстѣ съ мужемъ ея, *потому что она была православная*; но—прибавляютъ съ величавою важностью польскiе историки—«ей позволено было имѣть въ краковскомъ замкѣ придворную церковь (kaplicę) своего вѣроисповѣданiя, *) и какъ будто это «*позволенiе*» было такою важною уступкой

*) Такъ нетерпимость католическая въѣлась уже тогда въ сердца Ольгердовичей, отвергшихся православiя, хотя руссы, вѣрные династiи ихъ, продолжали изъ нихъ избирать себѣ великихъ князей на литовскiй престолъ.

**) Ryś Historyi Polsk. przez J. Mikłaszewskiego. Стран. 96. Historya...., Teod. Wagi стран. 168 и др.

со стороны поляковъ, что даже исторія должна была писать объ этомъ, хотя евреи и татаре давно уже пользовались въ Польшѣ полною свободой своего богослуженія.—Вслѣдъ за этимъ, виленскій бискупъ *Албертъ—Таборъ*, съ бернардинскими монахами, началъ разъѣзжать по литовской Руси, изъ города въ городъ, чтобы склонять русское духовенство, русскихъ князей, бояръ и народъ къ переходу на латинскій обрядъ.—Плоды такихъ *мѣръ соединенія* тотчасъ обнаружились: города Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ—Сѣверскій, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, съ своими князьями, боярами и всѣми жителями, отложились отъ великаго княжества литовскаго и добровольно поддались государю московскому.—Отъ этого произошла между зятемъ и тестемъ кровопролитная война, истощившая силы Польши и не доставившая ей никакихъ выгодъ.

Въ слѣдовавшее за тѣмъ царствованіе Сигизмунда I-го (1506—1548) *плоды соединенія* продолжались: князья *Глинскіе*, съ своими родами и многими сторонниками, перешли изъ Литвы въ московскую Россію; и отъ этаго опять возгорѣлась война съ Москвою, кончившаяся тѣмъ, что государь московскій Василій Іоанновичъ возвратилъ себѣ отъ Польши еще одну свою древнюю отчину—Смоленскъ, находившійся въ отчужденіи отъ московской Руси 119 лѣтъ.

Современникъ Іоанна Грознаго, король польскій и великій князь литовско-русскій *Сигизмундъ* (II) *Августъ* воевалъ съ Москвой за Ливонію; и эта война была нечаяннымъ, новымъ поводомъ якобы «*къ окончательному соединенію литовской Руси съ Польшею*,» слѣдующимъ довольно-оригинальнымъ образомъ. Русско-литовское войско не хотѣло идти на войну, потому что Сигизмундъ—Августъ давно уже не платилъ жалованья. Вотъ король, вмѣсто денегъ (въ которыхъ и самъ крайне нуждался), началъ *выплачивать* жалованье *привиллегіями*, даровавши русско-литовскому дворянству тѣже *права вольности*, которыми пользовалась польская шляхта и щедрою рукою разсыпая шляхетскіе дипломы. Поляки, завидуя (есть чему завидовать!), такой щедрости короля, нарочитымъ посольствомъ просили его возвратиться изъ Вильна въ Краковъ, чтобъ тамъ «*окончить великое дѣло соединенія двухъ народовъ*».—По этому случаю собирались сеймы въ 1562,-63,-64, и въ

1565 году, но всё—безполезно. Пока былъ живъ канцлеръ литовскій *Николай Радзивилъ*, онъ не допускалъ желаннаго поляками *соединенія двухъ народовъ*, говоря, что «поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобъ, высосавъ медъ, бросить ихъ». Но по смерти сего доблестнаго литвино-русса, поляки начали дѣйствовать рѣшительнѣе, боясь, чтобы литовская Русь, по смерти стараго и бездѣтнаго короля ихъ Сигизмунда-Августа, не соединилась съ московскою Русью. Для окончанія этаго *дѣла*, былъ, въ 1569 году, созванъ въ Люблинѣ «*Великій Сеймъ*» изъ представителей обоихъ народовъ. Не охотно шли на этотъ сеймъ представители В. княжества русско-литовскаго, чувствуя, что рѣшается дѣло объ искорененіи ихъ національности. Многіе изъ нихъ ушли изъ сейма, не дождавшись окончанія и не откланявшись королю. Неизвѣстно, чѣмъ кончился бы этотъ сеймъ, еслибы два сильные и богатые обыватели русско-литовскаго княжества, кн. *Константинъ Острожскій* воевода кіевскій, и кн. *Александръ Чарторижскій* воевода волынскій, не измѣнили своему отечеству. Они подписали постановленіе *люблинскаго сейма*; за ними подписали многіе приверженцы ихъ, а потомъ и другіе.—Положено было: ни Литвѣ ни Польшѣ не избирать отдѣльнаго государя, но королю польскому быть и королемъ руссколитовскимъ; для избранія короля и для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, депутатамъ Литвы и Польши собираться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ; правамъ и преимуществамъ обоихъ народовъ быть совершенно равнымъ; сенату быть одному изъ членовъ обоихъ народовъ. Такимъ образомъ—*соединеніе* русско-литовскаго великаго княжества съ Польшею въ одну рѣчь посполитую кое-какъ *совершилось!*—Увидимъ *какъ* воспользуются поляки этимъ соединеніемъ, и на долго ли его станетъ.—Чрезъ два года послѣ люблинскаго сейма Сигизмундъ-Августъ умеръ. На немъ прекратилась династія Ягелловъ, и Польша *объявила свой престолъ избирательнымъ*, т. е. сама себя, своими собственными средствами, начала приготовлять къ разрушенію.—Когда всѣ прочіе престолы въ Европѣ изъ избирательныхъ обращались въ потомственно—наслѣдственные, *тогда именно* Польша, какъ будто съ похмѣлья на праздникѣ соединенія своего съ литовскою Русью, заводила у себя иначе.

Между четырьмя кандидатами на открывшуюся вакансію

польскаго короля состоялъ и *Іоаннъ Грозный*. Впрочемъ онъ сразу оскорбилъ поляковъ тѣмъ, что не прислалъ нарочитаго посла на избирательный сеймъ, но только повелѣлъ объявить сейму, что буде поляки пожелаютъ, онъ готовъ принять ихъ въ свое подданство, тѣмъ болѣе, что жители Литвы хотятъ имѣть его своимъ государемъ.—Поляки отворотились отъ Грознаго, и избрали своимъ королемъ *Генриха—Валуа*. Когда же этотъ новоизбранный король, чрезъ пять мѣсяцовъ, бѣжалъ съ польскаго престола и оставилъ его опять вакантнымъ, то поляки избрали для себя уже *разомъ двухъ королей*: *Максимиліана* II-го императора нѣмецкаго, и *Стефана Баторія* воеводу седмиградскаго. Оставалось тому *изъ двухъ* быть королемъ, кто раньше пріѣдетъ и сядетъ на престолѣ. *Баторій* опередилъ *Максимиліана* и воцарился въ Польшѣ. Этотъ умный король немедленно обратилъ свое вниманіе на новую народную стихію, образовавшуюся среди королевства польскаго, и доселѣ почти незамѣченную поляками—на *козаковъ малороссійскихъ и запорожскихъ*. Съ этого времени выступаетъ на сцену въ польской исторіи новая, или *козацкая Русь*, которая образовалась слѣдующимъ образомъ.

Когда Россія, послѣ татарскаго погрома, раздѣлилась на московскую и литовскую Русь, многіе жители литовской Руси, не желая подчиняться ни татарамъ, ни Литвѣ, удалились на днѣпровскіе острова, огражденные скалами, непроходимыми тростниками и болотами, и начали принимать къ себѣ другихъ выходцевъ, только подъ непремѣннымъ условіемъ исповѣданія православной вѣры, за которую они не щадили своей жизни. Мало по-малу изъ этого свободнаго народонаселенія въ южныхъ приднѣпровскихъ странахъ образовалось воинственное христіанское общество, или *рыцарство*, называвшееся сперва *черкасами*, а потомъ *козаками*. Русскій языкъ и русская вѣра, отчаянная храбрость въ схваткѣ съ бесурманами, быстрота и ловкость, неимовѣрная воздержность и терпѣніе во время похода и самое разгульное бражничество во время отдыха,—вотъ общія качества козаковъ.—Они вскорѣ потомъ раздѣлились на двѣ касты: на *женатыхъ* и *холостыхъ*. Женатые разселились по всей-такъ-называемой Малороссіи и Украйнѣ, занимались сельскимъ хозяйствомъ и сами себѣ выработали права подобныя правамъ польской шляхты, пока поляки не начали

подчинять ихъ въ свое подданство и холопство. Изъ женатыхъ не всякъ выступалъ въ походъ, но только тѣ, которые были записаны въ *реестръ*, отчего и назывались *реестровыми*. А обрекшіе себя на холостую жизнь всѣ—были воины. Они избрали для себя мѣсто на одномъ изъ днѣпровскихъ островъ, *за порогами* рѣки, устроили тамъ крѣпость, названную *Сѣчью*, и для отличія отъ женатыхъ своихъ братьевъ назывались *запорожцами*. Козаки сами выбирали себѣ начальниковъ и судились собственнымъ судомъ. Появленіе такого вооруженнаго общества въ литовско-русскихъ владѣніяхъ (status in statu) не могло бы произойти безъ вѣдома и позволенія литовско-польскаго правительства, если бы это правительство управляло страною, какъ слѣдуетъ. Напротивъ того, козачество служитъ доказательствомъ, что католики—великіе князья литовскіе и короли польскіе не имѣли никакихъ средствъ не допустить образоваться въ своихъ владѣніяхъ этой отдѣльной вооруженной силѣ, а потомъ какъ допустили, то не могли дать этой силѣ полезное для Польши и Литвы назначеніе,—пока наконецъ умный Баторій не обратилъ на нее своего вниманія.—Онъ, въ 1576 году, далъ козакамъ полное полковое учрежденіе, раздѣливши ихъ на полки и поставивши надъ ними Гетмана и генеральную старшину. Козачему гетману онъ даровалъ королевское знамя, бунчукъ, булаву и войсковую печать, и позволивши козакамъ селиться по всей малороссіи, столичнымъ городомъ для нихъ назначилъ *Терехтемировъ*.

Когда по смерти Баторія сеймъ приготовился къ балотировкѣ новаго короля, депутаты отъ В. княжества русско-литовскаго предложили отъ себя кандидатомъ царя московскаго *Θеодора Іоанновича*, съ которымъ они предварительно вошли въ сношеніе. Послѣ долгихъ споровъ и несогласій, условились наконецъ выставить въ полѣ три знамени: московское, австрійское и шведское. Московскимъ знаменемъ была *русская шапка*, австрійскимъ—*шляпа нѣмецкая*, а шведскимъ—*селедка*. Подъ московскою шапкою собралось такое множество избирателей, что и другія двѣ партіи, видя свою малочисленность, присоединились къ нимъ. 4-го августа 1587 года духовенство, сенаторы и шляхетство торжественно приняли въ *рыцарскомъ колѣ* пословъ русскихъ, кн. *Троекурова*, *Степана Годунова* и дьяка *Щелкалова*. Все склонялось къ тому, чтобъ

литовская Русь возвратилась къ прежнему соединенію съ московскою Русью и чтобъ древняя славянская держава—Польша, соединилась съ такою же древнею славянскою державой, Россіей. Всѣ препятствія мало-по малу были устранены посредствомъ взаимныхъ уступокъ; осталось одно только препятствіе: Ѳеодоръ Іоанновичъ не согласился вѣнчаться на польское королевство по р. католическому обряду, и.... союзъ рушился, поляки отказались отъ московскаго царя. Между тѣмъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что большинство народонаселенія въ польскомъ королевствѣ (въ соединеніи его съ русско-литовскимъ великимъ княжествомъ) принадлежало къ грекороссійскому вѣроисповѣданію, московскій царь долженъ былъ уважить это большинство и не оскорблять его принятіемъ р. котолическихъ обрядовъ. И тогдашніе поляки неблагоразумно сдѣлали, увлекшись религіозною нетерпимостью въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ *желанное ими полное соединеніе съ Россіей.*

На престолъ польскій взошелъ шведскій королевичъ *Сигизмундъ* (III), и—съ нимъ воцарились іезуиты, окончательно разстроившіе и погубившіе Польшу.

Поляки, съ первыхъ дней царствованія Сигизмунда III-го, не полюбили его, и онъ взаимно не полюбилъ ихъ,—впрочемъ надобно сказать, и та и другая сторона были совершенно правы.—Не любя и не уважая своего короля, поляки однако старались, по-видимому, о благосостояніи своего отечества, и боясь, чтобъ оно не возвратилось въ то беззащитное и слабое состояніе, въ какомъ было до соединенія своего съ В. княжествомъ русско-литовскимъ, задумали—всѣ области этого княжества сплотить въ одинъ народъ съ Польшею, чтобы отвлечь ихъ на будущее время отъ всякаго поползновенія къ соединенію съ московскою Русью. Они уже сообщили этимъ областямъ свой заразительный образъ правленія и образъ своевольной жизни. Русскій языкъ въ этихъ областяхъ нечувствительно перерождался въ польскій; древле-русскіе нравы и обычаи портились и ополячивались. Оставалась неприкосновенною только русская, грековосточная вѣра, которая, составляя главную стихію русской народности, сильно напоминала этимъ русскимъ областямъ о древнемъ единеніи ихъ съ московскою Русью: поляки рѣшились отнять у этихъ областей и эту послѣднюю національность. А король Сигизмундъ III, руководимый іезуитами, всю

славу своего царствованія поставлялъ именно въ томъ, чтобъ совращать въ римское католичество своихъ подданныхъ—иновѣрцевъ. Въ этомъ отношеніи король и подданые его поляки сошлись въ своихъ намѣреніяхъ,—дружно начали преслѣдовать православную вѣру, и общими усиліями разстроивши Польшу до возможной крайности, мастерски приготовили ее къ совершенному паденію.

Послѣ долговременнаго приготовленія умовъ къ задуманной перемѣнѣ, наконецъ въ 1595 году былъ созванъ въ *Брестѣ Литовскомъ* духовный *Соборъ* для соединенія въ Польшѣ восточной церкви съ западною на основаніи флорентійскаго неудавшагося соединенія.—Князь *Константинъ Острожскій*, отъ лица всего русскаго народа соединеннаго съ Польшею, протестовалъ на соборѣ противъ предложенной *уніи* А козацкій *гетманъ Ѳеодоръ Косинскій* прислалъ отъ себя два представленія, одно королю и сенату, а другое на соборъ, и откровенно объявилъ, что онъ не ручается за согласіе козаковъ на эту перемѣну.—Косинскаго ласково пригласили въ Брестъ на соборъ; но.... когда онъ пріѣхалъ туда, *его живаго замуровали въ каменный столбъ въ одномъ кляшторѣ!!!* При нынѣшней учености поляковъ и при ихъ страсти къ археографическимъ розысканіямъ, желательно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ потрудился поискать въ Брестѣ: существуетъ ли доселѣ этотъ достопамятный столбъ—*первый монументъ «святой уніи»*....

Козаки, въ числѣ 7 тысячъ человѣкъ, пошли—было освобождать своего гетмана, но уже было поздо: только встрѣтившись, подъ мѣстечкомъ *Пяткою*, съ польскимъ войскомъ, поразили его на голову.—Папа Климентъ VIII благословилъ брестскую унію: вся Малороссія и Литва взволновались

Послѣ сего поляки поручили своему коронному гетману *Станиславу Жолкевскому* занять Малороссію польскими войсками, ввести во всѣ малороссійскіе города польскіе гарнизоны, не допускать козаковъ до избранія новаго гетмана и вооруженною рукою помогать р. католическому духовенству при обращеніи русскихъ въ унію. Казалось бы, послѣ такихъ энергическихъ мѣръ *къ соединенію Руси съ Польшею*, нельзя было ожидать никакой неудачи. Но козаки, на основаніи правъ, дарованныхъ имъ отъ Ст. Баторія, избрали себѣ въ 1596 году

гетманомъ бывшаго генеральнаго эссаула *Павла Наливайка,* который послалъ къ королю Сигизмунду III просить о подтвержденіи своего избранія, и вмѣстѣ жаловался на притѣсненія, терпимыя козаками отъ пановъ. Король отвѣчалъ, что на первомъ имѣющемъ быть сеймѣ онъ предложитъ объ истребленіи злоупотребленій панскихъ; но въ ожиданіи этого сейма, Жолкевскій съ своимъ войскомъ напиралъ на козаковъ.—При рѣкѣ *Тясминѣ* сошлись козаки съ польскимъ войскомъ.—Наливайко выставилъ предъ своимъ войскомъ хоругвь съ крестомъ и съ надписью: «*миръ христіанству, а на зачинающаго Богъ и крестъ.*» А поляки предъ своимъ войскомъ повѣсили трехъ малороссійскихъ чиновниковъ, и выставили надъ висѣлицею знамя съ надписью: «*казнь бунтовщикамъ.*»—Изъ этихъ двухъ противоположныхъ надписей и дѣйствій очевидно, какъ далеко тогдашніе поляки превосходили козаковъ въ цивилизаціи и въ *искуствѣ соединенія двухъ народовъ*; а съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи они еще болѣе покажутъ отличій въ этомъ родѣ.

Польское войско бросилось атакою на козачій лагерь. Убійство и сѣча продолжались семъ часовъ; поляковъ легло 17 тысячъ человѣкъ, и побѣда осталась за козаками. Тогда Наливайко пошелъ съ своимъ войскомъ очищать Малороссію отъ поляковъ и отъ уніи, и такъ *почистилъ ее,* что Сигизмундъ III принужденъ былъ послать къ нему въ лагерь, при рѣкѣ *Сулѣ,* нарочитыхъ пословъ, съ приглашеніемъ къ миру. Всѣ три гетмана, *коронный* (т. е. польскій), *литовскій* и *козачій* своимъ подписомъ и присягой утвердили мирный договоръ, по которому всѣ прежнія права козаковъ были возстановлены совершенно.

Въ 1597 году былъ въ Варшавѣ сеймъ, на который, въ силу мирнаго договора, и козаки имѣли право прислать своихъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тремя депутатами отъ козачества, поѣхалъ на сеймъ и самъ гетманъ *Наливайко.*—Потомство должно знать имена всѣхъ этихъ *мучениковъ*; это были: полковникъ *Лобода,* судья *Ѳедоръ Мазепа* и кіевскій сотникъ *Яковъ Кизимъ.*—Въ первую ночь по пріѣздѣ ихъ въ Варшаву, поляки всѣхъ ихъ трехъ съ гетманомъ взяли подъ стражу и посадили въ тюрму; а чрезъ два дня послѣ того, безъ допроса и суда, выведши всѣхъ четырехъ на площадь, *посадили*

ихъ живыхъ въ мѣдного быка и сжарили въ немъ медленнымъ огнемъ.. ... Удивительная изобрѣтательность ума въ *искусствѣ соединять два народа, русскій съ польскимъ!!*...

Чтобъ еще болѣе скрѣпить это «*соединеніе*», правительство польское, послѣ мученичества Наливайки съ депутатами, объявило всѣхъ малороссійскихъ козаковъ холопами, невольниками, или *ясыромъ* польскимъ, а земли ихъ—принадлежащими *польской коронѣ*, всю Малороссію заняло своими войсками, всѣ ранговыя имѣнія, деревни и староства козачія раздало во владѣніе своимъ панамъ и приступило вооруженною рукой совращать все тамошнее народонаселеніе въ унію. Народъ, не принимавшій уніи, былъ объявленъ «*схизматиками*»; священники изъ приходовъ и монахи изъ монастырей были выгнаны; русскія церкви сперва были заперты, а потомъ отданы на откупъ жидамъ: некому было ни мертвыхъ отпѣвать, ни раждающихся младенцевъ крестить.—Угнетаемые такимъ образомъ малороссіяне начали большими толпами бѣжать на *Запорожье*, и тамъ въ 1598 году избрали себѣ гетманомъ генеральнаго обознаго *Петра Канашевича—Сагайдачнаго*.

Между тѣмъ въ московской Россіи наступили тажкія времена *самозванцовъ*. Поляки и тамъ много потрудились для желаемаго ими *соединенія съ Россіей*. Извѣстно, что первый самозванецъ, покровительствуемый Сигизмундомъ III, былъ креатура польскихъ іезуитовъ; а другой, слѣдовавшій за нимъ Лжедимитрій былъ подставленъ полякомъ *Мѣховецкимъ*, который и руководилъ его дѣйствіями. Вельможи польскіе Рожинскій, Сапѣга, Вишневецкій, Лисовскій и Тышкевичи, каждый съ отрядомъ вооруженной вольницы, вступили въ Россію вмѣстѣ съ вторымъ пройдохою, и дошедши до села *Тушина* (12 верстъ отъ Москвы) расположились лагеремъ. Держа Москву въ осадѣ и розоряя окрестности ея, они озлобили противъ себя все народонаселеніе.—Почитая это время самымъ благопріятнымъ для собственныхъ своихъ видовъ на Россію, Сигизмундъ III и самъ пошелъ на нее войною, въ намѣреніи покорить ее не для самозванца, но для себя самаго, и потомъ обратить ее въ католичество. Жолкевскій совѣтовалъ ему идти прямо къ Москвѣ; но онъ за благо разсудилъ взять сперва Смоленскъ и осадилъ его (Сент. 1609).—Между тѣмъ, по старанію Жол-

кевскаго, московскій царь Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ сведенъ съ престола, и москвичи доведены были до крайности отправить къ Сигизмунду посольство съ просьбою, чтобъ онъ оставилъ осаду Смоленска и отпустилъ бы къ нимъ въ Москву на царскій престолъ сына своего Владислава. Сигизмундъ сына не отпустилъ, Смоленска не пересталъ осаждать, а пословъ русскихъ посадилъ въ темницу.—Извѣстно окончаніе этой, постыдной для поляковъ, войны: ихъ выгнали изъ Россіи; королевичъ ихъ потерялъ московскій престолъ, и—въ Россіи воцарилась благословенная династія Романовыхъ. Только и славы, что чрезъ 20 мѣсяцовъ осады взяли поляки Смоленскъ, да и тотъ не на долго.—Напрасно Сигизмундъ въ 1617 году посылалъ сына своего съ войскомъ и съ воеводою *Ходкевичемъ* отыскивать утраченный московскій престолъ; напрасно упросилъ онъ и гетмана козачаго, *Сагайдачнаго*, помогать въ этомъ Владиславу. Дошедши до села Тушина, по слѣдамъ втораго самозванца, королевичъ принужденъ былъ, 1-го сентября 1618 года, заключить съ Россіей миръ, по которому Польша, вмѣсто ожиданнаго покоренія всей Россіи, присоединила къ себѣ только сѣверскую область, т. е. нынѣшнюю черниговскую губернію.

Казалось бы послѣ такой услуги козаковъ, Сигизмундъ долженъ былъ если не благодарить, то по крайней мѣрѣ не обижать ихъ и не трогать ихъ вѣры; но онъ рѣшился истребить всѣхъ малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ и исповѣдуемую ими православную вѣру.—Пока былъ живъ доблестный Конашевичъ—Сагайдачный (ум. 1622), наставники Сигизмунда,—іезуиты, хотя прилежно и довольно успѣшно старались о распространеніи уніи между польскою Русью, но дѣйствовали по крайней мѣрѣ не всегда дерзско и нагло. А по смерти Сагайдачнаго начали дѣйствовать безъ всякаго страха; православная вѣра была объявлена *«холопскою вѣрою»*; православное богослуженіе запретили повсемѣстно и не допускали православныхъ ни къ какимъ должностямъ, а всѣхъ козаковъ подчинили коронному гетману. Православные епископы, рукоположенные цареградскимъ патріархомъ *Ѳеофаномъ*, должны были скрываться въ частныхъ домахъ, какъ будто во время гоненія Діоклитіана. Напрасно сынъ короля, Владиславъ, вступался за притѣсненныхъ: Сигизмундъ не внималъ никакимъ представленіямъ.

Отчаянные козаки, въ 1624 году, избрали себѣ гетманомъ корсунскаго полковника *Тараса Трясилу*, и пошли грудью противъ своихъ притѣснителей. Извѣстна побѣда ихъ надъ поляками, называемая въ лѣтописяхъ «*тарасовою ночью*»: такихъ кровавыхъ ночей немного въ исторіи.

Послѣ Сигизмунда воцарился сынъ его ***Владиславъ*** (IV), а надъ козаками, послѣ Тараса умершаго въ 1633 году, былъ избранъ гетманомъ *Павлюкъ*. Не смотря на доброту новаго короля и на сострадание его къ козакамъ, междоусобная война за вѣру продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Наконецъ польскій коронный гетманъ ***Конецпольскій*** предложилъ Павлюку миръ, съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ и привиллегій козачихъ, въ числѣ которыхъ первою была ***свобода вѣры и богослуженія***. Мирный договоръ былъ подкрѣпленъ съ обѣихъ сторонъ подписомъ и присягою. ***Павлюкъ повѣрилъ присягѣ поляковъ***, и распустилъ свое войско по домамъ. Тогда Конецпольскій предательски напалъ на безоружнаго, схватилъ Павлюка съ бывшими при немъ четырьмя козачими чиновниками, забилъ ихъ въ кандалы и привелъ въ Варшаву, какъ будто военноплѣнныхъ.

Въ Варшавѣ, безъ допроса и суда, поляки ***у живаго Павлюка содрали кожу съ головы***, а четыремъ чиновникамъ его отрубили головы. Затѣмъ сеймъ опредѣлилъ: уничтожить русскую вѣру и русскихъ жителей Польши обратить въ крестьянъ!

Козаки избрали себѣ новаго гетмана, нѣжинскаго полковника *Степана Остряницу*.—Когда этотъ герой-мученикъ, очищая Малороссію отъ ксендзовъ и жидовъ, нагналъ съ своими козаками польское войско съ короннымъ гетманомъ ***Ланцкоронскимъ*** подъ мѣстечкомъ ***Полоннымъ***, то Ланцкоронскій, на видя себѣ никакого спасенія, выслалъ изъ мѣстечка противъ Остряницы церковную процессію съ хоругвями и крестами, и чрезъ православное духовенство предлагалъ ему миръ, съ возвращеніемъ православному народу всѣхъ прежнихъ правъ и свободы вѣроисповѣданія.—Остряница согласился.—Поляки присягали на Евангеліи и подписали мирный договоръ. ***Козаки опять повѣрили присягѣ поляковъ***, и опять дорого заплатили за свою вѣру.—По заключеніи мира, Остряница распустилъ козаковъ, а самъ съ войсковою старшиной и съ полковниками

заѣхалъ въ городъ *Каневъ*, чтобъ помолиться Богу въ тамошнемъ монастырѣ.—Во время богослуженія поляки окружили монастырь, и захватили въ немъ Остряницу съ 37 спутниками его. Перевязавши ихъ, положили въ телѣги и отправили въ Варшаву, какъ будто военноплѣнныхъ, а монастырь сожгли.—По этому случаю, въ Варшавѣ была устроена торжественная процессія римско-католическаго духовенства, среди которой вели плѣнниковъ на казнь. *У живаго Остряницы тянули на колесо жилы изъ рукъ и ногъ,* пока онъ въ такихъ мукахъ скончался. Жены и дѣти несчастныхъ спутниковъ Остряницы, равно и сами они, были замучены разными родами смерти, превышающими всякую мѣру безчеловѣчія. Головы и отрубленныя руки и ноги мучениковъ были разосланы по всей Малороссіи и для страха выставлены на площадяхъ по городамъ......

Кровь *Косинскаго, Наливайки, Павлюка* и *Остряницы,* съ ихъ товарищами, такъ зачернила польскую исторію, что этаго кроваваго пятна нельзя уже смыть съ нея никакими косметическими средствами литературы. *) Надобно имѣть особенное искусство, чтобъ называя эту исторію *своею,* умѣть читать ее не краснѣя.

Въ краткомъ нашемъ очеркѣ мы не будемъ повторять исторію о великомъ и славномъ подвигѣ *Богдана Хмѣльницкаго,* успѣвшаго освободить малороссію отъ польского ига; укажемъ только на нѣкоторыя достопамятныя черты и обстоятельства этого событія, а именно на тѣ черты, которыя самымъ рельефнымъ образомъ дорисовываютъ ту историческую истину, что Польша не умѣла и не достойна была владѣть Малороссіей.

---

*) О мученичествѣ этихъ малороссіянъ говорится, болѣе или менѣе открыто или прикровенно, во всѣхъ польскихъ исторіяхъ, на прим: въ Ustępy i ułomki historyczne. II O kozakach, pamiętniki.... Maciejewskiego (1839) стран. 297, 298, 308. Такъ же въ Dzieje Król. polsk. Bandtke Tom. II. стран. 233, 295. Такъ же въ Teod. Wagi Historya ksężat i król. polsk. стран. 295, 296, 299 и др. Вотъ самыя смягчительныя выраженія историковъ объ этихъ мученіяхъ: „mimo słowo dane, stracono Pawluka,“ или; „z hańbą publicznei ufnosci obietnica nie dotrzymana, i w roku 1638 na gardło skazani,“ и т. подобн.

Самъ король Владиславъ IV благословилъ козаковъ выбиваться изъ неволи польской, сказавши имъ слѣдующія слова: *«вѣдь вы—воины, имѣете оружіе и сабли, слѣдовательно вы сами можете защищать вашу свободу, а я вамъ ни въ чемъ не могу помочь»* *).—Эти слова, какъ нельзя больше и лучше, свидѣтельствуютъ о *жалкомъ* состояніи и короля и королевства польскаго,—о безсиліи перваго защищать своихъ подданыхъ и о неспособности послѣдняго удержать за собою какую-либо политическую организацію.—По смерти Владислава, Хмѣльницкій искренно плакалъ о немъ и повелѣлъ по всѣмъ церквамъ молиться о упокоеніи души короля, *пострадавшаго за народъ благочестивый* **).

Послѣ смерти Владислава IV, козаки такъ легко могли бы завоевать и поработить себѣ всю Польшу, что сами поляки, послѣ бѣгства своего войска при *Пилавцахъ*, удивлялись, почему Хмѣльницкій цѣлыя три недѣли оставался въ бездѣйствіи, ожидая выбора новаго короля, и дажо называли это *чудомъ Божіимъ*, ослѣпившимъ гетмана. Но это произошло отъ той простой и ясной причины, что Хмѣльницкій былъ *не «бунтовщикъ и не разбойникъ»*, какъ называли его поляки, но только благородно и безкорыстно защищалъ то, чего дороже нѣтъ для человѣка—свободу и вѣру своей родины; слѣдовательно—онъ ожидалъ, не позволитъ ли новый король родинѣ его *существовать* и *вѣровать* по-прежнему, а потому впредь до выбора новаго короля и не хотѣлъ ничего предпринимать противъ своихъ враговъ.

Когда же былъ выбранъ королемъ *Янъ—Казиміръ*, и когда этотъ эксмонахъ—король, 17 іюня 1649 года, выступилъ въ битву съ козаками около *Зборова*, то козаки, разбивши на голову поляковъ, весьма легко могли бы убить или по крайней мѣрѣ полонить и самаго короля; но Хмѣльницкій, уважая помазанника Божія, *предварительно приказалъ не*

---

*) Wy iesteście rycerże, macie muszkiety i szable, a więc macie czém bronić wolności waszéy; na tem polegaycie, ale nie na mnie, bo ja nic wam pomódz nie mogę. **O kozakach. Pamiętniki.... Maciejewskiego** стран. 307.

**) Исторія Руссовъ, Конисскаго стран. 86.

прикасаться къ его особѣ. Вотъ каковъ былъ этотъ «бунтовщикъ и разбойникъ», и вообще вотъ каковы всегда были православные русскіе въ отношеніи къ полякамъ, которые, озападнившись и потерявши свое славянство, не умѣютъ цѣнить своихъ восточныхъ братьевъ.

Въ другой разъ повторилось подобное дѣло еще трогательнѣйшимъ образомъ. Поляки предательскимъ образомъ убили, подъ *Сачавою,* любимаго сына Хмѣльницкаго, ***Тимофѣя***. Гетманъ горько плакалъ надъ привезеннымъ къ нему трупомъ сына, и потомъ, какъ раненный левъ, бросился искать своихъ убійцъ. Подъ *Жванцомъ* онъ нашелъ самаго короля Яна-Казиміра въ лагерѣ, и напалъ на его войско, ***приказавши предварительно козакамъ не стрѣлять въ короля и не прикасаться къ его особѣ***. Не забудьте: это приказывалъ *отецъ, у котораго убили сына!..* Козаки разбили поляковъ на повалъ, и 11 тысячъ человѣкъ взяли въ плѣнъ,—могли бы взять и короля, но Хмѣльницкій позволилъ ему спокойно уѣхать со всѣми экипажами, и ***даже далъ ему отъ себя почетный конвой***. Этакій «разбойникъ и схизматикъ»!...

На основаніи *зборовскаго* мирнаго договора, православный митрополитъ кіевскій *Сильвестръ Коссовъ* пріѣхалъ въ Варшаву занять свое мѣсто въ сенатѣ; но папскій нунцій и всѣ польскіе бискупы тотчасъ объявили королю, что ежели сей святитель вступитъ въ сенатъ, то они всѣ тотчасъ выйдутъ изъ него: еслибы не было никакихъ другихъ доказательствъ, то изъ этого даже одного случая можно извлечь широкое понятіе и о благоразуміи тогдашняго польскаго духовенства и о его братолюбіи.—Малороссіяне такимъ же чувствомъ отвѣчали своимъ гонителямъ, и многими сотнями тысячъ уходили въ великую Россію, на ***булавинскія степи***, гдѣ и основали слободы ***Ахтырку***, ***Изюмъ***, ***Сумы***, ***Харьковъ*** и др.

Наконецъ—8 генваря 1654 года древняя часть Россіи, обстоятельствами времени переименованная въ *Малороссію,* торжественно присоединилась къ ***великой Россіи***.—Въ слѣдствіе возникшей по этому случаю войны у поляковъ съ русскими, Польша дошла до такого безсилія и безнадежности, что сама себя предлагала въ подданство сперва шведскому королю ***Карлу*** X, а потомъ нѣмецкому императору ***Фердинанду*** III; наконецъ опомнилась, бѣдная, и 24 октября

1656 года заключила въ Вильнѣ съ русскимъ царемъ *Алексѣемъ Михайловичемъ* трактатъ, по которому право наслѣдства своимъ престоломъ, послѣ короля Яна-Казиміра, передала русскому царю.—Невозможность оставаться Польшѣ самобытною и тогда такъ была уже ощутительна, что даже трансильванскій князь *Юрій Ракочій* задумалъ—было раздѣлить ее между сосѣдними государствами, и съ этою цѣлью, въ томъ же 1656 году, ввелъ въ Польшу 50 тысячъ своего войска.

Царь Алексѣй Михайловичъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ польскаго престола, защитилъ Польшу отъ ея враговъ. Но надобно жъ было такъ случиться, что чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ *виленскаго трактата* умеръ доблестный Богданъ Хмѣльницкій. *Виговскій*, изъ военноплѣнныхъ поляковъ, достигшій званія генеральнаго писаря въ козацкомъ войскѣ, успѣлъ своими происками похитить гетманскую власть у малолѣтняго Богданова сына *Юрія*, и измѣнивши русскому царю, задумалъ-было опять присоединить Малороссію къ Польшѣ. Новая война, возникшая по этому случаю между Польшей и Россіей, продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ 8 лѣтъ, и была заключена, 30 генваря 1667 года, *андрусовскимъ миромъ*, по которому Смоленскъ, Сѣверская область, и вся часть Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра, съ городомъ Кіевомъ на правой сторонѣ, должна была оставаться за Россіей. А часть Малороссіи по правую сторону Днѣпра, съ тамошнимъ гетманомъ *Дорошенкомъ*, должна была поступить въ подданство Польши. Но Дорошенко и слышать не хотѣлъ о подданствѣ полякамъ,—даже предпочелъ подчиниться невѣрнымъ туркамъ!

Исторія буйной и нестройной гетманщины составляетъ часть русской исторіи; а польская исторія прикасается къ ней только со стороны тѣхъ интригъ и усильныхъ стремленій, какія Польша постоянно употребляла, чтобъ присоединить къ себѣ эту, драгоцѣнную для нея, часть Россіи. Но всѣ козни и интриги оказались безполезны. По порученію короля *Яна Собѣскаго*, познаньскій воевода *Гржимультовскій*, 24 апрѣля 1686 года, долженъ былъ заключить въ Москвѣ договоръ, по которому Польша навсегда отказалась отъ Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра и отъ города Кіева, на правой сторонѣ, съ его окрестностями по рѣку *Ирпень*. Собѣскій подписалъ этотъ трактатъ *со слезами о несчастной судьбѣ Рѣчи поспо-*

литой *), не умѣвшей и недостойной пользоваться соединеніемъ съ Россіей. А Малороссія по правую сторону Днѣпра, даже съ городомъ Каменцомъ, увы, принадлежала тогда туркамъ и такое магометанское иго тяготѣло надъ тою страною даже до 1699 года, пока Россія не свергла его изъ состраданія къ погибавшей Польшѣ. Петръ великій, своими побѣдами принудивши турковъ заключить ***карловицкій миръ*** (26 сент. 1699) съ нимъ, съ Австріей и Польшей, выговорилъ въ пользу сей послѣдней возвращеніе Каменца, и сверхъ того освободилъ ее отъ обязанности платить крымскимъ татарамъ ежегодную дань овчинными тулубами.

Польша понимала, что безъ внѣшняго пособія и вмѣшательства своихъ сосѣдей она не можетъ существовать. Ежели случалось такъ, что у нея не было внѣшней войны, то внутри ея всегда свирѣпствовало междоусобіе, которое прекратить она не могла собственными силами. Такимъ образомъ, послѣ карловицкаго мира, въ Польшѣ нѣсколько разъ собирались сеймы для прекращенія междоусобнаго кровопролитія, и—всѣ понапрасну. Наконецъ король *Августъ* II, во время личнаго свиданія въ Гданскѣ съ Петромъ Великимъ, упросилъ русскаго царя вмѣшаться въ это дѣло и возстановить въ Польшѣ спокойствіе. По распоряженію Петра, въ присутствіи посла его *кн. Григорія Долгорукаго*, былъ созванъ, въ 1717 году, сеймъ въ Варшавѣ, *который продолжался только 7 часовъ,* и по причинѣ устраненія всѣхъ противорѣчій былъ названъ *нѣмымъ*. По распоряженію этаго сейма, между прочимъ, всѣ частныя произвольныя, вооруженныя партіи, или ***конфедераціи***, грабившія и разорявшія свою собственную отчизну, были запрещены; и часть русскаго войска была на два года оставлена въ Польшѣ для водворенія въ ней спокойствія.

Чѣмъ же отблагодарила Польша за такое попеченіе русскаго правительства объ ней?.. Гоненіемъ русской вѣры и русскаго народа, жившаго въ ея предѣлахъ!—На языкѣ польсколатинскомъ всѣ эти неистовства назывались ***соединеніемъ***,

---

*) Zaprzysiągł król z Moskwą tractat Grzymułtowskiego z płaczem nad niedolą Rzeczypospolitey.... **Dzieje król. Polskiego przez Bandtke.** Том. II. Стран. 444.

уніей!!—Пока на правой стороне Днепра командовалъ хвастовскимъ казачимъ полкомъ доблестный *Семенъ Палѣй*, поляки еще сколько-нибудь опасались обижать православный народъ и его вѣру; но по смерти Палѣя они безстрашно начали верстать козаковъ въ своихъ крестьянъ, и всѣми мѣрами жестокости принуждали ихъ къ уніи. Многія тысячи православнаго народа бѣжали на лѣвую сторону Днѣпра и въ Запорожье, города были выжжены, села превратились въ пустыни, вся торговля перешла въ руки жидовъ; а польская шляхта ни объ чемъ больше не безпокоилась, кромѣ своей вольности, проводила время въ пьянствѣ, и не замѣчала, что отечество ея гибнетъ. Вся Европа почитала тогда народъ польскій находящимся въ такомъ возрастѣ дѣтства и на такой степени варварской дикости и грубаго невѣжества, на какой была нѣкогда Европа въ среднія вѣка *).—Впрочемъ надобно сказать и то, что не смотря на такую общую дикость и невѣжество польскаго народа, въ немъ всегда выказывались изъ толпы просвѣщенные и благомыслящіе люди, которые желали добра своему отечеству. Но такіе люди были—рѣдкія исключенія, обязанныя своимъ бытіемъ и просвѣщеніемъ частнымъ причинамъ а не общему ходу народнаго правленія и воспитанія. Все общественное тѣло Польши давно уже умирало, но еще время отъ времени содрагалось иногда отъ послѣднихъ конвульсій жизни **).—Къ числу такихъ вспышекъ жизни надобно отнести—(1736) *Миротворительный сеймъ* (seym pacyfikacyiny), бывшій въ Варшавѣ въ началѣ царствованія *Августа* III-го. Польша какъ будто рѣшилась наконецъ примириться съ здравымъ разсудкомъ и исправить всѣ свои неправды; но между многими добрыми постановленіями этого сейма была и вотъ какая нелѣпость: «*удалить диссидентовъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, и не принимать отъ нихъ депутатовъ на сеймы*». И

---

*) Dzieje królestwa polsk. Том. II. Стран. 515.

**) Byli to tylko ludzie ze składu okolicznosci, lub z prywatnego wychowu wielcy, nie z istoty administracyi krajowei. Jeśli się kiedy udało się zbić nieprzyiacela, zawrzeć pokoy, przetrwać w nim jaką chwilę,—znaydowali się zawsze w tym schorzałym ciele rzeczypospolitey cząstki jakie żywotnich duchow. Naruszewicz Том. VII. стран, 8, 9.

оказалось на дѣлѣ, что Польша одною рукой перевязывала свои раны, а другою разстравляла ихъ....

Наконецъ въ царствованіе *Станислава—Августа Понятовскаго* (1764—1796) Польша добила сама себя и умерла самоубійственною смертью. Между пожитками погибшей были *чужія «воровскія вещи»* которыми она владѣла безъ достаточнаго права и основанія, и даже не умѣла пользоваться ими,—какъ ни придѣвала ихъ къ себѣ, никакъ не шли къ ея лицу. Это были—Бѣлоруссія, Волынь, Подоль и кіевская сторона. Настоящая природная хозяйка этихъ областей, Россія, взяла ихъ себѣ обратно по праву prioris dominii: слѣдовало ей тогда же взять себѣ и Галицію по тому же праву, но нѣмцы оттянули ее къ себѣ, да и весь трупъ Польши взяли себѣ для анатомическихъ изслѣдованій и опытовъ.

Niema Polski!....

Вскорѣ послѣ сего явился въ Европѣ волшебникъ—кудесникъ, который надъ царствами европейскими дѣлалъ разныя фантасмагоріи, то превращалъ ихъ въ республики, то изъ республикъ опять дѣлалъ королевства. Вотъ и несчастные поляки обратились къ этому магу съ просьбой, не можно ли воскресить и ихъ умершее королевство—республику?.. Кудесникъ не могъ воскрешать умершихъ, но чдобы потѣшить просителей своими *штуками*, представилъ имъ миражъ политической жизни подъ именемъ *варшавскаго герцогства*. Увы.... миражъ не долго тѣшилъ и обманывалъ ихъ. Все рушилось, и нѣмцы опять принялись за анатомію польскаго трупа.

Будемъ говорить безъ алегорій.—Во время *вѣнскаго конгреса* 1814 года, кн. *Адамъ Чарторижскій*, пользовавшійся не только благоволеніемъ но почти дружескимъ расположеніемъ Русскаго Императора Александра I-го, привелъ къ нему ночью, тайно отъ нѣмцовъ, своихъ земляковъ—депутатовъ отъ всѣхъ воеводствъ варшавскаго герцогства. Всѣ они пали къ ногамъ Благословеннаго и со слезами *просили, чтобъ Онъ принялъ варшавское герцогство въ нераздѣльный составъ Россійской имперіи, безъ всякихъ условій*. Благословенный не исполнилъ буквально ихъ просьбу,—*не принялъ Польшу въ составъ Россіи*, но далъ ей особенную конституцію для особеннаго существованія подъ кровомъ Россіи, соединяя обѣ державы только въ одной любви своего пре-

краснаго сердца.—Тогда говорили, будто Александръ сдѣлалъ это по безпримѣрному великодушію, но послѣдствія показали, что Онъ сдѣлалъ это по особенной царской мудрости, опасаясь,— омертвѣлое, пораженное гангреною тѣло Польши сплотить во едино съ здоровымъ тѣломъ Россіи. Онъ самъ въ своемъ манифестѣ о возстановленіи *польскаго царства* *) говоритъ такъ: «Поляки! блаженство вашего народа устроено тѣмъ «единственно образомъ, который въ кругу возможности нахо«дился».—Удерживаемся отъ всякихъ, непріятныхъ для Польши, выводовъ и заключеній касательно того, была ли она достойна поступить въ одинъ нераздѣльный составъ Всероссійской Имперіи.

Намѣстникомъ царства польскаго желалъ и надѣялся быть князь *Адамъ Чарторижскій*; но Александръ I, до самой минуты выѣзда своего изъ Варшавы не объявлялъ, *кому* онъ назначаетъ это мѣсто. Когда же, по выѣздѣ государя, открылось изъ оставленнаго имъ указа, что *не Чарторижскому предоставлена эта честь*, то этотъ честолюбивый вельможа, забывши и особенное благоволеніе Императора къ себѣ и его благодѣянія цѣлой Польшѣ, закипѣлъ ненавистью къ своему Благодѣтелю, и поклялся оторвать Польшу отъ подданства русскому царю. За помощниками для такого предательства собственной отчизны не было остановки въ этомъ несчастномъ королевствѣ, которое само давно уже не стыдясь хвалилось, что *оно основано на безпорядкахъ* **). Первыми самыми усердными помощниками Чарторижскому явились мечтатель—профессоръ *Лелевель* и извѣстный *Чацкій* и—давай они возмущать Польшу противъ ея благодѣтеля,—давай заводить въ ней тайныя революціонныя общества, и разсѣевать въ народѣ самыя нелѣпыя выдумки противъ русскаго правительства!

На первомъ сеймѣ поляки уже начали кричать, по старинной привычкѣ, противъ правительства, и требовали разныхъ новыхъ законовъ. На второмъ сеймѣ они уже не слушались ни министровъ своихъ, ни законовъ, а на дерзскихъ устахъ такъ—и дрожало прежнее буйное «*не позвалямъ*»!—Предъ

---

*) Манифестъ $^{13}/_{25}$ мая 1815 года, издан. въ Вѣнѣ.

**) Polska nieporządkiem stoi,—извѣстная польская пословица.

открытіемъ третьяго сейма, въ 1825 году, Императоръ Александръ напомнилъ полякамъ, что они своимъ буйствомъ не выиграютъ ничего, *но могутъ потерять все.*—Немножко притихли,—Но Чарторижскій и Лелевель не переставали работать,—усердно и настойчиво приготовляли и наконецъ—таки приготовили Польшу къ революціи, самой постыдной изъ всѣхъ революцій, какія только были когда-либо на свѣтѣ. Эта гнусность, составленная изъ лжи, наглости, братоубійства и прочихъ подобныхъ мерзостей и злодѣяній, началась въ Варшавѣ 17 ноября 1830 года.... Даже не хочется марать перо описаніемъ этой постыдной неблагодарности поляковъ къ русскому правительству и этаго безумнаго увлеченія, съ какимъ они свою честь и свое благоденствіе принесли на жертву честолюбцу Чарторижскому и мечтателю Лелевелю. Фи!....

Напрасно поляки называли Императора Николая 1-го строгимъ, едвали не *грознымъ*. Напротивъ того, Онъ былъ къ нимъ несравненно болѣе милостивъ, нежели сколько они заслуживали, или, правильнѣе сказать: они, послѣ революціи 1831 года, уже не заслуживали никакого милосердія и пощады; а Онъ все—таки *не уничтожилъ Польшу*, какъ бы слѣдовало по закону справедливаго возмездія. Другой на его мѣстѣ, (поставьте любого поляка) сравнялъ бы всякое средостѣніе между царствомъ и имперіей, и раздѣливши Польшу на нѣсколько русскихъ губерній, колонизировалъ бы ее русскими жителями, и въ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ истребилъ бы въ ней всѣ стихіи польской народности,—такъ какъ нѣмцы всегда-это дѣлали у себя и дѣлаютъ съ поляками.... Но онъ только отнялъ у Польши средства къ безумнымъ бунтамъ, и заставляя ее быть спокойною и счастливою въ законныхъ предѣлахъ подчиненности и порядка.

Въ нынѣшнее царствованіе великодушнѣйшаго изъ монарховъ земныхъ АЛЕКСАНДРА II-го, Польшѣ постепенно, по мѣрѣ возможности и удобности, возвращаются прежнія права, потерянныя ею чрезъ революцію 1831 года.

Умѣетъ ли Польша пользоваться этою новою милостью? Благодарна ли она своему Августѣйшему Благодѣтелю?....

Пусть отвѣчаютъ факты.

Въ генерала—намѣстника царскаго стрѣляли, и чуть не убили его.

Когда на его мѣсто пріѣхалъ намѣстникомъ братъ Государя Императора, Короля польскаго, то на другой день по пріѣздѣ его, уже стрѣляли и въ Августѣйшаго намѣстника—брата своего Царя и ранили его!....

Помощникомъ намѣстнику по гражданскому управленію назначенъ одинъ изъ поляковъ же, мужъ благонамѣренный, мудрый и справедливый: и на жизнь этого благоразумнаго единоземца уже нѣсколько разъ покушались.

Революціоннымъ возваніямъ, манифестаціямъ и другимъ затѣямъ нѣтъ числа. Повсюду приготовляли бунтъ, раздѣляя народъ на тысячи, сотни десятки и пятки, и собирая деньги для объявившаго себя главнокомандующимъ бунта Мирославскаго. Наконецъ всѣ эти экзальтаціи, отдѣльныя покушенія, убійства,—все это подземное клокотанье горючихъ веществъ—выбухнуло, на протяженіи всей польской территоріи, страшнымъ изверженіемъ польскаго остервенѣнія въ незабвенную для ада ночь съ 10 на 11 января 1863 года. Читателямъ нашимъ извѣстны ужасы этой адской ночи: онѣ знаютъ и тѣ варварства отдѣльныхъ убійствъ, которымъ позавидовали бы палачи инквизиціи, и тѣ изувѣрства представителей католической религіи, которыми поглумились они надъ христіанствомъ и человѣчествомъ, и та, наконецъ, Варѳоломеевская ночь, которая въ настоящее время возможна въ одной только Польшѣ, и отъ которой содрогнулся бы въ ужасѣ и негодованіи дикарь—язычникъ временъ давно прошедшихъ.

Когда же все это и чѣмъ кончится?.. Когда исполнится мѣра долготерпѣнія Божія? . Нѣсть во устахъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверзетъ—гортань ихъ,—языки своими льщаху. Суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ; по множеству нечестія ихъ, изрини я, яко преогорчиша Тебе, Господи. (Псал. V. 9, 10).

Кромѣ Польши—митрополіи, или такъ—называемаго царства польскаго, у насъ есть еще довольно *колонистовъ польскихъ,* разселившихся въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Волыни, По-

долли и въ кіевской губерніи. Эти иновѣрные и иноземные пришельцы живутъ среди православнаго русскаго народа, и едва ли составляютъ одну десятую часть всего народонаселенія тѣхъ губерній. По естественному порядку вещей, казалось бы, должно быть такъ: ежели этихъ колонистовъ—поляковъ никто въ Россіи не трогаетъ и не обижаетъ, ежели не стѣсняютъ ихъ ни въ богослуженіи ихъ, ни въ гражданскихъ правахъ, ну—и жили бы себѣ спокойно, да хвалили бы Бога за то пристанище, какое даровала имъ Россія. Такъ нѣтъ же! эти пришельцы забыли, *кто* они и *гдѣ* они живутъ, и не во снѣ, но наяву, не шутя, но серьезно, задумали доказывать, что эти древлерусскія области, пріютившія ихъ, составляютъ часть королевства польскаго и должны быть причислены и присоединены къ этому королевству. Нѣкоторые изъ нихъ (risum teneatis!) даже составили и подписали адресъ объ этомъ!!!—Бѣда намъ, русскимъ! того и жди, что сарептскіе *колонисты—нѣмцы* подадутъ адресъ о причисленіи саратовской губерніи къ *единой великой Германіи*. И тамъ и здѣсь основаніе одно и тоже.—Что же мы, бѣдные, будемъ дѣлать тогда, ежели еще—и евреи (которыхъ у насъ гораздо больше, чѣмъ поляковъ—колонистовъ) подадутъ адресъ о причисленіи къ іерусалимскому пашалыку всѣхъ тѣхъ губерній, въ которыхъ они живутъ у насъ вмѣстѣ съ колонистами—поляками?.. Пропала бѣдная Россія!

Такъ-какъ полякамъ—колонистамъ, по всему видно, очень непріятно жить на русской землѣ, особенно послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, то мы.... *не смѣемъ удерживать васъ, господа!* Забирайте свое добро, и убирайтесь себѣ съ русской земли, куда вамъ угодно, хотя бы даже въ царство польское. Русская пословица говоритъ: *честь предложена, а отъ убытку Богъ избавилъ*. Такъ вотъ же нѣтъ! вамъ вовсе не хочется разстаться съ русскою землей, но хотѣлось бы, во чтобъ то ни стало, доказать, что это земля *не русская, а польская*. Напрасно безпокоитесь, господа; позвольте еще спросить васъ самихъ: *точно ли вы поляки?* Не ренегаты ли вы русскіе, переродившіеся въ поляковъ?... Вѣдь если разобрать метрику вашихъ предковъ, то и окажется, что наши Хоменки превратились въ *Хомицкихъ*, Петренки—въ *Піотровскихъ*, Уляненки—въ *Гулянницкихъ*, да и величаютъ себя поляками!—А о вашихъ княжескихъ фамиліяхъ уже и говорить нечего:

они всѣ—потомки русскихъ князей, происходящихъ отъ Св. Владиміра, или отъ православнаго Ольгерда *).

Удерживаемся отъ всякихъ выводовъ и заключеній.—Дѣло говоритъ само за себя.

И. Кулжинскій.

---

*) Извѣстно, что по убѣжденію своей супруги Уліяніи онъ при кончинѣ своей принялъ православное крещеніе и скончался схимникомъ, подъ именемъ, Алексѣя.

ВЗГЛЯДЪ

на состояніе Польши извѣстнаго польскаго ученаго филолога—публициста Бронислава Трентовскаго.

(Переводъ съ польскаго изъ книги Chowanna, czyli system Pedagogiki Narodowey. Poznań 1842 г. Tom. II. Poszyt II, отрывокъ стр. 749—752 и стр. 806—833).

Въ концѣ 10 в. введена въ Польшѣ христіанская религія римскаго исповѣданія. Съ одной стороны это было великимъ счастьемъ нашимъ, потому что *связало насъ разъ навсегда съ западомъ и собственною Европою*, назначеніе которой— высшая цивилизація, просвѣщеніе и свобода; съ другой—это было также и большимъ несчастіемъ, потому что подчинило насъ безусловной власти не всегда святыхъ намѣстниковъ св. Петра. Власть эта среди народа, *питающаго отвращеніе къ романскимъ и германскимъ разбоямъ*, была совершенно не нужна, она отворила широко дверь въ кабинетъ польскихъ дѣлъ чужому и далекому ватиканскому двору до того, что монахи долго не принимали поляковъ въ свое братство, а на послушаніе принимали однихъ иностранцевъ. Эта-то власть интригою, прежде у насъ неизвѣстною и неимѣющею дотолѣ названія на нашемъ языкѣ, но укорененною среди латинскихъ монаховъ, заразила нашъ невинный образъ мыслей и привлекла на страну бѣдствія, которыя вскорѣ и обнаружились. Папа считалъ насъ естественною провинціею новаго римскаго государства, которое искони было св. утопіею его апокалипсическихъ грезъ, и, выдумавши, быть можетъ, что Домбровка, жена Мечислава, подарила ему надъвислянскій край, отдалъ его въ ленъ германскимъ королямъ и позволилъ насъ поработить.

О Боже, гдѣ справедливость? Отсюда войны съ германцами и до знаменитой битвы на *Собачьемъ Полѣ*, рѣшившей наше—быть или не быть. Битва эта была такъ важна для насъ, какъ битва франковъ съ сарацинами, рѣшившая—библія или коранъ долженъ господствовать надъ Европою. Если бы мы этой битвы не выиграли было, то насъ онѣмечили бы также, какъ чеховъ, моравовъ и другихъ нашихъ братьевъ. Честь, честь тѣмъ польскимъ храбрымъ побѣдителямъ, сражавшимся за самое святое, хотя и противное видамъ папъ, дѣло. Здѣсь отыскали мы давнюю свободу, утраченную нами съ принятіемъ религіознаго римскаго обряда. Наконецъ западное духовенство разрушило наши давнія идольскія капища, но вмѣстѣ съ тѣмъ истребило всѣ малѣйшіе остатки нашей вѣковой цивилизаціи и заставило насъ принять, несогласный съ нашимъ народнымъ духомъ, чужой лоскъ. Даже самому языку польскому угрожало уничтоженіе, потому что его прозвали *варварскою рѣчью*, отстранили отъ богослуженія и хотѣли мертвою латынью, какъ пороховою миною, взорвать его на воздухъ. Отечественный языкъ долженъ былъ отправиться на кухню и то на очень долгое время. Только первый *Горницкій* отважился сказать: «не знаю, почему такъ низко мы думаемъ о своемъ языкѣ, будто бы онъ не способенъ обнять латинскихъ наукъ; мнѣ кажется это большою глупостію. Латынь была для насъ также вредна, какъ и римская политика, потому что нашъ языкъ вовсе небылъ *хаотическою смѣсью*, какъ первоначальный итальянскій, испанскій и французскій, или вообще *романскій*, но чистымъ, оригинальнымъ самороднымъ и уже отлично выработаннымъ языкомъ. Словомъ—не съ пристрастьемъ, но съ сердечною болью мы должны высказать здѣсь истину—чѣмъ были для стараго Рима—варвары, тѣмъ самымъ почти былъ для насъ новый Римъ. Римъ никогда не переставалъ быть хищною и кровожадною волчицей! Народъ польскій также долго ненавидѣлъ такую религію, которая была убійственнымъ кинжаломъ для его народности. Онъ заблуждался, но кто же тутъ виноватъ? Если бы народъ польскій полюбилъ было искренно вновь введенную религію, то не было бы ни того страннаго междуцарствія, во время котораго возмущенное крестьянство разрушало христіанскія храмы и пило кровь, иностранныхъ и непонимающихъ *человѣческаго голоса*, монаховъ, ни Казиміръ I не получилъ бы отъ римской церкви на-

званія—Restaurator (возстановитель). Теперь одинъ историческій выводъ, одна слѣдующая гипотеза. Если бы христіанство пришло было къ намъ съ востока, или же какъ говоритъ Мацѣіовскій, если бы, пришедшее къ намъ изъ Греціи, *христіанство славянское* не было истреблено западнымъ христіанствомъ при Мечиславѣ, то наша исторія была бы совершенно иною. Библія непремѣнно переведена была бы на польскій языкъ еще при Болеславѣ храбромъ, языкъ при обрядахъ и церковныхъ пѣсняхъ усовершенствовался бы и удержалъ свойственныя ему кириловскія буквы. За поляками всегда признаютъ необыкновенныя способности. Мы не жили ни подъ игомъ татарскимъ, какъ русскіе, ни подъ плюдрами (панталонами) германцевъ, какъ чехи и другіе наши братья. Какъ же высоко могло бы развиться при такихъ обстоятельствахъ наше просвѣщеніе! Науки и искусства греческія, по паденіи Восточной Имперіи, перенесены бы были изъ Константинополя прежде въ единовѣрный грекамъ Краковъ, (что только наступило въ послѣдствіи), а не къ италіянцамъ на западъ. Мы не знали бы такъ долго терзающей насъ заразы духовной, т. е. латыни; быть можетъ мы сдѣлались бы другою древнею Греціею, Аѳинами! Крывоустый нераздѣлилъ бы своего государства между многочисленными сыновьями, потому что на востокѣ не было такого примѣра! Но такого жребія не предназначало намъ небо. Богъ зналъ что дѣлалъ и для чего прицѣпилъ насъ къ западу . .

. . . .

Какъ въ Европѣ новое время начинается съ *Мартина Лютера*, такъ въ Польщѣ съ *Гозія* (Hozyusz). Это два мужа одинаково поражающаго народнаго краснорѣчія; но совершенно противоположныхъ убѣжденій. *Третеръ* (Treter) говоритъ: писанія Гозія міръ чтитъ, а его дѣламъ удивляется. *Ореховскій* говоритъ: «признаюсь (по правдѣ о себѣ скажу), что я не способенъ держать свѣчку для чтенія тогда, когда Гозій читаетъ; но если ты хочешь дать меня ему въ товарищи, тогда я могу пригодиться развѣ на то, чтобы за нимъ книжки носить». Этотъ папскій витія былъ названъ *латинскимъ Эс-*

хиномъ (Eschinesem) и *Августиномъ* своего вѣка. Гозій— одинъ изъ тѣхъ великихъ людей, которые родятся на несчастье человѣчества и заслуживаютъ позднѣе его проклятіе, сами того не сознавая. Какъ именемъ *Коперника* или *Григорія изъ Санока* можетъ гордиться каждый полякъ, такъ при воспоминаніи Гозія заболитъ сердце у каждаго изъ насъ, кто имѣетъ непредзанятое и справедливое сужденіе. Получивши отъ папы за свои соборныя заслуги титулъ *великаго кардинала* и проникнувшись духомъ своего пріятеля Del Monte, Гозій возвратился въ Польшу. Въ то время она была еще просвѣщенною и вмѣстѣ съ Европою чувствовала несообразность гильдебрандскаго престола, она имѣла въ своихъ нѣдрахъ множество, почти половину народонаселенія диссидентовъ. Гозій начинаетъ съ ними борьбу на жизнь или на смерть, ѣздитъ изъ города въ городъ, вызываетъ на диспуты, громитъ, интригуетъ, выгоняетъ по одиночкѣ еретиковъ и ссорится съ магнатами. Составляется сеймъ. Гозій хлопочетъ о принятіи постановленій тридентскаго собора. Но народное просвѣщеніе не дозволило этого. Польскій сеймъ отвергаетъ отъ себя тридентскій соборъ и Гозія почти съ гордостію. Этотъ папскій подвижникъ, не желая совершенно уйти съ поля битвы и уничтожить дѣла своего римскаго владыки, умѣлъ уговорить слабаго короля—подписать соборные акты. Такимъ образомъ соборъ тридентскій былъ отвергнутъ нашимъ народомъ, а принятъ королемъ, почему, на основаніи отечественныхъ правъ, остался неважнымъ и необязательнымъ. Постановленія этого собора позднѣе возобладали надъ Польшей, когда она утратила древнее свое просвѣщеніе, но только **de facto**, а не **de jure**. Даже въ наше время, напр. 1825 г., варшавскій сеймъ, учреждая разводныя права и ссылаясь на давніе польскіе сеймы, не сообразовался съ постановленіями тридентскаго собора, какъ не обязательнаго для нашего народа, и въ другой разъ его отвергнулъ. Несмотря на то, соборъ этотъ господствовалъ у насъ и господствуетъ. Такъ велико вліяніе оказываетъ на насъ въ новѣйшее время духовенство! Ничѣмъ не пораженный, Гозій гремитъ на сеймахъ противъ диссидентовъ и домогается изгнанія ихъ изъ отечества. Въ то время поляки были на столько образованны, что многіе изъ нихъ, имѣя во главѣ Радзивиловъ, такъ разсуждали: «Нужно быть слѣпымъ, что бы не видѣть въ римскомъ испо-

вѣдаміи несообразностей, поражающихъ разумъ, и не возетавать противъ папы, который старается вселить глупость во всѣхъ христіанъ. Поэтому реформа религіи необходимо нужна. Но зачѣмъ намъ принимать швейцарское или германское ученіе? Развѣ мы не имѣемъ собственныхъ головъ и не въ состояніи приспособить христіанство къ нуждамъ нашего отечества? Установимъ *чисто-католическую церковь*, изберемъ *польскаго папу*. Это были превосходныя мысли, но къ несчастію ни одинъ *польскій Лютеръ* не выступалъ на сцену. Кальвинисты, социніане и чешскіе братья были послѣ того нашими главными диссидентами. На сеймѣ противъ новаторовъ Гозій такъ говорилъ: «О добродушный, слѣпый народъ! Бѣситься, бѣситься тебѣ непремѣнно хочется! Бѣсись же, но, по крайней мѣрѣ, по польски! О ужасъ! ты жаждешь новаго Бога! Развѣ ты незнаешь знаменитаго бродяги Григорія Мазура (Grzegorza)? Такъ сдѣлай его своимъ Богомъ, построй ему не римскую церковь св. Петра, потому что она, какъ ты говоришь, недостойна настоящаго времени, но мазовецкую уютную церковку (kosciołek)! Дѣйствительно это будетъ глупость, но глупость народная, національная. Тебѣ хочется болѣе покойной вѣры, ты желалъ бы надѣть болѣе пространную обувь, то влѣзь въ лапти мазура Гжели (Grzeli).» Такими и тому подобными *сугубыми сарказмами* одержалъ побѣду нашъ кардиналъ. Сеймъ почти приговорилъ диссидентовъ къ изгнанію. Но паны протестовали противъ этого, говоря: «свободный шляхтичь не зависитъ отъ самаго короля, а тѣмъ менѣе отъ папы. Такой законъ убиваетъ польскую свободу». Так. обр. богатые диссиденты остались въ отечествѣ, а убогіе или прибѣгнули къ ихъ покровительству, или должны были оставить отечество. Превосходный порядокъ!— Гозій, неудовольствуясь полученными уже лаврами, за позволеніемъ короля вводить въ отечество іезуитовъ, отдалъ имъ школы и грозитъ разновѣрцамъ преслѣдованіемъ безъ милосердія. О немъ мы будемъ говорить далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Умеръ онъ въ Италіи, съ тоскою въ сердцѣ о томъ, что еще не много сдѣлалъ для *счастія нашего отечества*!—Іезуиты начали втираться въ дома магнатовъ и интриговать. Главнѣйшія ихъ усилія направлены были къ *ослѣпленію народа*, чего они очень метко старались достигнуть на школьной молодежи, какъ *будущей Польшѣ*. Многое имъ нужно было побѣдить.

Народъ долго имъ сопротивлялся. Но по ихъ старанію и вліянію избранъ былъ на престолъ, *соломенный болванъ шведскій,* Сигизмундъ III. Іезуиты восторжествовали. Судьба Польши рѣшена. Несчастное отечество, подобно раку, начало пятиться назадъ и то съ такою же силою, какъ Европа впередъ. Посмотримъ теперь на дальнѣйшія дѣйствія іезуитовъ, этихъ нашихъ реформаторовъ!

Отцы іезуиты, очистивши болѣе или менѣе Польшу отъ диссидентовъ, обратились теперь противъ схизматиковъ, т. е. противъ польскихъ русиновъ греческаго исповѣданія. Но съ ними трудно было бороться; потому что населеніе греческаго исповѣданія почти втрое превышало населеніе католическаго. Благоразуміе требовало употребить здѣсь макіавелевское искусство и въ немъ іезуиты всегда были мастерами. Составили планъ. Нужно начать съ обращенія греческаго духовенства въ католичество, (съ прозелитизма), дать привлеченнымъ епископамъ и священникамъ богатыя волости, осыпать ихъ богатствомъ, так. обр. заохотить другихъ слѣдовать ихъ примѣру, нужно было произвесть между православными партіи, раздвоить русскій народъ и приготовить основанія для борьбы: раздѣляй и повелѣвай, успѣхъ несомнѣненъ. Этотъ планъ былъ представленъ нетерпѣливому уже по природѣ королю, ему обѣщали небо за привлеченіе столькихъ милліоновъ въ нѣдра единой католической церкви и съ душею и тѣломъ захватили его па свою сторону.

Русскій народъ, а особенно, такъ называемые, козаки *добровольно* соединились съ Польшею, вскорѣ послѣ соединенія нашего съ Литвою. Условія договора основывались на слѣдующ. разсужденіи: мы соединяемся съ поляками, но какъ *свободные съ свободными, и какъ равные съ равными.* Польша съ самаго начала торжественно обезпечила имъ свободу и равенство съ собою, обѣщала уважать ихъ какъ братьевъ и козаки охотно проливали кровь свою въ ея защиту. Сигизмундъ Августъ въ 1563 г. уравнялъ дворянство русское съ польскимъ и даровалъ ему право посылать своихъ пословъ на наши сеймы. Шесть лѣтъ спустя, тотъ же самый монархъ подтвердилъ имъ прежде заключенные съ Польшею договоры, т. е. *свободу и совершенное равенство.* Въ такомъ положеніи были дѣла, когда іезуиты составили заговоръ противъ честной

и воинственной Руси, которая была нашимъ щитомъ противъ татаръ и турковъ, вообще нашею правою рукою.

Отыскавши для своихъ цѣлей митрополита кіевскаго, *Михаила Рагозу*, воспитанника и орудіе іезуитовъ, Сигизмундъ III въ 1590 г. вызываетъ русскихъ епископовъ въ Брестъ предъ коммиссію, составленную изъ іезуитовъ и ихъ защитниковъ, и приказываетъ имъ подписать *унію съ папскою церковью*. Іезуиты сулятъ епископамъ золотыя горы. Восемъ епископовъ приступили къ уніи, остальные протестовали. Непослушныхъ лишили власти и начали преслѣдовать. Козацкій гетманъ *Ѳедоръ Косинскій* возсталъ противъ брестской коммиссіи, какъ нарушающей давнія права русскаго народа и заключенные съ Польшею договоры. Коммиссія подъ видомъ взаимнаго объясненія сманила его въ Брестъ и приказала замуровать его живаго, какъ бунтовщика. Козаки, узнавши объ этомъ, спѣшатъ на защиту своего гетмана, побѣждаютъ польское войско подъ *Пяткою*, берутъ приступомъ Брестъ, но уже не застаютъ въ живыхъ своего гетмана. Коронный гетманъ, Жолкевскій, также орудіе іезуитовъ, побѣждаетъ козаковъ, способствуетъ уніи мечемъ и принуждаетъ русскій народъ къ принятію ненавистной вѣры. И что всего хуже, запрещаетъ козакамъ, вопреки всѣмъ прежнимъ договорамъ, выбирать новаго гетмана. Естественно, что козаки не захотѣли слушаться. Онѣ отправили къ королю полковника *Лободу* съ жалобою. Онъ говорилъ, между прочимъ: что не жалуется на поляковъ, но на іезуитовъ и несчастныя ихъ орудія, что іезуиты своими интригами убиваютъ отечество, что съ паденіемъ Руси падетъ также и Польша. Король повелъ себя по іезуитски, притворился, что ни о чемъ незнаетъ и, обѣщая козакамъ правосудіе, отпустилъ ихъ посла. Вскорѣ послѣ того даютъ знать козакамъ, что бы они отправили посла въ Варшаву, будто бы для договора. Ихъ прибыло восемъ, между ними также *Лобода* и новоизбранный гетманъ *Наливайко*. Но въ Варшавѣ, по свидѣтельству лѣтописи, пословъ козацкихъ тотчасъ упрятали въ подземельную тюрьму, а чрезъ два дня когда привели ихъ на торговую площадь объявили, что они должны умереть, какъ враги Христа. Ихъ умертвили поносною смертію. За тѣмъ послѣдовало сеймовое опредѣленіе, обрекающее весь русскій народъ на польское крестьянство (польскіе хлопы) и запрещающее ему высы-

лать депутатовъ своихъ на сеймы. Князь ***Константинъ Острожскій*** и ***сынъ короля Владиславъ*** возставали за угнетенную Русь, но напрасно. Началась война и война ужасная, потому что она была религіозная. Здѣсь только одинъ очеркъ ея. Конецпольскій осаждалъ козацкаго гетмана ***Павлюка*** въ мѣстечкѣ ***Боровичахъ***. Заключили договоръ, по которому Павлюкъ отказался отъ гетманства и получилъ позволеніе безопасно возвратиться въ свои помѣстья. «Но лишь только Павлюкъ вышелъ изъ мѣстечка, говоритъ лѣтопись, поляки поймали его вмѣстѣ съ товарищами, какъ то, обознымъ ***Гремячемъ*** (Gremiaczem), ессауломъ ***Побидашемъ*** (assawułą Pobidaszem), ***Летацкимъ*** (Letacką), ***Шкураемъ*** (Szkuraem) и ***Путылкою*** (Putyłką). Всѣхъ этихъ отправили въ Варшаву и замучили жестокою смертію, содравши съ нихъ живыхъ кожи. Отсѣченныя ихъ головы разослали на страхъ по русскимъ землямъ, голову гетмана вбили на колъ въ Чигиринѣ, а головы его товарищей въ Нѣжинѣ, Батуринѣ, Умани и Черкассахъ».

Война продолжалась безпрерывно; верхъ одерживали поляки, что было поводомъ къ слѣдующимъ постановленіямъ на Руси. Всѣ церкви, которыя оставались при древней вѣрѣ и не хотѣли принять уніи, отданы въ аренду, *неслыханное дѣло*, жидамъ и то такимъ образомъ, что арендаторъ могъ, соображаясь съ многолюдствомъ, вынуждать за каждое богослуженіе отъ 1—5 талеровъ, а за крещеніе, бракъ, погребеніе и т. п. отъ 1—4 тимфъ *). Позволеніе русскимъ оставаться при вѣрѣ своихъ отцевъ покупалось огромною податью, и это также было отдано въ аренду жидамъ. Они не впускали въ города и мѣстечка никого, кто не имѣлъ, какъ собака, привѣшенной къ шеѣ бляшки съ надписью: **unita**, (уніятъ) незаплативши нѣкотораго количества денегъ. Позднѣе іезуиты не были довольны даже уніятами и принуждали ихъ къ полному принятію римско-католической вѣры. Унію презрительно называли ***хлопскою вѣрою***, (wiarą chłopów).—Нужно замѣтить здѣсь, что варварство и тиранія поляковъ превышала всякія мѣры. Мы обязаны этою честью отцамъ іезуитамъ. Уже при Сигизмундѣ III ока-

---

*) Серебрянная монета, пять серебреныхъ грошей или 38 польскихъ грошей.

зались несчастныя слѣдствія этого фанатизма и неправосудія въ битвѣ при Цецорѣ, въ которой козаки бились правда за насъ, но по принужденію, а не по охотѣ, и съ радостію оставили насъ среди боя.

Король Владиславъ IV видѣлъ цѣлое несчастіе отъ этой «*тридцатилѣтней войнѣ*», грозящее Польшѣ, и предлагалъ сейму имѣть въ виду благо отечества и оставить козаковъ при ихъ вѣрѣ и свободѣ, быть правосуднымъ и показать себя представителемъ христіанскаго народа. Но примасъ возсталъ противъ короля за то, что онъ вступается за схизму. О великій Боже! Почему Ты не раздробилъ своимъ громомъ голову примаса! Но Ты далъ людямъ и народамъ *свѣтильникъ разума и свободную волю* не напрасно. Примѣру примаса послѣдовалъ цѣлый сеймъ. Отсюда—извѣстная грамата Владислава гетману Барабашу, которою съумѣлъ хорошо воспользоваться *Хмельницкій*.— Чтожъ удивительнаго, что настало несчастное царствованіе Яна Казиміра, что возстали самые страшные войны съ Русью, что Хмельницкій вырвалъ внутренность нашего отечества и нанесъ смертельный ударъ въ его грудь, что козаки соединились противъ насъ съ турками и татарами, что наконецъ подчинились Москвѣ! Такъ собственнымъ неразуміемъ мы потеряли преданный намъ народъ. Мы сражались за вѣру *въ папу*; но съ кѣмъ? Съ собственнымъ народомъ, вѣровавшимъ *во Христа*! Мы сражались за вѣру въ папу, за тридентскій соборъ, за іезуитовъ и копали гробъ для своего отечества! Гдѣ же разумъ? Іезуиты выжгли, вывинтили его изъ польскихъ головъ до самаго дна! Если мы желали обратить козаковъ къ римской вѣрѣ, то нужно было выступить противъ нихъ съ превосходствомъ нашего просвѣщенія, а не съ ничтожествомъ. Посредствомъ просвѣщенія возсталъ и расширился протестантизмъ; посрецствомъ просвѣщенія побѣдили бы Русь и іезуиты. Но въ такомъ случаѣ это было бы подражаніемъ Лютерю и потому *дѣломъ недостойнымъ* самыхъ заклятыхъ его враговъ.

Лишь только кончилась постыдная и несчастная религіозная война съ казаками; какъ началась битва со шведами. *Янъ Казиміръ*, какъ сынъ Сигизмунда Вазы, носилъ титулъ и регаліи шведскаго короля. Съ нимъ поссорился одинъ изъ польскихъ магнатовъ, *Радзѣіовскій*, и поклявшись отмстить ему, удалился въ Стокгольмъ, представлялъ шведскому королю сла-

бость Польши послѣ войны и потери козаковъ, вынуждалъ его вторгнуться въ потрясенное бѣдствіями наше отечество и обѣщалъ помощь со стороны диссидентовъ, которые притѣснены хуже, чѣмъ *по язычески*. Дурнымъ онъ былъ полякомъ, но вѣрно срисовалъ наше отечество. ***Карлъ Густавъ*** требуетъ отъ Яна Казиміра отреченія правъ на шведскую корону. Римскій императоръ, смотря на Карла, какъ на рыцаря, палимаго жаждою богатырской славы, подобно Густаву Адольфу, опасаясь, что бы онъ не вторгнулся въ Германію и не помѣшалъ ему утвердить свою власть, сообразно новому положенію дѣлъ, вызванному реформаціею, желая по этому затруднить его Польшею, уговаривалъ нашу республику къ войнѣ съ нимъ, обѣщая при томъ помощь съ своей стороны. Іезуиты, всегда жаждущіе еретической крови, всѣми силами поддерживали желаніе императора. Тогда Янъ Казиміръ отвергъ требованіе шведскаго короля. Карлъ Густавъ въ 1655 г. вторгнулся въ великую Польшу и, поддерживаемый Радзеіовскимъ и многими его сторонниками, беретъ Варшаву и почти все отечество. Въ тоже время и Москва нападаетъ на Польшу, беретъ безъ боя Смоленскъ, Вильно и подвигается къ Львову. Янъ Казиміръ, разбитый и оставленный, убѣгаетъ въ Силезію и проситъ у императора обѣщанной помощи. Этотъ настоятельно требуетъ на будущее время польской короны, а въ настоящее время—соляныхъ озеръ въ Величкѣ. И только подъ такими условіями соглашается подать помощь нашему отечеству. Къ счастію Ченстохово удерживаетъ шведовъ. Возникаетъ *тишовецкая* конфедерація. ***Чарнецкій*** разбиваетъ шведовъ и отбираетъ Варшаву. Но Карлъ Густавъ предлагаетъ Великую Польшу курфирсту брандербургскому, Малую Польшу—Юрію Ракочу (Rakoczemu), а Литву—***Яну Радзивилу*** и отъ своихъ новыхъ союзниковъ получаетъ сильныя пособія. Янъ Радзивилъ былъ полякъ (литовецъ по происхожденію) и сталъ во главѣ литовскихъ кальвинистовъ. Соединеніе его съ шведами вмѣняютъ ему въ преступленіе, но, ради Бога, кто знаетъ всѣ тѣ жестокости, которыми терзали литовскихъ кальвинистовъ, тотъ будетъ судить иначе. Утопающій хватается и за бритву. Виноваты тѣ, которые принудили Яна и диссидентовъ къ такому шагу! Чарнецкій разбитъ; Варшава снова потеряна. Теперь Польша уже пала бы, если бы не умилосердился надъ нею датскій король. Погрозивъ Швеціи, онъ

принудилъ Карла Густава оставить Польшу, обагренную собственною кровью и лежащую въ пеплѣ собственныхъ городовъ. Наконецъ въ 1660 г. заключенъ миръ въ Оливѣ. Янъ Казиміръ отказался отъ правъ на шведскую корону, согласился на совершенную независимость отъ Польши курфирста бранденбургскаго, давнѣйшаго своего вассала, и республика потеряла Лифляндію. А изъ-за чего тѣ потери? Изъ-за того, чтобы римскій императоръ могъ свободно расширить свою власть и послѣ обратить свой мечь противъ насъ! Бѣда тому, кто служитъ воломъ! Онъ долженъ трудиться для другихъ и даже проливать свою кровь! Іезуиты вырвали глаза Польшѣ, и потомъ вели ее за носъ, куда хотѣли!

Венгры не могли снести своего ига, возстали подъ предводительствомъ графа Текели. Турція несетъ помощь венгерскимъ патріотамъ, побѣждаетъ всюду и наконецъ осаждаетъ Вѣну. Императоръ проситъ помощи у Собѣскаго. Теперь настало время вспомнить о *прежнемъ*, во время войны съ шведами, *вынужденіи Велички*, и потребовать отъ императора напр. возвращенія утраченной нѣкогда Силезіи, расквитаться на чисто (wet za wet), подумать о пользахъ собственнаго отечества. Но кто же въ Польшѣ былъ дипломатомъ? Іезуиты закричали: къ оружію, поляки, потому что дѣло идетъ о святой вѣрѣ «Нужно было, говоритъ Михаилъ Кубракевичъ, или отречься отъ вѣры въ папу и не слушаться его, или вести войну съ турками, вопреки отечественной политикѣ. Вѣра перевѣсила интересъ отечества; наше архикатолическое дворянство разбило турковъ, спасло Вѣну, но выкопало гробъ для Польши. Проигравши эту битву, Отоманская Порта начала клониться къ паденію и должна была заключить невыгодный для себя въ 1699 г. карловицкій трактатъ; а императоръ, не боясь уже никакого препятствія со стороны Порты, снова завоевалъ Венгрію, обратился противъ Польши и безъ всякой битвы занялъ еще найлучшую часть ея. Іезуитизмъ былъ гробомъ для нашего отечества. Римъ и Вѣна поставили памятникъ Собѣскому на могилѣ Польши». Не смотря на совершенное безрасудство наше и неполитику при защитѣ Вѣны, дѣло Собѣскаго—велико и поэтически прекрасно. Оно было нашимъ послѣднимъ дѣломъ! Такъ ярко вспыхиваетъ пламя лампы еще разъ предъ совершеннымъ погасаніемъ.

Августъ II, разсчитывая на молодость новаго шведскаго

короля Карла XII, заключаетъ союзъ съ Россіею и Даніею и занимаетъ съ своими саксонцами утраченную прежде Лифляндію. Онъ не разсудилъ, что сдѣлалъ; забылъ, что Польша была уже безсильна и, наконецъ, предпринялъ это дѣло безъ ея вѣдома и согласія. Карлъ XII разбиваетъ сначала датчанъ, потомъ саксонцовъ. Завоевываетъ Варшаву и цѣлую республику, низлагаетъ съ трона Августа и дѣлаетъ королемъ Лещинскаго. Все это совершилось вдругъ, какъ будто бы грянулъ громъ и оставилъ по себѣ столько слѣдовъ. Карлъ идетъ противъ Россіи, которая имѣла *Петра Великаго*. Битва подъ *Полтавою* уничтожила всѣ планы Карла, выгнала Лещинскаго, возвратила на тронъ Августа, *показала Европѣ нашу слабость, сдѣлала вмѣсто Польши Россію царицею славянскихъ народовъ и отворила ей двери въ наше отечество*. Съ тѣхъ поръ Россія начала вмѣшиваться въ польскія дѣла и въ мигъ поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Даже барская конфедерація сражалась не за отечество, но за интересы императора Іосифа. Она оттягала для Австріи Галицію.

Но къ чему эти мрачныя воспоминанія? Что же вышло изъ всѣхъ этихъ войнъ? Та печальная и горькая истина, подтверждающаяся всею нашею новою исторіею, что *религіозный фанатизмъ, гезуитизмъ, невнимательность къ послѣдствіямъ сдѣланныхъ поступковъ, не памятованіе о будущемъ, крайній недостатокъ дипломатіи, упадокъ просвѣщенія, очевидное неразуміе* водили отцевъ нашихъ за руку, пока не погубили отечества,—что мы шли назадъ, когда все около насъ двигалось впередъ, что и на собственное несчастіе мы постоянно были чужею машиною. О Гозій, Гозій! Все это твое дѣло! Ты сдѣлалъ наше отечество пятящимся назадъ ракомъ; ты ослѣпилъ его! Кубракевичъ говоритъ: «Польша, бывшая нѣкотораго рода республикою и потому требовавшая людей просвѣщенныхъ, должна была подумать о реформѣ папской религіи, главнымъ основаніемъ которой въ концѣ среднихъ вѣковъ была тьма, помраченіе разума. Поляки непоняли этого и потому пали!»—Іезуиты правили польскою церковью и были врагами просвѣщенія. Была ли у насъ церковь Христова? Нѣтъ, потому что свящ. писаніе говоритъ: «Всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ кѣ свѣту, что бы

не обличились дѣла его, потому что онѣ злы, а поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что онѣ въ Богѣ содѣланы (Іоанна III, 20, 21). Христосъ предостерегаетъ: «Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же немогущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ» (Матѳ. X, 28). О, Польша, почему ты не читала св. писанія? Ты бы познала Іезуитовъ прежде, чѣмъ они погрузили въ тьму твое тѣло и твою душу! Развѣ же іезуиты не любили нашего отечества? О! они любили его потому что были поляки. Но какой же римскій богословъ въ состояніи отдѣлить религію отъ церкви, вещи небесныя отъ папскихъ, духъ христіанскій отъ духа ватиканскаго? Въ этомъ можно убѣдиться даже теперь на нашемъ патріотическомъ духовенствѣ. Тогда смѣшали понятія и сражаясь за папу, думали что сражаются за Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за отечество.— Наши предки постоянно сражались за вѣру, даже солдатство (żołnierstwo) назвали вѣрою. Отличная должна быть та вѣра, которая хлебала невинную кровь диссидентовъ и дизунитовъ (такъ называли поляки православныхъ), погрузила во мракѣ отечество и наконецъ замучила. О! то не была вѣра просвѣщенія, вѣра любви ближняго, не была то вѣра христіанская! Троекратный раздѣлъ Польши такъ горестенъ для насъ, что даже слабый человѣкъ воскликнетъ: «Нѣтъ Бога на высокомъ небѣ!» Есть Богъ, но Онъ наказалъ насъ за кальвинистовъ и православныхъ, за прежнюю нетерпимость и своеволіе. Онъ послалъ насъ въ суровую школу и присудилъ къ розгамъ, что бы мы научились разуму!—Мы потеряли, уничтожили козаковъ фанатизмомъ и несправедливостію. О какъ бы они пригодились намъ во время войнъ съ Швеціею и позднѣе! Можно сказать, что то брестское собраніе, которое замуровавши Ѳедора Косинскаго, ударило кинжаломъ въ самую средину сердца нашего отечества. Папа разрѣшилъ намъ нарушить священныя клятвы и бѣдствіе постигло насъ подъ Варною. Іезуиты склонили насъ къ нарушенію трактатовъ съ Русью, къ тираніи надъ народомъ, проливающимъ за насъ кровь, и наступила смерть Польши. Богъ—справедливъ, но развѣ предки наши, нарушавшіе присяги и торжественные договоры, были хорошими христіанами. Дѣйствительно, папа за сдѣланные ему съ слѣпымъ послушанѣемъ услуги далъ польскимъ королямъ титулъ: *право-*

славный, orthodoxus. Но что же изъ этого, когда отечество, дослуживаясь этой чести, должно было умереть! Развѣ и Спаситель нашъ признаетъ также за поляками этотъ папскій титулъ?

Мы видѣли *мудрость* новой Польши въ ея военныхъ дѣйствіяхъ. Подобная же *мудрость* высказывается и въ ея мирныхъ дѣяніяхъ. У насъ была *самая дурная, самая анархичная, самая смѣшная въ свѣтѣ* конституція, основывающаяся на *конфедераціяхъ, избраніяхъ королей,* на *пактахъ конвентахъ,* болѣе и болѣе убивавшихъ монархическую власть, на *возмущеніяхъ шляхты,* на *аристократіи,* на **liberum veto**, словомъ на, такъ называемой, *золотой вольности,* т. е на *неурядицѣ.* Наши магнаты были всѣмъ, и по своей волѣ потрясали жребіемъ отечества. Король и духовенство должны были льстить имъ. Въ Польшѣ король былъ призракомъ, тѣнью, пустымъ именемъ, а вмѣсто его господствовало *сто тысячъ малыхъ цариковъ* (królików). Хотя статуты 1638 г. охраняютъ равенство шляхты (aequalitatem nobilitatis), хотя мы имѣли пословицу: szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie, но мелкая шляхта была орудіемъ сильнѣйшей, среднее сословіе неизвѣстно; крестьянство въ самомъ постыдномъ рабствѣ. Одна шляхта имѣетъ собственность, всякаго рода привиллегіи и почти неограниченную власть. «Польская шляхта, говоритъ Народный Дневникъ 1841 г., издаваемый въ Парижѣ, никогда недоказала великаго политическаго смысла, но только сильный инстинктъ самосохраненія. Овладѣвши исключительно всѣми выгодами общества, она особенно оберегала *равенство,* но единственно съ тою цѣлью, чтобы изъ среды его не возвысился кто нибудь такой, который бы, какъ это случалось у другихъ, побуждаемый благороднымъ честолюбіемъ, счастіемъ или гуманностію и умомъ, подалъ руку народу и подѣлился съ нимъ *золотыми привиллегіями.* Равенство же шляхетское было *самою опасною выдумкою, самымъ гибельнымъ заговоромъ на свободу и счастіе народа,* даже болѣе пагубнымъ, чѣмъ гдѣ нибудь неравенство; потому что легче можно разсчитывать на раскаяніе, великодушіе, братство отдѣльныхъ членовъ касты, но долго нужно ожидать того же отъ цѣлой, той же самой касты. И потому то рядомъ съ равенствомъ у насъ найдольше сохранялось неравенство,

найдольше оставался въ рабствѣ самый многочисленный классъ народа.—Когда бы еще равенство, по крайней мѣрѣ между шляхтою, было больше чѣмъ пустое слово, но кто же не знаетъ, какимъ позорнымъ орудіемъ магнатовъ была низшая шляхта, помимо заповѣданнаго равенства. Отличалась ли она въ эпоху анархіи какими нибудь спартанскими, (аристократическими) или демократическими добродѣтелями? Нѣтъ, она имѣла тѣже самые предразсудки, дурныя привычки и пороки, какъ и всѣ на свѣтѣ дворянства феодальной эпохи,—имѣла, говоритъ Конарскій, жадность, непомѣрную и ненасытимую алчность милостей или благодѣяній, отличалась цѣлованіемъ рукъ равныхъ себѣ, обниманіемъ (sciskaniem) ногъ, земными поклонами, отличалось честолюбіемъ до такой степени, что потеряла и обоняніе и вкусъ. Въ эпоху, когда шляхта особенно бредила равенствомъ, при Янѣ Казимірѣ, маршалъ Любомирскій имѣлъ тяжбу съ казною за какое-то соляное озеро. Коронный инстигаторъ, предъявляющій дѣло, случайно сказалъ, что онъ равенъ Любомирскому. На эти слова Любомирскій запылалъ такимъ гнѣвомъ, что публично ударилъ въ лицо палкою инстигатора, а его свита разорвала бы инстигатора въ куски, если бы самъ Любомирскій неудержалъ было ее. Кто же таковъ былъ Любомирскій? Самый преданный почитатель свободы и равенства, ведшій съ королемъ кровавую войну, чтобы недопустить его до назначенія при жизни наслѣдника престола угасавшаго уже отечества. Кто же составлялъ его свиту? Мелкая шляхта, повидимому равная своему пану, но по его мановенію готовая разрубить инстигатора въ другой разъ, если бы онъ, наученный новымъ, горькимъ и собственнымъ опытомъ, осмѣлился оспаривать, что шляхтичь на своей усадьбѣ равенъ своему воеводѣ. Вотъ образчикъ шляхетскаго равенства.»—Не доказываетъ ли это, какъ у насъ даже между *равною шляхтою* понимали *право личности*, на которое опирается новѣйшая гуманность. Однакожъ магнаты польскіе были кормчими отечественнаго корабля. Приготовлены ли они были къ этому? Боже сохрани! Они даже понятія не имѣли о политикѣ, дипломатическомъ искуствѣ, о состояніи европейскихъ народовъ, о духѣ времени, о политической экономіи. Въ ихъ головахъ было темно, какъ въ бараньемъ рогѣ,.. но за то они отличались неслыханнымъ честолюбіемъ и любовію къ личнымъ интересамъ.

Характеръ ихъ: легковѣрность, невѣжливость, откровенность въ отношеніи къ сосѣднимъ дворамъ и іезуитамъ, а лукавство, безчеловѣчіе и подозрительность въ отношеніи къ народу; заискиваніе вниманія и милости у европейскихъ монарховъ, а стѣсненіе власти собственнаго короля; исканіе у папы графскихъ титуловъ за усердіе къ римско-католической вѣрѣ и самое наглое и совершенно нехристіанское попраніе правъ человѣчества въ диссидентѣ, православномъ и крестьянинѣ. Вѣжливость въ отношеніи къ чужимъ дворамъ заходила такъ далеко, что Станиславъ Понятовскій, сдѣлавшись даже королемъ, неоставилъ привычекъ польскаго панка, такъ что этотъ коронованный панокъ, вопреки волѣ сейма, низкими происками уступилъ Австріи Величку, только изъ желанія доказать свою рыцарскую вѣжливость. Наши магнаты ѣздили за границу и, разсыпая тамъ золото, добытое кровію и потомъ сельскаго народонаселенія, и въ тоже время притѣсняли этотъ трудовой народъ,—главнѣйшую силу отечества. Если бы знаменитая конституція 3-го мая обезпечила было крестьянамъ собственность и утвердила за ними права человѣчества, если бы даровала имъ гражданскую свободу; то народное возстаніе при Костюшко имѣло бы другой видъ и судьбу. Но о такихъ вещахъ наши самолюбивыя паны и не грезели. Даже въ послѣднюю войну за независимость, начавшуюся въ 1830 г., сеймъ нашъ необъявилъ *ясно и громко*, что, покрайней мѣрѣ, онъ думаетъ объ освобожденіи народа, не доказалъ Европѣ, что мы перестали быть азіятцами, а начинаемъ цѣнить человѣчество!—Словомъ, до послѣднихъ дней наши паны имѣли всѣ пороки народовъ новой Европы, но не имѣли ни одной изъ ихъ добродѣтелей, не имѣли ихъ просвѣщенія. Какъ слѣпыхъ, насъ привели на край пропасти и столкнули безъ малѣйшаго труда.

Янъ Замойскій своимъ сильнымъ вліяніемъ и сладко звучащею фразою: *что каждый, кто защищаетъ отечество, имѣетъ право какъ на избраніе короля, такъ и на участіе въ публичныхъ совѣтахъ*, допустивши многія тысячи мелкой и глупой шляхты къ подачѣ голосовъ на сеймахъ, довершилъ великое заблужденіе, и, также какъ Гозій, ударилъ убійственнымъ кинжаломъ въ сердце общей нашей матери. Мелкая шляхта постоянно была средневѣковымъ рыцарствомъ, т. е. солдатствомъ. *Солдатъ хорошъ для войны, но не для*

совѣта. Его нужно держать въ военномъ порядкѣ, а не попускать ему поводья, пустивши его на волю! Что за неразуміе, дать удѣлъ въ совѣтахъ, касающихся судьбы отечества, такой черни, которая всякаго иностранца называла москалемъ или нѣмцемъ, которая не имѣла понятія ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ корчемныхъ ссоръ! Не должны ли было уродить на этой дорогѣ тѣ бурные и кровавые сеймы, которые и доселѣ служатъ *посмѣшищемъ и пословицею Европы*? Допущеніе мелкой шляхты къ совѣтамъ было тѣмъ нелѣпѣе, что наша конституція, *въ сто кратъ еще нелѣпѣйшая,* имѣла въ виду при подачѣ голосовъ не *большинство голосовъ,* но *единогласіе,* и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволяла каждому liberum veto. Возможно ли требовать единогласія отъ стотысячной толпы? Что же изъ этого вышло? То, что паны должны были закуплять это единогласіе жареными волами и бочками водки. Это отняло у народа его *собственное мнѣніе* и сдѣлало его *чужимъ эхомъ* и *предало пьянству шляхту!* Но этого недостаточно. Желая пріобрѣсть сторонниковъ, паны должны были заботиться о деньгахъ, а когда ихъ не имѣли, брали у чужихъ дворовъ и изъ честолюбія, *быть передовыми въ Польшѣ,* дѣлались измѣнниками отечества. Когда каждый шляхтичъ имѣлъ право крикнуть: nie pozwalam, не позволяю, какъ легко было врагамъ отечества и бунтовщикамъ уничтожить сеймъ, хотя бы и самый разумный! Когда пановъ было у насъ множество и каждый изъ нихъ имѣлъ свои планы и замыслы, желалъ быть первѣйшимъ, разсчитывалъ на корону, удивительно ли что Польшу разрывали безпрерывныя партіи, что никогда не было согласія, что все охватила анархія? Всѣ эти вещи очень естественны и вели отечество до позорящей насъ навсегда пословицы: *Польша существуетъ безпорядками* (Polska stoi nierządem). Въ такомъ положеніи дѣлъ древніе польскіе обычаи должны были исчезать, родились подкупы, умножались измѣнники отечества. Іезуиты и сосѣдніе государи отыскали широкое поле для своихъ интригъ и факцій. Испорченность же пановъ и шляхты дошла до такой степени, что даже *Екатерина* ругалась надъ продажностію поляковъ. Когда *Огинскій* удивлялся драгоцѣнному ея ожерелью, эта монархиня сказала: «Не правда ли, что я буду имѣть за что сдѣлать польскимъ королемъ каждаго, кто мнѣ понравится». О позоръ отцамъ

нашимъ! Если уже не возможно было безъ факціи привесть сеймъ къ единогласію; если уже сеймы наши были такъ отвратительны; то что теперь сказать о нашихъ конфедераціяхъ, которыя, *собираясь*, уничтожали постановленія единогласнаго сейма и узаконяли мятежъ? *Политическій хаосъ* становился у насъ каждый разъ больше,—разнуздывалось все! Польша пала, потому что въ подобныхъ обстоятельствахъ и вся природа обратилась бы въ ничто. Пусть же кто выразитъ, что *дѣды наши не имѣли разсудка!* Болѣзнь на *партіи* и на **liberum veto** есть и доселѣ еще въ нашей крови. Емиграція находится въ постоянныхъ партіяхъ, и каждый почти изъ земляковъ нашихъ думаетъ, что ему *необходимо принадлежать къ какой нибудь партіи*. Такъ мало еще развилась у насъ *индивидуальная личность*, или *единичность*, на которой опирается новѣйшее время, такъ мало значитъ у насъ честь: *владѣть собственною головою, имѣть собственное мнѣніе и убѣжденіе*. Что liberum veto есть въ нашей крови, это доказываетъ постоянно наши *недозрѣлые* (niedowarzone) *смѣльчаки*, которые безъ достаточныхъ основаній поднимаютъ свою руку, и свой злобный языкъ въ переодическихъ изданіяхъ на *всякую заслугу и знаменитость*. У насъ достаточно *начать отличаться*, что бы быть оглашеннымъ *дурнымъ полякомъ*, что бы остаться *оклеветаннымъ!* Можно имѣть собственное чувство и мнѣніе, и вмѣстѣ сѣ тѣмъ быть, согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, справедливымъ къ заслугѣ другихъ.

Современная Польша стала въ *совершенномъ противорѣчіи* съ современною Европою. Могущество папы и власть іерархіи вездѣ падали, а у насъ со введенія іезуитовъ возвышались. Вездѣ какъ на дрожжахъ выростало просвѣщеніе, а у насъ невѣжество. Вездѣ развивалась народная литература, а у насъ еще болѣе начала господствовать латынь, которая мало по малу разрѣшилась, въ такъ называемые, *макоранизмы*. Только при Станиславѣ Августѣ начала проявляться снова народная литература. Вездѣ монархическая власть торжествуетъ, а у насъ слабѣетъ и умираетъ; вездѣ вводятъ постоянныя войска, а у насъ настаютъ конфедераціи и поголовные наборы; въ Германіи, Даніи избирательный тронъ уничтожаютъ и учреждаютъ наслѣдственный, у насъ дѣлается на оборотъ; вездѣ усмиряютъ сильныхъ вассаловъ, у насъ развивается самая абсолют-

ная аристократія; вездѣ рыцарство уничтожается, а у насъ шляхта идетъ въ верхъ; вездѣ настаетъ порядокъ и безопасность, у насъ выступаютъ на сцену набѣги, частныя малыя войны, анархія; вездѣ процвѣтаетъ промыслъ, торговля, прогрессъ, а у насъ никто и не подумаетъ объ этомъ; вездѣ крестьянамъ даютъ собственность, у насъ состояніе крестьянина становится съ каждымъ разомъ нестерпимѣе; *) всѣ державы умножаютъ свою силу и блескъ, наша Польша впадаетъ въ безсиліе и бѣдность; всѣ державы по вестфальскому трактату признаютъ протестантовъ, и вѣру ихъ поставляютъ наравнѣ съ католическою, а поляки, съ крикомъ: *бей, убивай собаку—кальвиниста*, купаются къ крови диссидентовъ, отыгриваютъ торунскую комедію; всѣ державы разширяютъ свои границы, наша—Польша теряетъ провинцію за провинціею, наконецъ дѣлается добычею сосѣдей. Эту картину уже угадаетъ докончить самъ читатель...

Какъ Европа шла впередъ, такъ Польша назадъ; поэтому чѣмъ позднѣе, тѣмъ больше у насъ *сходства съ средними вѣками*. Въ этомъ отношеніи мы представимъ здѣсь нѣкоторые очерки. Монархическая власть, занятая борьбою съ магнатами и духовенствомъ, которое съ примасомъ, слѣдовательно съ могущественнѣйшимъ паномъ, было за одно,—сначала была очень мала, потомъ сдѣлалась нулемъ, наконецъ ничѣмъ. Примасъ былъ представителемъ папы, машиною римскаго легата и іезуитовъ. Монастырей и монаховъ безъ числа. Кресты и статуи святыхъ на всѣхъ дорогахъ. Весь внѣшній видъ Польши дышетъ средневѣковымъ фанатизмомъ. Магнаты, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, независимы. Они обѣзянничаютъ монархамъ, окружаютъ себя азіятскимъ великолѣпіемъ, ставятъ тронъ и, сидя на немъ, даютъ аудіенцію, нерѣдко даже бѣднѣйшимъ роднымъ. Въ самой настоятельной нуждѣ къ нимъ не доберешься, но долженъ будешь ожидать часа два, пока вся дворня не доложитъ о тебѣ, и панъ или пани, если только не мѣшаетъ великій тонъ, допуститъ тебя къ себѣ. Они имѣютъ свои надворныя войска, и если имъ угодно, или благоволятъ пошутить, прикажутъ всыпать тебѣ двѣстѣ нагаекъ, и ты долженъ быть доволенъ, потому что въ отношеніи къ нимъ молчитъ польская

*) Это сказано въ 1842 году.

Θемида. Они окружаютъ себя *товарищами и тѣлохранителями,* которые обыкновенно бываютъ изъ мелкой шляхты, а ихъ жоны имѣютъ цѣлыя свиты почетныхъ дѣвицъ. Каждый изъ нихъ, считая совершенно лишнимъ имѣть свой взглядъ на что нибудь въ свѣтѣ,—или *оригиналъ, капризный человѣкъ,* подобнаго которому едва отыщешь въ цѣлой исторіи. Не образы ли это средневѣковыхъ герцоговъ, графовъ и маркграфовъ? Скажемъ болѣе, они представляли собою отпечатки еллинскихъ царьковъ временъ варварскихъ (królików), описываемыхъ Гомеромъ, но испорченныхъ и оправленныхъ въ золотыя готическія рамы. Честь женщины растетъ. Пани воеводиха, или совершеннолѣтняя ея дочка, похожая на средневѣковую даму, заправляетъ цѣлымъ обществомъ, особенно мужскою молодежью. По ея взгляду или мановенію раждаются поединки. Это тиранка Марθа, бросающая свою перчатку между львовъ и тигровъ и повелѣвающая рыцарю сейчасъ подать ее. Набѣги и войны между могущественными фамиліями дѣлаются болѣе и болѣе частыми. Въ этихъ стычкахъ не разъ убиваетъ братъ брата, или отецъ сына; случается много сценъ трагически—и романтически—комичныхъ, потому что два царька—сосѣди и собрали свои войска изъ сосѣднихъ усадьбъ мѣлкой шляхты или изъ собственныхъ волостей. Вездѣ недостатокъ порядка и безопасности; что шагъ, то новаго рода панское *своеволіе.* Иностранецъ исходитъ цѣлый край и никто его не спроситъ о паспортѣ. Жиды гнѣздятся, каждое мѣстечко перемѣняютъ въ новый Іерусалимъ, обдираютъ крестьянъ, одолжаютъ панамъ деньги за огромные проценты. Вся Польша походитъ на корчму. Панъ и панокъ, какъ нѣкогда рыцарь, охотится, дѣлаетъ облавы, топчетъ хлѣбъ своихъ крестьянъ, оскорбляетъ даже бѣднаго брата шляхтурку (szlachetkę), уводитъ у него дочку a là Донъ Жуанъ Правосудія не попадешь даже съ фонаремъ Діогена. Большой панъ похищаетъ дочку меньшаго, вѣнчается съ нею съ разрѣшенія мѣстнаго бискупа, и это, по приговору юриспруденціи, дѣло естественное. Сдѣлай это какой нибудь бѣднягa,—могущественные родственники похищенной дѣвицы позовутъ его къ суду и несчастный осуждается на смерть. Возный, призывающій къ суду тяжущихся, прячется въ конопляхъ или кустарникахъ, иначе его засѣкли бы кнутами. *Кулачное право* есть самое дѣйствительное право. Чѣмъ ближе къ па-

денію Польши, тѣмъ больше средневѣковой поэтичности. *Барская конфедерація*—это битвы съ сарацинами на св. землѣ. *Казимірь Пулавскій, Заремба, Моравскій*—что это за поэтическіе характеры! Дѣйствительно годилось бы *заняться ими какому нидубь польскоиу Тассо. Война съ козаками* и *съ шведами* напоминаетъ собою испанскія преслѣдованія мавровъ и борьбу Европы съ норманнами. Это были времена романтической поэзіи! но лучше бы ихъ никогда не знать намъ! Лучшимъ спасительнѣйшимъ для насъ былъ бы европейскій порядокъ, стократъ желательнѣе для насъ прозаическое просвѣщеніе и мудрость запада! Возраставшее съ каждымъ днемъ грубое невѣжество, помрачало всѣ головы. Магнатамъ нашимъ уже не удивлялись бы послы Генриха Валезія, потому что сами были такими же неучами, какъ нѣкогда европейскіе рыцари. Сеймовые послы не понимаютъ даже ничтожной варшавской газеты. Выбицкій, одинъ изъ способнѣйшихъ людей своего времени, по собственному признанію, уже будучи сеймовымъ посломъ, началъ учиться географіи, хотя когда-то и былъ въ іезуитской школѣ и училищѣ законовѣденія (pelestra)! Вся Польша дышетъ фанатизмомъ, а между тѣмъ не даетъ ни одного замѣчательнаго богослова. О философіи и неслыхать. Только въ Краковѣ иногда шумятъ сторонники Аристотеля съ Ѳомистами. Настоящая схоластика! О религіи понятія превратныя. Предразсудки занимаютъ мѣсто просвѣщенія и составляютъ предметъ *вѣры!* Могла ли Европа, становящаяся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе просвѣщенною, при такихъ обстоятельствахъ, имѣть какое нибудь уваженіе къ Польшѣ? Также никакого вліянія мы не имѣли на чужія страны и учрежденія. Заключенъ вестфальскій трактатъ, а Польша, хотя въ то время была еще первокласною державою и множество имѣла въ нѣдрахъ своихъ диссидентовъ, не имѣла въ немъ ни малѣйшаго участія. Да и кто могъ ее призвать? Она считалась *папскою* въ глазахъ протестантовъ, а католическія державы не знали къ кому обратиться. Нашъ король ничего не могъ дѣлать безъ сейма, а сеймъ, какъ *стотысячно—язычная гидра*, недостоинъ былъ, чтобы ему повѣрять дипломатическія дѣла. Отсюда заключаютъ и уничтожаютъ военные трактаты безъ малѣйшаго вниманія на Польшу, *какъ будто ее и несуществовало въ Европѣ*. Даже *султанъ турецкій* не видитъ надобности держать своего посла въ Вар-

шавѣ. Послы нашихъ сосѣдей управляютъ деспотически; они сильнѣе всѣхъ магнатовъ. Русскій посолъ подъ бокомъ у короля схватываетъ нашего епископа и другихъ сенаторовъ, непріязненныхъ своему двору, и приказываетъ безъ всякаго суда изгнать ихъ изъ отечества. Если мы сдѣлали что нибудь извнѣ, то только то, что своими несчастіями дали свѣту урокъ, какъ тяжко караетъ Богъ людей за ихъ *неразуміе*.

Наши отцы не имѣли сознанія о собственномъ состояніи, *не знали самихъ себя*. За то знали ихъ хорошо сосѣдніе монархи и умѣли этимъ воспользоваться. Вотъ для доказательства нѣсколько примѣровъ. Мабли (Mably) говоритъ: «Я разговаривалъ съ самыми знаменитыми поляками, какихъ мнѣ представили, какъ *сановниковъ*. Я нашелъ ихъ такъ темными и предразсудными, такъ предубѣжденными и испорченными, такъ заискивающими другъ предъ другомъ вниманія Австріи, Россіи и Пруссіи, что нѣтъ уже никакого спасенія для Польши. Глупость этого народа всеобща и его неспособность къ мышленію лежитъ отчасти въ дурной конституціи, а отчасти въ неслыханномъ пьянствѣ. Прибывши въ Польшу, я думалъ, что нахожусь въ татаріи. Что за дороги, что за села, что за бѣдность! Польскій шляхтичь болтаетъ и у иного языкъ очень плавный, но это пустая болтовня. И этого впрочемъ достаточно для Польши, гдѣ никто не умѣетъ оцѣнить возможность мышленія, гдѣ стараются разубѣдить тебя саблею, коль скоро не дѣйствуетъ болтовня. **J. H. Bernardin de St. Pierre** говоритъ: «Нѣтъ нигдѣ блистательнѣйшей аристократіи какъ въ Польшѣ, но за то нѣтъ нигдѣ бѣднѣй и обывателей. Бѣдность сельскаго населенія превосходитъ всякія описанія. Цѣлый годъ работаетъ здѣсь крестьянство на своихъ варварскихъ владѣтелей, имѣющихъ надъ нимъ право жизни и смерти. Участь мелкой шляхты не много счастливѣе. Что бы ее переубѣдить и привлечь на свою сторону, нужно залить ее водкою. Такъ пропиваютъ здѣсь безстыдно свою свободу и свое мнѣніе.»—*Вольтеръ* говоритъ: землеДѣльцы въ Польшѣ—невольники, а шляхта—короли. Когда бы польскіе конфедераты имѣли сколько нибудь логики въ головѣ, не бунтовали бы они собственнаго отечества и не обагряли бы кровію своихъ братьевъ, но послушали бы голоса Лещинскаго, своего короля философа, который напрасно преподалъ имъ отличные примѣры науки, благоразумія и умѣрен-

ности. Польша имѣла бы втрое больше жителей и богатства, еслибы крестьянинъ небылъ невольникомъ, если бы былъ владѣтелемъ земли.»—*Руссо* говоритъ: «Поляки! будьте прежде всего людьми! тогда вы будете счастливы и свободны. Но не льстите себѣ достигнуть того состоянія блаженства, пока держите самыхъ трудолюбивыхъ вашихъ братьевъ въ позорныхъ кандалахъ.»—Такъ судили о насъ французы. Предыдущія выдержки, представленныя нами съ малыми измѣненіями, суть изъясненія Кубракевича. Теперь еще одинъ примѣръ германскаго суда. **Conversations Lexicon**, который находится въ рукахъ почти каждаго нѣмца, такія передаетъ о насъ свѣденія: «Польша чуть ли не единственная страна, которая не заслужила почти никакого уваженія въ теченіи своего тысячелѣтняго существованія. Она представляетъ обширную равнину въ Европѣ, на которой живутъ 12 милліоновъ невольниковъ, стенающихъ подъ игомъ 100 тысячь мелкихъ тирановъ. Плеть шляхтича составляетъ душу народнаго хозяйства. Всякую дѣятельность мыслительнаго духа здѣсь убиваетъ жидъ своею водкою, потому что крестьянинъ невольникъ, естественно имѣетъ своею пословицею: что выпилъ, то только и мое. Польша была страною самыхъ непримиримыхъ противорѣчій, и стада волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей были наименьшимъ ея несчастьемъ. Здѣсь было древо свободы, но безъ корня и потому первый сильнѣйшій вѣтеръ опрокинулъ его. Порядокъ, право и свобода собственника никогда не могли здѣсь разцвѣсти, потому что *политическая неурядица* государства основывалась на мнѣніи: только дворянинъ можетъ быть собственникомъ. *Цѣль народной жизни* никогда не была извѣстна дикой варварской аристократіи, которая, издѣваясь надъ властію избраннаго ею самою короля, управляла всѣмъ сама.

Поляки! пусть не оскорбляютъ васъ эти мнѣнія иностранцевъ, потому что большею частію они справедливы. Неужели вы вмѣните въ преступленіе земляку то, что онъ *весьма искренно и съ наилучшею цѣлью* напоминаетъ вамъ? Наконецъ *говорить правду* обязанъ всякій историкъ, какимъ и мы должны быть здѣсь на минуту. Послушайте, что говоритъ знаменитый Ротекъ (Rotek): «исторія не можетъ быть рабой ни *церковной, ни политической* господствуещей системы; она не должна льстить предразсудкамъ, или суетѣ народовъ. Она

лучше согласна молчать, чѣмъ лгать. На этомъ основаніи, увы, правда садится неразъ только на гробѣ папъ и королей, на развалинахъ павшей религіи и политики. Однакожъ всякое время, даже настоящее, будетъ имѣть свою правдивую исторію. Если ее не дозволятъ писать въ Европѣ, то напишутъ ее въ Америкѣ.»—Наши дѣды изрубили бы того, кто бы осмѣлился сказать имъ правду, или дать ее прочитать; поэтому-то иностранцы ее написали для будущихъ поколѣній. Неужели мы будемъ въ этомъ отношеніи похожи на своихъ отцовъ? Сохрани Боже! *Сказать чистую правду* даже предъ иностранцемъ, въ настоящее время составляетъ достоинство; потому что этимъ мы доказываемъ, *что мы вошли въ самыхъ себя, каемся въ прежнихъ грѣхахъ и обѣщаемъ исправленіе, и что мы достойны лучшаго жребія*. Исповѣдываться между собою—*другъ предъ другомъ*—составляетъ обязанность каждаго вообще, потому что мы должны сознаться и отвращаться пороковъ, укорененныхъ въ нашей крови, что бы избѣжать ихъ на будущее время. *Теперь мы начинаемъ хлопотать о прогрессѣ и просвѣщеніи*. Однако многое еще нужно побѣдить. Піетизмъ напр. опять поднимаетъ голову и распространяется столько же въ отечествѣ, сколько и въ эмиграціи. Дѣйствительно это очень естественно, потому что *старая грѣховодница обыкновенно дѣлается наконецъ ханжею*; однакожъ это останавливаетъ насъ на пути къ будущему спасенію и не предвѣщаетъ ничего добраго! Отсюда однако не слѣдуетъ, что бы мы взяли въ руки Вольтера и бросились въ объятія якобинцевъ, потому что это было бы противоположною крайностію и лишило бы насъ довѣрія народовъ, т. е. *общественной вѣры*.

Иное дѣло *индивидуальная, личная, собственная совѣсть*, иное—*совѣсть народа*, а иное—*совѣсть іерархіи*. Отецъ семейства долженъ искать спасенія въ собственной совѣсти, а правитель страны пусть примѣняется къ совѣсти народа. Цѣлый народъ не нуждается въ исповѣди предъ монархомъ и въ слушаніи его совѣтовъ, потому что онъ не есть индивидуумъ. Доселѣ мы приносили въ жертву, какъ свидѣтельствуетъ вся польская исторія, собственную совѣсть и совѣсть народа папской совѣсти. Это насъ погубило, въ настоящемъ и не обезпечило намъ, *гонителямъ христіанства*,

даже въ будущемъ вѣчнаго блаженства!—Многіе не умѣютъ отдѣлить іерархіи отъ религіи, папы отъ Искупителя, интересовъ церкви отъ интересовъ христіанства. Это совы, стихіею которыхъ служитъ тьма. Многіе соединяются въ политическихъ цѣляхъ съ нашимъ духовенствомъ и надѣются этимъ путемъ найлучше служить отечеству. Эти люди достойны сожалѣнія, потому что они не знаютъ что дѣлаютъ. Они не знаютъ церковной политики, нашей папской іерархіи, оканчивающейся всегда собственнымъ интересомъ, собственнымъ господствомъ и пожертвованіемъ своихъ друзей; они *не довѣряютъ тысячелѣтнему опыту Европы*, не хотятъ *пользоваться исторіею*, думая, что въ состояніи будутъ провести того, кто доселѣ умѣлъ сдѣлать цѣлое человѣчество средствомъ для своихъ цѣлей.—Недовѣряй патріотизму того ксендза, который дышетъ ультрамонтанизмомъ! Патріотизмъ и ультрамонтанизмъ—вещи столько же противоположныя, какъ жаръ и ледъ въ сердцѣ, какъ и любовь и ненависть.—Если бы поляки, начиная съ Мечислава, были *греческаго исповѣданія*, они и доселѣ не перестали бы быть великимъ народомъ, потому что западные миссіонеры такъ насъ обращали, какъ теперь англичане обращаютъ индійцевъ, т. е, стараясь наложить ярмо на дикій народъ и запречь его въ плугъ своего народа, иначе Польша впослѣдствіи не имѣла бы на своемъ тронѣ Сигизмунда III, полуумнаго фанатика, не знала бы іезуитовъ, не вела бы войнъ съ шведами, слилась съ Русью, въ такомъ случаѣ уже единовѣрною, въ одно цѣлое и *имѣла бы собственнаго короля своимъ религіознымъ патріархомъ*. Если бы поляки съ начала новыхъ временъ приняли было даже реформацію, то мы тоже доселѣ были бы великимъ народомъ, потому что мы научились бы религіозной терпимости, узнали бы право личности, жили бы съ греческою Русью въ братствѣ и были бы на дорогѣ европейскаго прогресса. Впрочемъ отсюда не слѣдуетъ, что бы мы совѣтывали полякамъ протестантизмъ. О нѣтъ, объ этомъ мы не думаемъ! Но если Богъ когда нибудь снова дастъ намъ удѣлъ, намъ нужно будетъ *освободить совѣсть отъ чужихъ путъ и создать независимую польско-христіанскую церковь* по мысли нашихъ просвѣщенныхъ Сигизмундо-Августовскихъ прадѣдовъ, иначе снова погибнемъ. И новая Польша должна будетъ *отродиться во всемъ*.—Какъ ни не-

справедливо поступали поляки съ диссидентами, однакожъ эти послѣдніе любили отечество, постоянно были лучшими его гражданами и найболѣе обладали просвѣщеніемъ Даже въ послѣднемъ дѣлѣ за независимость страны ихъ было полно. Они говорили: если польскій народъ побѣдитъ, снова возвратятся іезуитскія времена и мы будемъ цѣлью преслѣдованія. Однакожъ мы—поляки, и потому идемъ сражаться. Скорѣе нужно извинить преслѣдуемымъ диссидентамъ конфедерацію торунскую, чѣмъ непреслѣдуемымъ католикамъ тарговицкую.—Историки польскіе, издайте *исторію фанатизма нашей страны!* Этотъ трудъ откроетъ глаза и принесетъ въ будущемъ неслыханныя выгоды —Кто отчаевается насчетъ польскаго ума, тотъ можетъ сказать: тогда только блеснетъ надежда для нашего отечества, когда *союзъ державъ* запечатаетъ разъ на всегда *средневѣковый источникъ Гильдебрантизма.*—Поддерживай въ твоей груди, почтенный полякъ, священный огонь религіи, ходи въ церковь и усердно молись, но избѣгай близкихъ отношеній съ прелатами! Чѣмъ способнѣе кто изъ нихъ, тѣмъ опаснѣе. Онъ завертитъ буравомъ схоластики въ твоемъ почтенномъ мозгу, ты потеряешь голову и останешься, подобно своимъ отцамъ, слѣпымъ орудіемъ іерархіи!—Польскій народъ не понялъ того назначенія. къ которому призывалъ его Богъ, и существовалъ только что существовалъ, какъ безвѣстная былина, какъ лѣнтяй, fruges consummere natus *). Его назначеніемъ было—занять самое выгодное мѣсто во главѣ славянъ, открыть ихъ *я* въ литературѣ и дѣлахъ, составить третью сторону въ треугольникѣ, двумя сторонами котораго суть народы романскіе и германскіе, влiять на Европу мудростію и дѣятельностію третьей ея вѣтки. Мы были уже первокласною державою, мы стояли высоко и снискали симпатію родственныхъ намъ народовъ. Самъ Богъ почти подвигалъ насъ, но мы были слѣпы въ своей славѣ и счастіи и потому пали. Мы должны благодарить за это Гозія, іезуитовъ и золотую нашу *вольность.* Теперь Россія заняла наше мѣсто и ежедневно доказываетъ, что поняла свое назначеніе.

---

*) Рожденный поѣдать чужіе плоды.

III.

ОТВѢТЪ

Г. СТОЯНОВУ, ВЫЗВАННЫЙ ЕГО СТАТЬЕЮ: »НЕПРАВДИВОСТЬ И РАВНОДУШІЕ—ГЛАВНѢЙШІЯ ПОМѢХИ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ«

(Основа сентябрь 1862 г.)

Я бы долженъ былъ сказать, что недавно возникшая, такъ не кстати, пропаганда и утопіи немногихъ *хохломановъ*— главнѣйшія помѣхи къ болѣе тѣсному сплоченію разныхъ *россовъ* въ одну Россію, что въ южно-западномъ краѣ грамотность возникла и развивается помимо непрошенныхъ услугъ хохломановъ, что эти услуги составляютъ фактическую *помѣху* къ болѣе быстрому, широкому и *благопотребному* развитію здѣшняго народа *русскаго*, что, что......; но у меня теперь на очереди отвѣтъ г. Стоянову, и я отвѣчаю.

Прежде, чѣмъ я отвѣчу вамъ, г. Стояновъ, позвольте обратиться къ вамъ съ слѣдующею просьбою: простите меня, г. Стояновъ, если я не имѣлъ случаевъ пріучиться къ слишкомъ уже тривіальнымъ пріемамъ вашей полемики, и ругательствамъ человѣка неправаго, увлеченнаго пароксизмомъ свирѣпости, выходящимъ теперь изъ употребленія даже въ кухняхъ, противопоставлю непоколебимыя истины и выводы. Я нахожу удобнымъ для себя этотъ методъ полемики и потому, что вижу въ вашей, г. Стояновъ, образчикъ самаго грустнаго патологическаго явленія, вижу, какъ чувство злости, достигнувъ высшей точки свего развитія, туманитъ умъ, заслоняетъ отъ него истину, портитъ кровь, доводитъ полемиста до забвенія своего человѣ-

ческаго достоинства, до краснорѣчія толкучихъ рынковъ, лишаетъ его того самообладанія, того нормальнаго отправленія способностей человѣческаго духа, безъ котораго не мыслимо резонное обсужденіе предмета, и которое составляетъ условіе, sine qua non, здравомыслящей, основательной полемики людей сколько нибудь порядочныхъ. Такой полемистъ даетъ своему противнику слишкомъ много шансовъ для легкой надъ нимъ побѣды. Это показываетъ настоящій опытъ.

Г. Стояновъ начинаетъ свой отвѣтъ—исторіей своей школы; чтобы не упустить его изъ виду, и я начну съ нея же и съ исторіи его отчета о «Ежедневной школѣ», помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ Вѣстника. Г. Стояновъ говоритъ, что его *школа была разрѣшена еще при Н. С. Пироговѣ*. Это г. Стояновъ,—самая страшная мистификація. Что значитъ ваше *при?* Указываетъ ли оно эпоху открытія «Ежедневной школы», намекаетъ ли на законность ея открытія и существованія? Кажется вы хотѣли однимъ зарядомъ убить и зайца и щуку,—хотѣли громкимъ именемъ драпировать неумѣстность вашей школы, а словомъ *разрѣшена* заявить ея законность. Если бы вы употребили фразу *при Пироговѣ* для того только, чтобы обозначить время открытія школы, то вы могли бы назвать какое угодно имя, современное этой знаменитой эпохѣ—и всего раціональнѣе имя министра народнаго просвѣщенія, или, пожалуй, генералъ-губернатора; это было бы еще громче и обаятельнѣе. «Но умыселъ другой тутъ былъ»! Кто посмѣетъ, дескать, сомнѣваться въ пользѣ и законности школы, которая *разрѣшена* (?) и открыта при *самомъ* Пироговѣ! Стоило только ему быть въ то время въ Кіевѣ, или учебномъ округѣ, чтобы школа была nec plus ultra совершенства и чтобы никто не дерзалъ сомнѣваться въ ея нормальности и законности. Но кѣмъ разрѣшена эта школа, самимъ ли г. Пироговымъ (какъ и должно быть, иначе имя его будетъ торчать въ фразѣ слишкомъ не логично, а школа останется внѣ покровительства законовъ) или кѣмъ либо другимъ; съ чьего разрѣшенія она прію-

тилась въ зданіи университета; кто *выбрали* распорядителемъ школы г. Шейковскаго; на какомъ основаніи мѣсто избраннаго кѣмъ-то заступилъ *самъ* г. Стояновъ; отъ чего г. Чалый, вопреки прямой своей обязанности, отказался гарантировать бытіе школы; когда и какимъ документомъ *учебный округъ предложилъ учителямъ выбрать надзирателемъ школы кого либо изъ (г.г.) профессоровъ университета*, какимъ актомъ прикомандированъ къ этой должности г. Абашевъ, отъ чего онъ былъ въ школѣ только одинъ разъ?—На эти и подобные имъ вопросы г. Стояновъ не отвѣчаетъ. По чему? Потому что отвѣчать на нихъ не можетъ; потому что школа не была гарантирована никакимъ правительствомъ, что она была частною затѣею, что бытіе ея стало извѣстно большинству и власти въ эпоху ея смерти, что я обращался къ университетской администраціи за разными справками объ этой школѣ и мнѣ отвѣтили, что въ канцеляріи университета нѣтъ ни одного (за исключеніемъ отзыва г. Абашева, по случаю закрытія этой школы) клочка бумаги объ этой школѣ, что она существовала Богъ вѣсть на какомъ основаніи; что, наконецъ, школа по отзыву избраннаго г. Стояновымъ и К° надзирателемъ школы, г. Абашева (*), была «плодомъ увлеченія молодыхъ людей скороспѣло начатая» и проч. Такъ выразилась о школѣ единственная личность, сколько нибудь гарантировавшая бытіе школы, согласившаяся принять на себя эту гарантію, не зная, конечно, характера школы и, при первомъ сознаніи ея темнаго направленія, отворотившаяся отъ нее съ презрѣніемъ и охарактеризовавшая ее въ высшей степени вѣрными (хоть нѣсколько и уклончивыми, недавно поцитованными) словами. Еще одинъ и весьма важный вопросъ, г. Стояновъ: на какомъ основаніи закрыта ваша школа? Отъ чего это наше попечительное правительство, такъ горячо сочувствующее народному образованію, сочло вашу школу лишнею, чтобы не сказать

(*) Отъ чего г. Стояновъ не поцитовалъ цѣликомъ этаго важнаго документа, проливающаго ясный свѣтъ на характеръ его школы?

вредною? Вѣроятно, мысль правительства совпала съ тѣми непоколебимыми истинами, которыя высказаны мною въ примѣчаніи къ вашему отчету о школѣ и, при повѣркѣ которыхъ можно, пожалуй, забываться, ругаться, но не опровергать ихъ. Вообще, г. Стояновъ, я имѣю самое ясное понятіе объ открытіи и закрытіи вашей школы.

Примѣчаніе мое къ статьѣ г. Стоянова заявлено, правда, не безъ нѣкотораго негодованія (какъ это обязанъ былъ бы сдѣлать на моемъ мѣстѣ и всякій благонамѣренный сынъ Россіи), но и безъ злости, личностей и софизмовъ: въ немъ нѣтъ *ни одной* лжи, клеветы, ругательства, въ немъ все отъ начала до конца такая истина, какъ $2\times2=4$. Г. Стояновъ, помѣщая свой отчетъ о школѣ въ Вѣстникѣ—независимомъ отъ увлеченій партій, вообразилъ себѣ что вмѣсто обличенія найдетъ въ этомъ журналѣ выраженіе сочувствія къ его не потребной школѣ, но будучи пораженъ сюрпризомъ разочарованія и ругнулъ на сколько могъ.

Теперь и я *пунктъ за пунктомъ* (*) *буду отвѣчать* на ругательства г. Стоянова и, конечно, не ругательствами.

Источникомъ, изъ котораго я почерпнулъ мои свѣденія на счетъ школы г. Стоянова были не *сплетни* (этотъ источникъ свѣденій находится въ безраздѣльномъ владѣніи г. Стоянова), 1) самая замѣтка г. Стоянова; 2) единственный документъ о характерѣ ежедневной школы: отзывъ г. Абашева и фактъ закрытія школы, и 3) наконецъ, свѣденія, собранныя отъ лицъ авторитетныхъ, которыхъ я необязанъ называть потому, что я врагъ сплетней, но показанія которыхъ далеко достовѣрнѣе ссылки на тѣхъ сотрудниковъ г. Стоянова въ дѣлѣ самой вредной для единства Россіи пропаганды, которыхъ онъ называетъ въ своей запальчивой противъ меня выходкѣ.

Вы говорите, г. Стояновъ, что ученики *высшаго отдѣленія* (они у васъ названы) *всегда читали по-великорусски* (го-

---

(*) Мы увидимъ ниже, что г. Стояновъ храбръ только по намѣренію, но не на дѣлѣ. Большую половину п у н к т о в ъ онъ обошелъ слишкомъ сдалека; эти пункты показывать ему слишкомъ не подъ силу.

ворите г. Стояновъ; *по-русски*, иначе я опять дамъ вамъ поводъ злиться) названныя вами книги. Во-первыхъ: вы выражаетесь слишкомъ сбивчиво: что это за ученики *высшаго* отдѣленія въ *новооткрытой школѣ*, гдѣ они читали эти книги—про себя ли или и для другихъ—въ классѣ, какъ они (по вашей теоріи, но не по нашей) могли читать на непонятномъ для нихъ *русскомъ* языкѣ? Во-вторыхъ: чтеніе не есть *обученіе, преподаваніе* языка, а только чтеніе. Гдѣ бы ученики ни читали великорусскія книги, языкъ *русскій* все-таки въ вашей школѣ *не преподавался*, этому языку,—языку единой Россіи, вы все-таки *не учили*. Какъ бы вы ни называли этотъ фактъ въ примѣненіи къ закону, но гражданскою *доблестью* назвать его не можете. Отчего жъ вы, г. Стояновъ, такъ озлились на меня за то, что въ вашей школѣ *не учили* русскому языку, и что я не навязалъ этой учебы (или точнѣе не просмотрѣлъ этой *не учебы*) вашей школѣ, хоть бы путемъ сплетней. Другаго способа не оставалось. Хоть вы и называете свою школу *открытою* (*); но это такъ только говорится. Открытою школою называется та, которая гарантируется правительствомъ, программа обученія въ которой формируется властію; а къ вашей школѣ не примѣнимъ ни одинъ изъ аттрибутовъ школы *открытой, законной*. Ея открытіе формально названо «плодомъ увеличенія молодыхъ людей»; лишь только новое университетское начальство открыло ея существованіе, ее тотчасъ закрыли, чтожъ это за гласная школа считавшая нужнымъ спрятаться чуть-чуть не въ карманѣ? Ее посѣтилъ г. Караваевъ и г. Абашевъ по одному разу. Я думаю, что еслибъ она была открытою, то ее посѣтили бы не двое, не по одному разу, то ее посѣтилъ бы г. Караваевъ не изъ одного любопытства, мимоходомъ, а г. Абашевъ посѣщалъ, бы ее, если не по обязанности, то въ силу даннаго слова,

---

(*) Открытость школы не составитъ еще безукоризненности ея репутаціи. Воскресныя школы были о т к р ы т ѣ е «Еженедѣльной», а припомните, г. Стояновъ, чему тамъ учили нѣкоторые.

хоть разъ въ недѣлю, если бы школа заслуживала его вниманія и если бы онъ не изучилъ въ одинъ визитъ ея направленія. Да и къ чему тутъ разныя толкованія, предположенія, когда яснѣе солнца видно, что въ «Ежедневной школѣ» *не учили русскому* языку. Пусть публика, предъ судомъ которой такъ грозно поставляетъ меня г. Стояновъ, прочитаетъ со вниманіемъ помѣщенный въ Вѣстникѣ отчетъ о Ежедневной школѣ и скажетъ по совѣсти: имѣлъ ли я какой нибудь поводъ навязать этой школѣ обученіе *русской* грамотности? Въ отчетѣ объ этой учебѣ ни слова. По чему? Причина очевидна. Не можетъ же быть, чтобы г. Стояновъ «слона-то и не примѣтилъ»; не можетъ быть, чтобъ онъ промахнулъ ни болѣе ни менѣе, какъ предметъ самый капитальный, обязательный для *всякой русской* школы. Если бы даже и дѣйствительно *преподавался* въ школѣ языкъ русскій, а г. Стояновъ, изъ своихъ побужденій, захотѣлъ скрыть отъ извѣстной публики фактъ этого преподаванія; то все-таки я нисколько, не виноватъ, что не одаренъ всевѣденіемъ, то утайка г. Стоянова все-таки не можетъ быть названа дѣломъ чистымъ. Да я же и не говорилъ, что въ школѣ г. Стоянова ничего *не читали* по русски, а только сказалъ: *не учили* и постоянно ссылался на его отчетъ и употреблялъ выраженія: «въ замѣткѣ нѣтъ даже намека на тѣ предметы обученія и проч. «судя по замѣткѣ» и другія. Да и самое чтеніе книгъ (помимо того, что оно не обученіе), какъ фактъ запоздалый, не заявленный въ отчетѣ, желающій опереться на свидѣтельствахъ людей *соприкосновенныхъ къ дѣлу,* не имѣетъ никакой силы и значенія. Я вѣдь писалъ извѣстное примѣчаніе прежде статьи, вызвавшей настоящій отвѣтъ. Къ чему жъ тутъ горячиться, когда дѣло говоритъ само за себя! Горячностью, г. Стояновъ, вы не сдѣлаете чернаго бѣлымъ.

Вербовка въ школу была, это фактъ. Мы не унизимся до розысканій: какой студентъ или ученикъ, кого и когда вербовалъ въ школу; эти занятія не по моей части, это дѣло сплетни. Я получилъ объ этой вербовкѣ свѣденія инымъ путемъ, болѣе честнымъ и не станемъ ссылаться, подобно г. Стоянову,

на своихъ знакомыхъ въ той увѣренности, что, дескать, свои люди не выдадутъ; нужно лишь съ ними предварительно переговорить. Да въ подобныхъ пріемахъ для существованія вербовки не настоитъ никакой надобности,—ея существованіе очевидно до глазовидности. Школа открывалась не бывалая, внѣ покровительства законовъ, печатнаго объявленія объ ея открытіи не было (и не могло быть), какимъ же путемъ, кромѣ вербовки или устныхъ убѣжденій, можно было затянуть въ эту школу прозелитовъ, или хоть сдѣлать извѣстнымъ ея бытіе? Само собой нужно было сперва шнырять пропагандистамъ по всѣмъ людскимъ, кухнямъ, швейцарскимъ, лачугамъ и т. под. мѣстамъ, встрѣчать индѣ прямой отказъ, индѣ двусмысленную улыбку, пожиманіе плечами, а можетъ быть и прямую насмѣшку,—словомъ: испытывать неудачи. При такомъ пріемѣ оповѣщенія о школѣ и вербовкѣ въ нее, естественно предположить, что благо-благо, если одинъ вербовщикъ поймалъ двухъ паціентовъ. Не ходить же ему изъ чулана въ чуланъ по городу; нужно было, чтобъ ихъ егозила цѣлая корпорація и чтобы вербовка на первыхъ порахъ, шла все-таки изъ рукъ вонъ туго. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ; «плоды личнаго увлеченія» иначе не сѣются. Правда, г. Стояновъ, хоть поздо, толкуетъ о какомъ-то оповѣщеніи въ воскресной школѣ; но это дѣло слишкомъ темное. Что тутъ было сказано ученикамъ, какъ было принято сказанное, какихъ это учениковъ и откуда явилось въ школу 60, тогда какъ въ самой замѣткѣ значится только 16, отъ чего въ замѣткѣ сказано, что среднѣе число посѣщавшихъ школу было 30-35, 35-45 (если не преувеличено), maximum 56, а въ выходкѣ противъ моего примѣчанія среднее число *поднято уже до 70*; какимъ это образомъ ученики уходили изъ школы *зимою, до свѣчей*, когда учеба въ ней *начиналась только* въ 4 часа (конечно, по полудни)? На эти вопросы отвѣтовъ не имѣется.

Но мало ли вопросовъ возникаетъ въ умѣ при чтеніи отчета о школѣ г. Стоянова, особенно его ругательства помѣщеннаго въ Основѣ! Онъ назвалъ первоначальное обученіе на *велико*-русскомъ (говорите,-*русскомъ!*) языкѣ *нелѣпымъ опы-*

томъ! Не слишкомъ ли вы смѣлы, г. Стояновъ, чтобы не выразиться точнѣе, когда называете обученіе русскаго русской грамотности, составляющее обязательный, главный предметъ (вмѣстѣ съ закономъ Божіимъ) всякой школы въ Россіи, нелѣпымъ! Не умѣстнѣе ли этотъ эпитетъ въ примѣненіи его къ ежедневной школѣ, съ весьма законною прибавкою всѣхъ другихъ, которые теперь при случаѣ повторяются вамъ изъ моего примѣчанія? На какомъ основаніи вы навязали мнѣ сентенцію *единственнымъ предмѣтомъ школьнаго обученія было языкознаніе?* и отвѣчали изъ вѣжливости: *это ложь?* Я только сказалъ:» не странно ли видѣть цѣлую фалангу учителей, занимающихся обученіемъ тому (нужно быть слѣпымъ, что-бы не видѣть, что здѣсь разумѣется изученіе грамотности на малорусскомъ просторѣчіи, не болѣе), чему они могли бы (и даже должны; потому что учители до самой смерти своей, не овладѣютъ малорусскимъ просторѣчьемъ такъ, какъ владѣютъ имъ ученики ихъ) поучиться у своихъ учениковъ. «Потомъ я сказалъ:» школа ничего не можетъ прибавить къ этому языкознанію» (незабудьте языкознанію, не болѣе!). Послѣ этого понятно должно быть для всякаго имѣющаго смыслъ, что фраза; «дѣлать его (нарѣчіе) исключительнымъ предметомъ школьнаго обученія» тоже относится къ одному только нарѣчію, къ забракованію русской грамотности, внѣ всякаго отношенія къ другимъ предметамъ обученія, о которыхъ, впрочемъ, г. Стояновъ выразился очень темно. Сказавъ *предметы остались прежніе* (какіе, г. Стояновъ?), онъ, въ непрерывномъ контекстѣ, продолжаетъ: *ученики съ жадностію перечитывали украинскія брошюры и почти заучивали ихъ напамять.* Исчисливъ заученную хохлатчину и сказавъ свое знаменитое: *ничего неосталось читать*, г. Стояновъ взялся за повѣсти Основы (конечно, написанныя на томъ же нарѣчіи туземнаго простолюдья); а когда и онѣ были окончены (быть можетъ, зазубрены), онъ *увидѣлъ на опытѣ* (?), *какъ много терпитъ дѣло образованія отъ недостатка книгъ для чтенія, составленныхъ на народномъ и понятномъ для мальчиковъ языкѣ* (или, скажу отъ себя, отъ навязыванья мальчику такого *нарѣчія*, которое для него не понятнѣе

простаго *русскаго языка* и на которомъ нельзя составить сколько нибудь сносной книженки, выходящей изъ круга стишковъ, побасенокъ и расказцовъ).

Доказавъ г. Стоянову, что въ школѣ его *не учили* русской грамотѣ, теперь я докажу ему и то, что его школа была «чуть не языческою». Сказавъ, что въ примѣчаніи моемъ *нѣтъ ни одного* (курсивъ въ подлинникѣ) *вѣрнаго факта*, г. Стояновъ чрезъ нѣсколько страницъ забылъ уже, отъ волненія чувства, сказанное и, какъ ни въ чемъ не бывало, заявляетъ: *это совершенная правда*, т. е. то, что въ школѣ не преподавался Законъ Божій. Проглотивъ спокойно фразу примѣчанія: «не были изучаемы (въ школѣ употребительнѣйшія въ православномъ мірѣ молитвы, въ ней даже во все не молились,» г. Стояновъ снова заявилъ своимъ молчаніемъ, что и *это совершенная правда*. На какомъ же основаніи имѣлъ я право назвать эту школу христіанскою? Признаковъ, по которымъ бы можно было усвоить ей это имя, у нея не было: въ ней даже не былъ читанъ ни коранъ, ни талмудъ, чтобы я имѣлъ резонъ назвать ее хоть мусульманскою, или еврейскою; какъ же ее назвать, если не языческою. *) Вы скажсте: «въ ней учились дѣти христіанскихъ родителей,» но это еще не есть признакъ христіанскаго характера и направленія *школы*; да и почемъ я знаю, что въ ней учились только христіанскіе мальчики? Мало ли теперь кто сидитъ въ школѣ рядомъ съ христіаниномъ! Вы скажете: мы четвертовали Евангеліе и давали читать мальчикамъ.» но я знаю много мусульманъ и евреевъ, которые чуть не заучили Новый Завѣтъ, да и за чѣмъ вы давали своимъ ученикамъ Евангеліе на такомъ языкѣ, котораго они не понимали? Если жъ они понимали Евангеліе на русскомъ языкѣ, потому что они уже не много подучились русской грамотѣ; то почему же вы закрыли этотъ самый законный путь пониманія для другихъ?

---

*) Я употребилъ фразы: к а ж е т с я, м о ж е т ъ б ы т ь, ч у т ь и друг.; теперь я убѣдился въ ихъ невѣрности. Примѣчаніе мое можно читать безъ нихъ,—будетъ вѣрнѣе.

Далѣе вы, г. Стояновъ, говорите въ оправданіе свего маленькаго пробѣла въ программѣ обученія «ежедневной школы:» *я просилъ* (курсивъ въ подлинникѣ) *трехъ пастырей быть законоучителями въ школѣ, но они отказались.* Кто просилъ? Вы *сами*, такъ-таки лично; *г. Стояновъ.* Да о чѣмъ вы разсуждали тогда, когда думали, что стоитъ только *вамъ самимъ* попросить перваго встрѣчнаго пастыря законоучительствовать въ какой-то чуть не подземной школѣ, чтобъ онъ полетѣлъ въ нее съ восторгомъ? Какой же вы распорядитель школы, когда не знали порядка, узаконеннаго для приглашенія въ школу законоучителя, когда не знали того, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ преподаваніе Закона Божія и притомъ въ *Ежедневной школѣ*, священникъ не смѣлъ склониться на просьбу не только Стояновыхъ, но и кого нибудь повѣсче? Когда вамъ не везло въ вербовкѣ законоучителя между бѣлымъ духовенствомъ, вы метнулись по монастырямъ и, кажется, поймали было на свою удочку какого-то добродушнаго монаха Михайловскаго монастыря, но и тотъ, поразвѣдавъ кое-что о вашей школѣ, возблагодарилъ Бога, что не опоздалъ своею рекогносцировкой. Какъ же вы, г. Стояновъ, думаете, почему въ Кіевѣ не нашлось ни одного охотника для занятія почетнаго званія законоучителя въ вашей школѣ? Изъ вашей противъ меня выходки какъ будто видно, что затрудняетесь отвѣтомъ на этотъ вопросъ; позвольте же хоть мнѣ помочь вашему незнанію: это потому, что законоучителей приглашали вы *сами, г. Стояновъ,* а не тотъ, кто ихъ долженъ былъ приглашать; это потому что *вы сами* приглашали ихъ въ такую школу, которая была «плодомъ увлеченія нѣкоторыхъ молодыхъ людей»; это потому же, почему она была закрыта правительствомъ, т. е., законоучителямъ не хотѣлось попасть подъ судъ. Изъ той же выходки видно, что г. Стояновъ чуть-чуть не посвятилъ самъ себя въ законоучители своей школы, и что отъ этого самозванства его удержало только опасеніе какихъ то сплетниковъ. Весьма напрасно! Еслибъ онъ не струсилъ, и послужной списокъ его былъ бы полнѣе, и педагогическія услуги, оказанныя школѣ, были бы пошире и незабвеннѣе.

Но почему бы ни отказались законоучители явиться въ вашу школу, вы, г. Стояновъ, не смѣли даже начать вашей странной учебы, въ вашей жалкой школѣ безъ законоучителя; не смѣли даже открыть ея безъ благословенія и молитвословія церкви. Полтора года существуетъ школа внѣ уроковъ, религіи, внѣ единенія съ церковью, даже безъ молитвы христіанской, а вы смѣете злиться еще, когда васъ обвиняютъ въ преступленіи, называютъ школу вашу *чуть* не языческою! Въ чемъ же признаки ея христіанства? Вы говорите, мы *не совращали учениковъ, не проповѣдывали антирелигіозныя* (ныхъ), *или антинравственныя* (ныхъ) *понятія* (тій)? Но развѣ въ русской школѣ изгнать русскую грамотность, не значитъ *совращать*, развѣ учить въ православной школѣ безъ преподаванія Закона Божія не значитъ не только совращать, но и развращать; говорить de facto, что вотъ, дескать, мы могли же обходиться и безъ религіи и церкви полтора года? Но развѣ для языческихъ школъ существуетъ положеніе—извращать, преподавать антирелигіозныя понятія? Даже въ школахъ языческихъ главный, обязательный предметъ школьнаго преподаванія—вѣроученіе и условленныя жизнію правила нравственности. Да и самая-то нравственность, которою такъ превозносится г. Стояновъ, говоря о своей школѣ, довольно сомнительна. Онъ самъ заявилъ, что въ школѣ *нѣкоторыхъ* (только?) *пріучали къ болѣе* (только?) *честнымъ отношеніямъ къ товарищамъ,* что въ его школѣ водилось и *воровство и обманъ*; репутація какъ видите, не слишкомъ лестная для школы.

И вы же еще, г. Стояновъ, вздумали драпироваться предъ публикою человѣкомъ обиженнымъ, оклеветаннымъ, харахоритесь за то, что я сказалъ: «если это не шутка, то преступленіе.»! Да я еще слишкомъ уклончиво выразился, я просто имѣлъ право назвать васъ преступникомъ. И вы же осмѣлились стращать меня судомъ,—вы, учредитель школы, которая избраннымъ вами же надзирателемъ названа *плодомъ увлеченія*, школы запрятанной въ ущельи частной лекторіи,—безъ русской грамотности, безъ Закона Божія, безъ молитвы, безъ предметовъ предписанныхъ для всякой русской школы закономъ,—

вы? Да вы бы должны благодарить меня, что *я* не угрожалъ и не угрожаю вамъ тѣмъ же, чѣмъ вы мнѣ грозите. А я, вѣдь, имѣлъ бы больше правъ помѣняться на этотъ разъ съ вами ролями! Я удивляюсь, какъ человѣкъ, не утратившій сознанія, могъ бы забыться до такой степени.

Со второю половиною вашего, г. Стояновъ, ругательства я намѣренъ раздѣлаться въ немногихъ словахъ. (*) Г. Стояновъ совершенно невѣрно понимаетъ и сепаратизмъ и народъ южно-русскій, и свои къ нему отношенія. Г. Стояновъ ничѣмъ не можетъ доказать, что *нарѣчье* простолюдья южно-русскаго есть *языкъ* (и притомъ какой-то *украинскій*. Г. Стояновъ не понимаетъ, стало быть, что такое Украина, а туда же суется съ навязываньемъ ей своихъ услугъ!), а не нарѣчіе. Онъ ничѣмъ не докажетъ, что нарѣчье заслуживаетъ честь быть возведеннымъ на степень языка, что обособленіе видимо порченнаго нарѣчія русскаго, при существованіи чистаго, вполнѣ разработаннаго, государственнаго, имѣющаго обширнѣйшую литературу, языка не есть самая крайняя нелѣпость изъ всѣхъ нелѣпостей. Г. Стояновъ не опровергнетъ и того, что языкъ обособляется только для обособленія жизни, что обработывать языкъ для языка болѣе нежели нелѣпо. Онъ недокажетъ даже и того, что тотъ языкъ, который сочиняютъ изъ нарѣчья украинофилы, для народа будетъ не понятнѣе простаго русскаго языка, корый вполнѣ понятенъ для всякаго русскаго, какъ бы онъ ни назывался. Г. Стояновъ, увлекшись маніей въ дѣлѣ для него чужомъ и темномъ, не съумѣлъ выяснить той маленькой услуги, которую можетъ оказать нарѣчье простолюдья элементарному образованію народа, не понялъ той истины, что это нарѣчье можетъ иногда (весьма рѣдко) пригодиться

*) Это потому, что поднятый г. Стояновымъ вопросъ обстоятельно рѣшенъ въ статьѣ г. Воронина «Мѣстные вопросы» (VII кн. Вѣстника отд. IV стр. 22 и въ статьѣ «О характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія» помѣщенной въ настоящей книжкѣ отд. IV.

народному учителю только для объясненія значенія весьма не многихъ словъ русскихъ, не знакомыхъ мальчику—не болѣе,—не смекнулъ того, что возводя нарѣчіе въ языкъ, нужно будетъ сочинить или взять откуда либо на прокатъ во сто разъ больше непонятныхъ для мальчика словъ; что бѣднѣйшее (южно-русское) изъ нарѣчій во все почти не имѣетъ словъ для выраженія понятій отвлеченныхъ, научныхъ, что чѣмъ возвышеннѣе мысль, новѣе идея, отвлеченнѣе теорія,—тѣмъ обязательнѣе оказывается, при выраженіи ихъ несостоятельность малорусскаго, неимѣющаго еще никакой литературы, нарѣчія; что затѣвать, напр., переводъ на это порченное *нарѣчіе* слова Божія съ чисто-русскаго или церковно-славянскаго языка значитъ глумиться надъ *бисеромъ честнымъ*, затемнить для народа пониманіе Христова ученія, навязывать ему дѣло ненавистное, браковать священно-церковное, произвести расколъ новый и дать обильную пищу нареканію стараго. Г. Стояновъ не доказалъ, что въ желаніи не многихъ утопистовъ—обособить и такъ сказать окаменить польско-русское нарѣчіе выражается желаніе народа, а я могу доказать, что народъ съ негодованіемъ смотритъ на эту затѣю пропагандистовъ и, быть можетъ, заявитъ это негодованіе болѣе замѣтнымъ способомъ; я могу доказать, обособленіе народа по языку (говорить на своемъ нарѣчіи, даже писать на немъ, когда нечего дѣлать, а писать хочется, а чисто по-руски пишется не хорошо, никто не мѣшаетъ) не сдѣлаетъ его ни лучше, ни умнѣе, ни болѣе русскимъ, ни болѣе православнымъ,—я могу доказать, что тотъ, кто навязываетъ доброму русскому (пожалуй, *мало*) народу желаніе обособленія языка (не нарѣчія), тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ народѣ (*). Но не слишкомъ ли я усиливался доказывать очевидное?

Теперь еще остались кое-какія мелочи. Г. Стояновъ

(*) Хотя украинофилы шныряютъ по всѣмъ направленіямъ Малороссіи, навязывая народу свои даже книжки; но народъ себѣ на умѣ,—то ухмыляется, то отворачивается отъ пропагандистовъ. Даже панъ какой нибудь съ трудомъ можетъ составить у себя чисто малорусскую школку съ 20—30 учениками.

говоритъ, будто я сказалъ, что мальчики *научились играть въ бабки, вѣроятно въ его школѣ, и что успѣшныхъ результатовъ не было.* Откуда это вычиталъ г. Стояновъ? По поводу той фразы вь замѣткѣ г. Стоянова, что *ученики ежедневной школы, узнавъ объ ея закрытіи, играютъ теперь по цѣлымъ днямъ въ бабки на улицахъ*, я только замѣтилъ: «мы не вѣримъ, чтобы дѣти, имѣвшіе насчастіе учиться въ этой школѣ, принадлежа, конечно, къ сословію людей, въ потѣ лица снискивающихъ себѣ пропитаніе, теперь ничего, по цѣлымъ днямъ, не дѣлали, кромѣ игры въ бабки на улицѣ», и прибавилъ: »вѣроятно ихъ пріучил къ этой забавѣ въ школѣ». Само собою, эта прибавка есть слѣдствіе изъ предъидущей посылки; иначе, какъ же можно повѣрить г. Стоянову, что« дѣти, имѣвшіе несчастіе учиться» въ его школѣ ровно *ни чѣмъ* теперь не заняты, кромѣ игры въ бабки, если они не получили этой привычки, будучи учениками его школы? А г. Стояновъ оторвалъ клочекъ фразы внѣ контекста и потѣшается себѣ на здоровье. Выраженіе: *успѣшныхъ результатовъ не было*, вложенное въ мои уста г. Стояновымъ есть личная его греза. Любопытный можетъ убѣдиться въ этомъ прочитавъ мое примѣчаніе и, слѣдовательно, убѣдиться и въ томъ, что ремесло клеветника принадлежитъ не мнѣ, и что примѣчаніе мое есть самое логичное слѣдствіе, выведенное изъ посылокъ г. Стоянова. И какое имѣлъ я право сказать: *успѣшныхъ результатовъ* (?) *не было*, когда я вѣрю г. Стоянову, что ученики его, вызубривъ разную кобзарщину, принялись за ту же операцію надъ Основой?

Г. Стояновъ на счетъ средства держится буквально положенія о. о. іезуитовъ: цѣль оправдываетъ средства. Вотъ его слова. *Тутъ* (при обособленіи языка) *главное* (?) *не въ средствѣ, а въ цѣли.* Эта цѣль, видите, образованіе, по этому годятся всѣ средства, хоть бы то обиходъ школьнаго обученія безъ *отечественнаго* языка, безъ религіи. А насъ учитъ здоровая практика такъ: если въ поступкѣ что либо нечисто, онъ весь нечистъ. Украсть рубль, чтобы подать милостыню, браниться, драться чтобы поставить на своемъ, поступокъ без-

честный, по случаю негодности средствъ. Капля дегтю провоняетъ ложку меду. Да вы же г. Стояновъ, и не доказали и доказать не можете, что цѣль ваша достижима при вашемъ только средствѣ, тогда какъ практика всего западнаго края Россіи ежедневно заявляетъ тысячами фактовъ достиженіе этой цѣли совсѣмъ инымъ, болѣе законнымъ и честнымъ средствомъ.

Ради смѣха, г. Стояновъ потѣшается и надъ моимъ незнаніемъ малорусской простолюдной поэзіи и увѣряетъ, что я въ нее *вѣроятно и не заглядывалъ.* Напрасно онъ дѣлаетъ предположенія безъ всякаго для нихъ основанія! Я точно не сочувствую этой *претензіи на созданіе особой литературы безъ особой жизни;* но что жъ дѣлать когда моя профессія весьма часто заставляетъ мои желанія расходиться съ занятіями и осуждаетъ на внимательное изученіе того, на что и смотрѣть не хотѣлось. Этому несчастію я обязанъ тѣмъ, что вчитался таки-порядкомъ въ стихи и прозу, писанныя на порченомъ (въ печати и это порченое *испорчено*) русско-польскомъ нарѣчіи туземнаго простолюдья и вынесъ изъ этой философіи много любопытнаго. Я, напримѣръ, теперь знаю внутренній смыслъ и *Катерины и Злодія и пташіныхъ пісень* и многаго множества другихъ аллегорическихъ статей, пьесъ и отрывковъ изъ Основы, и, если разные Стояновы *не откажутся* отъ своихъ увлеченій, я ихъ переведу когда нибудь на простой русскій языкъ, съ приличными комментаріями. Вотъ этотъ-то внутренній смыслъ (конечно, не форма, которая, гдѣ не русская, –тамъ чисто варварская) и имѣлъ я въ виду, когда сказалъ на счетъ восторгавшей г. Стоянова кобзарщины «не стоили этой чести»!

Винюсь г. Стояновъ я опять какъ-то мимовольно, конецъ вашей фантазіи подмахнулъ курсивомъ; такъ рука невольно и курсивитъ. Мнѣ; видите, сказано о слѣдующихъ въ здѣшнемъ краѣ метаморфозахъ: живетъ себѣ въ Малороссіи человѣкъ, котораго фамилія оканчивается на одинъ *ъ;* проходитъ мода на этотъ одинакій *ъ,* и *онъ* по волѣ своего владѣльца, преобразуется уже въ *овъ* (или *скій,* смотря потому откуда повѣетъ *вітеръ*); далѣе *овъ,* изъ какихъ нибудь намѣреній дѣляется *ко*

и обратно. Признаюсь вамъ по совѣсти, г. Стояновъ, что я считалъ вашу фамилію образчикомъ 2 формаціи и никакъ (винюсь въ этомъ снова) не могъ предположить, чтобы человѣкъ русскій способенъ былъ такъ горячо неосновательно увлекаться чуждыми ему, областными заблужденіями. Правда (какъ видно изъ вашей короткой автобіографіи), вы позабыли свою родину, охахлатчились, вѣроятно съ-измала; но все же грѣхъ вамъ, что вы позабыли ее такъ плотно, какъ будто искупались въ Летѣ. Ваша *ревность* къ благу земли, на которой взросли вы и воспитаны (извините за библейское выраженіе) *не по разуму*. *Служба* ваша *честному народу* такова, какъ будто вы служите *не честному народу*. Она (если у васъ нѣтъ другой ,) по поламъ съ успѣхомъ . Народъ даже не знаетъ , что вы состоите у него на службѣ. Ни онъ, ни правительство не приглашали васъ на эту службу. Вы сами себѣ навязали излишнія хлопоты и, не сердитесь на меня, если я нахожу, что служба ваша сильно смахиваетъ на дѣятельность мухи въ баснѣ Крылова «муха и дорожные,» Вотъ почему (вѣроятно) и Мордовцевъ передѣланъ типографіей въ *Мордовухова*, и корректоръ не исправилъ ошибки наборщика. Впрочемъ въ этомъ qui pro quo попеняйте не множко, г. Стояновъ, и свой не разборчивый почеркъ. Вы же не можете доказать, что въ вашей рукописи Мордовцовъ умышленно передѣланъ въ Мордоухова. Да и чтобы вы тамъ ни толковали о какомъ-то новомъ родѣ службы народу, *Дзвонарь* больше къ лицу послѣднему нежели первому.

Обвиненіе мною г. Стоянова въ *политическомъ* сепаратизмѣ принадлежитъ къ числу галлюцинацій больнаго воображенія. Я не прочь отъ того убѣжденія, что *служба* г. Стоянова есть служеніе политическому (хоть и не близкому) сепаратизму, въ отношеніи statu quo, но все таки я не назвалъ его изъ скромности политическимъ. А навязывать чьей либо мысли лишнюю идею, лишній терминъ—не совсѣмъ честно. Впрочемъ, какъ ни прикидывается г. Стояновъ далекимъ отъ мысли обособленія Малороссіи, я скажу ему напрямикъ, что онъ такъ говоритъ потому только, что не смѣетъ сказать иначе.

Какъ ни плотно маскируются пока разные Стояновы, а далекія предположенія невольно иногда срываются съ ихъ языка. Вчитайтесь только въ разныя статьи «Основы,» вчитайтесь хоть въ знаменитый «Отзывъ изъ Кіева,» за подписомъ 21, и вы наглядно убѣдитесь въ основательности моего предположенія. Въ одномъ мѣстѣ этой, никого, ни въ чемъ не убѣдившей, протестанціи сорвалась съ языка 21-или точнѣе, съ языка г. Стоянова (какъ увѣряетъ г, Скавронскій. «Современное Слово» № 157) обмолвка: *дѣло истинныхъ друзей народа* (южно-русскаго) *въ настоящее время* (а послѣ, г. Стояновъ?) *вспомоществовать развитію народа, не вдаваясь въ политическіе или соціальные толки и ожидая терпѣливо времени, когда народъ будетъ въ состояніи толковать о предметахъ* (тогда вы съ нимъ объ этомъ потолкуете?) *которые теперь для него загадочны, темны и не нужны.* *) Что говоритъ эта тирада? Вотъ самый вѣрный переводъ ея на ясный языкъ. «*Пока* мы будемъ прикрываться маскою дружелюбія къ Великой Россіи будемъ только просвѣщать народъ по своему. Съ этимъ темнымъ народомъ *теперь* еще не время толковать о соціальныхъ и политическихъ сепараціяхъ. Будемъ терпѣливо ожидать этого вожделѣннаго времени. Когда народъ образуется по нашему, тогда мы съ нимъ объ этомъ потолкуемъ». Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ переводы, небыло болѣе точнаго и вѣрнаго. А есть бездна тирадъ и цѣлыхъ статей (какъ сказано выше), которыя трактуютъ о подобныхъ вещахъ прямо—«не въ бровь, а въ глазъ.»

Г. Стояновъ въ одномъ мѣстѣ своего ругательства отпустилъ такую сентенцію: *чтобы мальчикъ дошелъ до сознательнаго пониманія книги, необходимо сначала вести его обученіе на народномъ понятномъ для него языкѣ.* Вы сказали *книги?* Какой? Вы должны были устранить этотъ вопросъ,

---

*) Эти фразы какъ будто взяты изъ устъ поляковъ и выписаны изъ «Газеты Народовой». Смотр. «Объясненіе одной фразы» и проч. (Вѣстн. книжка 4, о тд. IV, стр. 74).

иначе васъ никто не пойметъ. Положимъ что вы разумѣете книгу русскую; какъ же можетъ случиться такое чудо, что мальчикъ изучаетъ грамотность порченаго нарѣчія русскаго, чтобы понимать книгу на чистомъ общерускомъ, по мнѣнію г. Стоянова, совершенно не понятномъ для мальчика языкѣ? Не скорѣе ли слѣдуетъ поступать на оборотъ? Далѣе вы говорите: *сначала*,—потомъ, г. Стояновъ? Вы неустранили и этого вопроса и продолжаете вашу игру въ жмурки. Потомъ вѣроятно, вы станете переучивать мальчика? Полно—станете ли? Но объ этомъ предметѣ мы еще потолкуемъ съ Гг. Стояновыми.

О приходскихъ школахъ вы, г. Стояновъ, отзываетесь не выгодно потому только, что тамъ не занимаются хохлатчиною. Это яснѣе солнца. Вашъ дерзкій о ней отзывъ есть клевета ни болѣ ни менѣе— на министерство народнаго просвѣщенія. Я бывалъ въ приходскихъ школахъ и не нашелъ въ нихъ и тѣни того, что померещилось г. Стоянову. Вѣроятно правительство больше имѣетъ средствъ и умѣнья указать прямую цѣль образованія, сдѣлать безошибочнѣе выборъ метода обученія, руководствъ и руководителей, чѣмъ надзиратель «ежедневной школы.» Въ приходской школѣ, вѣрно не обойдутся безъ руской грамотности и Закона Божія.

На счетъ «не благонамѣренныхъ сыновъ отечества.» г. Стояновъ тоже находится въ сильномъ заблужденіи. Онъ поминутно хватается за «шапку» и относитъ къ себѣ и К° мою фразу объ этихъ сынахъ. Я только сказалъ: «всякій благонамѣреный сынъ отечества долженъ стараться сглаживать и округлять областныя угловатости, мѣшающія тѣсному сближенію частей, составляющихъ одно цѣлое,» а г. Стояновъ, предположивъ, конечно, что онъ-то съ К° и дѣлаетъ все то, что не къ лицу благонамѣреннаго сына отечества, поминутно относитъ себя и своихъ къ группѣ этихъ сыновъ.

Г. Стояновъ весьма наивно обвиняетъ меня за то, что, при напечатаніи его отчета о «ежедневной школѣ.» я не ограничился одними знаками вопроса и восклицанія, а написалъ къ нему примѣчаніе. Я увѣренъ, что это было бы пріятнѣе г.

Стоянову, да мнѣ то что за дѣло до его удовольствія? Къ чему мнѣ допрашивать, входить въ объясненія, когда его отчетъ говоритъ самъ за себя! Мое примѣчаніе только комментарій отчета, слѣдствіе (опять скажу), выведенное изъ посылоки г. Стоянова. Отчего же г. Стояновъ не поступилъ съ моимъ примѣчаніемъ, потому закону, который навязываетъ мнѣ въ отношеніи къ своему отчету? Я бы отвѣтилъ ему еще резоннѣе.

О вашемъ желаніи помѣстить ваши ругательства въ Вѣстникѣ, я скажу вамъ, г. Стояновъ торжественно, *первый разъ слышу*. Я уже замѣтилъ въ 6-й книжкѣ Вѣстника, что о существованіи вашей противъ меня выходки случайно узналъ въ послѣднихъ числахъ декабря прошедшаго года, изъ «Современнаго Слова.» Какъ же я могъ помѣстить ваше ругательство, еслибъ и хотѣлъ въ слѣдующей (т. е. 4,) книжкѣ Вѣстника? Мы уже сказали, что «Основа» въ Кіевѣ рѣдкость, что, не получай я «Соврем. Слова», я быть можетъ, никогда бы не узналъ о вашей выходкѣ. Это непреложная истина. И теперь я едва выпросилъ на нѣсколько дней сентябрскую книжку Основы. Да и, какой вы право забавникъ, г. Стояновъ! На основаніи какого-то доморощеннаго *закона о безпристрастіи*, все хотите чтобъ я печаталъ краснорѣчіе, возможное только въ устахъ человѣка самаго бѣшеннаго характера! Я и то удивляюсь, какъ могъ найдтись въ благоустроенномъ обществѣ журналъ, который согласился загрязнить себя вашимъ краснорѣчіемъ! Пишите вы безъ злости, разсуждайте логично, послѣдовательно, съ силою разума и пониманія, мы ни когда не откажемся отмежевать уголокъ для вашей статьи на страницахъ Вѣстника. Вы видите этому даже примѣры. Статья: «Что такое хлопоманія» и проч. (5 книжк. отд. IV стр. 139-156.) діаметрально противоположна нашимъ возрѣніямъ на дѣло: она позволила себѣ назвать русскій языкъ *великорусскимъ нарѣчіемъ* (стр. 153), стращать насъ передачею народа въ руки польской пропаганды (тамъже) и проч., однако мы не отказались помѣстить ее, потому что она размышляетъ о дѣлѣ спокойно, быть можетъ, по крайнему разумѣнію, хоть и ошибается. Истина не боится противорѣчій.

Въ 7-й книжкѣ Вѣстника г. Стояновъ увидитъ и другой фактъ литературной гуманности Вѣстника (от. IV стр. 86. Дружескій Совѣтъ....). Но ругательство г. Стоянова совсѣмъ иной формаціи. За него долженъ бы былъ краснѣть предъ порядочными людьми не только редакторъ Вѣстника, но и (позаимствую фразу изъ статьи одного сотрудника Вѣстника) бумага на которой оно воспроизведено. Это чисто бумажная*) кулачная драка, а не литературная полемика.

Наконецъ я считаю не лишнимъ замѣтить вамъ г. Стояновъ, что ваша нравственная не состоятельность высказалась еще нагляднѣе въ безсиліи бороться съ нѣкоторыми резонами и выводами моего примѣчанія, чѣмъ въ вашихъ ругательствахъ. Вы обѣщались прослѣдить примѣчаніе *пунктъ за пунктомъ*, а между тѣмъ или струсили, или смекнули, что правда глаза колетъ и сдѣлали далекій обходъ, чтобы не наткнуться на слѣдующія положенія моего примѣчанія:

1. «Не странно ли видѣть цѣлую фалангу учителей, зазанимающихся обученіемъ тому, чему они могли бы поучиться у своихъ учениковъ»! Чтожъ вы молчите, г. Стояновъ?

3. «Не странно ли видѣть на русской почвѣ, при настоящемъ состояніи письменности нашей, при осязательной необходимости тѣснѣйшаго слитія всѣхъ племенъ славянорусскихъ въ одну семью родную, преслѣдованіе какихъ-то темныхъ, областныхъ интересовъ, заявленіе своей солидарности отъ этой системы......» Чтожъ вы, г. Стояновъ, поругали толь-

---

*) Для поддержанія парадокса, или увлеченія, у нѣкоторыхъ господъ самое популярное доказательство безпощадная брань. Отъ нея только одинъ шагъ къ физической кулачной расправѣ. И чѣмъ осязательнѣе нелѣпость, чѣмъ нагляднѣе безсиліе моральное, чѣмъ грубѣе и диче нравъ человѣка, тѣмъ онъ способнѣе къ заявленію подобныхъ аргументовъ, тѣмъ очивиднѣе его сознаніе —что онъ кругомъ виноватъ, что ему ровно не чего заявить въ подтвержденіе своего софизма, кромѣ кулака, или дубинки, что его мѣсто не въ обществѣ устроенномъ, европейскомъ, христіанскомъ, а среди дикарей Зеландіи или, покрайней мѣрѣ, въ лѣсу у большой дороги, съ кистенемъ въ могучей рукѣ.

ко заключеніе, а отъ посылокъ отвернулись, вѣроятно, съ гримасой и движеніемъ, означающимъ: ну ихъ! Вообще я замѣтилъ, что вы браните заключенія, а посылокъ боитесь, какъ...... А это не логично. Заключеніе никогда ни въ чемъ не виновато; оно механическій исполнитель воли посылокъ. Да за чѣмъ вамъ, правда, логика!

3. «Извѣстное нарѣчіе, какъ мѣстный говоръ, не выходитъ (и прибавимъ не должно выходить) изъ предѣловъ обыденнаго употребленія между простолюдьемъ извѣстной области. Это нарѣчіе не можетъ быть языкомъ общественнымъ, какъ часть не можетъ равняться цѣлому; оно не можетъ навязать себя ни религіи, ни юриспруденціи, ни литературѣ; безъ задней мысли его нельзя сдѣлать предметомъ школьнаго обученія....... Если кому нечего дѣлать и если кто воображаетъ, что его не поймутъ на общественномъ языкѣ, можетъ, пожалуй, писать и на областномъ нарѣчіи для (забавы—прибавимъ) туземцевъ извѣстнаго простолюдья, но навязывать....... не слѣдуетъ. Иначе подобныхъ школъ въ Россіи откроется слишкомъ много, и спеціальность ихъ можетъ повести къ смѣшенію языковъ строителей столпа Вавилонскаго...... Всякій благонамѣренный сынъ отечества долженъ стараться сглаживать и округлять областныя угловатости и шереховатости, мѣшающія тѣснѣйшему сближенію частей, составляющихъ одно цѣлое, а не на оборотъ.» Вотъ мимо какихъ золотыхъ (скажу безъ самохвальства) истинъ прошли вы молча, г. Стояновъ, махнувъ только, вѣроятно рукой съ досады. И хорошо вы сдѣлали! Нѣтъ силы, которая могла бы одолѣть ихъ. Смотря на нихъ, и ругаться даже какъ то не приходится. На *смѣшеніе языковъ* посмотрѣлъ только г. Стояновъ вскользь и отошелъ прочь; я, говоритъ, и знать ничего не хочу, кромѣ хохлатчины, чтобы вы тамъ ни толковали; а къ неблагонамѣреннымъ сынамъ отечества онъ отнесъ себя и своихъ.

4. «Въ замѣткѣ г. Стоянова нѣтъ даже намека на тѣ предметы обученія, которые должны бы составлять существеннѣйшій отдѣлъ занятій, самые коренные элементы школы рус-

своей православной. Странная школа! Удивительно еще как это *зданіе, построенное на пескѣ*, могло просуществовать и два года! Вѣдь религія—душа народа, и если главную задачу всякой школы составляетъ нравственно-религіозное развитіе *человѣка*, то тѣмъ болѣе школы народной. Оттого и ежедневная школа могла только пріютиться въ ущельи школы, въ какой нибудь *частной лекторіи студентовъ.»* Что вы можете, г. Стояновъ, сказать на все это?

5. «Изъ сказаннаго видно, что мы нисколько не раздѣляемъ грусти г. Стоянова, по случаю закрытія ежедневной школы. Скажемъ болѣе—мы жалѣемъ, что она открывалась и въ восторгѣ отъ ея закрытія....... Пусть лучше мальчики играютъ въ бабки, чѣмъ изучаютъ исключительную литературу, которая мало чѣмъ подвинетъ (нисколько, ровно нисколько!)» «русскаго человѣка къ умственному» (нормальному) «развитію.» Что можетъ возразить г. Стояновъ противъ законности и логичности этихъ ощущеній?

6. Отъ напора послѣдняго примѣчанія г. Стояновъ хочетъ защищаться клеветою, что ему не дали бы даромъ книгъ для чтенія; но это только изворотъ. Такъ могъ бы сказать г Стояновъ, если бы просилъ у кого либо *русскихъ* книгъ, и ему отказали, а коли онъ этого не дѣлалъ, то и толковать объ этомъ совѣстно.

Вотъ какія вопіющія истины обошли вы, г. Стояновъ, и именно потому, что онѣ истины , что бороться съ ними не только вамъ, но и кому бы то ни было не подъ силу.

Изъ предыдущаго видно, что г. Стояновъ бранится, какъ простолюдинъ и именно потому что онъ неправъ и золъ; что въ его ругательствѣ нѣтъ *ни одной* резонной, логичной мысли, а все только извороты, придирки и ругательства и что, наконецъ, я не искалъ въ моемъ примѣчаніи *ничего*, кромѣ непоколебимыхъ истинъ и логичныхъ выводовъ.

Редакторъ.

IV.

О ХАРАКТЕРѢ И ДѢЯТЕЛЯХЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

На эту тему столько уже заявлено мнѣній, проэктовъ, предположеній, соображеній, желаній, полемики, что, казалось бы, трактовать теперь о народномъ образованіи—значитъ повторять всѣмъ извѣстное. Но это такъ только *казалось бы*. Въ образованіи этой массы мнѣній и соображеній, виднѣется какая то случайность, отрывочность, недоконченность, въ заявленіи этихъ желаній и споровъ проглядываютъ иногда личныя притязанія, плохо сдерживаемыя заднія мысли и мистификаціи. Вообще вопросъ о народномъ образованіи только лишъ на ходу: мы богаты только хаостической разноголосицей мнѣній, сырымъ матеріаломъ, пригоднымъ для зданія,—мы имѣемъ неотложную нужду въ словѣ послѣднемъ, рѣшительномъ. Не смѣемъ усвоить себѣ чести этого вожделѣннаго и грандіознаго финала, а только можемъ увѣрить нашихъ читателей, что слово наше будетъ звучать съ обычною намъ ясностію и откровенностію, что послѣ него будетъ немыслимо состоятельное возраженіе противъ истины,—и можемъ желать, чтобъ оно было финаломъ.

I.

Религія—душа народа, его умъ, его воля,—источникъ его жизни, условіе его счастія. Безъ единства религіи не возможна цѣлость народа, при распаденіи религіи, разлагается народъ,—[1]) при уничтоженіи уничтожается. Чѣмъ возвышеннѣе и чище религія, чѣмъ глубже проникаетъ она въ организмъ народа,

---

[1]) Мы различаемъ, конечно, здѣсь народъ отъ гражданскаго общества или государства.

въ явленія его жизни, тѣмъ народъ могучѣй и честнѣе, счастливѣй и долговѣчнѣе. Напрасно тогда враждебныя народу силы будутъ терзать его члены, сжимать его внѣшность; онъ будетъ стонать, раны внѣшнія прочувствуетъ и душа его; могутъ даже разъединиться на время нѣкоторые его члены; но онъ не умретъ, онъ только окрѣпнетъ внутри, въ испытаніяхъ внѣшнихъ; онъ вынесетъ изъ среды ихъ уроки терпѣнія, единодушія, надежды на Промыслъ, на лучшую участь и, рано ли поздно ли, члены его приростутъ къ однородному цѣлому. Иго татарское надъ сѣверо-восточною и деспотія Польши надъ юго-западною Россіею служатъ нагляднымъ, такъ сказать, домашнимъ, доказательствомъ этой истины.—Не то бываетъ съ народомъ, ставшимъ въ равнодушныя, тѣмъ болѣе враждебныя отношенія *къ своей* религіи! Матеріальная сторона его начнетъ подавлять духовную; процвѣтаніе искуствъ и даже наукъ не замѣнятъ упадка истины и добродѣтели, желанія и дѣйствія народа судорожно устремятся на изобрѣтеніе и удовлетвореніе матеріальныхъ удобствъ и наслажденій,—сочиненіе прихотей, возводимыхъ модою и роскошью въ значеніе нуждъ; богатство, накопившееся въ эпоху величія народа, послужитъ пищею преступной расточительности и окончится нищетою; чувство чести и долга смѣнится эгоизмомъ и пустотою душевною, апатіею къ личнымъ доблестямъ и благу общему; добродѣтель изсякнетъ, внѣшній человѣкъ изгоняетъ духовнаго, и народъ дряхлѣетъ, умираетъ. Всмотритесь пристальнѣе въ судьбы царствъ и народовъ, и вы увидите, что упадокъ ихъ, метаморфозъ или изчезновеніе всегда были въ неразрывной связи съ упадкомъ, метаморфозомъ, или утратою религіи. Кто не видитъ, что доблестная Греція, величавая, всесвѣтная Римская имперія начали падать съ тѣхъ поръ, какъ на сцены ихъ вывели боговъ и разоблачили ихъ отъ тѣхъ скудныхъ аттрибутовъ божества, которые дотолѣ составляли предметъ народнаго (хоть и неосновательнаго) богопочтенія. Кто не видитъ, что съ этою эпохой совпадаетъ своеобразіе произвола, разнузданность страстей, оскудѣніе доблестей народа, утратившаго уваженіе къ образцамъ и авторитетамъ, путеводившимъ его на полѣ героизма, возведеннымъ религіозными миѳами до степени олицетворенія высшей красоты, разума и доблести? Кто не знаетъ, что вмѣстѣ съ униженіемъ и попраніемъ божественной религіи Христовой, одинъ изъ лучшихъ народовъ

едва не исчезъ въ ужасахъ самоистребленія, что бездна, ископанная религіознымъ отрицаніемъ поглотила бы цѣлую націю, а можетъ быть и все христіанское человѣчество, еслибъ изъ этой бездны, по выраженію нашего златоустаго (Иннокентія), »не вышелъ исполинъ и не закрылъ ее самотканною порфирою«, или точнѣе (прибавимъ отъ себя)—уничтоженіемъ причины злосчастія,—возстановленіемъ Религіи Христовой, если не по внушенію сердца, то хоть подъ диктовку великаго ума,—если не для славы Божіей, то хоть изъ политическихъ расчетовъ,—для отсрочки смерти народа? Довольно и этихъ двухъ историческихъ указаній для того, чтобы понять, что мы ничего выше не сказали, кромѣ аксіомъ,—довольно и потому, что иначе эти указанія были бы безконечны и повели бы насъ къ весьма грустнымъ думамъ и опасеніямъ.

Изъ этой посылки прямо вытекаетъ другая: религіозное образованіе народа въ духѣ христіанства есть то образованіе, которое живитъ, крѣпитъ и развиваетъ его душу и внѣ котораго не мыслимо ни его благополучіе, ни сила, ни истина, ни добродѣтель. При этомъ образованіи умъ народа проникается живыми и вѣчными, какъ Богъ, истинами; воля дѣлается способнѣе къ выбору того добра, которое не зависитъ отъ условій моды и вообще отъ внѣшняго быта, отъ физической жизни и смерти человѣка; чувство живится любовію ко всему достойному любви и благороднымъ негодованіемъ ко всему безчестному и мерзкому. Только образованіе, построенное на началахъ христіанскихъ есть то зданіе, которое воздвигнуто на *незыблемомъ камени*, стоитъ неподвижно при вѣяніи легкомыслія, при самомъ бурномъ напорѣ страстей, при самомъ грозномъ треволненіи житейскомъ. Только религіозное направленіе образованія, только проникнутое свѣтомъ ученія Христова просвѣщеніе, можетъ установить вѣрный и отчетливый взглядъ на отношенія наши къ Творцу, тварямъ и намъ самимъ, и въ тоже время дать намъ силы и указать способъ къ безошибочному и благотворному выполненію ихъ, или примѣненію знанія къ дѣлу. При такомъ образованіи, невѣріе не будетъ подтачивать спасительныхъ истинъ откровенія, дерзкій умъ не посмѣетъ глумиться надъ христіанскими вѣрованіями потому только, что нѣкоторыя изъ нихъ для него непонятны, не станетъ пререкать постановленіямъ церкви потому только, что онѣ стѣсни-

тельны для матеріальнаго человѣка научныя изслѣдованія не сдѣлаютъ своею задачей проповѣданія матеріализма, индеферентизма и фатализма: историкъ увидитъ въ судьбахъ царствъ и народовъ не случайную ткань событій, а проявленіе мысли и воли Правителя міровъ безчисленныхъ, геогнозія, вскрывшая скорлупу только земнаго шара, не дерзнетъ, копошась въ разныхъ пластахъ и формаціяхъ, кощунствовать надъ шестидневнымъ твореніемъ міра Словомъ Божіимъ изъ ничего, медицина вообще и анатомія въ частности, указывая на истерзанный трупъ человѣка, не осмѣлится сказать: »ну смотрите, господа, гдѣ тутъ мѣсто какой то душѣ, проповѣдуемой рутиною«, зоологія не будетъ истощать свое остроуміе надъ невозможностію происхожденія чернаго (человѣка) отъ бѣлаго—и на оборотъ, а всѣ вообще науки и адепты ихъ сложатъ добытыя ими наблюденія, вырабатанныя ими научныя изслѣдованія и выводы къ стопамъ христіанства, *покорятъ свой умъ въ послушаніе Христово*, съ восторгомъ кинутся въ объятія вѣры, найдутъ въ ней озареніе невидимаго, истолкованіе непонятнаго и скажутъ: »какъ мы были дерзки и не разумны, глумлясь надъ многимъ потому только, что оно ускользало отъ емкости нашего пониманія, сомнѣваясь въ дѣйствительности того, что не поддавалось провѣркѣ нашими чувствами,—какъ мы были не логичны, кощунствуя надъ тайнами духа, тогда какъ мы окружены повсюдными чудесами, тогда какъ наука поминутно отказывается отъ истолкованія обыденныхъ физическихъ явленій, тогда какъ никто изъ насъ не можетъ создать ни одной травки, ни одной песчинки«!

Не менѣе отрадно вліяетъ религіозно-христіанское образованіе на установленіе и выполненіе отношеній нашихъ къ другимъ и намъ самимъ. Оно скажетъ намъ: если невозможно равенство на небѣ, то тѣмъ болѣе оно не мыслимо на землѣ, гдѣ такъ много не избѣжныхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—причинъ различія людей отъ различія половъ, возрастовъ, званій, состояній, гдѣ такъ не равномѣрно развитіе умственное и нравственное. Оно скажетъ и докажетъ намъ, что свобода не есть своеволіе и разнузданность страстей, освобожденіе ихъ отъ нечувствительной для добраго христіанина опеки законовъ божескихъ и человѣческихъ, что она не есть слѣпое влеченіе животнаго къ внѣшнимъ только нуждамъ и излишествамъ, къ ниспровер-

женію разумнаго строя общественныхъ связей и отношеній, не есть борьба съ честнымъ, презрѣніе почтеннаго, ожесточеніе къ спокойному и нормальному наслажденію жизнію, жажда безконтрольнаго разврата, огня, крови, разрушенія, а есть свободный и разумный выборъ лучшаго изъ тѣхъ благъ, которымъ Богъ и люди усвоили, на основаніи аксіомъ, это названіе. Просвѣщенный христіанскимъ образованіемъ будетъ *чтить отца и матерь*, сбережетъ до конца жизни честь и вѣрность супружества, будетъ нѣжнымъ и попечительнымъ отцемъ, любящимъ братомъ, симпатичнымъ другомъ всѣхъ ближнихъ и не осквернитъ своего духа злобою и местію даже ко врагу своему. Озаренный свѣтомъ ученія Христова будетъ воздавать *кесарева кесареви*, будетъ благоговѣть предъ помазанникомъ Бога, *властію Котораго царіе царствуютъ* будетъ *повиноваться властямъ предержащимъ*, вѣря, что *всякая власть отъ Бога*, будетъ уважать отечественные законы и не будетъ имѣть причины бояться ни ихъ, ни судей къ нимъ приставленныхъ, помня слова откровенія, что законъ и судья *страшны* только *для злыхъ*, а не для добрыхъ. Воспитанный въ убѣжденіяхъ христіанства будетъ почтительно относиться ко всѣмъ, кто какими либо заслугами и преимуществами выдвинулся изъ уровня людей обыкновенныхъ и отмѣченъ особыми знаками признательности власти и народа. Онъ будетъ уважать старшихъ себя не только общественнымъ значеніемъ, доблестію и мудростію, но даже возрастомъ,—будетъ любить и почитать своихъ наставниковъ, какъ образователей своего безсмертнаго духа. Онъ будетъ мирнымъ гражданиномъ, трудолюбивымъ дѣлателемъ, дружелюбнымъ сотрудникомъ, великодушнымъ и благонамѣреннымъ начальникомъ, почтительнымъ и усерднымъ подчиненнымъ, сострадательнымъ богачемъ, добродѣтельнымъ бѣднякомъ, врагомъ всякаго разлада и нестроенія, словомъ онъ *воздастъ всѣмъ должная*. Утвердившій свои знанія на началахъ откровенія, не будетъ ставить своего *я* выше принятыхъ большинствомъ разумнаго человѣчества истинъ и законовъ, не будетъ возводить своихъ одинокихъ воззрѣній до степени непогрѣшимости, своихъ мечтаній и увлеченій до значенія истины; не будетъ считать порожденія своихъ страстей обязательными для всѣхъ. Онъ не станетъ убаюкивать своего отчаянія надеждою уничтоженія, заглушать вопли своей совѣсти и

протесты врожденной намъ идеи добра и истины модными софизмами, голословнымъ отрицаніемъ, остроумнымъ кощунствомъ, натужнымъ крикомъ и безпутною оргіей въ кругу своихъ клевретовъ по нечестію и невѣрію, не станетъ жить такъ какъ будто никогда не нужно умирать, воскресать и стать предъ судомъ Божіимъ. Христіанинъ будетъ помнить крѣпко и постоянно, что тѣло наше—привременная гостинница духа, небо-наша родина, земля—мѣсто странствія, не будетъ чрезъ мѣру заботиться о прихотяхъ той своей половины, которая должна обратиться въ прахъ, не сдѣлаетъ физическаго наслажденія цѣлію своей жизни, изобрѣтеніе разныхъ излишествъ, сочиненіе мнимыхъ нуждъ—исключительнымъ предметомъ своей дѣятельности. Онъ будетъ знать все, что нужно знать и дѣлать, онъ не осквернитъ своей души и тѣла умышленнымъ попраніемъ ни одной заповѣди закона Божескаго и человѣческаго, и если падетъ, какъ человѣкъ, возстанетъ, какъ христіанинъ, очиститъ свою совѣсть покаяніемъ религіознымъ, или гражданскимъ. Посѣтитъ ли душу добраго христіанина радость домашняя, или христіанская, онъ съумѣетъ оцѣнить ее по достоинству, приметъ съ восторгомъ и признательностію, незнакомыми для нигилиста и отнесетъ начало ея къ Тому, отъ Котораго *исходитъ всякое благое даяніе*. Посѣтитъ ли христіянина испытующая десница Промысла—утратою семьянина, имущества, болѣзнію, напастію,—онъ не упадетъ духомъ подъ тяжестію испытанія, крѣпости его вѣры и надежды не одолѣетъ никакое горе, никакое лишеніе временное. Вмѣстѣ съ испытаніемъ, ему посылаются и силы къ великодушному и доблестному исходу изъ его очистительнаго горнила. Онъ не забудетъ ни на минуту, что Богъ есть любовь, что Онъ—Отецъ нашъ всемилостивый, что гнѣвъ даже въ рукахъ Его есть милость. Тогда какъ невѣріе мечется, бѣснуется, съ проклятіемъ неба и земли, хватается за самоистребленіе, христіанинъ можетъ только излить предъ Богомъ скорбь души своей въ задушевной молитвѣ, и его тотъ часъ посѣтитъ утѣшеніе и ободреніе свыше, и на душѣ его сдѣлается такъ легко и тихо, такъ свѣтло и восхитительно, какъ бываетъ послѣ урагана въ природѣ, освѣщенной утреннимъ, весеннимъ солнцемъ. Всѣ дѣла христіанина будутъ освящены и упрочены благословеніемъ Божіимъ, будутъ проникнуты честностію, безкорыстіемъ,—направлены къ славѣ Божіей, на пользу

истинную нашу и ближнихъ нашихъ, будутъ совершаемы съ благоразуміемъ и охотою, оканчиваемы съ успѣхомъ. Короче: *благочестіе* (конечно христіанское) *на все полезно*; оно есть единственный залогъ благополучія *жизни* не только *будущей, но и настоящей*. Но, прости мнѣ, Божественное христіанство, что я позволилъ себѣ увлечься мечтою выразить въ этомъ блѣдномъ и общемъ очеркѣ то блаженство, какое можешь даровать человѣку и обществу только ты, и больше никто и ничто.

Послѣ этаго нужно быть слишкомъ неразумнымъ, развращеннымъ и злымъ, чтобы возставать противъ религіознаго направленія образованія *чьего бы то нибыло*. Нѣтъ званія, нѣтъ состоянія, котораго бы не возвысило, не облагородило подобное образованіе; нѣтъ человѣка, которому оно не указало бы нормальнаго взгляда на вещи и отношенія, котораго бы не избавило отъ пагубныхъ, плодовитыхъ ошибокъ въ дѣлѣ теоріи и практики, ни защитило бы отъ смутъ, укора совѣсти, поздаго раскаянія, безчисленныхъ порожденій эгоизма и разрушительнаго сотрясенія страстей. Не сдѣлаетъ, пожалуй, это образованіе человѣка спеціалистомъ по части той или другой науки, искуства, но оно сдѣлаетъ спеціалиста *человѣкомъ*, создастъ того честнаго, разумнаго, братолюбиваго христіанина—гражданина, который не испортитъ никакой спеціальности,—скажемъ прямѣе,—который сдѣлаетъ изъ своей спеціальности самое благородное и полезное примѣненіе къ счастію своему и своихъ собратій. Онъ будетъ разумнымъ, кроткимъ и неутомимымъ пастыремъ овецъ Христовыхъ, вѣрнымъ и мудрымъ сановникомъ, благомыслящимъ и благонамѣреннымъ ученымъ, доблестнымъ защитникомъ вѣры, царя и отчизны отъ враговъ внѣшнихъ, неподкупнымъ судіею, человѣколюбивымъ господиномъ, усерднымъ слугою, добросовѣстнымъ торговцемъ, честнымъ и трудолюбивымъ ремесленникомъ, неутомимымъ, благодушнымъ и добродѣтельнымъ труженикомъ,—словомъ религіозное направленіе образованія воспитаетъ человѣка безъ пятна и укора, пригоднаго на все доброе. Рисовать ли тутъ картину личности, стоящей въ сторонѣ отъ подобнаго воспитанія а тѣмъ болѣе возстающей противъ осязательной его благотворности? Очеркъ этотъ былъ бы весьма здѣсь умѣстенъ, но мы удержимся отъ него какъ потому, что будемъ имѣть случай коснуться его мимоходомъ, нѣсколько послѣ, такъ и потому, что желающій весьма легко можетъ самъ восполнить

этотъ пробѣлъ въ настоящемъ мѣстѣ,—составленіемъ очерка радикально противоположнаго сейчасъ набросанному нами. Вотъ нѣсколько штриховъ для указанія способа составленія этого очерка: воспытанный внѣ христіанскаго образованія купецъ—обманщикъ, чиновникъ-взяточникъ, ученый--отравитель юношества, господинъ—деспотъ, слуга—воръ и пьяница, юноша—нигилистъ и т. далѣе. Нагляднымъ подтвержденіемъ всѣхъ высказанныхъ недавно истинъ служитъ ежедневный опытъ и вся исторія христіанства.

Если же христіанское направленіе образованія возвышаетъ и облагороживаетъ спеціалиста, созданнаго удобствами (а порой и мнимыми нуждами) внѣшняго человѣка; если религіозный взглядъ его на дѣло своего служенія такъ замѣтно вліяетъ на благодѣтельность его отношеній къ окружающей его средѣ: то что сказать о благотворности религіознаго начала, положеннаго въ основаніе образованія тѣхъ людей, для массы которыхъ оказывается не нужною и даже вредною окончательная и поголовная спеціальность, и которые, своею скромною и счастливою долею, поставлены внѣ тѣхъ внѣшнихъ, прихотливыхъ потребностей, которыя составляютъ и могутъ составлять принятыя условія жизни весьма не многихъ, и которыя напрасно иногда величаются такимъ обязательнымъ именемъ. Къ чему, наприм., простолюдину спеціальность по части медицины, когда онъ, слава Богу, никогда почти не болѣетъ и когда, въ настоящій моментъ, въ Россіи около 400 въ этомъ родѣ спеціалистовъ не имѣютъ случаевъ примѣнять свою спеціальность къ практикѣ? На что пригодится сельскому земледѣльцу спеціальность по части архитектуры, когда онъ такъ счастливъ, здоровъ, покоенъ и доволенъ подъ своею соломенною крышею? Къ чему для него геологія, гидравлика, техника, фортификація, астрономія, математика, политическая экономія, юриспруденція, лингвистика, философія и проч., когда онѣ стоятъ за чертой скромныхъ его потребностей, внѣ условій его безыскуственной жизни? Даже науки естественныя, историческія доступны для простолюдина и пригодны только въ элементарномъ своемъ видѣ,—насколько онѣ необходимы для того, чтобы знать въ общихъ чертахъ, что есть и что было, чтобы знать, наприм., что земля не есть плоскость, оканчивающаяся за чертой нашего кругозора, что солнце не ложится спать до утра въ великолѣпныхъ палатахъ, что на мѣсяцѣ нарисованъ не братоубійца Каинъ, несущій на пле-

чахъ трупъ Авеля, что люди съ однимъ глазомъ, оборотни, разныя чудовища, похожденіе мертвецовъ, могущество кудесниковъ, разрывъ—права, всевѣденіе и краснорѣчіе животныхъ, растеній, заклятые клады и подобныя имъ бредни и суевѣрія, туманящія умъ и пугающія воображеніе простолюдья, суть порожденія грубаго невѣжества и дикой фантазіи. Не думаемъ, чтобъ и спеціальное знакомство нашего простолюдина съ агрономіей могло поднять слишкомъ высоко наше земледѣліе, усилить производительность нашей почвы,—было общепримѣнимо къ веденію нашего сельскаго хозяйства, на всѣхъ пространствахъ нашего необъятнаго отечества. Кто не знаетъ, что у насъ есть области, въ которыхъ родится то, что не можетъ рости въ другихъ мѣстахъ, что тутъ пашутъ землю одной лошадкой, тамъ клячей въ парѣ съ коровою, при пособіи одной руки хоть женской, а здѣсь на тоже дѣло употребляется двѣ-три пары воловъ, съ четырмя рабочими руками,—что въ одномъ мѣстѣ земля можетъ быть удобрена однимъ, въ другомъ инымъ образомъ; а въ третемъ не удобряется вовсе, а только отдыхаетъ отъ производительности въ теченіи двухъ, трехъ и болѣе лѣтъ. Кто не знаетъ, что въ одномъ мѣстѣ выгоднѣе заниматься такимъ, въ другомъ другимъ производствомъ, оборотомъ, спекуляціей, а во многихъ—трактовать о земледѣліи, тоже, что глухаго учить музыкѣ? Кто не знаетъ, что у насъ постройка избъ и разныхъ хозяйственныхъ зданій, отопленіе, освѣщеніе, скотоводство, садоводство, огородничество и проч. разнообразятся до безчисленныхъ оттѣнковъ, не уловимыхъ наукою, при нѣмецкомъ даже терпѣніи. Для насъ нужно создать столько отдѣльныхъ агрономій, сколько областей (если не губерній), разныхъ пластовъ почвы, климатовъ. Говоримъ—создать, потому что готовыя агрономіи *нѣмецкія*, приспособленныя къ извѣстному герцогству, княжеству, пожалуй, королевству,—по меньше нашей губерніи, также иногда идутъ къ нашей почвѣ и тому разнообразію въ веденіи сельскаго хозяйства, о которомъ сдѣланъ намекъ выше, какъ идетъ теперь нѣмецкій фракъ къ фигурѣ нашего сельскаго старшины,—садоводство тропическое къ олонецкому. Какого вы ни пришлите пресловутаго агронома въ иную область нашу, онъ долженъ будетъ отказаться отъ своихъ теорій, изучить новую для него почву, флору, потолковать съ лучшими хозяевами, поучиться у нихъ многому, вообще помѣняться ролями съ сельскимъ зем-

ледѣльцемъ,—изъ учителя сдѣлаться ученикомъ, хоть на время. Наконецъ предположимъ, что агрономія необходима, для нашего простолюдина, что вотъ всѣ они агрономы, и каждый изъ нихъ уже развернулъ свои познанія на пространствѣ 5—10 десятинъ; чтожъ изъ этого выйдетъ? Или то что, каждый изъ нихъ—агрономъ въ миніатюркѣ, модели, или всѣ они за исключеніемъ одного (и то много на село) совершенно лишніе. Это было бы похоже на то, какъ еслибы я сталъ учиться портняжеству, сапожничеству, стряпнѣ и проч., потому только, что немогу прожить безъ одежды, обуви, пищи и т. под.

Мы нарочно такъ надолго остановились на агрономіи, чтобы доказать, что даже спеціальность въ такой наукѣ, которая, казалось бы, пригоднѣй и необходимѣе для нашего селянина всякой другой, оказывается совершенно излишнею, и что, слѣдовательно, другія науки, отвлеченныя, составляющія роскошь просвѣщенія немногихъ богачей науки,—служили бы для нашего селянина безполезнымъ бременемъ, отвлекли его отъ дѣла безъ пользы для науки, со вредомъ для земледѣлія. Тоже почти можно сказать и о различныхъ ремеслахъ, т. е., что необходимость ихъ обусловливается потребностями частію общечеловѣческими, частію такими, которыя неразлучны съ бытомъ селянина и земледѣльца. Такія ремесла: кузнечное, сапожное и частью портняжное. Эти ремесла могутъ стоять далеко ниже той точки, на которой стоятъ онѣ въ городахъ. Кузнецъ, достигшій величія каретнаго мастера, артистъ модныхъ жилетовъ и фраковъ, производитель изящныхъ ботинковъ,—артисты совершенно безполезные для нашего (и какого угодно) простолюдина [1]).

[1]) Полезно было бы немедленно открыть ремесленныя школы во всякомъ уѣздномъ городѣ, въ которую изъ всякаго люднаго (около 500 душъ муж. пола) села было бы послано по одному мальчику для обученія каждому изъ трехъ указанныхъ ремеслъ. Портняжеству можетъ обучаться одинъ мальчикъ на 1000 душъ мужескаго пола. Само собою разумѣется, эта командировка понадобится только на одинъ разъ, потому что мальчики, обучавшіеся извѣстному ремеслу, возвратившись въ село родное, въ свою очередь сдѣлаются учителями своихъ сосѣдей. Прочія ремесла частію безполезны для селянина, частію рѣдко примѣнимы къ быту его, частію на столько ему знакомы, что могутъ пока оста-

Но, хотя религіозное образованіе не можетъ создать никакого спеціалиста, хотя разныя спеціальности несовмѣстимы съ бытомъ простолюдина, при всемъ томъ, религія никогда не стояла въ оппозиціи со всякою спеціальностію, и религіозное направленіе народнаго образованія не только никогда не помѣшаетъ природному таланту достигать своей спеціальности путемъ ли саморазвитія, или обыкновеннымъ способомъ эрудиціи въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, но и дастъ ему толчекъ, нормальное направленіе и честныя тенденціи. Пути къ научному развитію талантовъ равно теперь доступны для всякаго, безъ различія званій и состояній,—скажемъ болѣе—истинному таланту не нужны даже никакія привиллегіи, никакіе стимулы: мимо нашихъ побужденій и заохочиваній, онъ пробьется сквозь скорлупу обстоятельствъ и стѣсненій, подобно горному ключу, который пробьется наружу, наперекоръ естественнымъ и искусственнымъ препятствіямъ его истоку. Произносить ли здѣсь имена тѣхъ людей, которые служатъ фактическимъ доказательствомъ высказанныхъ сейчасъ истинъ; говорить ли о побѣдѣ ихъ надъ тѣми, едва вѣроятными, тѣснинами, сквозь которыя талантъ ихъ искалъ себѣ простора и вліянія, и которыя, благодаря Бога, теперь раскопаны и разрушены? Не думаемъ, чтобъ это было слишкомъ необходимо. Наша истина такъ крѣпка, что поддерживать ее разными подпорками, значило бы заподозрить ея самородную крѣпость.

Послѣ сказаннаго, мы думаемъ, весьма уже не трудно опредѣлить (хоть приблизительно) характеръ, объемъ и границы обученія въ *нашихъ* сельскихъ школахъ. Этотъ характеръ долженъ быть чисто-религіозный, какъ въ силу тѣхъ положеній, на которыхъ опирается достоинство и польза частная и общественная нравственно-религіознаго образованія народа, такъ равно и въ силу безполезности и даже опасности образованія народнаго, внѣ ближайшей опеки и руководства религіи. Объемъ народнаго образованія можетъ быть опредѣленъ полною грамотностію, умѣньемъ, т. е., свободно читать и понимать написанное на славянскомъ и *обще-русскомъ* языкѣ,—правильно писать на этомъ послѣднемъ. Далѣе обучающійся въ

ваться въ настоящей точкѣ своего развитія, таковы, напримѣръ, ткацкое, плотническое, печное, строительное и друг.

сельской школѣ долженъ имѣть ясное понятіе о догматахъ и практикѣ христіанской, объ обрядности и богослуженіи православной церкви, знать краткую исторію Церкви и Россіи, изучить первыя дѣйствія ариѳметики, научиться кидать на счетахъ,—можетъ имѣть понятіе о свойствѣ обыденныхъ явленій въ природѣ, о составѣ и движеніи земнаго шара, о народахъ, на немъ обытающихъ, и только. Эти послѣднія знанія, смотря по воспріимчивости учащихся, могутъ быть подняты нѣсколько выше элементарной точки, могутъ выйдти изъ сферы общихъ понятій и голой номенклатуры. Такимъ образомъ границы сельскаго обученія вообще оканчиваются тамъ, гдѣ начинается какая бы то ни была спеціальность и гдѣ знаніе, изъ общеизвѣстныхъ популярныхъ истинъ и положеній, возводится въ частное, окончательное развитіе, направленное къ образованію дѣятеля для извѣстной среды, извѣстнаго служенія, на пользу себѣ и другимъ. Въ пользу спеціальности одного только знанія можно сдѣлать здѣсь небольшое исключеніе,—это въ пользу такъ называемаго закона Божія, который долженъ быть преподанъ простолюдину съ возможною въ его положеніи полнотою и оконченностію. Это какъ потому, что это знаніе осчастливитъ его на цѣлую жизнь и вѣчность, такъ и потому, что простолюдинъ нашъ прежде всего и послѣ всего—человѣкъ-христіанинъ. Онъ не юристъ, не воинъ, не ученый и проч. и проч., онъ человѣкъ-христіанинъ—и только. Никто и ничто не помѣшаетъ ему сдѣлаться, въ слѣдствіе особаго призванія, ученымъ, юристомъ и проч.; но пока онъ имъ не сдѣлался, пока онъ только селянинъ земледѣлецъ, онъ, скажемъ еще разъ, только человѣкъ-христіанинъ, — пожалуй, христіанинъ русскій,—онъ только долженъ познать свою религію, церковность, обязанности христіанскія, долженъ вполнѣ овладѣть только русскою грамотностію, а при этихъ двухъ залогахъ саморазвитія, при большемъ остаткѣ свободнаго времени и увеличеніи достатка, ему уже не трудно будетъ въ теченіе жизни продолжать свое умственное развитіе, путемъ чтенія, расширять кругозоръ своихъ понятій и пополнять пробѣлы первоначальнаго обученія. Религіозное направленіе въ дѣлѣ народнаго обученія тѣмъ болѣе обязательно для учителей, что оно совпадаетъ съ наклонностями нашего народа. Онъ такъ сильно привязанъ къ православію нашему, церковности, такъ любитъ *поучаться закону Господ-*

нію, что для того лишь и посылаетъ свое дитя въ школу, чтобъ оно послѣ могло прочитать домашнимъ молитвы по книжкѣ, могло, въ длинный, зимній или осенній вечеръ почитать имъ что либо *отъ божественнаго,* потолковать съ ними о жизни Спасителя, Его учениковъ, о жизни и чудесахъ Святыхъ Божіихъ, о святыхъ мѣстахъ и тому подобныхъ предметахъ. И какая тогда тишина воцарится въ шумной дотолѣ избѣ селянина; какое напряженное вниманіе, какой восторгъ, умиленіе, нерѣдко слезы вы подмѣтите на лицахъ слушателей, какой глубокій слѣдъ и живоносное отраженіе въ жизни оставитъ прочитанное въ добрыхъ и неиспорченныхъ душахъ ихъ! Если же здравая педагогика запрещаетъ насиловать склонности и влеченія учащихся, не велитъ учить музыкѣ, когда душа и рука дитяти рвется къ мѣлу и угольку, пачкаетъ ими безъ устали и мебель и стѣны; то нужно быть извергомъ, врагомъ Бога и людей, чтобы насиловать при воспитаніи нашего народа его религіозныя наклонности, законнѣе, возвышеннѣе, необходимѣй и благотворнѣе которыхъ нѣтъ наклонностей у человѣка. Если гдѣ, то въ настоящемъ случаѣ, по преимуществу, пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», должна быть возведена на степень аксіомы и закона.

II.

Кто жъ обязанъ учить и заправлять въ школѣ, гдѣ дѣти русскаго, православнаго человѣка должны получать то образованіе, характеръ и объемъ котораго недавно нами указаны? Раціональный отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: на томъ лежитъ эта обязанность, кто Богомъ и людьми, званіемъ и воспитаніемъ своимъ и поставленъ на то, чтобы заботиться о духовномъ развитіи меньшихъ о Христѣ братій нашихъ, кто долженъ воспитывать въ нихъ религіозную мысль и чувство отъ колыбели до гроба,—а особенно въ томъ возрастѣ, когда полагаются зародыши знанія и добродѣтели на всю жизнь, короче: *священникъ*, по преимуществу—*сельскій*. Онъ имѣетъ всѣ нужныя для того средства, онъ одинъ можетъ удовлетворить любви народа къ религіозному образованію, онъ почти единственная развитая личность на огромныхъ пространствахъ захолустьевъ русскихъ, живущая жизнію селянина, всегда ему

присущая, сочувствующая потребностямъ его духа, вполнѣ изучившая и хорошія и дурныя его стороны. Эта истина такъ ясна и непоколебима, серьезное возраженіе противъ нея такъ невозможно, что мы могли бы считать оконченнымъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ этого отдѣла, если бы нѣкоторые передовые въ шеренгѣ протекторовъ индеферентизма, безурядицы и всевозможнаго искаженія нормальностей теоретическихъ и практическихъ, не заявили мнѣній противоположныхъ высказаннымъ здѣсь, или точнѣе, не возстали противъ вопіющей истины.

Такъ, какъ состоятельное возраженіе (скажемъ опять) противъ истины немыслимо, то эти господа больше надѣлали шуму, нежели сказали дѣла, они хватались за все—и за парадоксъ, и за клевету, и за софизмъ и прямую ложь, лишь бы оттолкнуть духовенство отъ народнаго образованія, и, быть можетъ, вырвать народъ изъ подъ родительской опеки религіи и создать въ немъ клевретовъ герценовскаго атеизма и разнузданности. Иначе какъ объяснить это постоянство судорожныхъ усилій, эту натугу злости, это метанье по всѣмъ закоулкамъ софистики, лишь бы хоть на волосъ ослабить въ народѣ сознаніе благотворности религіознаго образованія и навязать возможно большей массѣ незрѣлыхъ умовъ свои уродливыя и опасныя воззрѣнія. Очевидно, что тутъ дѣло идетъ не о томъ, кому учить дѣтей на селѣ: мнѣ ли или другому! Профессія сама по себѣ не такъ обаятельна, чтобы можно было добиваться ея съ такою натугой. Натуга эта будетъ слишкомъ безсмысленна, даже для натуживающихся, если въ ея перспективѣ не лежатъ особенныя, новыя и, конечно, антирелигіозныя тенденціи и затѣи. Какъ ни маскируются эти затѣйщики, какъ ни драпируются иногда тогой какого-то отвлеченнаго христіанства, ихъ тенденціи виднѣются сквозь маску, ихъ противорѣчія самимъ себѣ поражаютъ самое близорукое пониманіе, невольно приводятъ на память то *юродство мудрыхъ вѣка сего*, которое такъ неподражаемо обрисовано Апостоломъ. Они не могутъ, не смѣютъ выразиться еще яснѣе потому только, что позади ихъ стоитъ грозная, громадная семья добраго, вѣрнаго, христолюбиваго народа русскаго, не посвященнаго въ ихъ замыслы, не понимающаго ихъ говора. Маскируйтесь господа, маскируйтесь плотнѣе; дѣлайте такъ, чтобы народъ васъ не видѣлъ, не слы-

шалъ; поглубже закрывайтесь фарисействомъ вашего христіанства,—иначе этотъ народъ сорветъ съ васъ маску, и вы замолчите однажды навсегда, потому что некому будетъ развращать его. Опасность эта дѣлается еще ближе, еще грознѣй отъ того, что близорукость этого народа можетъ быть при нуждѣ восполнена зоркостью его приставниковъ, которые, быть можетъ, и успѣли уже подмѣтить волковъ, но не рѣшаются пока указать на нихъ кому слѣдуетъ. Вотъ чѣмъ объясняется слишкомъ осязательное желаніе нѣкоторыхъ, весьма немногихъ господъ, вырвать овцу изъ рукъ пастыря!

Мы не думаемъ разбирать здѣсь порознь всѣ мнѣнія, высказанныя pro и contra по поводу вопроса объ учителяхъ народныхъ школъ,—заниматься этою громоздкою работой намъ и нѣкогда и не зачѣмъ. Софизмы и парадоксы тѣхъ, которымъ не хочется допустить къ сельскимъ школамъ духовенство, разоблачены такъ наглядно, разбиты такъ окончательно, что мы вынуждены сказать имъ вмѣстѣ съ гг. Котковымъ, Леонтьевымъ и др.: «вы или невѣжды, незнакомые съ дѣломъ, съ народомъ, или злоумышленники.» И въ нашемъ изданіи можно подмѣтить довольно резоновъ, заплатившихъ свою лепту этой неодолимой дилеммѣ [1]). Намъ бы желалось теперь подвести подъ одинъ камень тотъ истуканъ, который сложился изъ мнѣній, направленныхъ противъ религіознаго направленія народнаго образованія, и въ которомъ (не какъ въ навуходоносоровомъ) найдете вы всѣ матеріалы, кромѣ золота и серебра,—намъ хотѣлось бы сокрушить этотъ предметъ идолослуженія немногихъ, разнузданныхъ умовъ однимъ ударомъ; но это подвигъ сверхъ-человѣческій. Мы хотѣли бы думать, что этотъ камень есть первый отдѣлъ настоящей статьи; но желаніе наше, будучи весьма законнымъ и добрымъ, благодаря упорству и неблагонамѣренности людей, можетъ остаться желаніемъ безплоднымъ. Впрочемъ, предоставляя любителямъ истины поискать отвѣтовъ на возраженія, сдѣланныя по поводу настоящаго вопроса въ ука-

---

[1]) Книж. 2 Отд. IV стр. 63—71. стр, 127—134 книжк. 6. Отд. IV стр. 209—225. книж. VII. Отд. III. стр. 20 Замѣтка на замѣтку.

занныхъ въ послѣднемъ примѣчаніи и во многихъ другихъ статьяхъ, мы невправѣ пройти молча, мимо возраженій болѣе ходячихъ и казистыхъ и менѣе опрокинутыхъ

Самое популярное изъ этихъ возраженій: «священнику некогда учить дѣтей въ школѣ.» Почему такъ? Чѣмъ же онъ такъ озабоченъ въ зимній сезонъ сельской учебы? Исполненіемъ требъ? Но развѣ требы совершаются каждый день и поглощаютъ часы всего дня безъ остатка? Да развѣ смѣетъ кто вмѣнить въ обязанность священнику самому непосредственно заниматься съ дѣтьми и азбукой, и чтеніемъ, и письмомъ и ариѳметикой? Развѣ подъ его наблюденіемъ не можетъ въ этихъ занятіяхъ замѣнить его дьячекъ, діаконъ, уволившійся изъ школы, безмѣстный и добропорядочный семинаристъ? Да и смѣшно говорить человѣку: «вамъ некогда этимъ заниматься», когда это занятіе составляетъ коренной долгъ его званія, профессію его жизни! Смѣетъ ли кто сказать чиновнику, профессору: не ходите въ присутствіе, въ аудиторію, потому что вамъ некогда? Если они васъ послушаются, не прикажутъ ли имъ не безпокоить себя и на будущее время хожденіемъ къ мѣсту своего служенія и остаться при тѣхъ занятіяхъ, которыя были причиною *некогда?* Мы употребили это сближеніе потому, что тѣ, которые такъ заботятся о досугѣ священника, не отвергаютъ той аксіомы, что священникъ долженъ бы, пожалуй, учить и заправлять въ сельской школѣ, да только лишь опасаются затруднить его сверхъ силъ и замедлить развитіе нравственное народа. Ну, ужъ это неудобство самихъ священниковъ. Будьте увѣрены, что коль скоро священникъ убѣдится въ личной невозможности исполнить эту, весьма важную, часть своего долга, онъ замѣнитъ себя кѣмъ либо другимъ, или, пожалуй, заявитъ кому слѣдуетъ о тяжести и несовмѣстимости съ другими занятіями возложеннаго на него бремени и тѣмъ укажетъ поводъ или облегчить его въ исполненіи долга, или замѣнить дѣлателемъ, для котораго это бремя покажется такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ,—бременемъ легкимъ и игомъ благимъ.

«Да священникъ мало развитъ для того, чтобы заниматься образованіемъ народа.» Возраженіе это поставляемо было различнымъ образомъ,—его обставляли словами: рутина, схоластика, каста, отсталость, односторонность и проч. Популярность этихъ эпитетовъ не сдѣлала ихъ состоятельнѣй и добросовѣстнѣе. Ан-

тагонистамъ религіознаго направленія и духовенства слишкомъ невыгодны послѣдовательность, ясность, точность и другія свойства изысканія истины. Вотъ почему мы объединили различныя въ этомъ родѣ нападки, поставили разсматриваемое нами возраженіе такъ, какъ оно поставлено, и спрашиваемъ: точно-ли священникъ такъ мало развитъ, что онъ не можетъ быть учителемъ и заправителемъ даже въ сельской школѣ? На этотъ вопросъ по неволѣ приходится отвѣчать вопросомъ: неужели еще есть люди, которые по совѣсти, убѣжденію, хотя бы то даже ложному, сомнѣваются въ этомъ, теперь—въ 1863 году? Говоримъ во всеуслышаніе: нѣтъ и быть не можетъ! Иначе мы слишкомъ были бы обиднаго мнѣнія объ этихъ людяхъ, иначе эти люди дали бы намъ слишкомъ много правъ назвать ихъ слѣпцами, идіотами. Очевидное дѣло, что говорится и пишется такъ, а неиначе не потому, чтобы дѣло шло объ уясненіи истины, о защитѣ даже убѣжденій, а потому, что писать и говорить такъ хочется, что нужно же отстаивать свой, хоть и гибельный, парадоксъ, хоть софизмами и упрямствомъ. Не нравится духовенство, перечитъ его направленіе, его стражба цѣлости религіи и добродѣтели народа разной разнузданности, ну и неразвито духовенство, односторонне, и проч. Но оставимъ въ сторонѣ заднія мысли, или точнѣе желанія—недруговъ духовенства, оставимъ даже въ сторонѣ тѣ свѣтлыя, какъ солнце, истины, которыми разсѣяны и втоптаны въ грязь туманныя обвиненія его обвинителей, и спросимъ: почему они думаютъ, что нашъ священникъ неразвитъ? Не потому ли, что онъ не юристъ, не инженеръ, не воинъ [1]), не техникъ и проч.? Не

[1]) Не скажемъ даже: не медикъ, не агрономъ; потому что въ семинаріи онъ можетъ пріобрѣсти хоть популярныя свѣденія по части медицины и агрономіи. А что онъ и самъ сторонится отъ натиска бродячихъ, антирелигіозныхъ, безнравственныхъ идей, демагогическихъ продѣлокъ, и по мѣрѣ своихъ средствъ, старается защитить отъ ядовитаго приражения ихъ къ его дѣтямъ духовнымъ,—это скорѣе ручается за его развитіе, за сознательное и вѣрное пониманіе своего долга, нежели за невѣжество, односторонность и проч.. Удовлетвори только онъ притязаніямъ своихъ клеветниковъ, и онъ сдѣлается врагомъ своихъ дѣтей, вторымъ предателемъ Христа и причиною страшныхъ бѣдъ своего отечества.

потому ли, что онъ не сочувствуетъ идеямъ и влеченіямъ передовой (не знаю въ какомъ дѣлѣ) нашей молодежи и даже мѣшаетъ ихъ распространенію и осуществленію? Развѣ! Другихъ причинъ усвоенія ему неразвитости (говоря по совѣсти) мы не видимъ и не знаемъ. Онъ учился такъ долго, знаетъ такъ много, къ развитію ума его и сердца приложено столько любви и усердія, что въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ причинъ завидовать ничьему развитію, что уровень его образованія общечеловѣчнаго не боится никакихъ сопоставленій. Нужны сверхъестественныя усилія, уродливыя ломки и искаженія строя общественнаго, чтобы къ уровню настоящаго семинарскаго образованія подвинулся хоть близко, хоть не скоро, уровень образованія народнаго. Нѣтъ въ мірѣ *народа*, хотя бы опередившаго насъ на дорогѣ просвѣщенія цѣлыми вѣками, для образонія котораго не годился бы современный, русскій священникъ.

Чтобы не обличили насъ тутъ въ преувеличеніи, спѣшимъ оговориться, что мы не усвояемъ нашему священнику ни всеобъемлющей премудрости, ни даже всеобщей добропорядочности. Мы лучше обвинителей его знаемъ и хорошія и дурныя его стороны, и даже знаемъ, что хорошія объясняются его сознаніемъ долга, раціональнымъ развитіемъ его способностей, а дурныя тою обстановкою, въ которой онъ слишкомъ похожъ на птичку въ клѣткѣ. Мы знаемъ, что большинство нашихъ сельскихъ священниковъ получаетъ образованіе далеко шире и фундаментальнѣе того, какое необходимо для будущей его профессіи, и что большинство этого большинства продолжаетъ и на селѣ свое самоусовершеніе—путемъ чтенія, наблюденія, размышленія, раздѣла своихъ знаній и наблюденій съ читающею публикой,—на жизнь которыхъ не могутъ бросить пятна укоризны самые злые враги его. Но мы знаемъ и такихъ, которые не всегда свободны отъ слабостей окружающей ихъ среды. Если вы, гг. обвинители, осмѣлитесь бросить грязью даже въ сихъ послѣднихъ, вы будете слишкомъ злы и торопливы, вы не будете христіанами. Не угодно ли самому развитому изъ васъ прожить жизнію нашего сельскаго священника хоть десять лѣтъ, и, мы ручаемся, васъ не узнаютъ ваши родные, не только знакомые. Нужно много энергіи, самоуправленія, самоутѣшенія, чтобы не отупѣть умомъ, не загрязнить сердца, нужна желѣзная воля, нужно смотрѣть вокругъ себя слишкомъ зорко, что-

бы къ вамъ не прилипли нѣкоторыя слабости безсмѣнно окружающей васъ среды, нужно быть слишкомъ тупымъ, слишкомъ безчувственнымъ, чтобы бездушно глядѣть на бѣдность, увеличивающуюся пропорціонально увеличенію семейства, и, среди омута земледѣльческихъ занятій и грошовыхъ спекуляцій и поборовъ, не измельчать душою, не забыть порой о высотѣ своего служенія, о неуклонномъ исполненіи всѣхъ своихъ пастырскихъ обязанностей. Не торжествуйте, гг. обвинители духовенства, съ обычнымъ вамъ злорадствомъ, когда встрѣтитесь на пути жизни и съ очерченными недавно мучениками! Скажемъ какъ предъ Богомъ, что, при не большихъ слабостяхъ человѣческихъ, у нихъ много недовѣдомыхъ туристу добродѣтелей христіанскихъ и гражданскихъ, что худшій изъ нихъ во многихъ отношеніяхъ лучше лучшаго нигилиста. Не думайте, чтобъ эти труженики, въ борьбѣ съ тяжестью жизненной ноши не по силамъ, утратившіе половину знаній, пріобрѣтенныхъ въ школѣ, уже неспособны были учить въ сельскихъ школахъ. Половины ихъ *училищныхъ* даже (разумѣемъ уѣздныя училища) познаній слишкомъ много для раздѣла съ дѣтьми простолюдья нашего.

Не можетъ быть, чтобы люди, увлекаемые даже страстью, не сознавали ясности и неодолимости высказанныхъ сейчасъ положеній и наблюденій; отъ чегожъ они еще упорствуютъ признать въ лицѣ сельскаго священника законнаго приставника школы? Причины этой слѣпоты нравственной, или упорства—есть, и онѣ внѣ неразвитости священника,—невозможности удовлетворить потребностямъ первоначальнаго народнаго образованія. Резонности этихъ обвиненій не сознаютъ сами обвиняющіе. Неразвитость духовенства тутъ только предлогъ (скажемъ опять); нужно же обвинить въ чемъ нибудь человѣка, котораго мѣсто хочется очистить для другаго. Оттого, при всей своей нелогичности и горячности, нѣкоторые господа настолько заявили смысла, что съумѣли построить слѣдующій силлогизмъ: если религіозное направленіе народнаго образованія необходимо, то законными приставниками его должно быть духовенство; но, такъ какъ мы имѣемъ свои причины не желать, чтобы священникъ заправлялъ народнымъ образованіемъ, то нужно доказать во что бы то ни стало вредъ религіознаго (или, какъ они называютъ его весьма коварно, либо безсмысленно, *теократическаго)* образованія; тогда, дескать, священникъ окажется лишнимъ при сельской школѣ.

Силлогизмъ, какъ видите, герценовской формаціи. Но въ сторону генеалогія силлогизма; посмотримъ на его характеръ и силу. Чѣмъ же небывалые доселѣ на святой Руси—православной ненавистники теократическаго направленія доказываютъ его вредъ? Разумѣется богохульствомъ, умопомраченіемъ, путаницей представленій, туманною фразеологіей. Эта куча умственнаго сору, въ которой вы найдете все, кромѣ истины и совѣсти, такъ отвратительна, что въ ней совѣстно было бы копошиться, еслибы не было необходимо. Эта вереница трескучихъ фразъ, злостныхъ намековъ, туманныхъ софизмовъ, надутыхъ и преувеличенныхъ очерковъ, лживыхъ взглядовъ, фальшивыхъ выводовъ, атеистическихъ замашекъ—такъ обаятельна для нѣкоторыхъ дѣтей съ испорченнымъ умомъ и сердцемъ, что они любуются ею съ усладою и увлеченіемъ ребятишекъ, любующихся пускаемыми ими мыльными пузырями. Сдѣлаемъ же прикосновеніе къ этому пузырю, чтобы онъ лопнулъ и обратился въ нѣсколько росинокъ мутной, вонючей жидкости.

Враги религіознаго направленія говорятъ: «теократическое образованіе идетъ врозь съ жизнію» [1]). Жизнь, говорятъ они, требуетъ того, а религія другаго: жизнь требуетъ спеціальности, созданія совершеннаго гражданина (развѣ это спеціальность?), а религіозное образованіе есть слѣпое заимствованіе (?), изолированная идея, ведущая къ эксплоатаціи всего, что лежитъ внѣ этой идеи эгоистической и плотно замкнутой, есть созданіе служителей неземнаго міра, а не гражданъ и разумныхъ дѣятелей общества, есть ограниченіе свободы мысли и дѣйствія, которая могла бы совратить благочестиваго мірянина съ черты, предначертанной ему отеческою рукою теократіи и обходящей мірскіе интересы общества, есть ретроградное учрежденіе, облекающее въ этихъ рукахъ (?) школу неподвижною формою, составляющее постоянно оппозицію съ свободнымъ развитіемъ науки, истины, оковывающее мысль и приводящее къ застою» и прочіе безумные глаголы, выразимся словомъ церкви православной. На всю эту клевету и глумленіе надъ живительнымъ и свѣтоносным начaломъ христіанства, мы моглибы только по-

[1]) И здѣсь и во всѣхъ другихъ случаяхъ мы распутываемъ положенія нашихъ герценовъ изъ того тумана, которымъ они обыкновенно маскируются и осмысляемъ ихъ въ положенія доступныя сознанію.

вторить клеветникамъ слова небеснаго его Основателя, обращенныя къ его распинателямъ: *Господи! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ;* но такъ какъ эти люди немного, быть можетъ, умилились бы, еслибы даже слова эти сказалъ имъ самъ Христосъ лицомъ къ лицу: то мы вынуждены, не безъ боли душевной, слѣдовать за кощунствомъ вторыхъ распинателей Спасителя по пути, указанному недавно поцитованной выписки.

«Религіозное воспитаніе идетъ врознь съ жизнію.» Христосъ сказалъ: *я образецъ* (путь) *для дѣятельности, я истина, я жизнь*, а клеветники Его утверждаютъ, что ученіе Христово идетъ врознь съ жизнію, что оно непримѣнимо къ ней. Для когожъ и для чегожъ ниспосланы съ неба на землю эти свѣтлыя и живоносныя истины, эти благодѣтельныя, миротворныя, чистыя правила для дѣятельности, которыми царства стоятъ, народы благоденствуютъ, обновилось, пересоздалось человѣчество? Перенеситесь мыслію за 1900 лѣтъ назадъ, посмотрите на тогдашній міръ, и, если онъ вамъ извѣстенъ, скажите по совѣсти, что представится вашему взору? Ужасающій мракъ мысли, энциклопедія нелѣпостей, скотской цинизмъ дѣла, полный просторъ животнаго произвола, отсутствіе всевозможныхъ доблестей, щегольство разнообразіемъ и открытостію всякой разнузданности и насилія. Проходимъ мимо указаній, подтверждающихъ безотрадность тогдашняго человѣчества, находимыхъ у Апостола Павла (Римл. 1, и друг.), у добросовѣстныхъ язычниковъ (Саллюстія, Сенеки, Ямвлиха, Цицерона, Платона и многихъ другихъ); злополучіе человѣчества предъ пришествіемъ Спасителя извѣстно всякому образованному человѣку безъ доказательствъ. Посмотрите и теперь на жизнь тѣхъ народовъ, которые на картѣ, составленной по вѣроисповѣданіямъ, оттушеваны темною краской, не гармонируетъ ли бытіе ихъ умственное, нравственное, политическое и физическое съ цвѣтомъ этой оттушовки? Не ходятъ ли они во мракѣ, ощупью, не подвигаясь ни на шагъ впередъ? Если не всѣ народы, покрытые этимъ мракомъ, считаютъ удавленіе людей добродѣтелью, мясо человѣческое — лакомствомъ, пучки волосъ заколотыхъ, убитыхъ, иногда безоружныхъ, враговъ и неврагов — вывѣскою героизма и единственнымъ убранствомъ всей внѣшности, разнообразное уродство членовъ тѣла—луч-

шимъ его украшеніемъ; если они умомъ и волею, жизнью и внѣшностью отличаются сколько нибудь отъ орангутана: то это только отъ того, что къ нимъ прокрался какъ нибудь хоть блѣдный лучь христіанства и принесъ имъ если не свѣтъ жизни, то хоть разрѣженіе тьмы, подобно тому, какъ лучь солнца, прокравшись въ темную комнату, если не освѣтитъ ее и не согрѣетъ, то укажетъ хоть силуеты и очерки находящихся въ ней предметовъ. За то, какую отрадную для духа картину представляетъ намъ человѣчество, озаренное христіанствомъ! Тихо, незамѣтно взошло въ Виѳлеемѣ солнце правды—Христосъ Богъ нашъ! Нужна была зоркость волхвовъ, бдительность пастырей, вѣра Іосифа, невинность Маріи, безпокойство Ирода, чтобы замѣтить лучи Его, исходящіе изъ убогихъ яслей. Но вотъ свѣтъ этого невещественнаго солнца расходится шире и шире, проникаетъ далѣй и далѣе и разливается по всему пространству всесвѣтной имперіи. Древній міръ содрогнулся. Мракъ судорожно отстаиваетъ права свои. Звѣрство язычества, сила Кесарей борются съ лучами свѣта. Земля и адъ ополчились противъ неба. Полилась кровь мучениковъ. Свѣтъ истины. казалось, сокрылся навсегда въ мѣстахъ безлюдныхъ, въ тайникахъ катакомбъ. Но Духъ Божій носился верху этой бездны, и изъ неустроеннаго хаоса и безпорядочнаго броженія разныхъ стихій безобразнаго древняго міра, созидается новый, озаренный незаходимымъ солнцемъ. Подъ лучами этого солнца все принимаетъ новый видъ. Вездѣ почувствовалось вѣяніе новой жизни. Вездѣ проникъ свѣтъ и теплота; человѣчество начало развиваться, рости, цвѣсти и приносить сладкіе плоды. Звѣрство и нечестіе уступило мѣсто братолюбію, кротости, незлобію и богоугодію; на мѣстѣ лжи и софистики является истина и вѣра, рабы превращаются въ братьевъ, гладіаторы и разбойники въ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, произволъ животнаго, эгоизмъ патриція, право сильнаго обуздываются мудрыми, кроткими и благодѣтельными законами для человѣка-христіанина; народы группируются по племенамъ, по языку и всѣ они равно блаженствуютъ столько, сколько могутъ блаженствовать на землѣ одни только христіане. Науки начинаютъ разрастаться въ высоту и широту, по качеству и по количеству, и принимать благодѣтельное для человѣка направленіе; искуства облагороживаются и одуховляются,

форма перестаетъ въ нихъ преобладать надъ мыслью, цинизмъ надъ достойнымъ искуства чувствомъ; международныя отношенія становятся честнѣй и дружелюбнѣе, семейныя узы тѣснѣй и священнѣе;—словомъ: *древняя жизнь прошла мимо и настало все новое*. И все это обновленіе, перерожденіе совершилось тихо, безъ физическихъ насилій и кровавыхъ потрясеній, при невѣроятномъ напряженіи силы физической и нравственной ему противоборствовавшей. Кто осмѣлится сказать, что это не чудо? Кто осмѣлится сказать, что свѣтъ Христова ученія скользилъ и скользитъ помимо жизни человѣчества, что «жизнь сама по себѣ, а христіанство само по себѣ?» Развѣ тотъ, кто страдаетъ неисцѣлимою свѣто-боязнью нравственной, кто, подобно кроту, роясь въ тинѣ своихъ похотей, теряетъ зрѣніе отъ того, что доставляетъ другимъ свѣтъ, теплоту и жизнь. Да, христіанство, истина и жизнь (конечно разумно-свободная)—синонимы.

Исчислять ли здѣсь тѣхъ великихъ мужей дѣла и слова, которыхъ породило одно христіанство? Называть ли здѣсь тѣхъ незабвенныхъ царей и царицъ, тѣхъ великихъ святителей и учителей, тѣхъ ученыхъ, начальниковъ, законодателей, художниковъ, которые одному христіанству обязаны руководствомъ, вразумленіемъ, вдохновеніемъ, просвѣщеніемъ, безсмертіемъ? Говорить ли здѣсь о тѣхъ образцахъ милосердія, великодушія, правдолюбія, незлобія, безкорыстія, самоотверженія, чистоты душевной и тѣлесной, которые возможны только въ средѣ чтителей христовыхъ? Многіе,—многіе изъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ прошли мы здѣсь благоговѣннымъ умолчаніемъ. по причинѣ ихъ безчисленности, изумляютъ насъ такою высотою и чистотою нравственною; такимъ обширнымъ и глубокимъ образованіемъ, что еслибы можно было богатства ума ихъ и сердца, подобно другимъ сокровищамъ, раздѣлять съ другими, то ихъ сталобы весьма для многихъ. Да, христіанство не мѣшало имъ знать столько сколько незнаютъ и сотни клеветниковъ его вмѣстѣ взятыхъ; оно и теперь немѣшаетъ никому знать столько же, больше, меньше, смотря потому, сколько кто и что можетъ и долженъ знать, а особенно не мѣшаетъ дѣлать все доброе, полезное и нужное.

Такимъ образомъ ученіе Христово, вызванное жизнію, можетъ только питать жизнь, развивать, улучшать, защищать ее отъ всего мертвящаго, ненормальнаго, вреднаго для обществъ

и недѣлимыхъ, гибельнаго для жизни. Отъ того и ученіе христіанства главнѣйшимъ образомъ группируется возлѣ различныхъ отношеній нашихъ къ Богу, обществу и самимъ себѣ,—состоитъ изъ честныхъ и благодѣтельныхъ правилъ жизни: люби Бога и ближняго, люби и почитай родителей, наставниковъ, властей предержащихъ, люби родныхъ и чужихъ, люби даже враговъ, живи честно, исполняй свой долгъ, будь доволенъ своимъ, не отнимай ни явно, ни тайно, не желай даже, ничего чужаго, дѣлись избыткомъ своимъ съ неимущими, молись и трудись, вообще расточай вокругъ себя любовь и благодѣянія, честность и дѣятельность, добро и истину—вотъ главнѣйшія положенія христіанской науки. Мы, коконечно, умалчиваемъ здѣсь о тѣхъ безчисленныхъ, болѣе частныхъ положеніяхъ, наставленіяхъ, обличеніяхъ, предосторожностяхъ, совѣтахъ, которыми такъ богато христіанство, и которыя объемлютъ собою всю жизненную практику, необходимую и благодѣтельную для человѣка. Послѣ этого, воставать противъ ученія Христова, говорить, что оно не пригодно для жизни общества, значитъ желать жизни, построенной на началахъ, радикально противоположныхъ христіанству, значитъ говорить такъ: »Христіанство требуетъ вотъ чего, но его правила идутъ врознь съ жизнію, потому его нужно устранить отъ участія въ жизни общества и воспитать человѣка въ такихъ правилахъ: враждуй, клевещи на Бога, терзай своихъ ближнихъ, не признавай священными никакихъ отношеній, свой эгоизмъ, свои животныя наклонности считай закономъ, обязательнымъ для всѣхъ, соблазняй, развращай кого можешь, насиліе считай единственнымъ правомъ, никому не вѣруй, ничему не вѣрь, отвергай все истинное, борись со всѣмъ честнымъ и законнымъ, никого не считай ни лучше, ни умнѣе себя« и проч. Съ жизнью, построенною на такихъ началахъ, христіанство, дѣйствительно, идетъ врознь, и желать оттолкнуть его отъ участія въ жизнедѣятельности человѣчества, значитъ добиваться такой именно жизни.

Послѣ разъясненія, того благодѣтельнаго вліянія, какое произвело и производитъ на жизнь человѣка и общества христіанство, послѣ нагляднаго обличенія несостоятельности того общаго положенія враговъ религіознаго направленія народнаго образованія, что христіанство идетъ врознь съ жизнію,—самъ собою обращается въ вонючую пыль тотъ мыльный пузырь, на который мы указами читате-

лямъ, приступая къ развитію настоящаго положенія,—сами собою разлетаются въ прахъ, основывающіяся на немъ частныя нелѣпости, клеветы и глумленія. Теперь уже яснѣе солнца то, что одно только христіанство можетъ создать совершеннаго гражданина, что оно не есть слѣпое заимствованіе, а разумное сознаніе высокихъ истинъ и свободное выполненіе благодѣтельныхъ правилъ жизнедѣятельности, что оно не есть »идея изолированная, *эксплоатирующая* (и слова-то куютъ безобразнѣйшія!) все, лежащее внѣ этой эгоистической, плотно замкнутой идеи, а есть истина всеобщая, освѣщающая, облагороживающая, животворящая все, прикасающееся къ ней, есть начало, любящее до самоотверженія, общительное, замкнутое для одной только лжи и порока, что, создавая по преимуществу гражданъ неба, оно ни на минуту не забываетъ условій его жизни въ странѣ пришельствія, поставляя разумное, благородное и законное выполненіе условій »земнаго міра,« честное исполненіе условій гражданина земнаго общества,—залогомъ блаженства въ небесномъ, что оно не есть »ограниченіе свободы, мысли и дѣйствія,« а есть только обузданіе животнаго произвола, пагубныхъ для человѣка и общества увлеченій, обузданіе злаго начала, оковывающаго умъ и сердце цѣпями страстей, есть изведеніе души нашей изъ темницы преступныхъ, ядовитыхъ, мыслей, желаній, дѣйствій и указаніе духу нашему въ безпредѣльной области добра такого простора, въ широтѣ, высотѣ и глубинѣ котораго, свобода (не произволъ животнаго) наша не находитъ конца и мѣры, можетъ возвратить утраченное богоподобіе,—что оно »не обходитъ мірскихъ интерессовъ общества,« а указываетъ ихъ значеніе, мѣру и законность нашей къ намъ привязанности, старается заявить, уяснить, и освѣтить благодѣтельные для человѣка интересы, случаи жизни, нормальныя отношенія и предохранить отъ эгоистическихъ, гибельныхъ,—что школа христіанская не есть »неподвижная форма, составляющая постоянно оппозицію съ свободнымъ развитіемъ науки нашей,« а есть широкое жизненное развитіе ума и сердца, нестѣсняющее ни какой науки и даже устраняющее ее отъ лжи, увлеченій, гибельнаго для человѣка и общества направленія и растлѣнія ума и сердца меньшей братіи нашей [1]),

[1]) На всѣ эти (и подобныя имъ) клеветы на христіанство мы отвѣчали здѣсь какъ будто голословно; потому что ничтожество

этихъ младенцовъ о Христѣ, соблазнителю которыхъ лучше бы, по словамъ Спасителя, броситься въ море съ жерновнымъ камнемъ на шеѣ.

Далѣе антагонисты христіанства, въ случаѣ сообщенія народному образованію религіознаго характера, угрожаютъ обществу ретрограднымъ движеніемъ, утверждаютъ, что подобное образованіе есть признакъ младенческаго, разстроеннаго состоянія общества »что подобныя эпохи всегда характеризовались неравенствомъ людей предъ закономъ, безсиліемъ закона, безличностію частнаго человѣка-«. Въ этихъ нападкахъ на христіанство, едва мерцающія искорьки свѣта, заслонены то софистикой, то незаконными притязаніями. Мы уже сказали и доказали, что христіанство нетолько не заключаетъ въ своемъ существѣ ничего ретрограднаго, но напротивъ—было, будетъ, всегда, вездѣ началомъ возрожденія, основой высшаго умственнаго и нравственнаго развитія, прогресса, цивилизаціи (назовите какъ угодно), что укоренившись въ обществѣ, оно сообщало (вопреки злости нѣкоторыхъ) ретроградное движеніе только лжи и пороку, а все честное и истинное встрѣчало своимъ сочувствіемъ, поощреніемъ, благословеніемъ, помощью и взаимодѣйствіемъ По этому еслибы обвинители христіанскаго образованія [1]) и могли намъ доказать, что преобладаніе его есть признакъ и принадлежность младенческаго состоянія общества, то мы еще сильнѣй убѣдились бы въ нормальности нашихъ, по вопросу о народномъ образованіи, убѣжденій и законности желаній, мы бы по—

ихъ открывается наглядно изъ того, что сказано выше и частію изъ того, что будетъ развито ниже.

[1]) Въ обвиненіяхъ христіанства виднѣется какъ нельзя лучше осуществленіе словъ Апостола: **юродство имъ есть и не могутъ разумѣти, зане духовнѣ возстязуются.** И поцитованыя здѣсь клеветы по преимуществу отличаются путаницею понятій, полезною для тенденцій человѣка герценовскаго покроя, но чуждою свѣта истины. Въ этихъ клеветахъ подъ именемъ христіанства разумѣется то образованіе, то религіозное направленіе всего народа, то части извѣстнаго общества, то характеръ ученія христіанскаго. Идея общества сжимается и вытягивается тоже по желанію мыслителя то разумѣть подъ нимъ можно простой народъ, то развитой, то спеціалистовъ, то весь народъ. Настоящее примѣчаніе особенно примѣнимо къ циферному аргументу одного господина, о которомъ мы будемъ говорить сей часъ же.

желали, чтобы нашъ простой народъ вѣчно находился, согласно желанію Спасителя, въ состояніи этого счастливаго младенчества. Въ этомъ состояніи онъ вѣчно будетъ юнъ, бодръ, крѣпокъ, незамѣтно будетъ рости въ мужа совершеннаго, въ мѣру возраста Христова, онъ пребудетъ спокойнымъ, довольнымъ, правдивымъ, честнымъ, разумнымъ, блаженнымъ на многія вѣка, тысящелѣтія, на цѣлую вѣчность. Преждевременное одряхлѣніе, какъ результатъ растлѣнія ума и сердца, какъ слѣдствіе растраты силъ въ мотовствѣ излишества, какъ порожденіе разврата и аномаліи всѣхъ способностей души и тѣла,—не придетъ къ нему до скончанія міра. И мы неотвергаемъ, что нашъ простой народъ находится теперь въ младенческомъ состояніи и даже благодарны вамъ за усвоеніе этому возрасту »теократическаго« образованія. Вы, мимо своей воли и сознанія, попали въ нашу мысль и узаконили тотъ порядокъ вещей, противъ котораго возстаете. Худо ли, хорошо ли младенческое состояніе народа (какъ бы вы ни понимали младенчество), но коль скоро народъ нашъ находится въ этомъ состояніи (это, точно, аксіома), то для него нужно какъ, для младенца молоко, опека матери, какъ жизнь, религіозное направленіе,(не забудьте направленіе, а не полное и окончательное религіозное образованіе, необходимое только для учителей) образованія, не исключающаго тѣхъ популярныхъ знаній, которыя пригодны для простолюдина, и о которыхъ сказано у насъ въ своемъ мѣстѣ.

Теперь присмотримся къ той пресловутой таблицѣ, которою одинъ господинъ окончательно хотѣлъ разгромить г. Каткова, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ здравомыслящихъ людей и самое »теократическое образованіе.« Этотъ господинъ съ торжествомъ громовержца оперся на свою таблицу обѣими руками,—перепечаталъ ее два раза. Но хотябы даже онъ воспроизводилъ ее, отъ-нечего-дѣлать, всякій день, во всякомъ періодическомъ изданіи, сила этого аргумента вѣчно будетъ=0. Прежде всего замѣтимъ, что цифры, изъ которыхъ составилась эта жалкая таблица, относятся къ 30 годамъ. Этотъ анахронизмъ таблицы дѣлаетъ ее крайне несостоятельною въ 60 годахъ. Сколько нибудь развитому человѣку извѣстно, что цифра народной статистики не подлежитъ законамъ окаменѣлостей, что вѣрная сегодня, оказывается ложною завтра, тѣмъ болѣе чрезъ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ болѣе чрезъ $^1/_4$ столѣтія. Но

простимъ аматеру своей таблицы какъ это ея неудобство, такъ и незаслуженное къ таблицѣ пристрастіе, и посмотримъ на силу аргумента самаго въ себѣ. Что же онъ доказываетъ? Ровно ничего въ пользу принципа составителя таблицы. Таблица только говоритъ, что у народовъ, исповѣдующихъ католическую религію, народное образованіе развито менѣе, чѣмъ у тѣхъ, которые держатся различныхъ вѣтвей вѣроученія Лютера. Но и тутъ современная цифра не грамотныхъ во Франціи должна быть сокращена болѣе нежели наполовину. На столько же почти процентовъ поднялось теперь народное образованіе въ Саксоніи, Норвегіи, Даніи, Голландіи, Швейцаріи, особенно Бельгіи, Англіи и Пруссіи. Но Англія, особенно Пруссія составляляли такой комъ для составителя таблицы, котораго никакъ онъ не могъ проглотить. Для первой онъ хоть заимствовалъ цифру изъ 30 годовъ, съ послѣднею никакъ немогъ совладѣть и просто на просто выбросилъ изъ своей таблицы. Причина этого маленькаго просмотра очевидна,—она въ пословицѣ: »правда въ глаза колетъ«, она въ явномъ противорѣчіи народнаго образованія въ Пруссіи съ принципомъ и намѣреніемъ составителя таблицы. Но, положимъ, составитель таблицы доказалъ, что въ извѣстныхъ мѣстахъ народное развитіе идетъ успѣшнѣе, въ другихъ туже, чтожъ изъ этого слѣдуетъ? то ли, что тамъ, гдѣ оно слабо,—слабо отъ того, что школами заправляетъ духовенство, что оно хочетъ навязать народу теократическое образованіе, а народъ отбивается отъ него и руками и ногами и лучше готовъ прозябать въ невѣжествѣ, нежели просвѣщаться такимъ образованіемъ? Таблица этого не доказала и доказать не можетъ; цифра обманывать неумѣетъ; ею могутъ только обманывать, натягивая толкованіе цифръ и построяя на нихъ лично нравящіеся выводы и положенія. И мы не отвергаемъ той истины, что въ державахъ католическихъ образованіе народа развито слабѣе, нежели протестанскихъ; но причина этого явленія—не въ религіозности образованія, а во многихъ другихъ обстоятельствахъ, и главнымъ образомъ—въ противоположномъ фальшивому толкованію явленіи составителемъ таблицы. Поможемъ невѣденію табличника. Нравственое развитіе народа находится въ прямой зависимости отъ многихъ, весьма важныхъ политико-экономическихъ причинъ. Главныя изъ нихъ: довольство внѣшнее, легкость отношеній къ землевладѣльцу, дешевиз-

на жизненныхъ потребностей, возможность во всякій данный моментъ найти выгодную работу, и прочія мѣстныя случайности. Всѣ эти условія, благопріятствующія развитію народа, христіанство только упрощаетъ, гарантируетъ, направляетъ ко благу общества, но, конечно, не стѣсняетъ ихъ. Самая же главная причина процвѣтанія народнаго образованія всегда была, есть и будетъ—возможно большая степень участія въ дѣлѣ нравственно-религіознаго развитія народа представителей религіи. Тамъ гдѣ для этого святаго дѣла духовенство не жалѣетъ ни досуга, ни труда, ни средствъ, гдѣ оно безкорыстно, безъ заднихъ мыслей, призываетъ народъ къ развитію духа, тамъ оно всегда попадаетъ въ мысль народа, въ самую чуткую струну его сердца,—тамъ народъ бѣжитъ къ учителю народному толпами, тамъ процвѣтаетъ народное образованіе. Въ такихъ ли отношеніяхъ стоитъ католическое духовенство къ народу или образованію? Далеко нѣтъ! Это духовенство такъ озабочено своими кастаціонными интересами, увеличеніемъ цифры дохода своихъ бенефицій, у него такъ много работы политической, дипломатической, административной, такъ много средствъ къ широкому роду жизни, такъ мало охоты къ кропотливому занятію съ дѣтьми простолюдья, что вы не можете нанести аббату—политику, пароху-магнату большаго оскорбленія, какъ пріурочивъ его къ заправленію, тѣмъ болѣе къ обученію въ сельской школѣ. Для истаго ультрамонтана вліяніе на образованіе народное есть только средство, а не цѣль. Вообще связь этого духовенства съ народомъ почти незамѣтна. Онъ слишкомъ надмененъ, слишкомъ занятъ политикой, слишкомъ независимъ, пожалуй, развитъ, для того, чтобы возиться съ какимъ нибудь холопствомъ. Прослужить миссу, сказать изрѣдка казистое поученіе, съ театральною жестировкой и декламаціей, преподать христіанину два-три таинства, вотъ и весь итогъ дѣятельности ксенза, аббата, пароха и проч. Остальное къ нему неотносится. Осмотритесь вокругъ себя, и вы найдете на всякомъ шагу фактическое подтвержденіе несомнѣнности этого явленія. Теперь, даже теперь, когда наше духовенство открыло десятки тысячъ школъ, когда польскіе помѣщики, изъ видовъ пропаганды, начали изрѣдка открывать школы при костелахъ для образованія дѣтей—католиковъ извѣстнаго прихода,—они съ трудомъ могли затянуть въ эти школы ксенза, и то только въ ролѣ лѣниваго законоучителя, и

то съ приманкой порядочнаго жалованья. Вы думаете, что въ католическихъ державахъ духовенство усерднѣе, соприкосновеннѣе къ народному развитію? Напрасно вы такъ подумаете! Тамъ духовенство еще спѣсивѣе, роскошнѣе, тамъ оно душа салоновъ и гостинныхъ, тамъ оно рычагъ или пружина политическихъ затѣй, тамъ у него нѣтъ и тѣхъ побѣжденій къ непосредственному участію въ народномъ образованіи, какими управляется туземный ксензъ,—тамъ, скажемъ во всеуслышаніе Европы, духовенство вовсе почти безучастно смотритъ на народное образованіе [1]). Стыдно не знать составителю пресловутыхъ таблицъ этихъ фактовъ и недобросовѣстно прятаться съ ними, если они ему извѣстны. Такимъ образомъ въ католическихъ державахъ отъ того именно народъ не образованнѣе (не грамотнѣе, не развитѣе, какъ угодно), что духовенство слишкомъ безразлично, чтобы несказать—холодно, относится къ его образованію, что тамъ minimum образованія и теократическаго и какого хотите. Еслибы было иначе, еслибы духовенство слишкомъ заботилось о развитіи народномъ, онъ все таки былъ бы развитъ, хоть насчетъ теократическаго начала, и такъ—или иначе, у него неоказалось бы, ни причинъ, ни мѣста невѣжеству. Еще не ясно, что г. табличникъ морочитъ людей и клевещетъ на неповинное въ невѣжествѣ христіанство?......

Совсѣмъ противоположное явленіе представляютъ націи, исповѣдующія разныя отрасли лютеранскаго вѣроученія, и опять таки отъ причинъ, радикально противоположныхъ выводамъ, натяжкамъ, или прямому невѣжеству составителя таблицъ. Иначе и проще: въ этихъ націяхъ именно отъ того и процвѣтаетъ народное образованіе, что школами заправляютъ пасторы и что въ этихъ школахъ вездѣ преобладаетъ то направленіе, котораго народъ такъ душевно жаждетъ,—направленіе религіозное. Поможемъ и на этотъ разъ невѣденію нашего книжника: пасторъ не такъ разобщенъ съ своею паствою, не такъ отрѣшенъ отъ ея нуждъ, какъ священникъ католическій. Подобно нашему священнику, онъ срастается, такъ сказать, съ своею паствою въ одинъ живой организмъ (живую церковь), живетъ

---

[1]) Во Франціи, напр., духовенство (о.о. Іезуиты) прибрало къ рукамъ все почти среднее и высшее образованіе, а элементарное, народное, почло недостойнымъ своего высокаго участія.

ея жизнію, переиспытываетъ ея печали и радости, считаетъ и самъ себя и считается другими главою, интеллигенціею, хозяиномъ одной семьи большой, сроднившейся съ нимъ самыми крѣпкими нравственными узами. Его мысль, его желаніе, тотчасъ дѣлается мыслію и желаніемъ прихода, онъ инаціатива всякой полезной мѣры, онъ судія, совѣтникъ, посредникъ,— онъ душа прихода. Чтобъ устранить невозможность воздѣйствія одному человѣку на весь приходъ, въ одно время, чтобъ облегчить пастыря въ исполненіи много—сложныхъ обязанностей, объемлющихъ всѣ нужды церкви, упростить обобщеніе дѣйствій, мыслей и желаній главы прихода съ его членами, составить корпорацію, проникнутую одной идеей общаго нравственнаго и матеріальнаго—благоустройства,—возлѣ всякаго пастора группируется около 12 (число знаменательное!) выборныхъ отъ прихода представителей, которые обсуживаютъ вмѣстѣ съ нимъ мѣры къ поднятію уровня моральныхъ и матеріальныхъ интерессовъ прихода, неуклонности религіознаго направленія гминной школы, устраненія пролетаріата, улучшенія народной нравственности, умноженія средствъ богоугоднаго заведенія, увеличенія приходскаго капитала [1]), обезпеченія всѣхъ нуждъ церкви и проч. Подобныя общества называются *пресвитеріями*. Такими пресвитеріями усѣяна вся Швейцарія, Саксонія, Бельгія, Пруссія, Англія (тамъ онѣ иначе только называются ([2]), а цѣль и характеръ

---

[1]) Такъ называемой церковной подати въ 1831 г. собрано въ одной Англіи около 4000000 талеровъ. Одна часть этой подати идетъ на поправку церковныхъ зданій, другая на содержаніе дѣятелей приходской общины, школы, богоугоднаго заведенія и проч.

[2]) Въ англіи общинно-приходское управленіе имѣетъ характеръ административной, хоть и просто организванной корпораціи. Дѣла прихода обсуждаются въ совѣтѣ. Пасторъ, какъ глава прихода, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ или предсѣдатель приходскаго совѣта. Въ этомъ совѣтѣ есть секретарь и двое старшинъ, изъ которыхъ одинъ избирается пасторомъ, а другой общиною (Отеч. Зап. Очеркъ Англійс. админис. Саранчева 1858 г. Авг. стр. 371.)

Въ германскихъ областяхъ общинно-приходское устройство имѣетъ тотъ же характеръ, только лишь нѣсколько иную органи-

церковно-общественнаго управленія одинъ и тотъ же), Вестфалія, Ольденбургъ, Баденъ, рейнскій Пфальцъ и можно сказать, вся Германія, не исключая и католическихъ: Австріи и Баваріи.

зацію. Общинную корпорацію составляютъ: священникъ, церковный патронъ и церковные представители (отъ 2—12) или старшины, выбранные общиною и отличающіеся христіанскимъ настроеніемъ и безукоризненною жизнію. Патрономъ можетъ быть и цѣлая корпорація и лицо, оказавшее церкви особенныя услуги и обязанное поддерживать и защищать ея интерессы. Старшины или выборные слѣдятъ за нравственностію прихода, исполненіемъ законовъ гражданскихъ и церковныхъ, за устройствомъ имѣній, принадлежащихъ церкви и духовенству, наблюдаютъ за приходо-расходомъ, принимаютъ участіе въ церковныхъ тяжбахъ, въ правильности даже выбора духовныхъ особъ, наблюдаютъ за христіанскимъ направленіемъ воспитанія дѣтей въ сельскихъ школахъ, посѣщаютъ больныхъ, пособляютъ нуждающимся, вообще заботятся о всемъ, что способствуетъ процвѣтанію и благоустройству церкви въ какомъ либо отношеніи. Старшины, по приглашенію предсѣдателя (священника) собираются неменѣе (на дѣлѣ далеко чаще) 4 раза въ годъ, для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ (Прав. Обозр. 1861 г. Апрѣль стр. 561—563.)

Кромѣ пресвитерій, нравственно-религіозная жизнь народа въ протестатскихъ обществахъ поддерживается такъ называемыми большими и меньшими конференціями. Подъ именемъ большихъ разумѣются каждогоднія собранія въ условленномъ мѣстѣ всѣхъ замѣчательныхъ по жизни, дѣятельности и образованію лицъ (преимущественно церковно-административныхъ) духовнаго сословія, исповѣдующихъ одну религію и принадлежащихъ къ одному Гражданскому обществу, говорящему однимъ языкомъ. На этихъ конференціяхъ рѣшаются вопросы религіознаго содержанія и обсуждаются мѣры къ поднятію нравственно-религіозныхъ интересовъ страны, или извѣстной ея части. Подобныя конференціи, по идеѣ Либнера (придворнаго проповѣдника въ Дрезденѣ)—что то въ родѣ помѣстныхъ, періодическихъ собровъ. Подъ именемъ малыхъ конференцій разумѣются

Такимъ образомъ, въ протестанскихъ обществахъ (и тѣхъ даже католическихъ, которыя волей, или неволей подражаютъ сосѣдямъ) народное образованіе процвѣтаетъ отъ причинъ радикально противоположныхъ тѣмъ, какія вообразилъ нашъ таблишникъ,—процвѣтаетъ именно отъ того, что пастырь, какъ отецъ семейства, есть главный хозяинъ и заправитель гминной школы, что мысль его и желаніе есть мысль и желаніе народа, что нравственно-религіозное начало такъ пропитываетъ и душу пастыря и жизнь народа, какъ (винимся за популярное сравненіе) чай и сахаръ воду, что еслибы (предположимъ невозможное) пастырь или сельскій учитель захотѣлъ внести въ школу хоть атомъ анти-религіознаго элемента, онъ немедленно потерялъ бы—однажды на всегда—свое мѣсто, что въ этихъ, говоримъ, обществахъ народное (какъ и должно быть) образованіе—и по предмету, и по направленію—чисто религіозно-нравственное. Правда, въ сельскихъ школахъ Англіи и Германіи есть и сельскіе учители (собственно учители грамотности), но они находятся подъ блжай—

собранія, для тойже нравстванно-религіозной цѣли, духовныхъ особъ извѣстной околицы. И эти собранія не предоставлены простому случаю, а организованы въ извѣстномъ порядкѣ и пріурочиваются къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Сѣть ихъ должна обнимать всѣ предѣлы, въ какихъ находится церковь. Правительство, состоящее изъ высшихъ пастырей, должно непосредственно проникать въ эти кружки и состоять съ ними въ живомъ общеніи. Оно должно всякій разъ посылать въ малую конференцію одного или двухъ ученыхъ богослововъ, которые бы укрѣпляли, углубляли, одушевляли и защищали отъ ошибокъ дѣятельность этихъ собраній. Такія конференціи, съ своими исторіями составляли бы постоянную, живую церковную семинарію. (Пр. Обоз. Февр. 1861 г. стр. 256.)

Послѣ краткаго очерка и пресвитерій и конференцій, нужно ли еще выражать желаніе, чтобы привились и къ намъ подобнаго рода благодѣтельныя учрежденія? Впрочемъ вопросъ объ учрежденіи пресвитерій (нашихъ братствъ) уже находу; желалось бы, чтобы подобное сочувствіе встрѣтилъ и вопросъ о конференціяхъ малыхъ, похожихъ на бывшіе соборцы западнаго края Россіи.

шимъ и пристальнымъ контролемъ пастыря и пресвитеріи и даже несутъ при церкви нѣкоторыя должности; а преподаваніе закона Божія, наблюденіе за нравственно-религіознымъ направленіемъ школы и поведеніемъ самаго учителя,—все таки относится къ прямой обязанности главы прихода, пресвитеріи, школы—пастыря.

Что касается другихъ таблицъ и глумленій того же гонителя теократическаго образованія, ихъ натяжки, фальшь выводовъ, клеветы на христіанство,—ниже всякой критики. Таковы по преимуществу названія вѣры *слѣпого*, а религіозного образованія—образованіемъ будтобы не нравящимся народу. Въ первой клеветѣ нѣтъ смысла, въ опровержепіе послѣдней, и мы услужимъ любителю таблицъ короткою табличкою—и притомъ такою, для которой цифры заимствованы не изъ чуждыхъ намъ началъ религіи и гражданственности, а изъ нашей собственной народной жизни, и которыя далеко современнѣй, яснѣй и примѣнимѣе къ дѣлу. Въ одной кіевской епархіи открыто въ теченіи 2-хъ съ небольшимъ лѣтъ духовенствомъ 1364 школы, съ 31,686 учащимися (въ подольской, волынской, а особенно минской епархіяхъ цифры школъ и учащихся не менѣе поразительны), а начальствомъ кіевскаго учебнаго округа заведено всего только 20, съ небольшими сотнями учащихся. Первыя школы открыты по одному зову духовенства, тогда какъ заведеніе послѣднихъ не обошлось безъ натяжекъ со стороны нѣкоторыхъ чиновниковъ учебнаго округа, въ коалиціи даже съ другими чиновниками. Въ первыя школы, не смотря на бѣдность средствъ, тѣсноту помѣщенія (преимущественно въ домахъ духовенства), съ восторгомъ полетѣли тысячи дѣтей, въ послѣднія едва затянуты небольшія сотни всѣми удобствами быта школьнаго, при помощи нѣкоторыхъ, даже не совсѣмъ чистыхъ уловокъ прямой пропаганды. Для помѣщенія первыхъ школъ народъ, при всей своей бѣдности, выстроилъ болѣе 200 зданій, ассигновалъ вспомогательную сумму, въ послѣднія родители не совсѣмъ охотно посылаютъ дѣтей, хоть помѣщенія школы и учебныя пособія не стоятъ имъ и копѣйки. Въ первыя школы (не мѣшаетъ и это замѣтить) не посмѣетъ и заглянуть латино-польская пропаганда, тогда какъ за послѣднія не ручаемся. Изъ этой немногосложной, но многознаменательной таблички, не можете ли, гг. ненавистники теократическаго образованія, усмотрѣть, на чью долю приходится maximum на-

роднего просвѣщенія и на чью maximum невѣжества,—на долю ли духовенства, или кого либо другаго? Изъ этой же таблички нельзя ли увидѣть и того, на чью долю приходится maximum народнаго влеченія, на долю ли религіознаго образованія, или какого либо другаго?

Отъ чего же, спрашиваетъ тотъ же табличникъ, возражая г. Каткову, *не стряхнуло до сихъ поръ долгаго сна невѣжества* (народнаго) *ничѣмъ не стѣснявшееся духовное сословіе? Отъ чего же* табличникъ не сказалъ: *нестѣсняемое?* Отъ того, что тогда слишкомъ была бы замѣтна несостоятельность его возраженія. Духовенство точно никогда не стѣсняло *себя* въ дѣлѣ образованія народнаго, ни любовью къ нему, ни сознаніемъ его пользы и необходимости, а только лишь было *стѣсняемо*. Чѣмъ же? Да хоть бы крѣпостнымъ правомъ, или лучше тѣми, для которыхъ нужны были рабочія руки, а не развитіе человѣка, для которыхъ казалась опасною или нелогичною свобода разума отъ узъ невѣжества, при неволѣ свободы. Но и тогда наше духовенство, *по мѣрѣ возможности*, старалось тамъ и здѣсь пріютить возлѣ церкви сельскую школу. Такихъ школъ мы могли бы насчитать весьма немало, еслибъ это оказывалось необходимымъ. И на двукратный зовъ (въ 40-хъ годахъ) покойнаго Государя Императора Николая I всѣхъ русскихъ друзей человѣчества къ народному образованію, кто откликнулся прежде другихъ? Духовенство! Не смотря на несочувствіе, даже прямой антагонизмъ моральному развитію народа (особенно въ западномъ краѣ Россіи), оно съ охотою жертвовало на это доброе дѣло и мирными дотолѣ отношеніями къ землевладѣльцу и своимъ рѣдкимъ досугомъ, и скудными матеріальными сраддствами. Съ тѣхъ поръ и доселѣ существуетъ много сельскихъ школъ, какъ живыхъ доказательствъ усердія нашего духовенства къ исполненію долга народныхъ учителей. Въ указываемую нами эпоху въ одной (извѣстной намъ болѣе другихъ) минской епархіи открыто духовенствомъ около 200 сельскихъ школъ, а на 500 церквей это процентъ весьма значительный. Наконецъ, прослѣдите со вниманіемъ всю исторію русскаго духовенства, и вы убѣдитесь, что одно оно всегда было внимательно къ возможному въ извѣстную эпоху умственному развитію себя и другихъ, что если иногда просвѣщеніе наше не угасло однажды навсегда, то это только отъ того, что

оно теплилось въ кельяхъ, что во всякомъ почти значительномъ монастырѣ, при всякой архіерейской каѳедрѣ, пріютилось народно-духовное училище.

Говорить ли здѣсь о педагогическихъ курсахъ, о высшемъ образованіи, будто бы необходимыхъ для *учителя дѣтей нашего простолюдья?* Педагогія, высшее образованіе *для доктора* грамотности поселянъ, какое забавное, если не нелѣпое сопоставленіе идей! Если въ этомъ сопоставленіи нѣтъ затѣи, то мы, право, затрудняемся даже пріисканіемъ для него приличнаго названія и психической инціативы. На что пригодится педагогія, высшее образованіе человѣку, который долженъ какъ нибудь научить читать, писать, считать сельское дитя, разсказать какъ можно незатѣйливѣе событіе историческое, пояснить то—либо другое положеніе религіозное, обыденное явленіе физическое? Ужъ нельзя ли объяснить настойчиваго навязыванья этого ученаго грузу сельской учебѣ слѣдующими глубокомысленными соображеніями? Въ сельской школѣ учатъ, педагогика есть наука учить, она крайне необходима для сельскаго учителя. Въ сельскихъ школахъ образуютъ народъ, чѣмъ выше образованіе, тѣмъ лучше; поэтому сельскій учитель долженъ имѣть высшее образованіе. А нельзя ли еще предположить и такого соображенія? Священникъ сельскій не учился педагогикѣ, онъ не получилъ высшаго образованія (какого?); онъ не можетъ быть сельскимъ учителемъ, или по крайней мѣрѣ подъ этимъ предлогомъ, его можно оттолкнуть отъ народнаго образованія—или еще прямѣй и яснѣе—отъ сообщенія этому образованію религіознаго характера и отъ нравственнаго вліянія на народъ. Это послѣднее соображеніе чуть ли не есть только заключеніе, прикрытое умолчаніемъ и прямо вытекающее изъ двухъ предыдущихъ, какъ посылокъ гласныхъ. Безъ этого послѣдняго не объяснима даже инціатива первыхъ. Впрочемъ, быть можетъ, въ числѣ людей, желающихъ примѣнить къ сельской учебѣ высшіе педагогическіе пріемы, есть люди заблуждающіе, если можно такъ выразиться, добросовѣстно, искренно, преувеличивающіе дѣло по сродной имъ впечатлительности, живому воображенію и слишкомъ идеальному и широкому пониманію идеи образованія. Такими прожектерами, реформаторами, фантазерами не бѣдна и наша Русь святая. Эти люди никакъ не съумѣютъ или не имѣютъ терпѣнія обсудить дѣло какъ слѣ-

дуетъ, остановиться тамъ, гдѣ слѣдуетъ, прожить безъ экзальтацій, натяжекъ, преувеличеній. Лишь только вопросъ станетъ на очереди, они давай проэктировать по крайнему своему разумѣнію, или неразумѣнію, доводить мысль до послѣдней ея крайности, до отвлеченной широты, до возможнаго парадокса, нисколько не интересуясь ея логичностью и примѣнимостью къ дѣлу, не подозрѣвая уродливости ея формаціи и значенія. Это своего рода высшій пароксизмъ умственной болѣзни, для которой нѣтъ еще названія въ лексиконѣ психической патологіи, (нельзя ли ее назвать младоуміемъ?). Этой участи не избѣгъ и вопросъ о народномъ образованіи. Лишь только онъ былъ поднятъ, или точнѣе, лишь только духовенство, безъ дальнихъ разглагольствій, открыло большія тысячи сельскихъ школъ, всѣ—призванные и непризванные, понимающіе дѣло и не имѣющіе объ немъ ровно никакого понятія—давай судить и рядить о народномъ образованіи—кто какъ умѣлъ, писать, кому что подвернулось подъ руку. Нѣкоторые изъ этихъ фантазеровъ не стѣснялись даже въ фразѣ—*народное образованіе* ([1]) первымъ ея словомъ, поставляли особнякомъ слово—ея *образованіе*, возводили его въ отвлеченное понятіе и, не задумавшись нисколько надъ рѣшеніемъ вопросовъ: кого учить, чему, для чего,—путемъ увлеченія и отрѣшенія отъ дѣйствительности, дошли до необходимости педагогическихъ курсовъ и высшаго образованія для учителей дѣтей простолюдья и, вопреки законовъ проповѣдуемой ими либеральности, не спросили даже народа, какое угодно ему образованіе и какихъ бы онъ пожелалъ имѣть учителей грамотности для дѣтей *своихъ*? Не скорѣе ли нужно допустить ту мысль, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, мудреными педагогическими пріемами, даже не можетъ быть учителемъ грамотности дѣтей простаго народа по той же причинѣ, почему артистъ модныхъ фраковъ не можетъ быть учителемъ портнаго, желающаго шить только простонародные зипуны. Очевидное дѣло, что профессоръ будетъ не по ученику, а учеба—не по мѣсту. Человѣкъ съ высокимъ обра-

---

[1]) А когда понадобился другой аргументъ, они ударили на слово народный и составили силлогизмъ, съ которымъ познакомимъ читателей ниже.

зованіемъ долженъ спуститься на много ступеней ниже, чтобы подойдти къ своему ученику, долженъ разучиться многому, чтобы быть пригоднымъ для простолюдина учителемъ, долженъ безошибочно опредѣлить уровень сознанія учениковъ и по каплѣ вливать наученіе въ узкое, такъ сказать, горлышко пониманія дѣтей, стоящихъ на невообразимо-низкой для высшаго развитія ступени пониманія. Понятно, что вполнѣ побѣдить эту трудность приспособленія своей рѣчи къ пониманію дѣтей простолюдья можетъ только тотъ, кто родился и кто живетъ между ними. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему нашъ сельскій священникъ, въ дѣлѣ народнаго образованія, незамѣнимъ никѣмъ другимъ, почему онъ одинъ можетъ приспособиться къ понятію дѣтей селянина, умѣетъ снизойти съ *высоты* своего образованія до умѣнья быть понятнымъ для людей, стоящихъ на самой низкой ступени умственнаго развитія. Вотъ, наконецъ, почему, номимо даже пользы и необходимости для народа *теократическаго* образованія, священникъ, или человѣкъ, получившій полное (или даже неполное) образованіе семинарское, есть единственный пригодный и способный учитель дѣтей простолюдья, знающій далеко больше того, что *можно* знать, но умѣющій передать лучше всякаго другаго то немногое, что *должно* знать простолюдину. Къ чему же съ такими натугами и извилинами искать Богъ вѣсть гдѣ народныхъ учителей, когда нельзя найдти лучше тѣхъ, которые больше всѣхъ любятъ, лучше всѣхъ знаютъ народъ, которые живутъ съ нимъ неразлучно, которые охотно предлагаютъ ему свои услуги и ничего даже за то отъ него, и кого бы то ни было, не требуютъ? Если все это еще неясно и неубѣдительно для нѣкоторыхъ, то съ этими нѣкоторыми не стоитъ и говорить.

Въ желаніи устранить священника отъ управленія имъ же открытою (хоть бы даже и не имъ) народно-православною школою, виднѣется или недобросовѣстное, или ни на чемъ неоснованное, желаніе. Священника нельзя устранить отъ этой обязанности какъ потому, что онъ самый ближайшій, самый нормальный приставникъ сельской школы, по своему значенію и назначенію, что это устраненіе будетъ и нелогично, и опасно, и обидно для священника; такъ и потому, что въ дѣлѣ заправленія или точнѣе направленія школы его замѣнить—некѣмъ. Мы думаемъ, не лишнимъ будетъ въ настоящемъ мѣстѣ повто-

рить кое-какія мысли изъ примѣчаній, сдѣланныхъ нами [1]) по поводу одной статьи Вѣстника, разсуждавшей о народномъ образованіи. Вотъ эти мысли: если устранить священника отъ управленія *школою при церкви*, то она рискуетъ остаться безъ всякаго управленія. А братство, а мировой посредникъ? Но главою братства (если онѣ еще составятся), какъ въ дѣлѣ заправленія нуждами прихода вообще, такъ и сельской школы въ особенности, все-таки долженъ быть священникъ, какъ президентъ сельскаго братства, общины, или какъ угодно ихъ назовите. Да и какое тутъ управленіе? То же самое, которое существуетъ и теперь, на которое никто не жалуется, и которое на дѣлѣ почти незамѣтно; потому, что оно имѣетъ характеръ болѣе семейнаго наблюденія, нежели начальственнаго, чиновничьяго управленія. Внесите въ сельскія школы этотъ послѣдній элементъ управы, и школы также быстро начнутъ закрываться, какъ быстро открывались. Не нужно только понимать администраціи въ отвлеченномъ, или по крайней мѣрѣ въ обширномъ ея значеніи, чтобы видѣть, что заправленіе сельскою школою не превышаетъ моральныхъ средствъ священника и не противорѣчитъ его значенію. Если священникъ заправляетъ всѣми моральными нуждами прихода, то ужели у него не достанетъ досуга или умѣнья заправлять дюжиною ребятишекъ (въ зимнюю пору), особенно когда это дѣло составляетъ одну изъ коренныхъ *моральныхъ нуждъ* прихода? Иное дѣло матеріальная сторона школы: въ этомъ отношеніи она можетъ и должна (и то по указанію священника) состоять на попеченіи всего общества, или братства; а пока онѣ сгруппируются—сельскаго управленія. Но въ педагогическо-нравственную часть школы общество не можетъ мѣшаться—какъ по своей многосложности, такъ и потому, что оно можетъ своею неразвитостью и разноголосицей парализовать добрыя намѣренія и благоразумную распорядительность священника. Поручить ему это дѣло, не будетъ ли тоже, что поручить глухому управленіе оркестромъ? Мировой посредникъ еще менѣе можетъ и долженъ заправлять сельскою школою. Онъ слишкомъ большой чинъ для такой маленькой управы. Если взять во вниманіе то, сколько мировыхъ

---

[1]) Вѣстникъ, кн. II, отд. IV, примѣч. Ред. на стр. 68 и примѣчаніе на стр. 69.

посредниковъ въ уѣздѣ и какъ многосложны ихъ обязанности, то нетрудно убѣдиться, что заправленіе сельскими школами составитъ для нихъ бремя не сподручное, не удобосовмѣстимое, номинальное, рѣшительно безполезное для школы. А въ западномъ краѣ Россіи, къ этимъ неудобствамъ еще прибавляется та особенность, что поручить въ этомъ краѣ мировымъ посредникамъ (католикамъ) заправленіе народными школами, значитъ бросить ихъ въ самую пасть латино-польской пропаганды. Весьма многіе опыты доказали, что эти чиновники, и безъ оффиціальнаго порученія имъ этой обязанности, своимъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ, сами, или чрезъ свое орудіе, въ видѣ сельскаго писаря, старались отвести народное образованіе въ сторону, враждебную русской вѣрѣ и народности и даже заставляли перемѣнять мірскіе приговоры со вредомъ для нормальнаго устройства школъ сельскихъ въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ.

Есть еще одинъ способъ управленія сельскими школами— это врученіе ихъ администраціи чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія; но этотъ способъ едва ли не одинъ изъ неудобнѣйшихъ. Не отвергая вполнѣ участія министерства въ образованіи народа, мы не можемъ въ этомъ дѣлѣ положиться на его исполнителей. Кромѣ того, что это управленіе заклеймило бы сельскую школу характеромъ какой-то казенщины, подчинило ее всѣмъ тягостямъ формализма, оффиціальности, поселило среди народа личность, на которую онъ смотритъ и долго еще будетъ смотрѣть, если не косо, то съ недовѣріемъ,—это управленіе неудобно еще потому, что при немъ невозможно будетъ съ безобидною для министерскаго чиновника и начальника прихода точностію, установить взаимныя ихъ другъ къ другу отношенія. Естественно предположить, что въ такой комбинаціи разнородныхъ чиновъ, или одинъ изъ нихъ будетъ находиться въ пассивномъ положеніи, или, не желая утратить своего вліянія и начальственности надъ школою и изъ роли начальника перейдти къ роли подчиненнаго, долженъ будетъ вступить въ столкновеніе съ другимъ. Если эта борьба получитъ нормальный исходъ, то приходская школа все-таки поступитъ подъ управу (какъ и должно быть) законнаго хозяина прихода и школы, и чиновникъ отодвинется на свое мѣсто—на мѣсто учителя, какъ помощника только священника по учебной части; если

же чиновникъ какъ нибудь успѣетъ оттѣснить законнаго приставника сельской школы на второе мѣсто, то въ лицѣ его будетъ унижено его значеніе въ приходѣ, будетъ указано школѣ и народу самое опасное направленіе, и дрязгамъ, личностямъ и нестроеніямъ не будетъ конца. Если же, наконецъ, предположимъ равномѣрный раздѣлъ власти, полюбовное размежеваніе начальственности надъ школой между свѣтскимъ началомъ и духовнымъ; то въ школѣ, въ которой дотолѣ не было собственно ни одного начальника, а была только семейная, духовная связь между руководителемъ и руководимыми, явятся два начальника, съ правами на двойную подчиненность школы двумъ различнымъ властямъ [1]).

[1]) Одинъ изъ нежелающихъ вручить сельскую школу направленію священника, исчерпавъ всю свою изобрѣтательность на подтвержденіе того, что не можетъ быть доказано, не побрезгалъ и аргументомъ, заимствованнымъ отъ слова: **народный**, существующаго въ титуляціи министерства народнаго просвѣщенія. Если, говоритъ онъ, министерство просвѣщенія называется народнымъ, то оно должно учить народъ и завѣдывать народными школами. Ну, а если предположимъ, что оно не должно учить, если народъ, почему бы то ни было, не хочетъ учиться у него, если оно даже не можетъ само по себѣ дать того образованія, какое необходимо для народа; то какъ же вы тогда назовете министерство просвѣщенія,—то правильно ли вы усвояете ему названіе народнаго? Не скорѣе ли нужно (если бы то оказывалось неизбѣжнымъ), пожертвовать въ титуляціи министерства просвѣщенія словомъ: **народнаго**, или замѣнить его другимъ (напр. словомъ: **русскаго**), нежели, въ угоду этому слову, натягивать сентенцію, искажать дѣло? Кто не знаетъ, что министерство **русскаго** просвѣщенія никогда доселѣ не дѣлало своею ученою задачею просвѣщенія простаго народа, хоть оно и называлось министерствомъ народнаго просвѣщенія, что только съ тѣхъ поръ, какъ духовенство открыло большія тысячи школъ,—и оно открыло не большія сотни, что это названіе было логично тогда только, когда просвѣщеніе свѣтское и духовное не составляли противорѣчащихъ просвѣщеній,

Нельзя пройдти здѣсь молчаніемъ еще одной уловки тѣхъ господъ, которымъ так сильно хочется устранить духовенство отъ народнаго образованія. Желая вытѣснить теократическое образованіе изъ народной школы, да опасаясь задѣть христіанство, какъ основу народной жизни, какъ главный предметъ привязанности и благоговѣнія нашего народа, они прикрываютъ свой атеизмъ маской какого-то своеобразнаго христіанства. Чтобъ избѣжать необходимости выписывать цѣлыя тирады въ этомъ родѣ туманныхъ фразъ и сбивчивыхъ выводовъ изъ парадоксальныхъ посылокъ, мы постараемся обобщить ихъ и перевести на ясный, русскій языкъ. «Довольно, говорятъ люди, боящіеся теократическаго образованія народа, для церкви (духо-

---

состояли подъ администраціей одной личности. Кто не видитъ, что, для сообщенія русскому образованію истинно-просвѣтительнаго начала, единственное средство—дружный союзъ науки съ религіей, знанія съ добродѣтелью, фундованіе нашего просвѣщенія на началахъ русской вѣры и народности, равносильное отношеніе къ нему всѣхъ друзей ихъ, безъ различія званій. Когда послѣдуетъ эта коалиція добра съ истиной, когда разумъ человѣческій опрется на умъ Божій, тогда вмѣсто свѣтскаго и духовнаго образованія будетъ одно доброе, русское, православное образованіе, и тогда, кому бы вы ни поручили народное образованіе, разницы никакой въ образованіи не будетъ, ненормальность его будетъ немыслима, тогда духовенство безъ опасеній можетъ отказаться отъ исключительнаго участія въ народномъ образованіи.

Пріятно намъ замѣтить въ настоящемъ мѣстѣ, что виленскій учебный округъ вполнѣ постигъ секретъ этой комбинаціи и благотворность этого единаго образованія. Даже въ школахъ **имъ открытыхъ**, онъ ввѣрилъ по преимуществу народное развитіе духовенству, а немногихъ, присланныхъ округомъ учителей поставилъ въ нормальное отношеніе къ настоятелю школы и прихода. Въ этомъ можно убѣдиться яснѣй изъ напечатанныхъ въ этой книжкѣ Вѣстника: „Краткаго отчета о состояніи народныхъ школъ въ виленскомъ учебномъ округѣ и инструкціи народнымъ учителямъ.“

венства тожъ), что изъ ея рукъ человѣкъ поступаетъ въ общество, сподобится одного-другаго таинства (Евхаристія обойдена), проведется ею въ могилу, пусть же школа управляетъ хоть годами младенчества, не исключая впрочемъ соучастія церкви» (только лишь пусть церковь не вводитъ въ школу теократическаго образованія??). Еще проще: «пусть только церковь не мѣшается въ образованіе народное, а по выходѣ изъ школы пусть дѣлаетъ съ человѣкомъ, что угодно, учитъ его, какъ знаетъ.» Еще проще: «пусть дитя пройдетъ пору развитія душевнаго, накопленія знаній, составленія взглядовъ, установленія привычекъ, привязанностей—внѣ опеки теократизма, а тамъ уже, въ теченіи цѣлой жизни, *человѣкъ-гражданинъ* пусть *идетъ рука объ руку съ церковью*. Мы только (еще проще)—немножко испортимъ, крошечку зачумимъ, чуточку зарѣжемъ какого нибудь *младенца*, а церковь пусть уже себѣ творитъ чудеса съ человѣкомъ-гражданиномъ, обращаетъ демона въ ангела, калеку въ здороваго, мертвеца въ живаго.» Ну, а если чудо не совершится (а оно никогда не совершится, когда надъ нимъ кощунствуютъ), что тогда? Тогда мы будемъ вкушать слишкомъ ядовитые плоды народнаго воспитанія, которые уже отчасти предвкушаемъ; тогда крупные и мелкіе Герцены появятся сперва сотнями, потомъ тысячами, наконецъ мильонами; *братъ востанетъ на брата, чада на родителей*, страсти разорвутъ всѣ связи отношеній, поглумятся надъ всѣмъ святымъ, честнымъ и законнымъ, потекутъ рѣки крови, ночь обратится въ день отъ зарева пожаровъ. Дай Богъ, чтобы мы никогда не дожили до этой страшной минуты; а мы ускоримъ ее, если построимъ наше образованіе на началахъ не теократическихъ, если не рѣшимъ какъ можно скорѣе вопроса о народномъ (и какомъ угодно) образованіи въ пользу начала нравственно-религіознаго [1]).

Теперь представимъ себѣ народное образованіе, построенное на началахъ не теократическихъ и поищемъ руководителей для народныхъ школъ внѣ духовенства. Оставимъ въ сторонѣ

[1]) Совѣтуемъ здѣсь читателю обратить вниманіе (въ 7-й кн. Вѣстника, отд. II, на стр. 46) на то мѣсто статьи г. В-скаго, въ которомъ онъ обстоятельно разбираетъ эту мысль; также прочитать въ февр. книжкѣ Жур. минист. народ. просв. статью Бѣлюстина: „Религія въ дѣлѣ воспитанія и образованія,“ стр. 238—305.

невозможность найдти для этихъ школъ хоть тысячу надежныхъ руководителей, когда ихъ нужно около 50,000, и посмотримъ на вопросъ со стороны качества, а не количества наставниковъ народныхъ, какихъ можетъ приставить къ сельской школѣ современное намъ общество, внѣ духовенства, а тѣмъ болѣе внѣ религіознаго настроенія народнаго образованія. Мы уже сказали и доказали, что это настроеніе въ этомъ образованіи есть *единое на потребу*, что безъ этого настроенія народъ будетъ помрачаемъ, а не просвѣщаемъ, убиваемъ, а не оживляемъ и развиваемъ; теперь спрашивается: можетъ ли современное намъ направленіе ума и сердца молодой россіи удовлетворить этой народной *потребѣ*, захочетъ ли эта россія поддержать и усилить то направленіе образованія, которое условливаетъ счастіе и жизнь народа, и безъ котораго неизбѣжно разрушеніе и смерть. Ахъ, какъ бы намъ хотѣлось имѣть хотя слабую точку опоры для заявленія положительнаго на этотъ вопросъ отвѣта! Но увы, мы можемъ только желать этого и сѣтовать на безплодность нашего желанія! Вчитаетесь ли, вслушаетесь ли вы въ теоріи нашего молодаго поколѣнія, вглядитесь ли въ явленія жизни дѣйствительной,—вы, къ ужасу своему, будете поражены страшнымъ накопленіемъ элементовъ отрицанія въ умѣ и сердцѣ, отвратительнымъ цинизмомъ и разстройствомъ въ дѣлѣ и жизни. Повсюду замѣтна какая то непостижимая ненависть ко всему, что истинно, честно и законно, что составляетъ гарантію общественнаго покоя и благополучія, что налагаетъ на страсти самую мягкую узду нравственную или физическую; повсюду виднѣется какое-то судорожное, слѣпое, безсмысленное, даже безчувственное влеченіе къ ломкѣ, разрушенію, безъ плана и надежды на созиданіе. Животный произволъ, животный даже разсудокъ, сдѣлались законодателями и двигателями мысли и желанія, чувства и дѣла огромной массы современной намъ молодежи. Мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ много недѣлимыхъ, явившихъ настолько силы душевной, чтобы не втянуться въ водоворотъ нигилизма, чтобъ избѣжать крушенія ума и сердца, остаться вѣрными добру и истинѣ, чести и долгу. Но за то, какое огромное большинство нигилистовъ оскверняетъ и нашу жизнь и литературу, какая огромная шайка пропагандистовъ отрицанія, разнузданности и нестроенія шныряетъ среди нашего общества—и чѣмъ мо-

жетъ, и какъ можетъ, и гдѣ есть случай и удобство, навязываетъ ему свои грязныя и уродливыя воззрѣнія, свои разрушительныя и скотскія тенденціи! И этимъ ли проповѣдникамъ зла и лжи, цевѣрія и нечестія ввѣримъ мы нравственную жизнь,—образованіе ума и сердца нашего народа! Не поручить ли это великое и святое дѣло людямъ, которые пишутъ критики на слова Спасителя, кажущіеся странными только для *обьюродпвшихъ мудрецовъ вѣка сего*, которые кощунствуютъ надъ обрядомъ посвященія православныхъ архіереевъ и другими, глумятся надъ вѣрованіями и постановленіями православной Церкви, которые въ такой дали стоятъ отъ нашей церкви, что пишутъ какъ о чемъ то новомъ, «что въ нашей церкви (положимъ хоть Софійской-новгородской) всѣ обряды остались прежніе?» Не вручить ли воспитаніе народа людямъ, которые утверждаютъ безусловно, что «авторитетъ—нелѣпость, что нѣтъ истины, которая завтра не могла бы быть ложью, что идея добра—идея условная, принятая, подвижная, что матеріализмъ есть лучшая теорія для мысли и дѣла, есть пробный оселокъ нормальности истины и добродѣтели, которые, въ опъяненіи разгула страстей, кричатъ печатно: давайте веселиться, тратить деньги и предаваться всѣмъ мирскимъ наслажденіямъ.» Не приставить ли къ народу руководителями тѣхъ, которые считаютъ «самоотреченіе и идолопоклонство признакомъ неразвитости,» сопоставляютъ «постное масло съ страхомъ Божіимъ», сочиняютъ личность, которая бы «содержала посты, кушала грибы и торговала дочерьми», а всякій благородный порывъ ума либо сердца, всякое христіанское вѣрованіе—либо чувство, называютъ рутиною, отсталостью, фанатизмомъ, обскурантизмомъ, ретроградностью и мало ли еще какъ, которые совѣтуютъ «забыть *Любовь*, предавшись *Вѣрѣ* и *Надеждѣ*,» которые думаютъ, что «молодыхъ людей больше всего губитъ сильная и страстная *Любовь*, слабая, больная *Вѣра* и безразсудная и неотступная *Надежда*?» Не поручить ли образованіе нашего честнаго, добраго, христолюбиваго народа тѣмъ, которые восторгаются до паѳоса «лучезарною звѣздою въ закоснѣломъ разврате, не скупившеюся грѣшнымъ тѣломъ никогда, предложившею саму себя пищему вмѣсто хлѣба и осмѣлившуюся богохульствовать, что ей будетъ прощено мною, за то, что она много возлюбила» (?),—которые позволили себѣ освящать развратъ

снисхожденіемъ къ евангельской блудницѣ Спасителя, защитившаго ее отъ побіенія (только) камнями,—которые, по поводу матеріальной благодарности крестьянъ помѣщику за подаренную имъ землю, позволили себѣ сказать, что «эта благодарность, не подготовленная извнѣ, имѣетъ гораздо болѣе глубокій смыслъ, нежели благодарственныя молебствія и поднесенія иконъ, которыя несогласны съ духомъ русскаго народа (хоть не клевещите на народъ. коли его не знаете!) и отзываются какою то напускною маниловщиною?» Не ввѣрить ли моральное развитіе народа тѣмъ, которые думаютъ, что его «душитъ грубѣйшее суевѣріе (нужно понимать вѣру), тогда какъ они (передовые) выдѣляются изъ массы и распоряжаются по своему, какъ имъ выгоднѣе, удобнѣй и пріятнѣе,—выдѣляются отъ нея поступками, привычками, всѣмъ образомъ жизни и не стѣсняютъ ее въ угоду принятымъ обычаямъ и церемоніаламъ,»—которые «при содѣйствіи естественныхъ наукъ, выбили изъ своей головы всякіе предразсудки, сдѣлали задачею нашего времени увеличеніе силы и количества наслажденій, подвели подъ одинъ уровень правило: не наслаждайся природою—съ правиломъ: умерщвляй свою плоть,»—которые всѣхъ держащихся этого послѣдняго правила, называютъ «не солью земли, а людьми ограниченными и односторонними, наивно обожающими типъ, къ которому они себя причисляютъ (Христу), отдающимися въ полное распоряженіе какой бы то ни было господствующей теоріи (христіанства),—людьми узкими, безсильными, часто вредными» (христіанами)? Не поручить ли нравственное воспитаніе народа людямъ, которые досадуютъ, что «наши женщины слишкомъ осторожны, что имъ не нужно бояться общественнаго мнѣнія, а давать полную свободу своимъ влеченіямъ и бросаться на шею любимому мущинѣ, не связывая его предварительно крѣпкимъ обѣщаніемъ предъ лицемъ общества и церкви?» Не приставить ли къ народнымъ школамъ тѣхъ педагоговъ, которые публично глумились надъ воплощеніемъ Сына Божія и другими невѣдомыми человѣку тайнами домостроительства Отца, которые кощунствуютъ надъ таинствами христіанскими, пародируютъ пророчества о лицѣ Іисуса Христа и другія живоносныя слова Откровенія [1]), издѣваются надъ постомъ

---

[1]) Всѣ данныя, всѣ явленія и сентенціи, на которыя сдѣланъ здѣсь намекъ, заимствованы нами изъ современной литера-

и молитвою, цѣломудріемъ, усиливаются подорвать семейныя и гражданскія отношенія, совѣтуютъ въ сельской школѣ провѣрить нетлѣніе мощей процессомъ жженія, запрещаютъ чтеніе молитвы за царя, за людей, которые публично проповѣдывали рѣзню и пожаръ, противленіе власти и крайнюю разнузданность? Не приставить ли къ народнымъ школамъ тѣхъ руководителей, которые полтора года учили дѣтей нашего простолюдья безъ закона Божія, безъ русской грамотности, и за которыхъ, къ безчестію нашей литературы, вступились нѣкоторые органы, нѣкоторые писаки,—тѣхъ буршей, которые такъ неудачно пересажены на нашу почву, такіе горькіе принесли плоды,—которые во всякой безурядицѣ, физическомъ насиліи (во имя свободы), крамолѣ, затѣѣ, глумленіи надъ законами божескими и человѣческими, стояли всегда на первомъ планѣ, являлись передовыми въ буквальномъ смыслѣ этого слова—и большинство которыхъ само утратило охоту и способность учиться, тѣмъ болѣе учить (особенно дѣтей простаго народа), чему нужно и какъ слѣдуетъ? Но отвратимъ наши очи, полные слезъ, отъ этой страшной картины растлѣнія,—тѣмъ болѣе, что она неизобразима. Кто можетъ измѣрить глубину той бездны отрицанія, надъ крутою покатостію которой стоитъ такая сплошная масса нашего молодаго поколѣнія, и отъ паденія въ которую можетъ удержать ее только рука Всемогущаго! [1]). Кто можетъ исчислить

туры и наблюденій, подмѣченныхъ въ жизни дѣйствительной. Не называемъ же мы по имени ни лицъ, ни мѣстъ, ни сочиненій, частію изъ состраданія къ заблуждающимъ собратіямъ, частію изъ убѣжденія, что секретная исповѣдь больше представляетъ шансовъ для откровенности, самоиспытанія и принесенія плодовъ, достойныхъ покаянія.

[1]) Въ числѣ мѣръ человѣческихъ къ сокращенію напора нравственнаго зла, проникающаго въ душу людей грамотныхъ путемъ печати, самая вопіющая и неотложная—**цензура духовная предупредительная** всѣхъ сочиненій, вообще и даже частностями, касающихся религіи и нравственности, и цензура карательная для тѣхъ, которые уклонятся отъ первой. Опытъ показалъ, что наша

весь развратъ, все нечестіе слова и дѣла, которыми оскверняется и наша письменность и жизнь, кто обрисуетъ всѣ тѣ частныя, поминутныя столкновенія буйства съ порядкомъ, своеволія съ закономъ, животнаго произвола съ свободой человѣка-христіанина, невѣрія и неразумія съ разумомъ Божіимъ и здравымъ смысломъ человѣческимъ, лжи и софизма съ истиной, въ которыхъ проявляется своевременная намъ борьба злаго начала съ добрымъ!... И между тѣмъ эта битва объявлена во имя какой то свободы, отрицаніе бьется съ ожесточеніемъ подъ предлогомъ какого-то развитія, на знамени бойцовъ нигилизма красуется—ни то огненными, ни то кровавыми буквами—начертанный девизъ какой-то *цивилизаціи!*..... Но развѣ цѣпи страстей, которыми спеленаны эти бойцы и которыми хотятъ оковать они своихъ плѣнниковъ,—свобода? Развѣ отрицаніе, нигилизмъ можетъ повести къ положенію—истинѣ? Развѣ всевозможное несчастіе—и нравственное и физическое—есть нормальный результатъ цивилизаціи? Да защитить всѣхъ насъ Господь Богъ отъ подобной свободы, развитія, цивилизаціи! Мы ничего въ нихъ не видимъ, кромѣ неволи, безумія, ничего отъ нихъ не предвидимъ, кромѣ злополучія,—самаго тяжкаго, невыразимаго злополучія. Не слишкомъ ли мы смѣло выразились, назвавъ нигилизмъ *безуміемъ?* Быть можетъ и смѣло, за то точно. Чтобъ отрицать, чтобы не вѣрить, для этого нужно только имѣть довольно упрямства и какъ можно меньше ума и даже здраваго смысла, и въ результатѣ всегда выйдетъ невѣжество. Предположите, что капризное дитя не хочетъ вѣрить, что это *а*, это *бе*, что эта вещь, это животное называется такъ, а неиначе, что это хорошо, а это худо, что объ извѣстномъ явленіи нужно имѣть такое, а не другое понятіе,—и до тѣхъ поръ, пока оно будетъ послушно своему упрямству, пока будетъ отвергать руководящее начало авторитетовъ, оно остается при одномъ отрицаніи, сумма его знаній будетъ вѣчно$=0$. Нѣтъ ничего легче и проще, какъ говорить *нѣтъ*, не

свобода слова пошла по дорогѣ своеволія. А между тѣмъ для этой свободы виднѣется широкое поле, внѣ предметовъ Божіей религіи и христіанской нравственности, или точнѣе, внѣ глумленія надъ первою и попранія послѣдней.

дѣлать того, что нужно и законно. Отъ того отрицать истину, не дѣлать добра, не вѣрить ни людямъ, ни Богу—подвигъ столь же нетрудный (только лишь нѣсколько худшій), какъ напр.: не ходить въ департаментъ, въ аудиторію, въ церковь. Отъ того и животное способно отрицать, можетъ не вѣрить (впрочемъ и оно на половину вѣритъ и утверждаетъ), и нигилистъ отрицаетъ, не вѣритъ потому только, что не знаетъ и азбуки тѣхъ предметовъ, которые отрицаетъ и познаніе которыхъ мыслимо только подъ условіемъ серьезнаго къ нимъ вниманія и продолжительнаго изученія; отъ того онъ и тяготится незамѣтною для людей добрыхъ уздою закона, что ему хочется «махнуть», какъ говорятъ простолюдины,» по всѣмъ по тремъ,» кутнуть до возможной крайности, пожить, то есть жизнію животнаго. Не такъ легко достигается истина ума и доброта сердца, послушаніе воли и нормальность жизни! Отъ того то онѣ такъ и противны нигилисту. Этого мало. Убаюкиваемые своимъ невѣжествомъ, подстрекаемые сроднымъ ему самомнѣніемъ и самообожаніемъ, нигилисты, съ неестественною натугою всѣхъ силъ, возвѣщаютъ свое ученіе, какъ нѣчто новое, воображаютъ, что они сами идутъ и ведутъ другихъ впередъ,— по пути прогресса, а того и не замѣчаютъ въ лѣнивомъ самообольщеніи, что шествіе ихъ—обратно, что всякій разъ, какъ только они возмечтаютъ, что сдѣлали шагъ впередъ, они ровно на десять попятились назадъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ отодвинулись къ эпохѣ энциклопедистовъ прошлаго столѣтія, а иные—къ временамъ Экклезіаста. Не вѣрите? Оглянитесь назадъ, и вы увидите, что мудрѣйшій изъ царей рисовалъ портреты нигилистовъ съ вашихъ физіономій, и вы очутитесь въ объятіяхъ фернейскаго атеиста! Не стыдно ли, господа, такъ мало дорожить своею репутаціей! Ужели вы не замѣчаете, что мода на атеизмъ, нигилизмъ—слишкомъ отстала, что изъ васъ вышли даже плохія обезьяны, что если вы, въ дѣлѣ фраковъ и перчатокъ копируете сегоднишнихъ франтовъ и джентльменовъ Парижа и Лондона, то отъ чего въ дѣлѣ убѣжденій почти цѣлымъ вѣкомъ отстали отъ первыхъ, особенно послѣднихъ, то отъ чего не позаимствуетесь у нихъ чѣмъ либо посущественнѣе, неизносимѣе, современнѣе? Русскій, въ 1863 году, въ костюмѣ атеиста французскаго 70 годовъ прошлаго столѣтія! Да это даже не анахронизмъ,—это срамъ для нашей православной

физіономіи, это безчестіе для цѣлой Россіи! Сбросьте же— и сбросьте немедленно этотъ отсталый, этотъ безобразный, источенный молью и червями костюмъ, особенно не рекомендуйте его нашему народу: иначе вы дорого поплатитесь за вашу проповѣдь, и даже прежде, чѣмъ вы его развратите,—потому прежде, что народъ русскій—не французскій, духовенство православное—не католическое... Поняли вы насъ?...

Предполагая, что главнѣйшія вѣтви нашего предмета не упущены изъ виду въ настоящемъ размышленіи, что соприкосновенные народному образованію частные вопросы рѣшены нами въ пользу истины,—мы могли бы здѣсь остановиться, еслибы финалъ статьи нашей не былъ отсроченъ необходимостью рѣшить одинъ нашъ мѣстный вопросъ, вопреки всякому ожиданію людей логичныхъ, ставшій на очереди, поддерживаемый упрямствомъ и увлеченіемъ немногихъ мечтательныхъ головъ, восторгающихся мыльнымъ пузыремъ, строящихъ силлогизмы безъ посылокъ. Вопросъ этотъ: не лучше ли обучать народъ грамотности на мѣстномъ нарѣчіи? Этотъ вопросъ могъ бы быть поднятъ въ любой изъ областей русскихъ, обитатели которыхъ говорятъ особымъ, болѣе или менѣе порченнымъ, русскимъ нарѣчіемъ; но онъ почему то возникъ въ Малороссіи и съ особенною настойчивостью требуетъ въ пользу ея нарѣчія исключительной привилегіи, довольно произвольной по отношенію къ нему самому и довольно обидной для другихъ нарѣчій. Неосновательность этого притязанія на столько уяснена однимъ изъ достойнѣйшихъ сотрудниковъ Вѣстника [1]), что мы могли бы считать вопросъ рѣшеннымъ окончательно, еслибы г. Воронинъ вѣрный своему намѣренію—указать неосновательность обособленія малорусскаго нарѣчія вообще, не оставилъ намъ возможности посмотрѣть на это нарѣчіе со стороны его самаго и примѣнимости его къ педагогическимъ пріемамъ образованія народнаго—въ частности. Смотря на предметъ съ этой особой точки зрѣнія, мы сознаемъ необходимость, для болѣе обстоятельнаго обозрѣнія его, сдѣлать изъ одного общаго—два частныхъ вопроса: что такое малорусское нарѣчіе само въ себѣ, и какую

---

[1]) А. Воронинымъ. Вѣстн. кн. 7, отд. IV, статья: „Мѣстные вопросы“, стран. 59—72.

оно можетъ оказать услугу при образованіи малорусскаго, простаго народа?

1. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ прежнею письменностію южно-русскаго народа, тотъ, конечно, знаетъ, что въ историческихъ документахъ этого народа нѣтъ ровно ни одного, который былъ бы писанъ языкомъ хоть близкимъ къ просторѣчью настоящаго малоросса. Всѣ универсалы, всѣ трактаты, договоры, всѣ юридическія и дипломатическія бумаги, даже всѣ частныя письма и оффиціальныя донесенія, воззванія къ простому народу людей, вышедшихъ изъ среды его,—писаны или по польски, по латыни (если дѣло было съ поляками), или по русски (если сношеніе было съ своими). Даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ историческій документъ влагаетъ слово въ уста простаго народа, это слово звучитъ совсѣмъ иначе, нежели современное намъ южно-русское просторѣчье. Смотря потому, къ какой эпохѣ относится это слово, въ немъ постепенно становятся замѣтнѣе идіотизмы говора сосѣдей, болѣе или менѣе вліявшихъ на жизнь южно-русца. До преобладанія Литвы надъ южною Россіею, языкъ ея былъ древле-русскій, съ замѣтнымъ славянскимъ акцентомъ. Подъ властію князей литовскихъ, языкъ народа и языкъ письменности сильно подчинился вліянію древнѣйшаго русскаго говора,—языка бѣлорусскаго. Этотъ языкъ дипломатіи, законодательства, тогдашней науки, обихода домашняго, церковнаго и гражданскаго,—укоренился такъ глубоко, развился такъ широко, что не только не былъ подавленъ усиліями польской пропаганды, но даже раскинулъ свои корни на сѣверъ Россіи и немалую долю участія принималъ въ образованіи настоящаго литературнаго языка нашего. Такой живучестью и вѣтвистостью языкъ этотъ обязанъ былъ и тому обстоятельству, что его приняла подъ свою защиту древняя кіевская академія—единственное учебное заведеніе русское, даровавшее Россіи великихъ мужей на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Отъ того даже латино-польская пропаганда никогда не могла вытѣснить русскаго языка ни изъ школы и письменности, ни изъ администраціи и дипломаціи. Не смотря на закрытіе всѣхъ школъ русскихъ-православныхъ, кромѣ одной (кіевской), не смотря на самое варварское преслѣдованіе русскаго слова въ судопроизводствѣ, печати и жизни, эта пропаганда могла нѣсколько испортить только на-

родную рѣчь русскую и обратить языкъ русскій въ польско-русское нарѣчіе. Но и этотъ геростратовскій подвигъ пропаганда могла исполнить только послѣ вѣковой борьбы, въ концѣ 17-го или точнѣе—въ началѣ 18-го столѣтія, и то лишь на половину, потому что она никогда не могла (какъ замѣчено выше) жаргона, выработавшагося въ устахъ угнетеннаго народа, сдѣлать обязательнымъ для проявленія внутренней и внѣшней *гражданской* жизни общества. Съ тѣхъ поръ произошли различные метаморфозы съ мало-русскимъ народомъ, онъ освобожденъ изъ подъ ига польскаго, потомъ вырванъ изъ подъ гнета панскаго, а жаргонъ, какъ результатъ религіозно-политической уніи, какъ клеймо каторжника, какъ рубцы отъ цѣпей узника, остался въ его говорѣ и доселѣ.

Изъ этой краткой исторіи просторѣчья малороссовъ наглядно видно, что оно никогда не было языкомъ, что оно составилось на счетъ нечистоты русскаго языка, на счетъ соллецизмовъ разныхъ нарѣчій русскихъ, а особенно барбаризмовъ, уцѣлѣвшихъ отъ языка славянскаго, древняго говора бѣлорусскаго и наиболѣе приросшихъ отъ языка польскаго [1]). Такая

---

[1]) Въ говорѣ великоруссовъ больше всѣхъ другихъ вѣтвей русской рѣчи сбережено первичныхъ элементовъ говора русскаго; онъ меньше всѣхъ другихъ пострадалъ отъ внѣшнихъ вліяній. Это подтверждается какъ всѣми древнѣйшими памятниками нашей письменности, такъ и тѣмъ, что внѣшнихъ причинъ къ метаморфозу русской рѣчи не существовало. Татаринъ никому не навязываетъ ни своей вѣры, ни (особенно) языка, а другихъ причинъ къ испорченности русскаго языка, кромѣ ига татарскаго, у Россіи не было (см. Вѣстникъ, кн. 3, отд. 3, стр. 81—82). Языкъ древле-бѣлорусскій былъ самымъ близкимъ (почти однимъ и тѣмъ же) къ языку русскому. Но съ половины XVI вѣка и этотъ языкъ замѣтно подвергся вліянію латино-польской религіозно-политической пропаганды. Въ него вторглись не только слова и обороты изъ рѣчи польской, но и самый акцентъ его и видоизмѣненія грамматическія значительно обособились отъ говора русскаго. Съ этой эпохи въ него вкрались звуки польскіе dz, ć и двоегласное ó (малорусское

смѣсь недостатковъ, при полномъ отсутствіи хотя бы то одного совершенства, при совершенной случайности, хаотичности формаціи и грубости звуковъ малорусскаго нарѣчія, была при-

---

і), которое можетъ произнесть только бѣлоруссъ и которое можетъ быть выражено только двумя гласными **уо**. Если только настоящее нарѣчіе бѣлорусское разоблачить отъ этой польской драпировки, да выбросить съ полсотни словъ польскихъ, оно весьма удобно преобразится въ рѣчь русскую. **Муôй ацецъ**, при помощи сейчасъ указаннаго способа, легко превратится въ: мой, о (произносится за а) тецъ и т. п. Не такъ легко принимаетъ славянскую формацію исковерканное мій батько. Вообще малорусское нарѣчіе брало у перваго встрѣчнаго безъ размышленія, что подвернулось подъ руку. Едва ли не цѣлая $1/4$ его лексикона измѣнила русскому. Грамматическая формація словъ его и оборотовъ—рѣшительно неуловима. Пока иное слово перейдетъ видоизмѣненія грамматическія, оно перебываетъ во всѣхъ славянорусскихъ грамматикахъ. **Бачу**—польское **baczę** (бѣлорусское виджу), съ русскимъ только окончаніемъ, въ прошедшемъ уже **бачивъ** (во многихъ мѣстахъ **бачивемъ—baczyłem**), въ будущемъ **зобачу—zobaczę, побачу**, въ множеств. **зобачімо (zobaczémy)**, въ неоконч. уже принимаетъ, вопреки русскому окончанію въ настоящемъ, польской формаціи въ будущемъ и часто прошедшемъ—окончаніе славянское—**бачиты** (бѣлорусское **видзѣць**), и т. п. Въ склоненіяхъ—таже прихотливость и непостоянство. Звательный падежъ имѣетъ окончаніе то славянское на **че**, то Богъ вѣсть какое, на **у**. Дательный падежъ то имѣетъ законченность славянскаго, на **ови** (бать**кови**, дядь**кови** и друг.), то русскаго на **у** и подобные капризы. Во многихъ фразахъ виднѣется остатокъ и двойственнаго числа. Но ничто такъ неогрубило малорусскаго нарѣчія, какъ его пронопсъ. Замѣнивъ вездѣ почти **и ь и и** (не только въ неокончательныхъ наклоненіяхъ, но и существительныхъ, напр. **маты** и др.) **на ы**, а **ѣ** на **і**, оно переполнило говоръ малоруссца такими дебелыми, грубыми и неуклюжими звуками, тяжеле которыхъ сочинить что либо трудно. Правда, начиная съ Шевченка (включи-

чиною того, что даже такіе популярные народные писатели, каковъ Сковорода и др., даже въ бесѣдахъ и обращеніяхъ къ простонародью, никогда не пользовались этимъ нарѣчіемъ, даже какъ средствомъ вспомогательнымъ къ передачѣ своихъ мыслей, желаній и наблюденій. Только въ началѣ настоящаго столѣтія явился предъ читающимъ міромъ Котляревскій съ своею шуткою, извѣстною подъ именемъ «перелыцюванной Енеиды,» да потомъ Артемовскій съ нѣсколькими комическими же оперетками-водевилями, не хитрые сюжеты которыхъ заимствованы изъ быта простонароднаго, въ сферѣ котораго нарѣчіе малорусское было своимъ и оказывалось достаточнымъ для предположеннаго поэтомъ обихода,—для возбужденія улыбки, или хохота зрителей или слушателей. За ними потянулась—не длинная впрочемъ—вереница болѣй или менѣе неудачныхъ подражателей, хоторые не поняли ни характера нарѣчья, ни самыхъ образцовъ и которые возмечтали, что изъ самаго бѣднаго и неуклюжаго говора народнаго можно сдѣлать что либо, кромѣ шутки, можно возбудить, положимъ, чувство грусти объ утраченномъ (воображаемомъ) благополучіи. Въ главѣ ихъ сталъ Т. Шевченко, возведенный своими людьми до величія міроваго поэта и, быть можетъ, не напрасно бы носившій это имя при лучшей участи и болѣе благородномъ проводникѣ его поэтическихъ настроеній. Но Гоголь, истый сынъ Украйны, не поддался эфемерному увлеченію нѣкоторыхъ земляковъ своихъ. Его критическій тактъ сказалъ ему, что изъ ничего ничего не бываетъ, что просторѣчье его родины не можетъ двинуться, *безъ*

тельно), всѣ писавшіе на малороссійскомъ нарѣчіи, изгнали изъ письма ы и замѣнили его и, а и замѣстили і; но это qui pro quo не сдѣлало каприза законнѣе, а говора малорусскаго мягче. Все-таки въ этомъ говорѣ ы осталось съ такимъ грубымъ звукомъ, какого не услышите ни въ какомъ говорѣ (напр. заблудылы, бачылы и безч. др.), такъ что если только въ славянской азбукѣ звукъ ы нелишній (а конечно необходимый), то въ говорѣ малорусскомъ его нужно еще помножить самаго на себя, то въ и писанномъ никто не можетъ и заподозрить ы произносимаго. Так. об. новѣйшее правописаніе малорусское изгоняетъ и ы, и, замѣнивъ его буквою и, а и буквою і, изгоняетъ и эти послѣднія изъ своей азбуки, или возлагаетъ на нихъ исполненіе несродной имъ обязанности. Капризъ самый произвольный и неосновательный.

утраты своего бытія, далѣе той точки, на которой поставили его Котляревскій и Артемовскій,—далѣе той цѣли, для которой употребили они говоръ простонародный въ печати. Но примѣръ великаго писателя не вразумилъ выродившихся, такъ сказать, изъ праха Шевченка молодыхъ мечтателей, услаждающихся дымомъ отчизны и выбивающихся изъ силъ, чтобъ обособить малорусское просторѣчье, возвести его до самобытности языка, создать на немъ отдѣльную литературу [1]). Мечта и мечта!

Стоитъ ли тратить свои усилія на этотъ неблагодарный трудъ,—должно ли, можно ли выработать изъ малорусскаго просторѣчья—самаго въ себѣ—языкъ достаточный для созданія литературы, отдѣльной отъ русской? это просторѣчье могло составлять говоръ малорусскаго народа въ эпоху только переходнаго его состоянія отъ давленія Польши къ возврату въ объятія родной сѣверо-восточной Россіи,—отъ уклоненія ручья въ сторону, до слитія его съ рѣкою. Но когда одна сестра, увлеченная на чужбину обстоятельствами, возвратилась въ семью родную, когда ручей необыкновеннымъ разлитіемъ отведенный отъ родной рѣки, снова смѣшалъ воды свои съ ея водами,—ужели сестра должна жить особнякомъ среди семьи родной, или передѣлывать ее сообразно принятымъ ею—чуждымъ привычкамъ,—ужели ручей можетъ катить свои волны отдѣльно отъ рѣки, не смѣшиваясь съ ея волнами? Желаніе капризное, явленіе несбыточное! И малорусское просторѣчье, какъ явленіе временное, случайное, какъ говоръ, сложившійся для выраженія бѣдной жизни народа русскаго подъ вліяніемъ польскимъ, есть явленіе для насъ понятное, почти безразличное въ устахъ запорожца временъ Мазепы; но отстаивать, тѣмъ болѣе обособлять, это нарѣчіе теперь, послѣ вѣковой почти, нераздѣльной жизни разныхъ членовъ семьи русской,—не будетъ ли явленіемъ возможнымъ только подъ условіемъ малорусскаго упрямства, громадности пространствъ, на которыхъ раскинуты осѣдлища разныхъ руссовъ, пристрастія къ тому невѣжеству, при которомъ достаточно и самаго бѣднаго, самаго грубаго нарѣчія для житейскаго обихода,—не будетъ ли значить—окаменять это нарѣчіе,

[1]) Эти господа написали нѣсколько стишковъ, нѣсколько разсказовъ, нѣсколько параболъ (въ Основѣ), и вдругъ возмечтали, что также легко создать литературу, примѣнить къ наукѣ бѣднѣйшее, испорченнѣйшее нарѣчіе, какъ состряпать тѣ мелочи, въ которыхъ они только испортили порченное.

увѣковѣчить въ немъ ржавчину, въѣвшуюся въ кости русскія отъ цѣпей чуждаго рабства,—и все это для того, чтобы современемъ члены одной семьи русской не могли понять другъ друга безъ переводчика? Да сохранитъ насъ русское единство, единодушное стремленіе къ общему счастію отъ подобныхъ монументовъ и недоразумѣній! Если вѣра православная отсѣкла наросты, прилипшіе къ ея убѣжденіямъ и обрядности отъ уніи, то и языкъ русскій долженъ сдѣлать тоже,—долженъ очиститься отъ ржавчины того же происхожденія, успѣвшей превратить его въ порченое нарѣчіе, на столько было подошедшее къ слитію съ говоромъ польскимъ, на сколько подошла въ половинѣ прошлаго столѣтія унія къ слитію съ католичествомъ.

Но мало того, что малорусское нарѣчіе не стоитъ обособленія ни по своему характеру, ни по воспоминаніямъ съ нимъ соединеннымъ и происхожденію,—изъ него даже невозможно сдѣлать языка, создать литературу, какъ по русской пословицѣ, «нельзя сдѣлать кожи изъ рогожи». Не имѣя ни нужды, ни возможности выходить изъ сферы самаго узкаго, житейскаго обихода, самаго неразвитаго, забитаго и захлопотаннаго народа,—просторѣчье малорусское поражаетъ вниманіе филолога безпримѣрною бѣдностію, нелогичностью, своеобразіемъ и неграмотностью младенческаго лепета. Не смотря на свою формацію изъ трехъ языковъ и такого нарѣчія, которое было нѣкогда языкомъ,—оно (за исключеніемъ терминологіи) едва ли не воспользовалось одними ихъ недостатками, не съумѣвъ усвоить себѣ ихъ богатства, легкости и благополучія. Для выраженія большей половины отвлеченныхъ понятій, для построенія всѣхъ теорій апріорныхъ, для передачи всѣхъ понятій научныхъ, у него рѣшительно нѣтъ ни пріемовъ, ни терминологіи, ни даже грамматики. Бралось, что попало, кѣмъ попало, откуда попало, лишь бы слушающій понималъ какъ нибудь говорящаго. Чтобы создать изъ подобнаго нарѣчья языкъ, а особенно литературу, нужно сдѣлать тоже, что долженъ былъ бы сдѣлать человѣкъ, у котораго нѣтъ и гроша, а ему хочется имѣть мильонъ,—то есть, украсть его или одолжить. Чтобъ и просторѣчье малорусское сдѣлать органомъ, достаточнымъ для передачи всѣхъ вѣтвей мысли, всѣхъ оттѣнковъ чувства, всѣхъ выводовъ, изобрѣтеній и наблюденій науки, создать—то есть—малорусскую литературу,—для этого оно непремѣнно должно или украсть,

или взять на прокатъ у языка русскаго или польскаго [1] очень многое, и прежде всего хоть терминологію, создать (если есть возможность) грамматику, да очистить рѣчь свою отъ соллецизмовъ и барбаризмовъ какъ принадлежностей бѣднаго, неустроеннаго нарѣчья. Положимъ, что малорусское нарѣчіе беретъ для этой цѣли всѣ матеріалы изъ родного, русскаго, вполнѣ развитаго языка. Вотъ оно отказалось отъ всѣхъ барбаризмовъ и соллецизмовъ, приросшихъ къ нему отъ причинъ историческихъ; вотъ оно восполнило свою бѣдность русского терминологіею и фразеологіею, подчинилось условіямъ грамматики русскаго языка,—чтожъ изъ него выйдетъ? Языкъ, точно достаточный для созданія литературы, но только лишь уже не малорусской, а чисто русской,—порченое нарѣчіе, малорусскій жаргонъ преобразится въ чистый языкъ русскій. Такъ, когда вѣра и обрядность уніатская очистились отъ искаженій, внесенныхъ въ нее католицизмомъ, онѣ явились по прежнему православными; а что случилось съ вѣрою южнорусскаго народа, того весьма законно желать и для его языка, какъ для равноправнаго вѣрѣ элемента народной жизни. Отъ того и талантливѣйшій изъ людей, писавшихъ малорусскимъ нарѣчіемъ,—Шевченко вынужденъ былъ поминутно черпать обѣими руками слова и обороты изъ русскаго словаря и говора, такъ что, еслибъ онъ пожилъ долѣе, да пошелъ этою дорогой далѣе, въ его поэзіи (не говоримъ прозѣ,—потому что онъ писалъ ее по русски) осталось бы нѣсколько лишь соллецизмовъ, да порченое правописаніе и грубая дикція. Но энтузіасты—послѣдователи малорусскаго поэта стали теперь на пути къ ретроградному движенію въ отношеніи къ своему образцу, идеалу, кумиру. Кромѣ закрѣпленія безчисленныхъ, чуждыхъ русской рѣчи словъ и оборотовъ, насильно вторгшихся въ нее отъ причинъ, теперь несуществующихъ,—они поминутно обращаются къ лексикону своихъ и нашихъ пріятелей, только лишь для того, чтобы необращаться къ словарю родному, русскому. Сюда относятся: поглядъ, оповѣданья, омана, наданый, одностайный, жаданье [2] и мн. другія, которыхъ нѣтъ въ малорусскомъ говорѣ,

(1) Если возметъ у обоихъ, то останется тѣмъ же жаргономъ, порченымъ нарѣчьемъ, а не языкомъ.

(2) Остановимъ вниманіе на первыхъ двухъ словахъ—и просимъ: не чистый ли капризъ, чтобы не сказать иначе, заставляетъ

происхожденіе которыхъ очевидно и употребленіе которыхъ ведетъ къ цѣли совершенно противоположной той, благовидностью которой прикрываютъ несостоятельность теоріи своей и практики окаменители порченаго нарѣчья,—вмѣсто упрощенія, то есть пріемовъ къ проведенію въ сознаніе народа непонятныхъ для него идей и предметовъ, ведетъ къ усложненію препятствій, уклоняющихъ отъ этой цѣли ([1]). Когда всѣ эти непрошеные протекторы обособленія малорусскаго нарѣчья начнутъ подвигаться по этому пути впередъ, они незамѣтно попятятся назадъ,—въ объятія латино-польской пропаганды: ихъ нарѣчье изъ порченаго русско-славянско-польскаго обратится, можетъ быть, въ языкъ, но, конечно порченый-польскій, и они, измѣнивъ языку предковъ, запишутъ въ исторіи имена свои рядомъ съ тѣми изъ нихъ, которые измѣнили вѣрѣ предковъ, и тѣмъ самымъ дадутъ намъ право подумать, что эта измѣна будетъ не послѣднею.

И къ чему, въ Россіи, слава Богу, единой, эти двѣ литературы,—одна на порченомъ, другая на чистомъ русскомъ, къ чему первая, когда выработалась окончательно послѣдняя; къ чему сочинять еще литературу на порченомъ, когда уже есть готовая на чистомъ русскомъ языкѣ? Какимъ путемъ пойдетъ

окаменителей малорусскаго нарѣчья употреблять **поглядъ**, вмѣсто взгляда, **оповѣданье**, вмѣсто расказа? Корень вѣдь, **глядя**, какое жъ основаніе прилагать къ нему, для выраженія извѣстной идеи, формацію польскую, а не русскую,—польское **ро**, вмѣсто русскаго **вз**.. И расказъ вмѣсто оповѣданіе развѣ противенъ условіямъ малорусскаго нарѣчья, въ которомъ есть слово: **кажу, роскажу** и пр. Тоже нужно сказать и о другихъ капризахъ людей, ополячивающихъ ополяченное уже однажды.

([1]) Въ одномъ изъ журналовъ, распинающихся за созданіе малороссійской литературы не такъ давно появилась самая безобразная и самая ненужная въ русской рѣчи латино-польская буква **g**. Можно надѣяться, что это буква—передовая. Не легче ли было, для выраженія звука латинскаго **g**, принять какую нибудь метку надъ буквою г, напр. *ı. ı.* или даже обойтись безъ нея? Сколько въ русскомъ языкѣ словъ, въ которыхъ г. произносится какъ лат. **g** безъ всякой мѣтки!

эта новорожденная литература; какія будетъ рѣшать она задачи,—общечеловѣчныя, или областныя, какое получитъ она примѣненіе къ жизни; выработаетъ ли она иную жизнь, или сама выработается иною жизнію; какую услугу окажетъ она развитію русскаго (не малорусскаго; къ чему такой особнякъ!) человѣка?? Всѣ эти и подобные имъ вопросы (въ которыхъ виднѣются и отвѣты) невольно толпятся въ головѣ, когда сдѣлаешь критическое соприкосновеніе къ сочиненію малорусской литературы, и ни на одинъ изъ нихъ не въ силахъ заявить ясныхъ и логическихъ отвѣтовъ тѣ не многіе сыны малороссіи (въ рядахъ ихъ (и даже свитахъ) какъ то странно очутились и пріемыши), которые ловятъ миражъ, хлопочутъ о средствѣ безъ цѣли. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобъ они сочиняли литературу, обособляли языкъ—чисто для языка, для литературы. Такая забота для заботы была бы несостоятельнѣе существованія искусства для искусства. Идеальная любовь къ искусству, какъ проявленію изящнаго во внѣшнихъ формахъ, какъ идеѣ красоты, воплотившейся въ мірѣ чувствъ, для насъ нѣсколько понятна, для артистовъ-мечтателей-простительна; а созданіе новой литературы для литературы лишено и этого смысла, а созданіе изъ малорусскаго просторѣчья языка литературнаго не имѣетъ и этаго шаткаго основанія для любви хоть идеальной,—какъ любви къ предмету, весьма неизящному и даже карикатурному. Если славяне галиційскіе, венгерскіе думаютъ очистить свой языкъ до слитія его съ чисторусскимъ, литературнымъ языкомъ и сдѣлать сей послѣдній органомъ для обобщенія мыслей и наблюденій всего славянскаго міра; то какое имѣютъ право и основаніе славяне свои, русскіе добиваться солидарности литературы? Если ихъ развитію не удовлетворяетъ литература русская, языкъ родныхъ братьевъ; то пусть они не дѣлаются хоть средостѣніемъ и соблазномъ для другихъ, чужихъ славянъ, умѣвшихъ оцѣнить по заслугамъ и полюбить по родственному вполнѣ развитую литературу русскую. Если бѣлоросы, имѣющіе несравненно больше правъ на обособленіе языка и созданіе не новой на немъ [1] письменности,—отвергаютъ съ

[1] Къ тому что сказано выше (и въ текстѣ и въ примѣчаніи) о преимуществахъ бѣлорусскаго нарѣчія предъ малорусскимъ можно здѣсь прибавить то, что бѣлорусскій языкъ въ теченіи бо-

*

презрѣніемъ эту мысль, чтобы не промѣнять хорошаго на дурное; то къ чему добиваться передовымъ малороссамъ этой особенности, къ чему закабалять на неопредѣленное время своихъ, какъ они говорятъ, любезныхъ земляковъ, въ тотъ узкій кругъ міросозерцанія, который обусловливается узкостью малорусскаго просторѣчья, и изъ котораго два только исхода—или языкъ русскій (родной), языкъ предковъ, нѣсколько забытый и искаженный случайными, давно прошедшими, обстоятельствами,—или языкъ польскій,—языкъ людей испортившихъ было и вѣру нашу и говоръ южно-русцовъ. Не думаемъ, чтобъ истинные любители своего парода избрали путь послѣдній.

Быть можетъ и обособленіе малорусскаго нарѣчья и созданіе малорусской литературы необходимы какъ средства для противодѣйствія латинопольской пропагандѣ? Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ тѣ, которые хотятъ окаменить говоръ южно-русскаго простолюдья и даже довольно ясными намеками угрожаютъ этимъ несчастіемъ, въ случаѣ помѣхи ихъ затѣямъ. Но стращать насъ этими опасеніями могутъ только люди, слишкомъ обидно для насъ думающіе о нашей сметливости; но говорить такъ могутъ только тѣ, которымъ нѣчего сказать противъ ясной истины, кромѣ пародокса, нечего противопоставить серьезнымъ возраженіямъ, кромѣ софизма и самыхъ несбыточныхъ опасеній. Спрашиваемъ у всѣхъ, не лишенныхъ здраваго смысла: что болѣе представляетъ шансовъ для противодѣйствія латино-польской пропагандѣ, что больше открываетъ ей лазеекъ для проторженія въ умъ и сердце русскаго человѣка,—польско-русское ли нарѣчье, или русскій языкъ? Нѣтъ ли въ первомъ какъ фактическаго доказательства успѣховъ польской пропаганды въ прошедшемъ, такъ и вѣрнаго задатка для продолженія ихъ въ бу-

лѣе 3 в. былъ языкомъ и двора, и народа, и школы и разнообразной письменности, и что въ немъ весьма много уцѣлѣло такихъ словъ русскихъ, которыя въ малорусскомъ нарѣчіи замѣнены польскими,—не смотря на то, что Бѣлорусь и раньше малороссіи и прямѣе подчинена была вліянію элемента польскаго. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь и то, что кромѣ пародіи на Енеиду (à la Котляревскій), на бѣлорусскомъ нарѣчіи назадъ тому лѣтъ 20 появились довольно вѣскія сочиненія.

дущемъ? Не есть ли это самое нарѣчіе документомъ того, что польская пропаганда уже сдѣлала надъ русскимъ языкомъ южнорусца цѣлую половину своего дѣла, и что стоитъ только это дѣло нѣсколько продолжить, попятиться нѣсколько въ сторону отъ русскаго языка, чтобы малорусское нарѣчіе обратить въ польскій (хоть порченый пока) языкъ? Нечего сказать—вѣрное противодѣйствіе пропагандѣ! Да вѣдь сами же поляки—и наши и заграничные постоянно кричатъ: «къ намъ русины! У насъ все общее: языкъ вашъ почти нашъ; родъ у насъ одинъ; а какъ мы любили-то другъ друга! Ужъ не внять ли, въ самомъ дѣлѣ, этому кличу любезнѣйшихъ друзей!.. Полно-те, господа, морочить или себя, или насъ! Мы ясно видимъ, что польско-русское нарѣчіе, можетъ также противиться польской пропагандѣ, какъ унія—католической, что въ уніи даже меньше испорчена вѣра, нежели въ жаргонѣ малорусскомъ—языкъ, что противоядіе отъ уніи—православіе, отъ порчи нарѣчія—русскій языкъ, что латино-польской пропагандѣ нужно противопоставить православно-русскій элементъ, и что прежде даже уничтоженія уніи религіозной, слѣдовало бы прекратиться уніи, такъ сказать, языка.

2). Не окажетъ ли областное нарѣчіе особенно замѣтнаго вліянія на скорѣйшее развитіе народа? Еслибъ оно и приносило коекакую пользу народному образованію, то все-таки возводить его за то на степень особеннаго языка не слѣдуетъ; эта польза частная слишкомъ будетъ неравносильна вреду общему, виднѣющемуся въ недалекой перспективѣ этой солидарности. Подразумѣвая въ настоящемъ мѣстѣ все сказанное недавно на счетъ характера и происхожденія малорусскаго нарѣчія, неосновательности и опасности его окаменѣнія, мы посмотримъ на вопросъ: какую услугу окажетъ народному образованію школьное употребленіе этого нарѣчья, по отношенію къ нему (вопросу) самому. Навязывающіе сельской школѣ малоросса туземное нарѣчіе, много высказали неосновательныхъ предположеній, еще болѣе не вѣрныхъ дѣйствительности показаній, еще больше мечтательныхъ желаній. Основнымъ элементомъ всѣхъ этихъ продуктовъ заблуждающаго ума и сердца—софизмъ и увлеченіе. Оставляя въ сторонѣ незаслуживающія вниманія возраженія противъ употребленія въ русскихъ народныхъ школахъ русскаго языка, обратимъ вниманіе на главнѣйшую точку опоры мечтателей малорусскихъ—

вотъ эта точка опоры: дитя простолюдина скорѣе разовьется, когда обученіе его будетъ происходить на туземномъ нарѣчіи (они говорятъ языкѣ— и еще какомъ-то *украинскомъ*), нежели на непонятномъ для него русскомъ языкѣ. Позволимъ нашимъ противникамъ ступить шагъ впередъ и допустимъ даже, что дитя развилось бы скорѣе, еслибъ училось (чему?) на своемъ областномъ нарѣчіи,—слѣдуетъ ли изъ этого, что его ненужно учить грамотности русской, скорость развитія обусловитъ ли его нужду, его пользу, составляетъ ли такое исключительное его достоинство, которому нужно принести въ жертву существенныя, прямыя, важныя его качества и преимущества,— ручается ли, то есть, скорость развитія дитяти за доброту этого развитія? Конечно, нѣтъ. Скорость въ достиженіи извѣстной цѣли, въ совершеніи извѣстнаго поступка тогда только хороша, когда цѣль и поступокъ хороши и когда средства къ достиженію цѣли, пріемъ къ окончанію дѣла—нормальны и законны. Можно, то есть, сдѣлать дѣло очень скоро, а дѣло все-таки будетъ очень скверное. Успѣхъ иныхъ скверныхъ дѣлъ даже возможенъ подъ условіемъ только скорости совершенія. Но развѣ развитіе народа, дѣло скверное? Оно, какъ и всякое дѣло, тоже можетъ быть и добрымъ и сквернымъ, смотря потому, для чего развиваютъ, какъ развиваютъ, кто развиваетъ. Но допустимъ, что развитіе народа путемъ обученія его на областномъ нарѣчіи во всѣхъ отношеніяхъ—дѣло доброе; что жъ изъ этого вытекаетъ? То, что его достоинство уже будетъ зависѣть не отъ скорости развитія, а отъ другихъ, капитальныхъ его совершенствъ и, слѣдовательно, оставивъ въ сторонѣ скорость развитія—защитники областнаго нарѣчія, въ дѣлѣ народнаго образованія, должны поискать другихъ условій его превосходства.

Это превосходство, или точнѣй эта необходимость учить дитя на малорусскомъ нарѣчіи вытекаетъ, говорятъ они, изъ непонятности для дитяти русскаго языка. Еслибъ это возраженіе не могло быть объяснено невѣденіемъ, или упрямствомъ возражающихъ, мы подумали бы, что оно шутка. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ въ юго-западномъ краѣ Россіи русскія сельскія школы, никто—ни учащіе, ни учащіеся—не заявили еще ни однажды той сентенціи, чтобы послѣдніе не понимали первыхъ, когда они выражаются просто, безъ вычуръ, не хитро, не поученому—на обще-русскомъ языкѣ. Призываемъ во свидѣтели

правдивости этого заявленія нашихъ пастырей сельскихъ, которые, въ случаѣ нужды, могутъ заявить о томъ печатно. Только люди, не видавшіе сельской школы, судящіе о трудности, или легкости такихъ, или другихъ методъ, пріемовъ по теоріи, подъ стимуломъ задней мысли, могутъ намѣренно, или не намѣренно думать иначе,—навязывать простой, ясной, русской рѣчи ту непонятность, которой никогда не существовало на дѣлѣ. А если бы въ такомъ нужномъ и святомъ дѣлѣ, какъ обученіе русскаго русской грамотности, потребовалось со стороны учащихъ препобѣжденіе нѣкоторыхъ трудностей,—ужели они должны отказаться отъ этого обязательнаго дѣла подъ предлогомъ его трудности? Предметная сторона сельской учебы еще большаго требуетъ труда и, такъ сказать, натуги со стороны учащаго; а онъ вѣдь не смѣетъ уклониться отъ дѣла потому только, что оно тормозится тупоуміемъ учащихся. Сколько нужно усилій, чтобы провести въ узкое пониманіе сельскихъ дѣтей понятіе о догматахъ христіанства, о движеніи земнаго шара, уяснить понятіе о цифрѣ; сколько нужно терпѣнія, чтобы пріучить иное дитя только лишь читать, писать; а между тѣмъ нельзя же забраковать этихъ предметовъ сельской учебы потому только, что пониманіе ихъ туго идетъ въ головы учащихся. И многое ли окажется непонятнымъ для дитяти, когда предъ нимъ будутъ выражаться просто и ясно по русски? Мы выразимся весьма снисходительно, если скажемъ: почти тоже, что было бы непонятно для дитяти, при обученіи его на туземномъ нарѣчіи. Во всякомъ нарѣчіи, особенно малорусскомъ (по самому обиходу и назначенію нарѣчія) большій, конечно, окажется недостатокъ въ слово-выраженіи самыхъ элементарныхъ понятій науки, чѣмъ въ развитомъ языкѣ, и слѣдовательно откроется надобность или брать слово изъ роднаго языка, или ковать, для пополненія пробѣловъ нарѣчія, слова новыя, которыя будутъ вдвое непонятнѣе, для существующихъ въ языкѣ. Извольте вы замѣнить слова глобусъ, явленіе (физическое), ариѳметика, цифра, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, грамматика, склоненіе, спряженіе, наклоненіе, залогъ, падежъ родительный—и далѣе, удареніе, правописаніе, точка, запятая, тире—и далѣе, буква, гласная, согласная, слогъ или складъ и безчисленныя другія, словами и оборотами изъ малорусскаго нарѣчія. Конечно, вы ихъ тамъ не найдете и должны будете обратиться за

ними или къ своему русскому, или чужому польскому языку, или употребите вмѣсто термина перифразъ, понятный одинаково и на просторѣчьи и на чистомъ русскомъ языкѣ. Если вы сдѣлаете первое или послѣднее, вы поступите раціонально, и своимъ школьнымъ пріемомъ только докажете безполезность, или несостоятельность нарѣчія въ дѣлѣ развитія народа; если же вы обратитесь къ второму способу, то вы поступите капризно, если не безчестно, ни сколько не сдѣлаетесь понятнѣе для учащихся и безъ причины обидите родной, русскій языкъ предпочтеніемъ ему языка нашихъ враговъ въ дѣлѣ восполненія пробѣловъ (1) испорченнаго ими нарѣчія. Что касается предметовъ нашей вѣры и церковности, они имѣютъ святое право требовать отъ сельской школы полной и безусловной неприкосновенности со стороны словувыраженія. Для передачи понятій религіозныхъ для названія предметовъ нашей догматики и церковности, даже языкъ нашъ не осмѣлится составлять словъ русскихъ, а заимствовалъ ихъ отъ греческаго или славянскаго языка. Послѣдній языкъ (помимо того, что онъ нашъ родной, что онъ родоначальникъ разныхъ говоровъ славянскаго міра) такъ сроднился съ вѣрой и обрядностью православія, такъ невыразимо важенъ, степененъ, цѣломудренъ, можно сказать священъ, такъ выработанъ, такъ приспособленъ къ передачѣ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ христіанской мысли, самыхъ чистыхъ и разнообразныхъ движеній сердца,—что переводить его религіозныя идеи на грубое просторѣчье, значило бы глумиться надъ церковнымъ, кощунствовать (2) надъ священнымъ, загрязнять

(1) Кто возразитъ намъ, что сельская школа не нуждается въ словахъ научныхъ, техническихъ, тому мы отвѣтимъ сперва, что мы и не разумѣли здѣсь терминологіи высшей науки, а только намекнули на терминологію грамматики, до которой въ иныхъ школахъ дошло уже дѣло,—потомъ скажемъ, что протекторы малорусскаго нарѣчія хлопочутъ о созданіи языка, литературы, которыя не мыслимы безъ ученой терминологіи и отвлеченной фразеологіи.

(2) По этому чѣмъ выше истины, чѣмъ божественнѣе вѣрованія, тѣмъ святотатственнѣе дѣлается при выраженіи ихъ вульгаризмъ просторѣчья; по этому переводить св. Писаніе на мало-

тиною вульгарности самое дорогое, самое завѣтное и неприкосновенное достояніе русскаго православія. Отъ того-то, конечно, народъ нашъ и относится съ такимъ благоговѣніемъ къ языку нашей церкви, такъ любитъ услаждать свой слухъ и сердце его звуками; отъ того-то народъ нашъ и знакомится съ этимъ языкомъ едвали несовременно знакомству съ дѣтскимъ лепетомъ и не отдѣляетъ святости его отъ божественности христіанства, отъ святости молитвы; отъ того-то большинство нашего простолюдья такъ сроднилось съ языкомъ церковнымъ, что не только вполнѣ понимаетъ все написанное на славянскомъ языкѣ, цитуетъ наизусть многія, болѣе важныя и употребительныя мѣста св. Писанія и православной церкви, но и не промѣняетъ его безъ слезъ, безъ ропота безъ раскола и насилій ни на какой языкъ, хотя бы то даже и ангельскій. Отъ того и языкъ славянскій также необходимъ для цѣлости и единства нашей вѣры, какъ русскій— для цѣлости и единства нашей народности. Отъ того оба они такъ обязательны для народной школы, какъ вѣра и народность, какъ знаніе и добродѣтель. Впрочемъ мы, нисколько не отвергаемъ возможности примѣненія областнаго нарѣчія къ первоначальному обученію дѣтей русскаго простолюдья—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а только лишь утверждаемъ, что эти случаи весьма рѣдки, что они ограничиваются возможностію пояснить непонятное слово языка, посредствомъ перевода его на тождественное слово нарѣчія (если оно есть въ нарѣчіи). Такое—и только такое—употребленіе нарѣчія будетъ самою нормальною услугою, оказываемою нарѣчіемъ языку и народному развитію; тогда какъ обученіе дѣтей простолюдья на просторѣчьи, неоказывая никакой услуги образованію, только затруднитъ для дѣтей пониманіе излагаемаго на сочиненномъ для сельской школы языкѣ; и, со вредомъ для народа и его образованія, отведетъ далеко въ сторону нарѣчіе отъ роднаго языка, вмѣсто того, чтобы привести къ нему. При такомъ употребленіи нарѣчія не будетъ мѣста и пищи тѣмъ элегіямъ, которыя случалось намъ— тамъ и здѣсь подмѣтить, подслушать на счетъ какого-то угнетенія, уничества, запрета родной рѣчи,—домогательству какихъ

русское нарѣчіе, значитъ пародировать его, издѣваться надъ нимъ, пометать самый честный бисеръ подъ ноги, значитъ удалить его отъ мысли и любви народа, а не наоборотъ.

то въ пользу ея привиллегій. Всякому извѣстно, что никому и на мысль не приходило запрещать говорить кому либо на его природномъ нарѣчіи, всякому извѣстно, что у насъ весьма много въ послѣднее время напечатано разныхъ стиховъ и прозы, безъ всякой отъ нихъ для кого бы то ни было пользы, и въ числѣ этого многаго довольно и такого, что повлекло бы къ отвѣтственности предъ самымъ либеральнымъ правительствомъ Европы. Вы вѣдь не укажете намъ ни одной европейской націи, въ которой бы нарѣчіе силилось надуться съ вола, вырости въ языкъ, обособить литературу, безъ надежды примѣнить ее къ администраціи, законодательству и другимъ отправленіямъ жизни общественной,—не укажете націи, въ которой бы составлялись учебники на областномъ нарѣчіи. Въ Бретани и Мазовіи говорятъ совсѣмъ иначе, нежели въ Парижѣ и Варшавѣ, между тѣмъ въ школахъ учатъ чисто по французски и по польски. А мы могли бы указать въ этомъ родѣ цѣлые сотни еще болѣе рѣзкихъ и поучительныхъ примѣровъ.

Но мы хочемъ только путемъ обученія здѣшняго народа на малорусскомъ нарѣчіи подготовить его къ пониманію книгъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ,—скажутъ непризванные народомъ создатели отдѣльнаго языка? Лукавство и противорѣчіе! Лукавство потому, что въ изворотѣ, сейчасъ поцитованномъ, указана не подлинная цѣль затѣи, а только благовидная,—что раціональнѣй изучать языкъ для изученія нарѣчія, нежели нарѣчіе для изученія языка. Противорѣчіе потому, что малорусское нарѣчіе и хотятъ сдѣлать обязательнымъ для сельской школы подъ предлогомъ лишь непонятности русскаго языка для туземца, а между тѣмъ, изгоняя изъ элементарнаго даже преподаванія русскую грамотность, по окончаніи которой дитя точно сдѣлалось бы способнымъ понимать написанное просто по русски,—хотятъ путемъ изученія знакомаго дитяти болѣе нежели его учителямъ природнаго нарѣчія, сдѣлать понятною книгу, написанную на непонятномъ для него языкѣ! Логичнѣе допустить ту мысль, что, изучивъ русскую грамотность, дитя въ состояніи будетъ свободно читать и понимать написанное на областномъ нарѣчіи, такъ какъ азбука языка и нарѣчія, конечно, предполагается одна и таже. Нужно лишь пишущимъ (конечно отъ нечего дѣлать) на этомъ нарѣчіи, не вносить въ говоръ народный словъ и оборотовъ чуждыхъ русской рѣчи и не сочинять правописанія,

неимѣющаго ничего общаго съ наличною дикціею нарѣчія.

«Какъ же вы не видите», возражаютъ, наконецъ, глашатаи созданія украинскаго (только украинскаго? Узкая рамка для отдѣльнаго языка!) языка «что латыши, евреи, армяне, парголовскіе чухонцы и проч. имѣютъ свой языкъ и обучаютъ на немъ дѣтей грамотности». Видимъ и нисколько этому не удивляемся и не смѣемъ имъ дѣлать того же упрека, высказывать тѣже истины, какія теперь говоримъ нѣкоторымъ малороссамъ. Вотъ мы такъ несравненно резоннѣе обратимся къ вамъ, гг. украйнофилы, съ похожимъ нѣсколько вопросомъ: какъ же вы не видите, что латыши, евреи, армяне, чухонцы—народъ вовсе не русскій, что языки ихъ (не забудьте языки!)—свои отдѣльные языки, неимѣющіе ровно ничего общаго съ русскимъ, что въ отношеніи къ русскому языку подводить подъ одинъ филологическій взглядъ языкъ латыша, еврея съ нарѣчіемъ малоросса значитъ бить воздухъ, бросать взглядъ, безъ способности смотрѣть? Мы и вамъ не запрещаемъ говорить хоть по готтентотски, а только говоримъ однажды навсегда: если существуетъ развитый языкъ огромнаго народа, то нелѣпо систематизировать оффиціально порченое нарѣчіе нѣкоторой части этого народа; если существуетъ вполнѣ выработанная литература языка, то смѣшно создавать литературу на порченомъ нарѣчіи этого языка; если, наконецъ, создать для всякаго русскаго нарѣчія отдѣльную письменность, то сколько же у насъ будетъ литературъ и какъ мы лѣтъ чрезъ 20 въ состояніи будемъ понимать другъ друга, составлять одно общество? (1).

Вотъ общіе результаты нашихъ положеній, наблюденій и выводовъ:

1). Вѣра есть основа народнаго здоровья, счастья, жизни.

2). Образованіе народа нашего должно быть глубоко фундовано на началахъ нравственно-религіозныхъ и народно-русскихъ.

3). Характеръ и объемъ обще-народнаго развитія опредѣ-

---

(1) Въ дополненіе къ сказанному здѣсь, см. Вѣст. кн. 3, отд. IV, стр. 208, прим. къ стат г. Стоянова и отвѣтъ редактора Вѣстника г. Стоянову, помѣщенной въ настоящей книжкѣ.

ляется полнымъ пониманіемъ православнаго христіанства и окончательною грамотностію на обще-русскомъ языкѣ.

4). Самые законные приставники и заправители сельскихъ школъ—православное духовенство.

5). Всѣ возраженія противъ религіознаго направленія народнаго образованія и отношенія къ нему духовенства несостоятельны и ядовиты. Мы коснулись ихъ не потому, чтобъ онѣ заслуживали эту честь, а изъ благоговѣнія къ предмету, надъ которымъ онѣ поглумились.

6). Всякіе другіе учители народные, если не по принципу, то по духу времени и нигилистическому направленію современнаго молодаго поколѣнія нашего, могутъ убить въ народѣ истину и добродѣтель—христіанскую и гражданскую, могутъ убить народъ.

7). Ни сколько не устраняя Министерство Просвѣщенія отъ вліянія на народное образованіе, оставляя за нимъ значеніе Мецената, покровителя, ободрителя, помощника сельской школы, протектора народнаго развитія,—мы только боимся пустить въ эти школы огромное большинство юношей безъ правилъ и религіи, мы только опасаемся неблагонадежныхъ исполнителей воли Министерства, неблагонамѣренныхъ исказителей распоряженій правительства, всегда благодѣтельныхъ, благонамѣренныхъ и заботливыхъ объ истинной пользѣ народной.

8). Обученіе народа на областномъ нарѣчіи (какомъ бы то ни было) есть капризъ не многихъ мечтателей—и неосновательный и опасный для единства народа русскаго.

И ....в.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

VIII.

Осада града печенѣгами и дары освободителю.

На завалинѣ великокняжескаго деревяннаго терема сидѣлъ, пригорюнившись, отрокъ, подперши лѣвою рукою голову и уставивъ локоть руки въ колѣно; въ правой рукѣ онъ держалъ длинное ратище, которымъ помавалъ то въ одну, то въ другую сторону; длинная голубая ѳофудья спускалась къ землѣ, богато драпируясь на широкихъ плечахъ отрока. Глава его была повязана бѣлымъ платомъ, длинные концы котораго, вышитые красвымъ шелкомъ и золотою канителью, спускались по плечамъ; на ногахъ у него были сапоги черной кожи съ длинными голенищами; въ лѣвомъ ухѣ качалась большая золотая серга. Задумчивое смуглое лице отрока, сѣрые большіе глаза были обращены долу; рыжеватые усы и небольшая такого же цвѣта бородка обрамляли его довольно пріятное лице.

Во дворѣ теремномъ господствовала какая то особая тишь и пустота; небыло сборища *люду*, котораго ежедневно прежде сходилось, а въ особенности по утрамъ, большое число. На самомъ дворѣ не стояло длинныхъ повозовъ, которые всегда отправлялись съ ратью, когда великій князь начиналъ

вои. Изрѣдка только за теремомъ, со стороны днѣпровской доносился до слуха отрока отрывистый голосъ пѣсни сторожа, высматривавшаго—не покажется ли гдѣ вдали на заднѣпровской сторонѣ группа подозрительныхъ людей пѣшихъ или конныхъ, ибо въ тѣ дни кіевляне страшились и ежеминутно ожидали нечаяныхъ нападеній козаръ, печенѣговъ, древлянъ и другихъ дикихъ народовъ. Уже вечерѣло. Въ градѣ, по рубежу возвышенности, тянувшейся со стороны Днѣпра, зажигались сторожевые огни, и на противуположной сторонѣ Днѣпра, подъ лѣсомъ, гдѣ стояла кіевская рать, подъ предводительствомъ воеводы Претича, также засверкали костры. Скоро послышались переклики воиновъ, занимавшихъ сторожевые посты въ разныхъ мѣстахъ городоваго укрѣпленія. Полная луна рано замѣнила солнечный свѣтъ своимъ мертвеннымъ свѣтомъ. Вечеръ былъ тихій и теплый, не смотря на исходъ лѣта.

Изъ терема вышелъ дряхлый и согбенный старикъ лѣтъ по крайнѣй мѣрѣ семидесяти, какъ можно было полагать по его бѣлой, длинной бородѣ и небольшимъ клокамъ волосъ, остававшихся на вискахъ; возвышенный его лобъ и затылокъ были совершенно обнажены и кожа на нихъ лоснилась. Старикъ, опираясь на длинную простую палку, подошелъ къ отроку, сидѣвшему на завалинѣ и, усѣвшись подлѣ него, завелъ съ нимъ разговоръ.

— Долго же ты здѣсь сидишь въ задумчивости!

— Что дѣлать, дѣдушка.

— Да о чемъ ты печалишься?

— Морочно мнѣ, дѣдушка, одному оставаться во градѣ. Вся дружина, всѣ мечники и отроки—мои други, отправились съ свѣтлымъ княземъ, а меня онъ невзялъ:« малъ ты, говоритъ мнѣ, твое впереди, я знаю, что ты не пожалѣешь и жизнь положить за меня, да еще рано, побереги ее и для себя.« Такъ говорилъ свѣтлый, когда я его провожалъ. Малъ я, пусть и такъ, да чѣмъ же отважнѣе меня хоть бы Свенкалъ, хоть бы Икморъ, Дуевасъ, Самострелъ и другіе витязи, коихъ онъ взялъ.

— Да, великій князь всѣхъ съ собой забралъ: ну кто во градѣ остался изъ отважныхъ войновъ?—никого! оставилъ тебя. да еще можетъ быть десятка два отроковъ, да мечниковъ и то такихъ, которые и сороки испугаются. когда она, невзначай, промчится мимо ихъ ушей, а за то теперь много во градѣ и за градомъ поганой крещеной руси, да ужъ сколь-

ко этой скверни поразмножилось, сохрани насъ перунъ и ты, богъ волосъ, заступись за насъ даждя-бу-богъ; вѣдь можно навѣрное сказать, что съ того времени какъ великая княгиня возвратилась изъ Цареграда и начала строить близь града для крещеныхъ церковь, перунщиковъ и одного на десять крещеныхъ не насчитаешь. Горе, да еще черное горе, что нынѣ творится въ градѣ Кіевѣ. Толи было при Олегѣ? О, тогда крещеная Русь головъ не подымала.—Какъ змѣи, такъ и крещеные, по норамъ подземельнымъ сидѣли, на свѣтъ не смѣли показаться. Свѣтлый князь повадку далъ. Онъ виновникъ, что весь почти кіевскій людъ—и старъ и младъ, и мужи и жены, что даже рать наша—отступники изъ праотеческаго закона, не чтутъ бога грома и молніи, великаго бога перуна, не поклоняются ему и презираютъ другихъ боговъ От того у насъ и бѣды великія, и моръ, и гладъ, и потопленія, и пожарища, отъ того у насъ все не радостно, все смутно.

Въ минуту произнесенія старикомъ этихъ словъ, на кришѣ терема крикнулъ *сычъ*. Суевѣрный, какъ вообще каждый идольщикъ, старикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и трепетнымъ голосомъ спросилъ отрока.

— Слышишь? Такъ каждый вечеръ и цѣлую ночь со времени отъѣзда великаго князя.

— Это еще ничего, дѣдушка, мавки въ лѣсахъ страшно кричатъ по ночамъ, вѣдьмы творятъ страхи, упыри имертвецы, вмѣстѣ съ чернобогомъ, не даютъ покою люду.

— Вотъ то то, а всему причиною крещеная русь; всему причиною самъ великій князь. Зачѣмъ онъ позволилъ безнаказанно бросать старую вѣру и приставать къ крещенымъ; зачѣмъ позволилъ имъ церкви строить и жить въ самомъ градѣ; вотъ изъ этого и всякія бѣсовскія навожденія и несчастія.

А сычъ все громче и заунывнѣе кричалъ.

— Вотъ кричитъ да кричитъ, и вѣрь, Храблъ, что быть бѣдѣ неминучей.

— Я самъ знаю, что быть бѣдѣ. Это чернобогъ сзываетъ врановъ и волковъ на тѣла наши, которыя трупомъ поляжутъ по стогнамъ града.

Покачавши лысою головою, старикъ продолжалъ:

— Свѣтлый Князь молодъ еще, материнское молоко на устахъ его не высохло еще, ну, великая княгиня и лѣпитъ изъ него, какъ изъ мякиша хлѣба, комокъ по своему желанію,— что захочетъ то и дѣлаетъ. Забрала къ себѣ княжичей, са-

маго меньшаго изъ нихъ—Володиміра учитъ христіанскому закону и давно бы уже сдѣлала его крещенымъ, да только вотъ этого то и не позволяетъ великій Князь, а за то вся почти великокняжеская дружина, всѣ воеводы, нарочитые люди, все это уже народъ крещеный или думаетъ быть крещенымъ. Да какъ хитро, да какъ мудро все это творится: собрала во кругъ себя славянскихъ красныхъ дѣвъ, сдѣлала ихъ крещеными, держитъ при себѣ и въ жены отдаетъ только тѣмъ, которые пристанутъ къ ихъ закону, завлекаетъ богатымъ *вѣномъ*...... Что будетъ дальше, ахъ, что будетъ дальше!. Кажись, что великая княгиня, и насъ стариковъ заставитъ креститься и совсѣмъ уничтожитъ боговъ нашихъ и всю старую вѣру, и въ особенности она не милосердна къ нашимъ богамъ. Великій князь во градѣ мало проводитъ времени, все то на ловахъ, то вои свои водитъ; а градомъ и всѣмъ княжествомъ правитъ великая княгиня, и вотъ ей доносятъ, что боговъ надобно подкрѣпить,—отъ непогоды и давности поистлѣли они, а она отвѣчаетъ: „прошла пора полѣнья считать богами, Богъ истинный превыше солнца, а не на оскверненныхъ площадяхъ града“. Вотъ, что глаголетъ. Ну, какъ же намъ оставаться безъ боговъ, кому покланяться, мы не видимъ превыше солнца и на солнце не можемъ взглянуть. Люду кіевскому надобно видѣть своего бога среди себя и покланяться ему.

— Ты правъ дѣдушка, Миславъ—во всемъ правъ, а ужъ что собрала вокругъ себя красивыхъ и раскрасивыхъ дѣвъ, такъ ужъ объ этомъ и нечего говорить. Я часто бываю на Угорищѣ, захожу на Аскольдову, какъ соберутся онѣ въ одно мѣсто, то какъ осенью журавлей летятъ длинныя ключи, такъ и дѣвъ ходятъ длинныя вереницы по зеленой муравѣ. И ужъ подлинно, что одна другой краше, и одна другой прелестнѣе,—и удивляться нечему, что столько воеводъ и знатныхъ мужей въ княжеской дружинѣ крещеныхъ; такія красавицы, какъ не соблазнятъ—промѣнять и древнюю вѣру на ихъ прелести. Ты, конечно, старинушка ужъ не тотъ, что былъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, а какъ бы и твое старческое око да взглянуло на красавицу изъ всего свѣта красавицъ—Юнію, такъ и ты бы помолодѣлъ. Что за красота красоты эта дѣва Юнія, ты старинушка ни на яву ни во снѣ не видѣлъ такой дѣвы: взглянетъ, словно золотомъ засыплетъ, впередъ ли пройдетъ, оборотится ли отъ тебя, словно лебедь бѣлая плыветъ, заговоритъ ли, запоетъ ли, ну ужъ подлинно изъ алыхъ устъ ея капли меда душистаго капаютъ. А поди, проси ее въ жены

себѣ, такъ нѣтъ: будь крещенъ, будь знатнымъ, будь такимъ какого желаетъ великая княгиня, а гдѣ такой найдется?.. А сердце каждаго отрока, каждаго молодого отъ одного взгляда этой красной дѣвы—словно стрѣлой каленой пронзится. Вотъ и мое сердце, словно въ немъ цѣлый колчанъ каленыхъ стрѣлъ засѣлъ отъ чаръ этой дѣвы: ночи не сплю, днемъ свѣтъ не милъ,—хожу какъ шальной, все бы хотѣлъ на нее смотрѣть,—да смотрѣть, хотѣлъ бы ни на мгновеніе ока не удаляться отъ нея, но какъ нарочно она цѣлый день при великой княгинѣ, и что уже я ни дѣлалъ, чтобы ее похитить, такъ неудача за неудачей......

Сычъ перелетѣлъ на другой край крыши и усѣлся еще ближе къ разговаривавшимъ.

— Страшно, Храблъ, право морозъ по тѣлу пробѣгаетъ отъ этихъ діавольскихъ криковъ;—о, не быть добру!

— Не быть добру, дѣдушка Миславъ, я самъ знаю, что не быть, да чтожъ будешь дѣлать, когда ты же говоришь, что великая княгиня не велитъ исправлять боговъ; кто же градъ будетъ хранить; ужъ ея крещеные не отшепчутъ бѣды, ихъ попъ-кобнокъ, не отвратитъ неминуемаго несчастія. Вѣдь у нихъ и жертвъ никакихъ не приносится,—чѣмъ же умилостивить разгнѣванныхъ боговъ?...

— Глупый народъ эта крещенная Русь: а много, много виноваты сами князья; если бы они порѣже ѣздили въ Царе-градъ, если бы не дружились съ грецкими купцами и слами, такъ мы бы не знали никакого другаго закона, кромѣ своего древняго славянскаго. Вѣдь жили счастливо наши отцы и дѣды, не знали они греческой мудрости, а вотъ теперь увидятъ, какъ будетъ. Нѣтъ, не будетъ того счастія, того спокойствія, которое бывало въ старину; не будетъ уже и той славы воинской, которою величались въ давноминувшіе годы; что ни годъ, то все хуже на землѣ, и народъ не тотъ уже сталъ; прежде бывало какъ посмотришь на дружину молодецъ въ молодца; а что дѣва то и красная; а теперь народъ то слабый, то малый, то хромой, то кривой, а дѣвъ, вотъ какъ и ты, Храблъ, сказалъ, кромѣ дѣвъ крещеныхъ,—право красивыхъ и не видишь, какъ будто бы враги всѣхъ ихъ повыбрали и въ полонъ отъ насъ поуводили. Эхъ тяжкія, крѣпко тяжкія и горестныя времена наступили!

— Кто это дѣдушка идетъ сюда изъ терема?

— А это жъ новоженцы, крещенокъ аскольдовскихъ побравшіе и сами крещеными стали, это же теремные мечники:

Ивой и Петро, какъ нынче ихъ называютъ. Вотъ до чего дожили въ теремѣ великокняжескомъ гридни, отроки и мечники, самые приближенные къ князю его тѣлохранители крещеные!, съ ропотомъ произнесъ старикъ и, покачавъ головой, продолжалъ: и это съ того времени какъ великая княгиня возвратилась изъ Цареграда. Словомъ, погибла наша древняя предковская вѣра, погибла невозвратно. Мы старики, можетъ быть еще не увидимъ посрамленія и конечного уничтоженія нашихъ боговъ, а вы молодые люди увидите, до чего доведетъ эта грецкая мудрость.... Тяжко, тяжко, тяжко! Молодой князь Святославъ кипитъ непреодолимою страстію къ воямъ; ему желательно полсвѣта завоевать; и вотъ теперь, ради греческаго золота, которое эти хитріе люди привезли великому князю сюда, князь легко сказать, взялъ шестьдесятъ тысячь воиновъ и отправился въ Болгарію, воевать въ пользу царя греческаго Никифора Фоки; ну что за польза будетъ отъ этой войны? Спрашиваю тебя, Храблъ, какая польза будетъ отъ этого похода?

— Конечно, никакой. Да, я, дѣдушка, такъ задумался, что право и не знаю, о чемъ спрашиваешь.

— Вѣрно на умѣ у тебя Юнія?

— Юнія, дѣдушка, Юнія, краса красоты, дѣва изъ дѣвъ.

— Я говорю, что никакой пользы не будетъ для града Кіева отъ нынѣшняго похода въ Болгарію.

— Конечно такъ.

— Развѣ только то: что во время отсутствія великаго князя великая княгиня до тла искоренитъ нашу старую славянскую вѣру.

— Да, это такъ.

— Ты, какъ полусонный отвѣчаешь, Храблъ; порядочная зазнобушка сидитъ въ сердцѣ твоемъ.

— До того дѣдушка, до того, старинушка, причаровала проклятая дѣвчище, словно дала какого зелья напиться.

— Да и не одинъ Храблъ нашъ такъ изнываетъ по дѣвицѣ красѣ, по Юніѣ питомицѣ великой княгини. Здравствуйте, дѣдушка Миславъ, здравствуй Храблъ,—проговорилъ Ивой, приближавшись къ сидѣвшимъ.

— Здравствуйте, дѣдъ и Храблъ, сказалъ Петро, и оба мечники довольно низко наклонили свои головы предъ сидѣвшими.

— Добро пожаловать. Присядьте люди добрые, произнесъ Миславъ, и оба мечники усѣлись на завалинѣ, рядомъ съ Хробломъ.

— Что слышно,—продолжалъ говорить старичекъ.

— А развѣ, старинушка, не слышите, какъ покрикиваетъ надъ головою вашею.

— Слышимъ, дѣтки, слышимъ, мы ужъ здѣсь объ этомъ и говорили. Не доброе, вѣстимо, не доброе вѣщуетъ эта птица.

— Само собою не къ добру, или голодъ или моръ, или еще что худшее,... сказалъ Ивой.

— Мало этого, говорятъ *сѣрыхъ* то тма темъ появилась вокругъ всего града, Перевѣсищемъ проѣхать къ Угорищу невозможно, а послушали бы вы, какъ они воютъ въ продолженіи ночей.

— Трупъ слышатъ,—утвердительно произнесъ Миславъ.— Такъ было лѣтъ за пятьдесятъ передъ этимъ: *сычи* и *сѣрые* просто покоя не давали, и чтожъ, во градѣ открылся страшный моръ. Не къ добру, право не къ добру, еще разъ молвлю вамъ и крики сыча, и вой сѣрыхъ; дай только боже, Перуне и боже Волосъ, пережить намъ черную годину.

— Да вотъ, дѣдушка, и такъ ужъ слухи изъ за Днѣпра текутъ неладные.

— А что, Печенѣги показываются?—Слышалъ?

— Да, говорятъ, что за большимъ боромъ тма темъ печенѣжскихъ воевъ.

— Страшиться этого нечего. Печенѣги не могутъ знать, что великій князь совсѣмъ своимъ войскомъ воюетъ въ Болгарію, что Кіевъ остался безъ всякой защиты. При томъ же воевода Претичъ, хотя съ небольшею ратью, а все же недопуститъ этихъ дикихъ звѣрей ко граду.

— Справедливо, дѣдушка, говорите, однакоже печенѣги враги очень не безопасные,—сказалъ Петро.

— Если появились печенѣги, и хотя далеко отъ Кіева, то слѣдуетъ воеводѣ Претичу ударить на нихъ и расѣять, а то хотя малыми дружинами, а будутъ нападать на ближайшія мѣста къ граду и безпокоить даже жителей во градѣ, сказалъ Ивой.

Въ-то время въ разныхъ мѣстахъ по возвышенностямъ града запылали сигнальные костры и начали слышаться громкіе крики стражей.

— Чего добраго, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ близко показались печенѣги; вѣдь градъ безъ воевъ, его легко взять вмѣстѣ съ великою княгинею и княжичами, сказалъ Миславъ.

Храблъ быстро вскочилъ, за нимъ оба мечника, поднялся и старикъ и всѣ пошли къ ближайшему сторожевому. Еще они

были на половинѣ пути къ нему, какъ во градѣ уже слышались въ разныхъ мѣстахъ трещетки и удары въ металическіе сосуды,—это были сигналы появленія во градѣ несчастія, но какого: пожаръ ли, появленіе ли шайки разбойничавшихъ по Днѣпру варягъ, или орды какихъ враговъ, никто еще не зналъ. Однакоже шумъ, крикъ, даже вопли отчаянія уже слышались въ разныхъ концахъ града. У сторожеваго поста, находившагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго терема, въ которомъ въ то время находились великая княгиня и внуки ея княжичи: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ, пылалъ на высокомъ сосновомъ шестѣ, осмоленный снопъ соломы, а недалеко отъ шеста горѣлъ огромный кладень дровъ. По обѣ стороны отъ этого мѣста, по возвышенностямъ, видно было нѣсколько такихъ сигналовъ. Сторожа, находившіеся у этого мѣста сказали прибѣжавшимъ, что вершникъ далъ знать, что печенѣги сильною ратью окружаютъ со всѣхъ сторонъ градъ, переправившись чрезъ Днѣпръ со стороны противной той, на которой стоитъ спокойно воевода Претичъ и ничего незнаетъ о происходящемъ вокругъ града.

Не болѣе какъ въ продолженіе какой годины весь народъ кіевскій густыми рядами вышелъ на земляные валы, окружавшіе градъ. И старики и взрослые и дѣти и жены, словомъ и малъ и великъ, и смердь и челядинъ, и остававшіеся во градѣ воеводы, бояры и нарочитые люди принялись закатывать бревнами входы во градъ и насыпать на тѣ мѣста земляные валы. Собирались на площади предъ каменнымъ теремомъ кой какая дружина, сходились и люди и здоровые и больные, и старые и молодые. Въ полночи кіевляне-перунщики притащили къ подножью истукана Перуна чернаго быка и настоятельно требовали принесенія его въ жертву, дабы умилостивить бога грома и молніи, чтобы онъ силою своею разогналъ вражьи полчища. Послали за Костаремъ: тотъ оказался мертвецки пьянъ, и потому жертва оставалась не принесенною. Мечники и множество народа, принявшаго крещеніе и поселившагося уже—со времени принятія и великою княгинею Ольгою крещенія—въ самомъ градѣ и даже подлѣ теремовъ, требовали удаленія быка и христіанскаго моленія на площади. Идольщики на это не согласились и между народомъ началась тсора, доходившая до драки. А между тѣмъ полчища Печенѣговъ, какъ напоръ весенней воды, когда она разрываетъ плотину, занималъ всѣ мѣста вокругъ града. Опасное положеніе не было ни отъ кого скрыто Приближенные къ великой кня-

гинѣ передали о происходящемъ и также не скрыли угрожающаго несчастія. Безтрепетно великая выслушала прискорбную вѣсть отправилась съ приближенными въ церковь Софіи, и когда она вышла изъ терема, то всѣ до единаго—крещеная Русь и перунщики устремились за нею и пошли въ церковь. Перунщики забыли уже о своей кровавой жертвѣ и молились во храмѣ вмѣстѣ съ крещеными.

Не большой церковный храмъ св. Софіи не вмѣщалъ всѣхъ, жаждавшихъ молитвы, и густыя толпы народа припавшаго на колѣни, молились внѣ храма, окруживъ его со всѣхъ сторонъ. Но кончилось молебствіе, священникъ поднесъ великой княгинѣ привезенный ею и поставленный въ этой же церкви, крестъ животворящаго древа; великая княгиня приложилась, за нею всѣ крещенные и многіе, очень многіе перунщики, ибо тогда уже христіанство сильно брало верхъ надъ язычествомъ, и если бы великая княгиня въ то время могла сказать:—перунщики примите крещеніе, и печенѣги оставятъ градъ;—то предложеніе ея было бы исполнено, но могла ли она быть увѣрена въ томъ, что печенѣги еще до разсвѣта не возмутъ града. Время еще не пришло, чтобы вполнѣ выкатиться на русскій небосклонъ солнцу христіанства, но заря ярко уже вполнѣ сіяла на христіанскомъ востокѣ и даже на Руси свѣтъ христіанства былъ такъ силенъ, какъ свѣтъ лѣтней утренней зари.

Къ утру рать заняла мѣста по укрѣпленіямъ града, входы въ которой успѣли задѣлать въ ночь. Съ разсвѣтомъ вполнѣ удостовѣрилась что безчисленныя полчища печенѣговъ окружили со всѣхъ сторонъ градъ и не было такого мѣста, чтобы можно было, вышедши изъ града, пройти мимо полчищъ врага и пробраться на лѣвую сторону Днѣпра. Съ часа на часъ начали ожидать нападенія печенѣговъ и, зная слабую защиту свою и даже неимѣніе средствъ защищаться, кіевляне считали себя обреченными на вѣрную погибель. Моленія въ христіанскихъ церквяхъ продолжались день и ночь, но жертвы предъ Перуномъ и другими идолами не приносилось;—перунщики внутренно предались силѣ христіанскаго Перуна,—какъ они выражались. Не смотря на явную опасность лишиться града и попасть въ плѣнъ печенѣгамъ, великая княгиня казалась вполнѣ спокойною: она дѣлала всѣ необходимыя распоряженія и увѣщевала народъ не предаватся отчаянію. Сама являлась среди отчаянной толпы и показывала собою примѣръ безстрашія.

Прошелъ день,—печенѣги, расположившись вокругъ града, не дѣлали никакихъ приготовленій къ взятію его силою. Это удивляло кіевлянъ. Затѣмъ прошло много дней и печенѣги по прежнему оставались въ покоѣ, но въ градѣ сильно уже чувствовался недостатокъ въ пищѣ, даже во многихъ колодцахъ отъ лѣтняго зноя изсякла вода, и въ ней также появился недостатокъ. Отъ недостатка пищи моръ и отчаяніе народа становились сильнѣе, нежели при первоначальномъ извѣстіи о пришествіи печенѣговъ ко граду.

На совѣтѣ бояръ и нарочитыхъ людей, собравшихся въ каменномъ теремѣ, подъ предсѣдательствомъ великой княгини, рѣшено было увѣдомить воеводу Претича, что градъ погибнетъ отъ глада, жажды, мора и потомъ отъ разграбленія его врагами; что кіевляне не долго могутъ удерживать градъ, и что погибнетъ великая княгиня и княжичи. Но какимъ путемъ увѣдомить? Тому, кто придумаетъ это назначались отъ великой княгини драгоцѣнныя воинскія доспѣхи: шлемъ, щитъ, панцырь, копье, лукъ, колчанъ и сабля. Тому кто увѣдомитъ, также драгоцѣнные доспѣхи и арабскій боевой конь. Такое назначеніе было объявлено всенародно на площади передъ теремомъ, однакоже среди народа не нашелся ни указатель какимъ путемъ увѣдомить Претича о несчастіи, ни самый исполнитель этого предпріятія, лишь кто то среди толпы сказалъ:

— Дары знатные, но есть еще и лучшіе, и какъ тѣ дары будутъ назначены въ награду, то и найдется такой, который доберется до воеводы Претича

— Какіе же лучшіе дары? Скажите, и тѣ дары будутъ назначены.—Дороже всего спасеніе великой княгини и княжичцъ и свобода народа кіевскаго.

— Греческое золото, лучшій даръ, раздался голосъ изъ толпы, и также кто-то добавилъ:

— Князь Святотлавъ много злата получилъ отъ греческаго царя Никифора, дайте его сюда и найдется отважный для спасенія града.

— Не нужно злата, не нужно Есть дары дороже и злата,— произнесъ тотъ же голосъ, который прежде прочихъ сказалъ: что есть дары лучшіе назначенныхъ.

— Да какіе же то дары?—Говорите, спросилъ воевода, объявлявшій о назначеніи отъ великой княгини даровъ.

Изъ толпы выдѣлился старикъ Миславъ, подошелъ къ воеводамъ, предлагавшимъ дары и сказалъ:

— Наши отроки просятъ великую княгиню и васъ воеводы

назначить въ жены тому, который спасетъ градъ дѣву красную, ординницу великой княгини Юнію, если бы даже тотъ былъ и славянинъ.

— Въ жены дѣву красную, ординницу великой княгини— Юнію? Ладно, скажемъ объ этомъ великой княгинѣ,—произнесъ воевода.

— Вотъ чего захотѣли: красныхъ дѣвъ, золота, злата, оно и для старого и для отрока нужно, а красная дѣва для кого?

— Злата, злата!

— Коня, броню дорогую!

— Коня, броню и красну дѣвицу!

— Всего, всего, авось найдется такой, который выберетъ, что ему поправу и спасетъ васъ,—раздавались голоса въ толпѣ.

— Лучше жребій бросить, что назначить въ награду,—кричалъ въ толпѣ варягъ.

— Зачѣмъ такой жребій, лучше назначить злато, дѣву, коня и броню и по жребію, что достанется, то и возметъ тотъ, который отважится спасти насъ.

— Такъ, такъ, такъ!

— Въ жребій злато, дѣву, коня, броню, что выпадетъ то и его!

— Такъ, такъ, такъ!

Великая княгиня согласна на желаніе народа, она жертвуетъ и своей первой ординницей красною дѣвицею Юніею, но съ тѣмъ, что бы она была женою именно того, кто спасетъ градъ отъ враговъ, большой мѣхъ злата, конь боевой и дорогая броня также идутъ въ жребій; выходите только желающіе на спасеніе града.

— Сюда, на жертвище положите мѣхъ съ златомъ, броню, приведите и коня и дѣвицу красную. Пусть народъ увидитъ и скорѣе найдется тотъ, который обречетъ себя для спасенія града,—сказалъ какой-то пожилой человѣкъ, стоявшій не вдалекѣ отъ воеводъ, объявившихъ о дарахъ.

— Ладно, можно теперь же дары показать народу.

— Показать!

— Показать!

— Конечно показать, скорѣе найдется такой, который рѣшится спасти насъ.

— Сюда, сюда и дѣвицу и коня и злато и броню, сюда, на жертвище, чтобы народъ зналъ и видѣлъ дары,—кричали въ толпѣ, которая до того увеличилась, что не только наполняла теремной дворъ, всю площадь, на которой стоялъ Перунъ и

близъ него возвышалось гораздо выше головъ толпы жертвище, на которомъ приносились кровавыя жертвы Перуну, но и всѣ улицы, выходившія къ терему и площади. Крикъ, шумъ, отчаянные вопли, а въ особенности женщинъ, державшихъ на рукахъ грудныхъ дѣтей,—наполняли воздухъ. Голодъ въ то время уже увеличился до того, что народъ ѣлъ не только конину, но мышей, кошекъ и собакъ. Моръ ежедневно пожиралъ множество народа. Смрадъ въ градѣ былъ нестерпимый, ибо народъ не успѣвалъ сожигать трупы умершихъ. Время, по истинѣ, было самое ужасное и безнадежное къ спасенію. Всѣ и каждый готовы были послѣднимъ жертвовать для спасенія своего и общаго. Никакіе расчеты, никакія условія не имѣли уже мѣста. Но, къ отчаянію народа, къ неудовольствію великой княгини и княжичей и тѣни надежды не видно было на освобожденіе града отъ Печенѣговъ. За полдень, на площадь прискакалъ вершникъ-отрокъ теремной и далъ знать народу, что Юнія съ радостію согласилась быть женою того, кто спасетъ великую княгиню съ княжичами и весь градъ, и что она вмѣстѣ съ другими крещеными женами и дѣвами явятся народу, злато же, боеваго коня и дорогую сбрую также доставятъ въ скорости на площадь.

Съ восторгомъ выслушала толпа слова отрока, но вслѣдъ за тѣмъ начала неистово кричать и требовать немедленнаго приведенія дѣвицы Юніи и доставленія другихъ даровъ.—Въ толпѣ кричали, что не нужно отъ дѣвицы требовать согласія и какой либо жертвы, что дѣвица какъ и все во градѣ принадлежитъ кіевлянамъ, и они по своему произволу, для общаго спасенія, могутъ назначить, что пожелаютъ въ дары тому, кто спасетъ кіевлянъ и градъ.

Неистовство возростало и толпа начинала буйствовать. Ветхій истуканъ Перуна, потрясаемый волнами толпы, которая тѣснилась вокругъ его, содрогался на своемъ подножьѣ. Народъ это замѣчалъ и одни изъ нихъ—крещеные издѣвались, а старики перунщики хотѣли убѣдить народъ, что Перунъ трясется отъ гнѣва на народъ. Но вообще почти ни кто и изъ перунщиковъ не обращалъ вниманія на своихъ идоловъ, тогда какъ крестный ходъ, начавшійся со дня осады и ежедневно повторявшійся по укрѣпленіямъ вокругъ всего града, привлекалъ значительное число поклонниковъ. Идолопоклонники твердо увѣровали, что спасеніе если и послѣдуетъ то не отъ идоловъ, а развѣ отъ христіанскаго Бога, и поэтому какъ и крещеные поклонялись христіанской святынѣ.

Со стороны Перевѣсища послышался звукъ трубы. Толпа хлынула въ ту сторону и скоро къ жертвищу подъѣхали верхомъ на коняхъ два трубача; за ними нѣсколько отроковъ везло дорогіе бранные доспѣхи: золотыя латы, щитъ, шлемъ, драгоцѣнный колчанъ и лукъ, саблю, копье и мечь. За отроками два челядина вели подъ уздцы, бѣлаго какъ снѣгъ коня, недавно только приведеннаго отъ греческаго царя, въ подарокъ великому князю, а за конемъ, на повозѣ, везли Юнію и еще трехъ дѣвицъ, выбранныхъ изъ многочисленной свиты ординницъ великой княгини. Всѣ онѣ были вполнѣ *красныя дѣвицы*—красоты чудной—не изобразимой и которую едва ли можетъ представить и самое пылкое воображеніе тогдашняго отрока или юноши. Дѣвицы были въ свѣтло-голубыхъ паволочныхъ эпанчицахъ, а на головѣ у каждой бѣлая съ золотою тканью ферязь, спускавшаяся по плечамъ почти до колѣнъ; изъ подъ эпанчицъ виднѣлась поволочныя золотисто-серебристыя понявы, а на ножкахъ краснаго сафьяна тюфли, также вышитые на ножкахъ золотою канителью. За дѣвицами ѣхало до сорока вершниковъ, то были знатные воеводы, бояры, остававшіеся во градѣ отъ дружины великаго князя отроки, мечники, юноши, дѣтскія и другіе лица. Они же везли и мѣхъ съ греческими солидами. На лицахъ ординъ выражалось одно чувство: покорность своему жребію. Юнія отличалась отъ подругъ молодостію; ей только наступалъ шестьнадцатый годъ и красота ея была поразительна. Онѣ безмолствовали. Ихъ подвезли къ жертвищу и окружавшіе ихъ отроки поставили ихъ на верхъ жертвища, гдѣ раскладывается жертвенный огнь и приносится самая жертва. И подлинно, что и ординницы были тѣже жертвы, ибо предстояло метаніе жребія и о ихъ будущей судьбѣ. Юнію поставили впереди прочихъ. Скрестивъ у груди руки и потупивъ въ землю взоры, съ полунаклонными долу головами, онѣ стояли какъ какія то неземныя существа. У ногъ ихъ положили и мѣхъ съ солидами.

Народъ пришелъ еще въ большій восторгъ, а въ особенности послѣ объявленія однимъ изъ бояръ, что великая княгиня приказала избрать не одну, а четырехъ ординницъ, на выборъ, одну изъ нихъ тому, кто увѣдомитъ Претича о несчастіи кіевлянъ. Скоро за тѣмъ отъ терема вынесли бояры четыре куска паволоки четырехъ цвѣтовъ: бѣлой, желтой, розовой и голубой, и какъ знамена привязали ихъ къ концамъ ратищъ и предъ ординницами и другими дарами выставленными на показъ всему народу. Цвѣта паволоки означали разные дары, т. е.

одну изъ ординницъ, коня, воинскія доспѣхи и мѣхъ съ солидами. Положено было объявить значеніе цвѣтовъ тогда, когда найдется рѣшившійся взяться за предложенное дѣло.

Когда значки были поставлены, воевода, считавшійся болѣе знатнымъ, далъ знать трубачамъ трубить вызовъ желающихъ попытать счастія. Трубачи затрубили. Народъ волновался и разговаривая, между собою, припоминалъ имена, изъ находившихся во градѣ и болѣе отважныхъ юношей и отроковъ. Перебирали имена почти всѣхъ, а между тѣмъ къ жребію никто не являлся. Прошла *година*, нѣтъ жданнаго, прошла и другая, начало садиться солнце, но все отважный не находится. Ропотъ, отчаяніе и смуты увеличивались на площади. И здѣсь моръ, гододъ и предстоящая смерть брала свое.

Вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, почти у самаго жертвища, народъ затихъ, и къ тому мѣсту молча повалилъ народъ, незная, что тамъ творится и чего туда всѣ стремятся.

Къ самому жертвищу подошедъ согбенный старецъ Миславъ и требовалъ, чтобы народъ утихъ, что онъ желаетъ для общаго спасенія сказать нѣсколько словъ. Долго народъ не зналъ, въ чемъ состоитъ требованіе Мислава, а узнавъ тотъ часъ всѣ смолкли, такъ что слова старца были явственно слышны на далекое разстояніе.

— Я сказалъ, что есть лучшіе дары, когда было провозглашено отъ великой княгини изъ трехъ одинъ даръ по выбору, я указалъ на ординницу Юнію, ибо отрокъ Храблъ иначе Волчій Хвостъ, тотъ самый отрокъ, который на ловахъ спасъ отъ смерти свѣтлаго нашего князя, сказалъ мнѣ: если бы я могъ получить въ жены ординю Юнію, то нашелъ бы средство еще до зари утренней увѣдомить Претича о нашемъ несчастіи; и я увѣренъ въ томъ, что я одинъ только могу это сдѣлать, ибо я отъ Костаря—печенѣга выучился хорошо говорить по печенѣжски, а тотъ, который знаетъ говорить по печенѣжски и можетъ дать знать Претичу объ осадѣ.

Когда Миславъ оканчивалъ свою рѣчь, въ концѣ площади, верхомъ на ворономъ конѣ, показался Храблъ. Онъ спокойно, съ видомъ отваги приближался къ толпѣ, которая передъ нимъ разступилась и дала ему проѣхать среди себя къ тому мѣсту гдѣ стояли значки. Противъ ординь онъ остановился и сказалъ, чувствуя на что обрѣкаетъ себя:

— Если Претичу не дать знать объ осадѣ Кіева, то никто изъ васъ не останется въ живыхъ. Теперь моръ, голодъ и страхъ терзаютъ насъ, а потомъ всѣмъ намъ печенѣги головы отрубятъ

Погибнутъ безвинно и мать и дѣти великаго князя, погибнетъ и весь людъ, погибнете и вы красныя дѣвицы и ваши всѣ подруги. Такъ пусть же одинъ я или погибну, или спасусь самъ и спасу всѣхъ кіевлянъ и тебя Юнія, а до тѣхъ поръ пока не спасу града, для чего мнѣ эти дары; для чего мнѣ и красная дѣва, Юнія! Дайте мнѣ вмѣсто всѣхъ этихъ даровъ простую узду, прощайте и ожидайте или спасенія, или погибели.

— Узду, простую узду! кричали тысячи голосовъ народа. Въ толпѣ раздавались крики восторга и похвалъ отважному Храблу. Одни превозносили его за то, что онъ, какъ славянскій витязь, пренебрегъ всѣми дарами и въ числѣ ихъ такой красавицей какъ Юнія; другіе называли его глупымъ, что онъ не взялъ мѣха съ солидами, когда надѣется на вѣрное спасти градъ: иные говорили, была такая минута, для Храбла, что если бы онъ потребовалъ и всѣ дары, то ему дали бы, ибо никто не можетъ спасти градъ, а онъ одинъ за это берется. Однако же, хотя мнѣнія были самыя разнообразныя, но народъ видя, что нашелся хотя одинъ такой, который берется доставить спасеніе граду, началъ успокаиваться и оставался на площади въ ожиданіи принесенія узды, по требованію Храбла. Какой то простой челядинъ прибѣжалъ на площадь съ уздою и подалъ ее Храблу. Храблъ взялъ уздечку и сказалъ:

— Прощайте! если попадусь въ руки триклятымъ печенѣгамъ и они меня задушатъ—не поминайте лихомъ. Прощайте, и спокойно ожидайте, что случится! Прощайте и вы красныя дѣвицы. Полюбите меня тогда, когда спасу мать великаго князя, княжичей и васъ. Прощай Юнія, быть можетъ голова моя буйная скатится съ плечъ и очи мои не увидятъ тебя болѣе. Прощайте!

Сказавши послѣдній разъ прощайте, Храблъ быстро поворотилъ коня и умчался изъ площади къ деревянному терему, а оттуда какъ говорили нѣкоторые изъ слѣдовавшихъ за нимъ, онъ спустился въ яругъ.

Шумными толпами повалилъ изнуренный народъ въ разныя стороны града, не слѣдя уже за дарами и ординями, которыхъ повезли въ каменный теремъ къ великой княгинѣ.

Скрылось кровавое солнце за могилою Вѣщаго и стѣною чернаго бора и сумракъ началъ покрывать градъ и укрывать вопли, муки и даже послѣднія предсмертныя минуты страдальцевъ, кончавшихъ въ то время жизнь отъ мора или голода. Въ церквѣ св. Софіи, въ трехъ малыхъ окнахъ, вмѣсто

стекла закрытыхъ кусками слюды, привезеннаго великою княгинею изъ Цареграда, свѣтился огонь и предъ св. престоломъ попъ Григорій изливалъ слезную молитву о спасеніи великой княгини, княжичей и всего града.

Предъ образомъ Богоматери тускло горѣла царградская, голубоватаго стекла лампада и предъ небесною Дѣвою великая княгиня, съ головы до ногъ окутанная въ бѣлую ферязь, молилась на колѣняхъ о спасеніи своемъ, своихъ внучатъ и всего града. Княжичи окружали великую, и хотя славянскую чтили вѣру, но въ тѣ минуты, въ душѣ, они внимали христіанскому моленію церкви и своей бабки. Народъ, безъ различія вѣры, наполнялъ христіанскую малую церковь и также колѣно-преклоненно молился.

Въ тѣ тяжкіе дни, быть можетъ, болѣе полграда кіевскихъ язычниковъ, признали Христа Спасителя и отвлеклись отъ бездушныхъ истукановъ.

IX.

Волчій Хвостъ спасаетъ Кіевъ отъ Печенѣговъ.

Костарь валялся у огня, разложеннаго на возвышеніи, сдѣланномъ по срединѣ его грязной лачуги. Онъ былъ хворъ. Бабы шептуньи,—въ знахарство и чародѣйство которыхъ онъ гораздо тверже вѣрилъ, нежели въ могущество бога грома и молніи и прочихъ славянскихъ боговъ,—пользовали его разнымъ зельемъ, подкуривали наговоренными снадобьями и до восхода и по заходѣ солнца отшептывали его. Въ послѣдніе два дня или отъ бабскихъ шептаній и зелья, или уже сама природа благодатно дѣйствовала, но Костарь началъ чувствовать себя въ лучшемъ положеніи.

— Былъ уже поздній вечеръ и на градъ спустилась такая темнота, что въ пяти шагахъ нельзя было видѣть люда. Огонь на очагѣ началъ нѣсколько потухать и сладкая дремота одолѣвала Костаря, переворачивавшагося съ бока на бокъ. Въ то время раздался осторожный стукъ въ дверь его лачуги.

— Дверь не заперта, кто тамъ? Входи.—Сквозь дремоту произнесъ Костарь.

— Дверь пошатнулась, потомъ со скрипомъ растворилась и въ лачугу вошли двѣ женщины въ длинныхъ темнаго цвѣта шугаяхъ, изъ подъ которыхъ спускались толстыя грубой шер-

стяной ткани поневы голубаго цвѣта. На головахъ женъ были бѣлые убрусы, длинные концы которыхъ падали по плечамъ и достигали до поневъ.

— Одна изъ женщинъ принесла въ глиняномъ кувшинѣ свареннное зелье, а другая въ небольшомъ горшкѣ страву.

— Сегодня я отчаялась быть у тебя,—сказала принесшая зелья.

— Отъ чего?

— Боже Перуне, скотій боже Волосъ, что дѣялось на площади перуновой!... .

— Что такое?

— А люду, люду сколько было, страхъ сказать, кажись со всего града, и малъ и старъ были,—сказала другая женщина.

— Знать все замышляютъ противъ печенѣговъ?

— Стало быть, что такъ.

— Коня дорогого, цѣлый мѣхъ солидовъ, мало того, золотую одежду для витязя и все оружіе золотое, мало и того, еще великая княгиня приказала выставить четырехъ первыхъ красныхъ дѣвицъ—своихъ ординницъ на выборъ тому, кто спасетъ ее съ внучатами и градъ отъ печенѣжскаго плѣна, съ язвительною улыбкою сказала женщина.

— Боже Перуне,—Ладо-диди Ладо, что за дорогіе дары, что за красныя дѣвы были выставлены и вѣдь только одинъ и нашелся такой, который и рѣшился попытать спасти градъ и никакихъ даровъ не захотѣлъ. На что они мнѣ если я положу голову—какъ успѣю дѣло сдѣлать—градъ спасти и ворочусь, тогда и дары будутъ любы, а теперь ничего ненадобно.

— Кто же такой вызвавшійся?

— Твой же дружнякъ—Волчій Хвостъ.

— Отважная голова—Ну, едва ли она останется у него на плечахъ—сказалъ Костарь.

— Да хранитъ его Даждь-бу богъ, вѣдь не пропасть же всѣмъ намъ, и то сколько люда уже погибло, куда ни пойдешь вездѣ трупы гніютъ, ужъ даже псы не ѣдятъ человѣческаго мяса и некому сожигать ихъ, произнесла женщина.

— Перунъ и скотій богъ Волосъ и прочіе боги знали, за что послали на градъ и шъ такое несчастіе, начала говорить старуха, державшая въ рукѣ кувшинъ съ зельемъ, желая напоить имъ Костаря.—То ли было при князѣ Олегѣ, что дѣется теперь! Куда ни посмотришь со всѣхъ сторонъ во градѣ, повсюду построила великая княгиня для крещеныхъ церкви.

Тамъ церковь Софіи, тамъ Иліи, тамъ Аскольдова, а крещеныхъ сколько! Теперь на одного славянина, поклоняющагося богу Перуну, не менѣе десяти крещеныхъ прійдется.

— Такъ, такъ!... :.

— А правду говоришь баба Добромыслова, сказалъ Костарь.

— Конечно, что такъ. Да можно сказать, что нынѣ совсѣмъ истребляется перуновская вѣра и только еще великій князь да дружина его незабываютъ стараго закона. Да и тотъ какъ побудетъ въ Цареградѣ, то, пожалуй, отъ грековъ тоже переиметъ крещенную вѣру, какъ бабка его великая княгиня. Вотъ за такія то безбожныя дѣла и наказываютъ насъ всѣхъ богъ Перунъ, и едва ли Волчій Хвостъ со всею своею отвагою спасетъ градъ отъ печенѣговъ; кажися, что они завтра же будутъ обѣдать въ вашихъ клѣтяхъ и въ полонъ возмутъ и великую княгиню и внучатъ ея. Да и подѣломъ. На что уже была твердая въ старой вѣрѣ ключница великой княгини Малуша, вѣдь и ту склонила принять крещеную вѣру и приняла. Правда, что всему причиною великій князь. Если бы онъ запретилъ великой княгинѣ строить церкви, да вводить крещеную вѣру, а кіевлянамъ и своей дружинѣ креститься, то было бы менѣе крещеныхъ, а то только самъ сказалъ матери своей, когда она уговаривала его тоже креститься:

— „Могу ли одинъ принять новый законъ, когда дружина моя не вся еще крещена, она надо мною посмѣется," — сказала старуха Добромыслова.

— Да, рано, или поздо, а эти чурбаны, которыхъ вы считаете за вашихъ боговъ, слетятъ съ своихъ столпъ. Правда, надобно сказать, бабка Добромыслова, что старый вашъ законъ противъ крещеныхъ закона куда не ладенъ; я хоть и печенѣгъ, а скажу, что законъ крещеныхъ лучше стараго славянскаго. Да ужъ и не то время, чтобы чурбана считать за бога.

— Поди ты, песъ такой, вотъ этимъ зельемъ тебѣ голову оболью......

— Не сердись, вѣдь и въ шутку кое-что сказать необидно.

— Что за шутки съ Перуномъ и скотьимъ богомъ Волосомъ, что за шутки такія!.....

— Вотъ моя дорогая кормилица Алла, такъ не споритъ со мною,

— Да, не споритъ, а спроси-ка, чего хочетъ она отъ тебя, зачѣмъ и сегодня опять къ тебѣ прибрела.....

— Алла и сама мнѣ скажетъ, да и я знаю, охъ, охъ, охъ!

— Костарь! въ числѣ четырехъ ординдицъ выводили на площадь и мою Юнію. Она теперь въ велико-княжескомъ каменномъ теремѣ. Я уже такъ разсудила: не большое несчастіе если она достанется и Храблу, онъ отважный витязь и будетъ воеводою: великій князь его любитъ. Правда, что Храблъ лютъ какъ звѣрь, но вѣдь онъ же и спасъ мою Юнію отъ жертвеннаго ножа твоего, по твоему же совѣту онъ отнесъ ее еще младенцемъ на порогъ домины кобника крещеныхъ на Угорище,—но горе, тяжкое горе будетъ если ее увезутъ изъ града, если она попадется въ полонъ печенѣгамъ. Костарь ты можешь хотя теперь помочь мнѣ вырвать дочь мою изъ рукъ крещеныхъ........

— Алла ты развѣ забыла, что Юнія крещенная, что она тебя не хочетъ признавать за мать, пока ты также не станешь крещеною. Ты это помни.....

— Она моя дочь Вырви ея изъ рукъ крещеныхъ и отдай мнѣ. И ее не отпущу отъ себя.

— Чтожъ я могу сдѣлать? Сколько разъ я пытался ее похитить и возвратить тебѣ.

— Теперь ее легко можно увезть изъ терема, время такое, что никто и не подумаетъ о томъ, что замышляетъ мать похитить свою дочь, а на тебя и не подумаютъ.

Кто же намъ поможетъ?

— Баба Добромыслова, ты, да я все сдѣлаемъ, ты проберешься въ теремъ, скажешь ей, что за нею прислала княгиня, повези ее въ церковь, ибо княгиня будетъ цѣлую ночь молиться въ церкви, она выйдетъ, мы ее посадимъ на повозъ, который уже приготовила баба, и ее отвеземъ куда знаемъ. Мы все хорошо обдумали и устроили.

— А правду говоритъ, Аллушка. Ну-ка, Костарь, помоги ей возвратить дочь свою, вѣдь Аллушка тебя поитъ и кормитъ; вѣдь она за тобою какъ присматривала, когда ты захворалъ,— а теперь время самое удобное. И теперь великой княгини до Юніи ли? Аллушка никогда тебя не забудетъ, сдѣлай-ка ты ей угодное дѣло....

— Попробуемъ, но....

Костарь не кончилъ рѣчи, какъ въ дверь кто то сильно застучалъ.

— Кто тамъ? въ испугѣ вскрикнулъ Костарь.

— Не пугайся, печенѣжскій песъ.

— А, нежданно, негаданно.—Храбла голосъ: это онъ,—сказалъ Костарь.

Въ лачугу вошелъ Храблъ, держа въ рукѣ уздечку, и на никого не обращая вниманія.

— Такъ поздо, и ты пришелъ, что за причина?

— Не твое дѣло спрашивать! Гдѣ твой печенѣжскій платъ?

— Платъ, для чего?

— Гдѣ онъ?

— Вотъ тамъ въ углу лежитъ.

Храблъ, молча досталъ платъ, и все таки не обращая вниманія и на женщинъ, сказалъ:

— Повяжи мнѣ голову, какъ повязываютъ печенѣги.

Костарь исполнилъ требованіе Храбла, который въ тужъ минуту и ушелъ.

Женщины посмотрѣли въ недоумѣніи другъ на друга, потомъ на Костаря и молчали.

— Что онъ затѣялъ?

— Незнаю.—сказала Алла.—Но на что рѣшится, то навѣрное исполнитъ;—для него нѣтъ никакой преграды....

— Вѣроятно, хочетъ пробраться въ станъ печенѣговъ.

— Да, видно, что такъ. Говоритъ онъ по печенѣжски какъ печенѣгъ и знаетъ всѣ ихъ обычаи, въ станъ проберется, но воротится ли отъ туда?... произнесъ съ увѣренностію Костарь.

— Костарь, Костарь ты забываешь мою просьбу.

— Нѣтъ Алла, нѣтъ!.. Ну, что вы принесли?

— Вотъ тебѣ страва,—сказала Алла.

— Вотъ тебѣ и взваръ зелья, выпьешь и скоро совсѣмъ будешь здоровъ.

— Да, здоровъ то буду, если потомъ не умру отъ голода и безъ воды.

— И страву и воду буду носить тебѣ, возврати только мнѣ дочь мою.

— Ты всегда меня гостила, добрая Алла, я никогда не забуду ни твоихъ сладкихъ медовъ, ни того какъ ты мнѣ принесла воды, а потомъ стравы и меду, когда меня оставилъ на Угорищѣ Храблъ и я тамъ уснулъ и отъ изнеможенія не могъ идти. Пойдемъ, попробуемъ, быть можетъ я проведу Юнію къ тебѣ, а ужъ куда ты ее дѣнешь—того и знать нехочу.

— Хорошо, ты только усади ее къ намъ на повозъ, а повозъ нашъ будетъ стоять у самой теремной ограды.

— Пожалуй. Я выведу ее къ оградѣ. Обманомъ это можно сдѣлать. Скажу, посмотри Юнія, печенѣжскій князь разъѣзжаетъ по своему стану съ огнями и дивами, и пойдетъ....

Бабка Добромыслова помогла Костарю приподняться, при-

вязала ему голову къ доскѣ, поправила на немъ одежду, надѣла на голову войлочный колпакъ и всѣ трое вышли изъ клѣти.

— Пойдемте поскорѣе, гдѣ вашъ повозъ? спросилъ Костарь.

— Здѣсь!—отвѣчала Добромыслова. У насъ давно уже все приготовлено, чтобы увезть Юнію, только такого случая хорошаго, какъ теперь не было, да опасались, что ты не поможешь намъ.

— Да, Алла каждый день надоѣдала мнѣ объ этомъ И конечно, теперь всѣ думаютъ, какъ бы не умереть отъ голода, или безъ воды, или отъ мора, или не попасть въ полонъ печенѣгамъ; теперь ли кому до ординницы, мало ихъ у великой княгини, когда, какъ говорите, вмѣсто одной четырехъ выставили на выборъ, кто спасетъ градъ отъ печенѣговъ. Они сѣли въ повозъ, запряженный добрымъ конемъ и весьма скоро поѣхали къ оградѣ терема. Въ теремѣ ежеминутно ожидали нападенія печенѣговъ и страшное волненіе господствовало среди лицъ, находившихся въ гридницѣ и ординницахъ теремскихъ. При всѣхъ входахъ въ теремъ стояло по нѣсколько юношей, отроковъ и мечниковъ, ограда вокругъ терема была окружена цѣпью воиновъ. Въ самомъ теремѣ оставались нѣкоторые воеводы, бояры и нарочитые люди. Все богатство теремное было укрыто. Ожидали возвращенія великой княгини съ княжичами изъ церкви Софіи, чтобы къ разсвѣту увезть великую княгиню и княжичей въ непроходимую густоту Перевѣсища и помѣстить ихъ въ заранѣе приготовленной землянкѣ, чтобы печенѣги при взятіи Кіева не могли полонить великую княгиню съ княжичами. Въ одной изъ ординницъ, на дрянной скамьѣ, у простого деревяннаго стола, сидѣли ординницы, одолѣваемыя дремотою. Юнія сидѣла поодаль отъ прочихъ и также сонъ начиналъ ее одолѣвать, въ то время когда Костарь, какъ принадлежавшій къ числу теремныхъ прислужниковъ, свободно вошелъ въ ординницу терема и сказалъ:

— Ой, скоро мы погибнемъ, печенѣги подымаются отъ рѣки Лыбеди и захватятъ градъ. Въ теремѣ всѣ еще болѣе взволновались. Послышались крики испуга и отчаянія, суета и отчаяніе поднялись невообразимыя: одни выбѣжали изъ терема смотрѣть на станъ печенѣговъ съ рубежа возвышеннаго града, другіе искали спасенія въ потаенныхъ мѣстахъ. Воеводы начали дѣлать распоряженія объ извѣщеніи великой княгини о предстоящей послѣдней минутѣ жизни. И теремъ въ самое ко-

роткое время наполнился густою толпою народа, неизвѣстно откуда явившагося, ибо всѣ искали въ послѣднюю минуту спасенія вокругъ великой княгини и народъ полагалъ, что она въ теремѣ.

Въ тоже время внизу кіевской горы, на берегу Почайны, среди ночной темноты послышался довольно внятно голосъ, произносившій какія то слова на печенѣжскомъ языкѣ и извѣстную рѣчь. Стража града сочла это за сигналъ къ общему нападенію печенѣговъ на градъ, прибѣжала къ терему и сообщила объ этомъ воеводѣ, управлявшему малочисленною дружиною, остававшеюся въ Кіевѣ и находившеюся на валахъ градскаго укрѣпленія.

То была самая страшная минута. Уже всѣ ожидали ежеминутной погибели. Послали извѣстить великую княгиню, а всякій кто могъ убѣгалъ, незная и самъ, гдѣ найти мѣсто, чтобы безопасно укрыться. Въ туже минуту ординницы не находили четвертой своей подруги Юніи и куда она скрылась не знали. Общій страхъ, общая неизобразимая суета и отчаяніе были причиною тому, что каждый только думалъ о себѣ и своей жизни, не заботясь нисколько даже о близкомъ.

За полночь великая княгиня возвратилась изъ церкви. Суета въ теремѣ продолжалась, но нападенія печенѣговъ небыло ни съ какой стороны града. Станъ ихъ въ низу кіевской горы стоялъ спокойно; даже сторожевые костры ихъ потухали и видимо было съ высоты града, что печенѣги почиваютъ покойнымъ сномъ. Посланные вершники къ Лыбеди также пріѣхали и сообщили, что печенѣжскій станъ вокругъ всего града стоитъ спокойно и незамѣтно никакого въ немъ приготовленія къ нападенію.

Раннимъ утромъ, съ высоты возвышенности градской стражи, стоявшіе за теремомъ, увидѣли, какъ изъ стана печенѣжскаго вышелъ молодой человѣкъ, приблизился къ Почайнѣ, остановился на берегу, быстро сбросилъ съ себя одежду и рынулся въ волны рѣки. Когда онъ переплывалъ Почайну и вплывалъ въ Днѣпръ въ станѣ печенѣговъ поднялся громкій крикъ и вслѣдъ затѣмъ толпа конныхъ печенѣговъ прискакала къ самому берегу рѣки и пустила тучи стрѣлъ во слѣдъ плывшему, но онъ былъ уже почти на срединѣ Днѣпра и стрѣлы далеко отъ него падали въ воду. Увидѣвъ плывшаго войны Претича, наблюдавшіе за печенѣгами съ лѣваго берега Днѣпра, быстро подъѣхали къ нему лодкою, взяли его къ себѣ и привезли на берегъ. Густота кустарниковъ и де-

ревьѣвъ, покрывавшихъ отлогій лѣвый берегъ Днѣпра, не позволили видѣть куда повели воины переплывшаго къ нимъ, а кто онъ такой и зачѣмъ переплылъ, того не знали во градѣ, но полагали, что то былъ измѣнникъ какой либо.

Изъ за чернаго бора и серебристо-песчаныхъ возвышенностей, раскинутыхъ у того бора—*лысой горы* взошло свѣтлое солнце надъ бѣдствующимъ градомъ Кіевомъ; сотни труповъ людей, испустившихъ послѣднее дыханіе въ ужасныхъ мукахъ, произведенныхъ голодомъ и моромъ—лежали на перуновой площади и подлѣ терема, а другіе сотни и сотни многочисленныя приготовлялись пасть въ челюсти голодной смерти и подлѣ труповъ ближниковъ своихъ ползали, проливая кровавыя слезы и издавая вопли отчаянія, раздиравшіе души и самыхъ закоснѣлыхъ и звѣрскихъ язычниковъ. Какъ тѣни среди ночи, какъ движущіе трупы умершихъ отъ мора и глада, ходили по граду тѣ, кои еще сохранили послѣдній остатокъ силъ, съ часа на часъ ожидая также мучительной смерти.....

Отчаянное положеніе кіевлянъ превзошло всѣ границы: голодъ, жажда, моръ понуждали отворить входы во градъ и встрѣтить печенѣговъ и отдать имъ даже добровольно на отсѣченіе свои головы, ибо та смерть предпочиталась той, которую столько времени испытывали кіевляне, находясь въ осадѣ.

Въ полдень старикъ Миславъ вышелъ изъ терема подошелъ къ Перуну, растянулся передъ нимъ, произнесъ какія то невнятныя восклицанія, приподнялся, нѣсколько разъ поклонился до земли предъ истуканомъ, оборотился на всѣ четыре стороны и на каждую дунулъ и плюнулъ и руками сдѣлалъ какіе-то таинственные знаки, потомъ взялъ висѣвшую у подножья Перуна не большую металическую доску и такой же молотокъ и началъ молоткомъ бить въ доску, то былъ знакъ сбора на народное вѣче. Миславъ прошелъ по всѣмъ улицамъ и площадямъ и народъ, услышавъ звукъ призывавшій на сборище, со всѣхъ концовъ града потянулся къ перуновой площади.

Съ каждымъ днемъ народа во градѣ значительно уменьшалось; уже на этомъ сборищѣ было менѣе нежели сколько было еще вчера, когда за спасеніе града предлагались дары. Въ одинъ день моръ забралъ большое число жертвъ....

— Кіевляне! вчера еще вызвался отрокъ прозваніемъ Волчій Хвостъ, именемъ Храблъ, сынъ славнаго воеводы Свѣ-

нельда, дать знать воеводѣ Претичу о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Онъ отвергъ дары, сказавъ, что славянину они не нужны, когда надобно спасти градъ и послѣ того, взявъ простую уздечку, скрылся съ нею.—Быть можетъ онъ задумалъ какъ спасти градъ и насъ, но замыселъ его не удался; печенѣги, вѣроятно, его схватили и голова его слетѣла съ плечъ. Надежды уже нѣтъ на наше спасеніе, и мы все равно должны погибнуть отъ глада, жажды и мора, или пустить печенѣговъ во градъ. Конечно они до послѣдняго ограбятъ насъ, но можетъ быть не всѣхъ же хотя предадутъ смерти, а которыхъ и умертвлятъ, то и тѣмъ легче перенести будетъ смерть отъ печенѣговъ нежели лютую отъ глада, жажды и мора, которую понесли уже столько нашихъ милыхъ ближниковъ. Кіевляне! мы должны завтра же отворить входы во градъ и выслать къ печенѣгамъ дружину, прося у нихъ пощады себѣ и граду........

— Вотъ, что надѣлалъ намъ и граду Кіеву великій князь. Отправился за злато защищать грецкаго царя, который едва ли оцѣнитъ такую жертву нашего героя—князя,—а насъ оставилъ безъ войска—на явную погибель, на жертву печенѣгамъ, говорилъ старикъ Миславъ.

— Твоя правда старикъ, твоя правда!

— Такъ, такъ!

— Вотъ ужъ правда!

— Истинно такъ!.... Со всѣхъ концевъ кричали сотни головъ.

— Завтра мы должны выслать словъ къ печенѣгамъ, отворить имъ входы градскіе и просить у нихъ пощады себѣ и граду.....

— Горестно, тяжко рѣшиться на это,—сказалъ кто то изъ бояръ, стоявшихъ близъ воеводы.

— Тяжко, но лучше же хотя не всѣмъ погибнуть, когда нѣтъ никакой надежды на спасеніе,—отвѣчалъ воевода.

— Выслать словъ къ печенѣгамъ.

— Защищаться до послѣдняго человѣка, сдѣлавши на нихъ нападеніе

— Это безразсудно, когда у насъ нѣтъ не только воиновъ, но и благонадежныхъ и здоровыхъ стражей,—раздавались голоса въ толпѣ.

— Сдаться!—сказалъ кто то въ отдаленіи.

— Одно средство сдаться!

— Ну такъ и приготовляться къ сдачѣ.

— Завтра въ полдень выслать къ печенѣгамъ словъ.

— Въ полдень выслать словъ—заговорила толпа и на томъ рѣшили. Вѣче начало расходиться и каждый спѣшилъ дѣлать послѣднія приготовленія къ завтрашнему страшному дню, но все таки болѣе отрадному, нежели оканчивающійся день. Мольба о спасеніи града и народа, мольба христіанская великой княгини ни на минуту не прерывалась со вчерашняго дня, т. е., съ того времени какъ отрокъ Храблъ объявилъ, что онъ обрѣкаетъ себя на отвагу дать знать воеводѣ Претичу о о несчастіи кіевлянъ. Служеніе въ церкви Софіи также ни днемъ ни ночью не прерывалось, крестные ходы совершались и въ послѣдній день, нѣсколько разъ, а между тѣмъ и въ этотъ день жертвъ Перуну не было и даже никто и изъ язычниковъ о томъ и не думалъ. Таково было тогда могущественное вліяніе христіанства и такъ ослабѣло уже вѣрованіе самаго народа къ бездушнымъ истуканамъ....

Къ вечеру всѣ приготовленія для сдачи града печенѣгамъ были сдѣланы и оставшійся въ живыхъ народъ приготовилъ себя къ тому.

Еще разъ закатилось безотродно кровавое солнце за высоту Олеговой могилы; еще разъ покрыла Кіевъ ночь, коей тьма была для кіевлянъ ужаснѣе гробовой тьмы заживо погребенному и безнадежно бьющемуся въ могилѣ, чтобъ сбросить съ себя тяжелую насыпь земли; и еще разъ прошла эта ужасная ночь и свѣтлое солнце, какъ отрадный лучь христіанской надежды, проницающій душу раскаяннаго грѣшника,—пролило свой отрадный первый свѣтъ на проснувшихся кіевлянъ.

И вотъ при первыхъ лучахъ того солнца кіевляне, къ неописанной своей радости, къ вовсе нежданному спасенію своему, съ высоты града увидѣли, что вся дружина воеводы Претича плыветъ изъ за Днѣпра къ Кіеву. Голосъ громкихъ трубъ и звуки веселой музыки, игравшей на ладьяхъ Претича, поразили и печенѣговъ и кіевлянъ.

Въ станѣ печенѣговъ внезапно поднялась страшная суета, воины быстро садились на коней, пѣшіе собирались въ стяги, запрягали въ войлочныя кибитки верблюдовъ и всѣ бѣгали, кричали, разъѣзжали съ одного мѣста на другое и вслѣдъ за тѣмъ необозримыя толпы пѣшихъ печенѣговъ, а за ними обозъ и потомъ вершники двинулись то въ одну, то въ другую сторону, очищая свободный проходъ къ Кіеву.

На самомъ берегу Днѣпра, у града собралась толпа пѣшихъ и конныхъ печенѣговъ, казалось толпа ожидала при-

плыва войновъ кіевскихъ. И вотъ нѣсколько людей пристало къ берегу и безстрашно вышли изъ нихъ войны на берегъ и подошли къ толпѣ враговъ.

Кіевляне все это видѣли съ высоты своего града и радостныя ихъ крики заглушили воздухъ. А между тѣмъ Днѣпръ покрытый ладьями войновъ, ужасалъ печенѣговъ, которые спѣшили отходить отъ Кіева, боясь погони, воображая предъ собою непобѣдимую дружину великаго князя и его самого. Такъ страшно было и одно имя Святослава. Обрадованные кіевляне увидѣли уже и самого воеводу Претича; видѣли какъ и онъ присталъ къ кіевскому берегу, вышелъ изъ ладьи и подошелъ къ какому то печенѣжскому всаднику, который ему поклонился и затѣмъ всталъ съ коня и подалъ его Претичу, снялъ съ себя саблю, колчанъ съ стрѣлами и также отдалъ ихъ вмѣстѣ съ лукомъ Претичу, а воевода Претичъ подалъ ему свой щитъ, мечъ и броню. Кіевляне догадались, что была дружественная мѣна бранныхъ доспѣховъ между двумя предводителями войскъ,—между предводителемъ войскъ печенѣжскихъ и воеводою Претичемъ.

Воевода Претичъ сѣлъ на печенѣжскаго коня, надѣлъ на себя данные ему саблю, колчанъ и, взявъ въ руку лукъ, торжественно началъ подыматься по *Сборичеву путицу* къ граду, а предводитель печенѣговъ поспѣшно отступалъ отъ Кіева.

Восторженные крики кіевлянъ, встрѣчавшихъ Претича увеличивались съ каждымъ шагомъ его коня, приближавшемъ его къ граду.

Вслѣдъ за воеводою Претичемъ кіевляне увидѣли идущаго предъ дружиною Храбла. Онъ весело разговаривалъ то съ воеводою, то съ другими начальствовавшими надъ дружиною Народъ тысячи разъ произносилъ имя Храбла Волчьего Хвоста и узналъ тогда кто виновникъ отступленія печенѣговъ и всего происходившаго у града

X.

Волчій-Хвостъ—Воевода.

Отъ Аскольдовой могилы къ юго востоку, по рубежу возвышенности, по яругу Кловскому и отъ возвышенностей къ водамъ Днѣпра, вездѣ зеленѣлъ густой лѣсъ преимуще-

ственно берестовыхъ деревьевъ; среди этого лѣса, по откосамъ возвышенностей, лѣпились маленькія клѣти жившихъ здѣсь рыбаковъ, кои почти всѣ были крещеные. Жили здѣсь издревле и варяги, пришедшіе сюда при Аскольдѣ и Дирѣ, кои также частію были крещеные, а другіе, не признававшіе Христа, обитая среди овраговъ и густыхъ лѣсовъ кіевскихъ и въ изрытыхъ ими подземельяхъ, разбойничали по Днѣпру, нападая на пловцевъ среди ночной темноты или въ бурю. Небольшое поселеніе это носило названіе *Берестоваго*. На вершинѣ возвышенности Берестоваго, подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей столѣтнихъ деревъ, стоялъ небольшой теремокъ, построенный при великой княгинѣ. Въ теремкѣ часто проживала великая княгиня съ княжичами, а въ особенности съ внукомъ своимъ Владиміромъ, котораго и мать—бывшая ключницею великой княгини—Малуша, также здѣсь жила, ибо она, убѣжденная великою княгинею въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, крестилась тогда, когда многіе изъ придворныхъ женщинъ, находившихся при великой княгинѣ, коснѣли по упорству въ язычествѣ. Жили въ Берестовомъ теремцѣ многія изъ ординицъ княгини, потому, что великая княгиня послѣдніе годы своей жизни, а въ особенности послѣ пріѣзда изъ Константинополя, по принятіи крещенія, почти постоянно здѣсь проводила, а если и возвращалась въ каменный теремъ въ градъ, то на самое короткое время, и то въ крайней необходимости.

Любилъ теремокъ на Берестовѣ и великій князь, и когда дѣлалъ ловли въ Перевѣсищѣ великой княгини или на Сокольемъ Рогѣ, который былъ на юго-востокъ отъ Берестова и за Перевѣсищемъ, то почти каждый разъ пріѣзжалъ отдыхать въ теремкѣ.

Изнеможенная отъ отчаянія погибнуть при взятіи печенѣгами града, выстрадавшая душей и перенесшая не изобразимыя мученія въ продолженіе всѣхъ дней осады града, съ совершенно потерянными силами, великая княгиня изъ града переѣхала въ Берестовый теремокъ въ тоже время, когда получила достовѣрное свѣдѣніе, что печенѣжскій князь, обманутый тѣмъ, что воевода Претичъ былъ начальникомъ передовой дружины великаго князя, который съ многочисленными войсками приближается къ граду, предложилъ Претичу миръ и отступилъ изъ Кіева. Въ теремкѣ ожидала она ежеминутно возвращенія своего сына, котораго призывала изъ Болга-

ріи для спасенія Кіева и всего великаго княжества. И вотъ она дождалась этого вожделеннаго дня.

Въ полдень долетѣлъ слухъ до жившихъ на Аскольдовой могилѣ и въ Берестовомъ, что великій князь прибылъ въ градъ и скоро пріѣдетъ въ теремокъ обнять великую княгиню и дѣтей своихъ. Скоро послѣ того слуха въ Берестовомъ начали собираться всѣ бояре, воеводы, отроки, мечники, гриды, которые отстаивали градъ при обложеніи его печенѣгами. Почти послѣдній изъ этихъ лицъ пріѣхалъ на конѣ спасшій градъ отъ конечной гибели отрокъ Храблъ—Волчій Хвостъ. На лицѣ его изображалась сильная грусть. Онъ вчера только прибылъ во градъ, будучи посланъ великою княгинею въ Болгарію увѣдомить великаго князя о нападеніи и отступленіи печенѣговъ По сторонамъ Храбла ѣхали также верхами на коняхъ, бывшіе во градѣ въ дни осады печенѣговъ мечники Ивой и Петро. Между ними тянулся довольно живой разговоръ:

— Я полагаю, что она погибла отъ мора и не могу повѣрить, чтобы кто ее похитилъ изъ терема. Такое ли время было, да и кому она нужна была. Правда, она была красная изъ всѣхъ красныхъ дѣвъ. Отроки и мечники засматривались на нее, но тогда, когда весь народъ гибъ отъ глада и мора, когда всѣ ожидали своей гибели отъ печенѣговъ, до Юніи ли кому было?...—Говорилъ Ивой.

-- Да, она очень могла погибнуть отъ мора или даже отъ одного страха, ибо когда везли ее съ подругами на перуновую площадь, развѣ не могли онѣ думать, что ихъ избрали для жертвы перуву, что ихъ зарѣжутъ предъ идоломъ и сожгутъ. Послѣ того, какъ она была привезена въ теремъ, легко можетъ быть, что со страха, въ безпамятствѣ, забѣжала куда либо и потомъ погибла и трупъ ее сожгли безъ разбору въ кучѣ съ прочими погибшими. Кто, въ самомъ дѣлѣ, тогда разбиралъ умершихъ отъ мора,—сказалъ Петро, въ отвѣтъ Ивою.

— Какъ бы не погибла, гдѣ бы не погибла, а она такъ люба была моему сердцу!.....—сказалъ Храблъ и вздохнулъ.

— Не одна въ лѣсу ягодка, не одна и въ теремѣ дѣвка красная,—весело произнесъ Петро.

— Но ты же сказалъ, что краше всѣхъ изъ красныхъ дѣвъ была Юнія.

— Конечно такъ! Но не точить же слезы по дѣвѣ, такому молодцу какъ ты. У тебя красная дѣва—твоя сабля

острая, не одна еще Юнія повиснетъ на твоей богатырской груди...

— Ахъ, Ивой, Ивой, все такъ, да жалко красной дѣвки, одно только, что она была, какъ и вы крещенка, ну да что за бѣда, наши умыкаютъ и крещенокъ, только наши гнушаются парувянокъ. Приблизившись къ теремку, всѣ трое вершника слѣзли съ коней и привязали ихъ въ лѣсу у деревъ. Они хотѣли подойти къ терему, увидѣвъ у входа его многихъ изъ бояръ и знакомыхъ своихъ, какъ изъ лѣса прискакалъ вершникъ съ вѣстью, что великій князь съ дружиною своею уже близко Берестоваго.

На встрѣчу великаго князя вышла великая княгиня и княжичи: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ.

Предъ теремцомъ простиралась небольшая поляна, покрытая яркою какъ бархатъ зеленью Эту поляну со всѣхъ сторонъ окружалъ густой лѣсъ, по коему извивалась изъ града чрезъ Перевѣсище узкая дорога, по коей трудно было ѣхать въ рядъ даже двумъ вершникамъ или пароконному повозу. Дорога эта выходила между двухъ толстыхъ берестовъ на поляну, по коей за тѣмъ простиралась къ теремку. Къ концу поляны, на дорогѣ, подошла великая княгиня и княжичи, а за ними вся ихъ дружина, сострадавшіе вмѣстѣ съ ними во дни осады.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ выхода великой княгини на встрѣчу, въ лѣсу послышался звукъ оружія и топотъ коней и изъ чащи выѣхалъ на бѣломъ конѣ плечистый, средняго роста воинъ. На кругломъ лицѣ его ярко блестѣли большіе голубые глаза, осѣненные темнорусыми густыми бровями, довольно плоскій носъ снизу оттѣнялся длинными, также темно-русыми усами, прикрывавшими губы, круглый подбородокъ заканчивался небольшою рѣдкою бородою. На головѣ его былъ шлемъ, броня прикрыта была длинною грубою, шерстяною, коричневато цвѣта матеріей. Это былъ свѣтлый нардубъ—великій князь Святославъ. За нимъ ѣхали, также въ военныхъ доспѣхахъ его приближенные воеводы.

Увидѣвъ вышедшую на встрѣчу его мать и дѣтей, Святославъ остановилъ коня, слѣзъ съ него, подошелъ къ великой княгини и обнялъ ее, а потомъ кождаго изъ своихъ сыновей...

Послѣ первыхъ мгновеній этой встрѣчи, великій князь окинулъ своимъ орлинымъ взоромъ всѣхъ окружавшихъ ве-

ликую княгиню, какъ-бы кого то ища взоромъ, и увидѣвъ *Храбла*, сказалъ:

— Подойди ко мнѣ.

Храблъ приблизился и великій князь съ чувствомъ признательности обнялъ молодаго героя.

— Благодарю тебя! ты спасъ мою мать, моихъ дѣтей и весь градъ. Володиміръ, да будетъ Волчій Хвостъ твоимъ воеводою! – произнесъ великій князь, еще разъ обнялъ Храбла и подалъ руку его сыну своему Володиміру.—Вотъ твой воевода!

Потомъ великій князь, окруженный матерью и сыновьями, ушелъ въ теремокъ; воеводы великаго князя окружили Храбла, поздравляли его съ воеводствомъ и забросали распросами, какъ онъ перебрался чрезъ Днѣпръ къ Претичу.

— Одинъ я говорю печенѣжскимъ языкомъ и въ градѣ никого не находилось знающаго печенѣжскіе обычаи. Костарь былъ недужный, да онъ какъ калѣка и притомъ плѣнникъ не могъ сдѣлать то, что слѣдовало. Отъ Костаря я выучился печенѣжскому языку и этимъ воспользовался. Великая княгиня и народъ предложили одинъ даръ изъ трехъ тому, кто увѣдомитъ воеводу Претича о несчастіи града и всей великокняжеской семьи. Въ числѣ даровъ была и дѣвица Юнія, красная изъ красныхъ. Съ пеленокъ я еще зналъ ее и, не смотря на то, что она стала крещеною, она мнѣ была люба. Не для того непремѣнно, чтобы взять въ жены свои Юнію, вызвался я спасти градъ, а для спасенія града и великой княгини съ княжичами, и думалъ, что если найдется кто другой, которому посчастливится тоже сдѣлать, то, пожалуй, изъ предложенныхъ даровъ возметъ Юнію, и мнѣ стало жаль ее, и я то вызвался попытать счастіе. И взялъ я простую уздечку, одѣлся по печенѣжски, и рано утромъ, когда въ станѣ печенѣги спали спокойнымъ сномъ, я спустился съ горы и свободно прошелъ станъ, крича по печенѣжски: „не видѣлъ ли кто моего коня?“ Стражи печенѣжскіе воображая, что я ихъ собратъ, спокойно отвѣчали, одни, что коня не видѣли, а другіе говорили: смотри, не побрелъ-ли къ водѣ воду пить, къ берегу много ушло коней. А мнѣ и надобно было добраться къ Почайнѣ, и счастливо я дошелъ къ берегу, и у *Турьего Ручая* поспѣшно сбросилъ съ себя одежду и пустился въ плавъ Когда я переплывалъ Почайну и оставалось мнѣ нѣсколько шаговъ до песчаной косы, отдѣляющей Днѣпръ отъ Почайны, печенѣги узнали, что я не ихъ дружникъ и пу-

стили тучи стрѣлъ, но было уже поздно; стрѣлы ихъ далеко ложились отъ меня, падая въ воду. На косѣ я отдохнулъ и вновь пустился плыть. Съ лѣваго берега меня увидѣли наши стражники, подплыли ко мнѣ на челнокѣ и взяли меня...

Сказавши это, Храблъ задумался.

— Правда,—продолжалъ рѣчь свою Храблъ, возвысивъ голосъ,—что кучи труповъ лежали на стогнахъ и улицахъ града. Лежали гдѣ кто умеръ: въ одномъ мѣстѣ и женщины и мужи и дѣти и взрослые и люди славянскаго закона и крещеные. Никто не обращалъ на погибшихъ вниманія и подлѣ труповъ лежали умиравшіе отъ глада и мора... Быть можетъ, что и трупъ Юніи погибшей отъ мора, вмѣстѣ съ прочими сожженъ .. Вѣдь было много и такихъ труповъ, которыхъ псы до костей объѣли и нельзя было узнать, кто погибшіе...

— Тебѣ ли добру молодцу о дѣвицѣ тужить? У тебя то у витязя, у знатнаго богатыря жена при боку—сабля острая,—сказалъ кто то изъ слушавшихъ разсказъ Храбла.

— Знаемъ мы это, слышалъ я уже такія рѣчи. Само собою не о женѣ дѣло идетъ, вотъ чтобы я то совсѣмъ обабился, а говорится жалѣючи красной дѣвицы ..

Вскорѣ Храблъ ушелъ, а за нимъ и прочіе разошлись.

Поздно вечеромъ, послѣ порядочнаго гощенія медомъ всей дружины, прибывшей съ великимъ княземъ и люда, остававшагося во градѣ и находившагося при великой княгинѣ и княжичахъ, начали всѣ бывшіе у Берестоваго теремца возвращаться въ градъ и по своимъ жильямъ.

Съ прибытіемъ дружины свѣтлаго князя въ градѣ повеселѣло, уже послышался веселый разговоръ, на улицахъ начался и радостный говоръ женъ и красныхъ дѣвъ, не было уже видно труповъ и даже въ воздухѣ не было уже тлетворнаго и смраднаго запаха. За то появилось проявленіе идольства во всей его силѣ, какъ было въ прежнее время до поѣздки великой княгини въ Константинополь. Уже дымились кровавыя жертвы предъ идолами и стальной широкій жертвенный ножъ, обагренный кровью, блисталъ въ рукахъ урода Костаря, который закалалъ жертвы; уже слышались презрительныя слова и рѣчи, направленныя противъ крещеныхъ. Христіанская русь начала унывать....... наступало тяжкое время.

Проходили дни за днями и во градѣ все потекло по прежнему: перунщики взяли верхъ надъ крещеными, не смотря на то, что великій князь вовсе не возбранялъ даже самымъ

приближеннымъ къ нему воеводамъ, боярамъ и другому люду креститься, крещеные увидѣли, что еще не настало время, когда имя Христа вполнѣ восторжествуетъ надъ перунщиками и безкровная жертва спасенія замѣнитъ кровавыя грѣшныя жертвы идоламъ. Гоненія на крещенныхъ отъ кіевскихъ перунщиковъ еще болѣе увеличивались, когда многіе изъ дружины свѣтлаго князя, возвратившіеся изъ Болгаріи, также приняли крещеніе. Гоненія дѣлались безнаказанно и это поражало великую княгиню, которая огорченная отказомъ свѣтлаго князя принять, по ея примѣру крещеніе, заболѣла и слегла въ постель....

Опасное положеніе престарѣлой матери не дѣйствовало на воинственный характеръ свѣтлаго князя, и онъ, на предложеніе и даже убѣжденіе матери въ пользѣ принятія имъ христіанства, не принимая его, постоянно проговаривался, что если приметъ новый законъ, то его дружина его же и осудитъ, высказалъ свое непремѣнное намѣреніе оставить мать и Кіевъ градъ и переселится въ болгарскій Переяславецъ.

Дружина Святославова на сколько могла также настаивала, чтобы князь оставилъ Кіевъ. Самые приближенные мужи къ свѣтлому князю, говорили ему, что въ Переяславцѣ веселѣе жить нежели въ Кіевѣ, ибо туда стекаются съ Греціи золото и дорогія ткани, вино и плоды, богемцы и угры шлютъ туда серебро и коней, даже русь везетъ туда мѣха, медъ, воскъ и челядниковъ. Притомъ же въ Кіевѣ правымъ славянамъ невозможно жить и потому, что вѣра предковская поругана, и день отъ дня уничтожается крещеными, что славянскихъ боговъ не чтутъ уже такъ, какъ это было въ древнія времена; не приносятъ въ жертву людей, перунъ разгнѣванъ на не почтительныхъ кіевлянъ и потому то караетъ ихъ и гладомъ и моромъ и нашествіемъ печенѣговъ; что идолы, безъ должнаго присмотра полуистлѣвшіе и великая княгиня не позволяла ставить новыхъ, а церкви строются безнаказанно и за градомъ и даже внутри самаго града, и, что наконецъ, если великая княгиня поживетъ далѣе, то Кіевъ, какъ и градъ царя Константина, будетъ наполненъ одними крещеными, которые непремѣнно уничтожатъ славянскихъ боговъ.

Великій князь раздѣлялъ мнѣніе своихъ приближенныхъ, хотя онъ былъ весьма вѣротерпимъ, но безпрестанные наговоры его воеводъ и бояръ перунщиковъ, ненавистниковъ крещеныхъ, заставили его даже желать не только оставить само-

му Кіевъ, но и владѣніе Кіевомъ и всѣмъ княжествомъ онъ поручалъ сыну своему Ярополку, и въ тоже время управленіе землею древлянскою возложилъ на сына Олега и согласился на предложеніе новгородскихъ словъ, отпустить къ нимъ править Новгородомъ меньшаго сына своего Владиміра.

Такія замыслы были извѣстны умирающей великой княгинѣ, и конечно, въ послѣдніе дни жизни, терзали ее сердце, которое предвидѣло, что со смертію ея подымутся страшныя гоненія на христіанъ и перунщики восторжествуютъ.

Великій князь почти ежедневно посѣщалъ дряхлую болѣзненную мать, иногда даже въ ея одринницѣ собирались нарочитые мужи подумать и размыслить о дѣлахъ великаго княженія и великая княгиня, не смотря на тяжкое изнеможеніе и болѣзненное страданіе, не оставляла принимать участіе въ дѣлахъ правленія. Но въ одинъ день, вовсе нежданно, во градѣ разнеслась вѣсть, что великой княгини не стало, что попъ ея Григорій сокрылъ ея прахъ безъ подобающихъ почестей и только во всѣхъ христіанскихъ церквяхъ съ утра и до поздней ночи творятъ слезныя мольбы. Вѣсть была справедлива. Крещеные быстро узнали о великой своей потерѣ и стекались въ церкви на молитвы и тогда-то дружина свѣтлаго князя увидѣла, что во градѣ болѣе крещеныхъ, нежели перунщиковъ и ужаснулась тому вліянію на людъ кіевскій, какое имѣла въ послѣдніе годы жизни великая княгиня.

— Посмотри, нашъ свѣтлый пардусъ, что совершилось безъ тебя въ градѣ: церкви крещеныхъ блистаютъ златомъ и паволоками и въ нихъ толпы люда, а наши боги подгнили и склонились и передъ ними не приносятся жертвы и даже нѣтъ поклонниковъ. Поѣдемъ лучше въ Болгарію,—сказалъ Свѣнельдъ, когда опечаленный смертію матери, возвращался великій князь изъ Угорища въ каменный теремъ.

— Оно такъ, но взгляни на небо, какая черная туча нависла надъ градомъ, знаешь ли, что не доброе предзнаменованіе!—произнесъ свѣтлый князь, указавъ на страшную свинцовую тучу, нависшую съ востока надъ Кіевомъ, отъ которой, казалось, пронесется и всесокрушающій вѣтръ и проливной дождь и раздадутся убійственныя стрѣлы молніи и перекатъ грома.

— Князь! эта туча несетъ граду перуновы стрѣлы и его грохотъ на погибель крещенымъ и въ торжество славянскимъ богамъ. Увидимъ, перунъ поразитъ крещеныхъ!

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, великій князь отпустилъ съ воеводами Добринею и Волчимъ Хвостомъ сына своего Владиміра, править Новгородомъ, Ярополка оставилъ въ Кіевѣ, Олегу приказалъ ѣхать къ древлянамъ и самъ съ дружиною отправился въ Болгарію. И въ тотъ часъ, когда онъ выѣзжалъ на конѣ впереди своей дружины, торжественно провожая чрезъ градъ свои многочисленные вои, мрачная какъ могила туча, застилавшая со дня смерти великой княгини весь горизонтъ надъ градомъ, изрынула страшные потоки проливнаго дождя, и, какъ бы въ самомъ дѣлѣ, въ знаменованіе побѣды христіанства надъ славянскимъ идолопоклонствомъ, загрохотала потрясающими громами и разметала убійственныя стрѣлы молніи, и тогда то подъѣденные временемъ деревяные истуканы славянскихъ боговъ, стоявшіе по разнымъ мѣстамъ града и самый главный истуканъ Перуна, свалились на землю изъ своихъ стоялъ. Ничто однакоже не могло удержать великаго князя отъ предпринятаго имъ пути въ Болгарію и онъ уѣхалъ изъ града, и вслѣдъ за тѣмъ мрачная туча исчезла и на свѣтлой сапфирной чашѣ кіевскаго неба покатилось блестящее солнце, но когда оно начало склоняться къ западу, за могилу *Вѣщаго*, то не золотисто-румяная а кровавая заря растянулась по небу, какъ бы вѣщуя кіевлянамъ, что еще для полнаго торжества христіанства надъ идольствомъ, предстоитъ испытать поклонникамъ Христа кровавыя мученія.

(Продолженіе впредь).

Объясненіе словъ, вошедшихъ изъ славянскаго языка въ сочиненіе:

Морочно—грустно. **Сычъ**—филинъ. **Мавки**—дѣти умершія безъ крещенія, кои въ лунныя ночи, по славянскому вѣрованію, играютъ на вѣтвяхъ деревъ въ лѣсу и поймавъ путника, щекочутъ его до смерти. **Вено**—приданное. **Сѣрый**—волкъ. **Понява**—юбка. **Тюфни**—башмаки, туфли. **Убрусъ**—полотенце, головная повязка. **Малуша**—ключница великой княгини, отъ коей родился Владиміръ, третій сынъ в. кн. Святослава. **Стягъ**—собраніе воиновъ, тоже что рота. **Яругъ**—яръ, оврагъ. **Умыкать**—воровать дѣвицъ въ жены себѣ; славянскій обычай.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

«Россія слишкомъ сильна, чтобъ обращать вниманіе на пропаганду и затѣи польскихъ агитаторовъ, Россія слишкомъ велика, чтобы заботиться о сохраненіи за Имперіею всѣхъ ея областей.» Вотъ сужденія, которыя слышатся довольно часто, и чаще всего изъ устъ польскихъ нашихъ друзей-патріотовъ; но не мало розплодилось и нашей русской братіи, съ голоса повторяющей тѣже сужденія о Россіи. Что Русь сильна неразрывностью союза власти съ народомъ, что русскій народъ чтитъ, любитъ и бережетъ власть, что сила Руси состоитъ въ крѣпости народнаго духа, въ единствѣ земли, вѣры, племенности, языка и быта, доказательствъ тому такъ много въ исторіи, что объ этомъ говорить не зачѣмъ. Самое расширеніе нашей территоріи, органическій ростъ ея и возмужалость, есть необходимость, къ которой Имперія пришла путемъ органической жизни и развитія: западныя наши губерніи слились съ Россіею въ силу динамическаго закона центро-стремительной силы, истекшаго изъ племеннаго сродства; южныя губерніи принесли Имперіи другое море, ввели ее въ натуральные, старые предѣлы и сдѣлались русскими провинціями въ силу тождества племени, единства вѣры и языка. Занятіе Кавказа имѣетъ особый, политико-стратегическій смыслъ. Финляндія Россіи, пожалуй, и не нужна бы была, но такъ какъ политическій центръ Имперіи, въ слѣдствіе событій, независимыхъ отъ народной жизни, создался при устьѣ Невы, то потребность въ Финляндіи, какъ въ оплотѣ С.-Петербурга, стала неотвратимою. И такъ, гдѣ же тѣ излишнія и обременяющія Имперію провинціи, на которыя намъ намекаютъ наши политики-юноши, политики самоучки? Не Царство ли Польское? Да мы никогда его и не присоединяли къ

территоріи русской. Вообще, намъ русскимъ противны завоевательные захваты; у насъ много и своего, чтобы не прибирать къ рукамъ чужаго; мы не посягали на польской народъ и его народность; но за то и не позволимъ простирать посягательство на насъ и кому? Не націи, не народу. а какимъ-то утопистамъ и заграничнымъ промышленникамъ польскаго патріотизма. Мы даже не въ правѣ отказаться отъ пяди земли, искони принадлежавшей намъ и снова купленной цѣною крови и столькихъ трудовъ и жертвъ. Разстаться намъ съ какою бы то ни было русскою областью добровольно, было бы тоже, что отнять здоровый членъ отъ крѣпкаго, живаго организма. Мы получили наслѣдіе, завѣщанное намъ предками не для того, чтобы ради необузданности страстей, ложности воззрѣнія, эфемерныхъ увлеченій и политической близорукости съ легкомысліемъ блуднаго сына расточить и размотать его. Да и гдѣ наше полномочіе распоряжаться незапамятнымъ достояніемъ народа, вѣковѣчною его землею? Призвалъ ли насъ народъ, ставитъ ли насъ правительство представителями народной воли, его интересовъ? Кто, наконецъ, мы, сами себя сдѣлавшіе законодателями и строителями судебъ народа? Вотъ вопросы, на которые ни одинъ изъ нашихъ выскочекъ регуляторовъ-идеалоговъ не дастъ отвѣта!

Большею частію, сколько ни приходилось сталкиваться съ нашимъ, такъ называемымъ, *краснымъ* людомъ, всѣ они считаютъ себя резервуаромъ ума, талантовъ и познаній, серьезно мало чему учились, рѣдкій изъ нихъ не бѣжитъ отъ труда, всѣ они фанфаронятъ идеями Бюхнера, Искандера, Феербаха и др. Люди эти, съ высокомѣрнымъ мнѣніемъ о себѣ и о своемъ призваніи пересоздать Русь, воображаютъ, что толчекъ всѣмъ реформамъ данъ ими, либеральничаютъ, нерѣдко укрываясь за мундиръ и должность, держатся за доходныя мѣста, пробавляются казеннымъ содержаніемъ, и во что бы ни стало, добиваются популярности, хоть бы даже для того пришлось потворствовать, льстить, нарушать долгъ и легкомысленно относиться къ закону. Въ обществѣ незнакомомъ они трусливо заявляютъ свои идеи, или отдѣлываются молчаніемъ, мимикою, отрывочными выраженіями: «разумѣется! еще бы! да какъ же иначе!» но за то въ своемъ кружкѣ неистовствуютъ, поднимаютъ кулаки на все русское и распинаются за все анархическое и революціонное. Другая категорія *краснаго* прогресса состоитъ

изъ молодежи, проживающей состояніе предковъ. Эти космополиты даже мало вдаются и въ разсужденія, упрямо повторяютъ брань и порицанія, вычитанныя изъ заграничныхъ журналовъ, выражаются афоризмами и цѣлыми тирадами изъ соціялистовъ, ѣздятъ въ Лондонъ и Парижъ за модными блузами и фраками, платятъ не торгуясь, лишь бы попасть въ книгу богачей, краснѣя, называютъ себя русскими и тутъ же заявляютъ свой космополитизмъ, свои либеральныя начала, чтобы скорѣе изгладить впечатлѣніе произведенное словомъ: «русскіе.» Будучи за границею, пишущій эту замѣтку былъ изумленъ, услышавъ заученную брань и порицанія, направленныя на самихъ себя, на наше отечество, и съ удовольствіемъ вспоминаетъ теперь объ одномъ англичанинѣ, предъ которымъ нашъ соотечественникъ входилъ въ экстазъ отъ напряженія осуждать и опорочивать нашу жизнь, наши нравы и нашу территорію. Англичанинъ, замѣтивши, какое грустное впечатлѣніе сдѣлалъ разсказъ этого quasi-русскаго на его другаго соотечественника, подошелъ немного спустя къ послѣднему, взялъ его за руку и сказалъ: «у насъ самихъ пустыхъ людей не мало; неужели вы полагаете, что слова его могутъ имѣть для насъ какое нибудь серьезное значеніе? Мы знаемъ, какъ русскіе любятъ свою землю. Мы о патріотизмѣ и гражданскихъ добродѣтеляхъ русскихъ судимъ по вашей арміи!

Да, польскіе патріоты отъ того косятся на широту Россіи, что ихъ ojczyzna слишкомъ узка. Они хорошо сознаютъ относительную слабость и ничтожество Польши въ составѣ Европы, съ территоріею, собственно польскаго населенія. Еслибы Россія и отдѣлила Царство Польское въ предѣлахъ, сплошно заселенныхъ польскимъ народомъ, то значеніе Польши въ Европѣ было бы не болѣе Саксоніи, Бельгіи и другихъ третьестепенныхъ государствъ; а между тѣмъ патріотамъ желалось бы видѣть Польшу не только независимою, но и первенствующею въ кругу славянскихъ народовъ державою. Достигнуть этого, по ихъ мнѣнію, можно только вторичною политическою уніею съ Литвой и Малороссіей. Надо отдѣлить обѣ эти области отъ Россіи, а чтобы подготовить это отдѣленіе, необходимо распространить идеи сепаратизма, и самую сепарацію объяснить дѣломъ обоюдной пользы, какъ для Великой Руси, такъ и для Литвы съ Малою Русью. Первая, по ихъ сужденію, съ умень-

шеніемъ своей территоріи, скорѣе, молъ, цивилизуетъ свой велико-русскій народъ и устроится въ матеріальномъ отношеніи, а послѣднія получатъ возможность развивать свои силы и свою цивилизацію самобытно. Соединеніе за тѣмъ Литвы и малой Руси съ Польшею, мечтаютъ они, придетъ само собою, въ силу историческихъ воспоминаній, обоюдности интерессовъ и необходимости.

Такого ли свойства эти историческія воспоминанія, чтобы русскій народъ западныхъ губерній, вторично пожелалъ ввѣрить свою судьбу Польшѣ? Въ интерессахъ ли народа прицѣпиться къ Польшѣ, и на буксирѣ итти за нею, покуда отжившія традиціи, сословные предразсудки, высокомѣріе, задорность и нелѣпая свобода вторично не разобьютъ въ щепы ветхаго польскаго корабля? Патріоты на этихъ вопросахъ не останавливаются, они, очертя голову, преслѣдуютъ свои несбыточныя цѣли; каждому изъ нихъ хотѣлось бы взять въ свои руки руль корабля; наши же русскіе космополиты сепаратисты повторяютъ тѣже идеи съ какимъ то раздражительнымъ азартомъ частію потому, что тщеславятся ими, какъ достояніемъ будто бы прогресса, а всего болѣе отъ полнаго неразумѣнія, что свои же руки предлагаютъ польскимъ патріотамъ на добываніе жареныхъ каштановъ изъ печи.

Мы просили бы нашихъ не призванныхъ домашнихъ судей и порицателей (если для нихъ рѣшительно не возможна независимость воззрѣній на политику и на нашу съ поляками распрю) не быть по крайней мѣрѣ, пассивными глашатаями идей и тенденцій, направленныхъ противъ насъ, во вредъ нашей Руси. Какъ обезъяны, какъ неразумное эхо, они повторяютъ фразы о широтѣ русской земли, о происходящемъ будто бы отъ того застоѣ понятій, неподвижности народа, препятствіи къ цивилизаціи и за тѣмъ, кромѣ сепараціи, въ головы ихъ не запало никакой дѣльной мысли, направленной къ тому, чтобы пособить нашей общей нуждѣ. Напомнимъ же имъ, что есть, къ тому средства болѣе естественныя и легчайшія, нежели навязанное имъ ихъ же врагами сепараціонное братоубійство. Средства, которыя мы здѣсь разумѣемъ, заключаются: въ сокращеніи пространствъ желѣзными дорогами и въ болѣе положительномъ и честномъ направленіи поколѣнія будущихъ дѣятелей Россіи.

Не такъ, намъ кажется, обращаются тѣже наши юные

мыслители и къ другому вопросу о силѣ Россіи. О силѣ физической и говорить нѣчего, она сознается въ массѣ 50 милліоновъ русскихъ сердецъ; но такова ли наша нравственная сила, сила общественнаго мнѣнія? Такой силы, или точнѣй—единомыслія, сознаться нужно, у насъ еще почти нѣтъ, наше общественное мнѣніе,—мнѣніе кружка, партіи, высказываемое какъ то случайно и чаще всего съ голоса вожатыхъ; соціальная связь интерессовъ, стремленій—слаба, едва замѣтна и часто такъ заявляется, что и въ правду думать хочется, что мы не созрѣли. Нашъ образованный классъ дробится на кружки по областямъ, городамъ, по направленію своихъ и чужихъ журналовъ, нашъ народъ молчитъ; кромѣ утѣшительнаго явленія въ протестахъ крестьянъ Волынской и Минской губерній противъ польской пропаганды, мы ни откуда не слышимъ его голоса; тщеславіе—прослыть передовыми и либеральными подѣлало нашихъ молодыхъ умниковъ обезьянами и пустоцвѣтами, даже наши атеисты—нигилисты демократничаютъ до перваго случая, пока не приподнимутся выше; но лишъ такой баринъ выдвинется на верхъ, тотчасъ показываетъ зубы и кулаки, самодурничаетъ хуже предшествовавшихъ ему самодуровъ, наши либералы, ради популярности спекулируютъ честью, совѣстію, долгомъ и даже благомъ Россіи, у нашихъ прогрессистовъ, то не хватаетъ энергіи и гражданскаго мужества стоять за принципы, то они отказываются отъ своихъ вѣрованій и сегодня идутъ противъ того, что вчера изъ всѣхъ силъ защищали и восхваляли.

Наконецъ польская пропаганда пришла на ту точку, что въ современныхъ дѣйствіяхъ патріотовъ, заключается осужденіе всей ихъ системы и стремленій. Ложъ такъ обильно просочилась въ кровь, что передъ нею отступаетъ истина и замираетъ голосъ протеста самыхъ даже поляковъ. Патріоты, безпрестанно озадачивая Европу искаженіемъ исторіи, этнографіи и жизни нашей, мѣшаютъ составиться европейскому общественному мнѣнію на счетъ нашей распри, а подземныя ихъ галлереи у насъ, съ цѣлію поворотить народъ на ихъ сторону и оболгать предъ нимъ его прошлое, начинаютъ раскрываться и быть можетъ, вызовутъ нравственную со стороны народа реакцію.

Мы полемизируемъ, выводимъ на свѣтъ документы и обличаемъ ложъ, польскій народъ въ Царствѣ твердо противостоитъ революціоннымъ соблазнамъ, отвергаетъ панскую Польшу, съ ея

свободою, остается на сторонѣ правительства и сознательно идетъ съ нимъ и за нимъ, Маркизъ Виліепольскій, стремящійся всѣ вопросы народной жизни и прогресса рѣшать путемъ легальнымъ, ненавидимъ дворянствомъ, и пріуроченъ къ черторижскимъ эпохи Екатерины II.

Мирославскій и его союзъ аттакуетъ пановъ, какъ нѣкогда неаполитанскіе бандиты со словами: «кошелекъ или жизнь!» Онъ приказываетъ убивать всѣхъ, ему не нравящихся, у другихъ сожигаетъ дома со всею недвижимостію. Пожары въ Царствѣ Польскомъ, какъ слышно, въ послѣднее время развились до такой степени, что въ сутки бываетъ до 20 пожаровъ въ Варшавѣ и окрестностяхъ. Поджигаются дома тѣхъ поляковъ, которые не вносятъ въ патріотическую кассу согласно уставу революціоннаго комитета, суммы, равняющейся цѣнности найма за квартиру. По письмамъ поляковъ, въ Царствѣ Польскомъ нельзя жить; Мирославскій противъ пановъ ополчился огнемъ и мечемъ, только войско и администрація являются охранительнымъ элементомъ порядка въ Царствѣ [1]).

Слышно однако, что вѣра въ Мирославскаго въ Царствѣ угасаетъ, и что только патріоты живущіе въ Россіи, еще признаютъ его воскресителемъ Польши; ослѣпленіе и упрямство этихъ партизановъ революціи не постижимо, а между тѣмъ предсѣдатель революціоннаго комитета въ Парижѣ жуируетъ, ставитъ на карту тысячи патріотическихъ злотыхъ и угощаетъ свое общество роскошными обѣдами.

Европейское мнѣніе (какое бы оно не было), до сихъ поръ черпавшее свои свѣденія о Польшѣ и Россіи изъ источниковъ польской полемики, вдругъ озадачивается русскою полемикою и начинаетъ прозрѣвать; да и мы не тѣ, что были въ 1815 году, изучили памятники Западной Руси, знаемъ уже, что и Галиція Русь, имѣемъ и дипломатовъ, которые найдутъ границу польской и русской народности и докажутъ, что наше и что нѣтъ. Мы даже благодаримъ польскую пропаганду, она открыла намъ всѣ закулисныя ея затѣи и стремленія, навела насъ на изученіе польскихъ историковъ и раскрыла намъ какъ сущность претензій, такъ и зыбкость основаній, на которыхъ враги Россіи мечтали возвести зданіе фантастической Польши. Мы говоримъ такъ потому, что часто слышимъ сужденія ученыхъ че-

[1]) Статья эта написана до польскаго возстанія.

стныхъ поляковъ, что пропаганда патріотовъ только вызвала насъ на серьезное изученіе, путемъ исторіи, нашего международнаго вопроса.

Народъ нашъ (на что также есть факты) не легко увлечь и обмануть; онъ и по преданіямъ и по воспоминанію знаетъ исторію своего ига подъ польскимъ панованьемъ. Администрація являетъ ему свою родственную опеку, чтобъ дать ему средство окрѣпнуть по мимо не прошенныхъ услугъ пропаганды; она удвоитъ свои усилія образовать свой народъ и наблюдетъ, чтобъ знаменіемъ цивилизаціи не прикрылся узкой патріотизмъ, а какіе нибудь самозванцы не внесли бы въ школу лжи и раздора.

Съ своей стороны и литература наша не остается въ нейтральномъ положеніи къ нашему международному спору. Вѣстнику Югозападной и Западной Руси принадлежитъ въ этомъ патріотическомъ подвигѣ честь иниціативы. Не бѣда, что при единодушномъ сочувствіи къ журналу русскаго люда, при безпрерывномъ заявленіи со всѣхъ концевъ западной и восточной Руси, даже славянъ заграничныхъ, радости и одобренія, нашлось и нѣсколько порицателей Вѣстника. Они большею частію оказываются личностями направленія сомнительнаго, чтобы не сказать революціоннаго. Да и порицанія ихъ сводятся на то, что возраженія Вѣстника рѣзки, обличенія страстны, полемика не спокойна, выраженія оскорбительны для всѣхъ безъ изъятія поляковъ, между которыми не мало людей умныхъ, трезво относящихся къ вопросу двухъ народностей и живущихъ съ нами русскими по братски и дружественно.

Всѣ эти придирки только показываютъ, что придраться больше не къ чему. Въ статьяхъ журнала, хоть и попадаются выраженія рѣдко употребляемыя въ гостинныхъ и между дипломатами; но обойдтись безъ нихъ нельзя: форма такого рода рѣченій большею частію заимствуется изъ лѣтописей, пѣсень, пословицъ и поговорокъ народныхъ; исключать и измѣнять ихъ было бы также несообразно, какъ лишать картину исторической вѣрности и правильнаго освѣщенія. Далѣе, статьи заграничной польской пропаганды употребляютъ противъ насъ брань, ложь и клевету въ самыхъ циническихъ и площадныхъ выраженіяхъ, полемизируя съ подобными статьями волею—неволею приходится цитировать тѣже тривіяльныя и бранныя рѣченія; да и кстати ли было бы, ради пустой популярности смягчать тонъ, замѣнять слова рѣзкаго и опредѣлительнаго понятія выраженіями

ми, водянистыми. Рѣчь Вѣстника обращена не къ институткамъ; сотрудники его, ни индифференты, ни космополиты какіе; журналъ ведетъ бой съ врагами Россіи, стоитъ не за утопіи и теоріи, а за дѣло правое, народное, русское, святое; его гражданское мужество и живое слово обличенія бьютъ въ тактъ русскаго патріотизма.

По неволѣ думается,—не подготовляются ли нарѣканія на Вѣстникъ въ томъ же станѣ, противъ котораго Вѣстникъ поднялъ знамя и не навязываются ли онѣ его критикамъ внѣшними и внутренними врагами Россіи, съ цѣлію подорвать вѣру въ журналъ? Какъ органъ самостоятельный, вызванный неотложною потребностію времени и характеромъ событій, Вѣстникъ поставилъ себѣ правиломъ сопоставлять исторически—этнографическія данныя и явленія жизни, тѣмъ злобнымъ и извращеннымъ свѣдѣніямъ, которыя враги Россіи распространяютъ за ея предѣлами на счетъ нашего правительства и народа, знакомить Россію со всѣми ухищреніями пропаганды,—ополячивать нашъ народъ и наконецъ разъяснять исторію края, которая прежде сего была нами принимаема на слово, на вѣру польскаго историка.

Глухой ропотъ противъ Вѣстника напоминаетъ намъ ополченіе противъ «Дня», составившееся скоро послѣ того, какъ на листкѣ Дня явился приговоръ польскимъ безумцамъ. «День» былъ объявленъ соціяльно демократическимъ, журналомъ анархіи и жаккеріи. Съ Вѣстникомъ маневръ этотъ не годился. Открыто атаковать Вѣстникъ со стороны его направленія—неудобно, но дѣлать на него партизанскіе набѣги, цѣпляться за мелочи представляется возможность. Вотъ хоть бы и теперь, по вопросу образованія народа въ западныхъ губерніяхъ, мнѣніе раздвоилось: одна сторона выражаетъ мысль, что духовенство слѣдуетъ совершенно устранить отъ вліянія на народное образованіе, а другая тоже право безраздѣльно оставляетъ за духовенствомъ. Само собою разумѣется, что Вѣстникъ на сторонѣ истины, на сторонѣ послѣдняго мнѣнія и вотъ онъ сильно не нравится его порицателямъ. Рѣшить, гдѣ правда и на чьей сторонѣ голосъ благонамѣренной и благоразумной Россіи, кажется, легко, и спору бы не о чемъ развиваться; а между тѣмъ борьба двухъ стремленій въ ходу; значитъ у каждаго изъ нихъ есть свои причины и виды. Заграничная пропагандная литература только и твердитъ о томъ, чтобы патріоты всѣми силами ста-

рались оттереть схизматическихъ поповъ отъ воспитанія русскаго народа и прибрали бы народныя школы къ своимъ рукамъ. Наше русское воззрѣніе всегда видѣло въ духовенствѣ охранителей народности, вѣры, языка и цѣльности русской жизни,—знаетъ, что духовенство прошло съ народомъ всю его исторію, испило съ нимъ и горькую и сладкую чашу жизни, стояло съ нимъ за русскую землю и православную его цивилизацію. И теперь, при всей скудности его матеріальныхъ средствъ, множество народныхъ школъ духовенство пріютило въ своихъ домахъ и обучаетъ безмездно десятки тысячъ дѣтей. Не явно ли, что мысль устранить духовенство отъ воспитанія народа—мысль противнаго стана, а какъ въ основаніи военнаго искусства лежитъ правило, не дѣлать никогда того, что нравится противнику; то и слѣдуетъ, что устранить духовенство отъ образованія народа было бы и не логично и вредно, сколько по политическимъ причинамъ, столько же и потому, что православное воспитаніе народа должно быть въ основѣ его образованія.

Пишущій эти строки не противъ мнѣнія подчинить со стороны матеріальной и административной народныя школы вѣденію Министерства Просвѣщенія, но сознаетъ необходимымъ, чтобы надзоръ надъ школами и вліяніе на нихъ вполнѣ сохранены были за православнымъ духовенствомъ; въ противномъ случаѣ, враги наши, овладѣвъ волостною школою, пріобрѣтутъ свободу хозяиничать по своему въ нашемъ домѣ, и учителями въ нее начнутъ втираться такъ называемые хлопоманы—полонизаторы, и наша Русь, размѣнявшая цѣльность и полноту русскаго смысла на трескучія фразы демократическихъ идеекъ и соціальнаго космополитизма. Такіе наставники опаснѣе всякой открытой пропаганды; народную школу они скоро обратятъ въ академію латино-іезуитскаго прозелитизма, отъ котораго нашъ народъ западныхъ губерній, предводимый своимъ духовенствомъ, слава Богу, отбился. И мысль то о совершенномъ устраненіи духовенства отъ народнаго образованія—не наша, не русская, намъ непригодная, угрожающая деморализаціею молодому поколѣнію народа; мысль эта, говоря Евангельскою притчею, есть дверь, которою враги нашіе ловко и непримѣтно впустятъ въ стадо агнцевъ, хищныхъ волковъ, прикрытыхъ благонамѣренностію и іезуитскимъ прозелитизмомъ.

Намъ думается, что и въ томъ даже случаѣ, еслибъ по-

слѣдовало подчиненіе народныхъ школъ во всей имперіи вѣденію Министерства Народнаго просвѣщенія, полезно бы было допустить, въ видѣ изъятія изъ закона, по политическимъ обстоятельствамъ, чтобъ въ западныхъ губерніяхъ, какъ наиболѣе требующихъ зоркаго вниманія за всѣми махинаціями враждебной пропаганды,—народное образованіе оставалось подъ надзоромъ духовенства, съ отпускомъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ опредѣлены въ Имперіи на народныя школы. Рѣшивъ такимъ образомъ спорный вопросъ, правительство имѣло бы возможность, по истеченіи двухъ трехъ лѣтъ, сдѣлать изъ сравнительнаго вывода о воспитаніи подъ вліяніемъ духовенства и внѣ этаго вліянія, окончательное заключеніе. Мы твердо убѣждены, что образованіе народа безъ участія духовенства лишитъ нашу народность цѣльности внутренней жизни, подорветъ основы его счастія и отведетъ его отъ сознанія пользы въ самомъ даже образованіи.

Между тѣмъ, какъ мы ищемъ лучшаго разрѣшенія задачи народнаго образованія, полонизующая пропаганда ведетъ свои счеты; у нея уже отмѣчено, что половина образованной Руси— поляки, половина служащихъ (а въ Петербургѣ и больше)— поляки, армія въ начальствующемъ элементѣ на половину польская. А такъ какъ народность, по шляхетскому ея пониманію, опредѣляется образованіемъ привиллегированнаго сословія, то и выходитъ, что Россія на половину уже Польша, а что въ ней русскаго и осталось, то не на долго.—Высказываются и такія сентенціи. Инвентари подорвали состояніе, эмансипація крестьянъ разорила имѣнья, акцизная система грозитъ панамъ окончательнымъ обнищаніемъ. Крѣпостное право и обязательный трудъ ихъ обогащали, теперь необходимо измѣнить хозяйство, для этого нужны деньги, а взять ихъ негдѣ. Чтожъ остается дѣлать? Ясно—мѣшать правительственнымъ преобразованіямъ и по возможности задерживать ихъ сколько есть силъ; а если обстоятельства поблагопріятствуютъ и совсѣмъ заставить ихъ отретироваться за Днѣпръ, въ Московію! Здѣсь то и кроются пружины и побужденія адресовъ, патріотическихъ движеній и разныхъ дикихъ выходокъ противъ правительства и всего русскаго. Патріотизмъ и полонизующая пропаганда послужили щитомъ для прикрытія задушевныхъ, затаенныхъ стремленій,—подкладкою задней мысли—отстоять крѣпостное право и удержать народъ

въ его многовѣковомъ, рабскомъ невѣжествѣ. Еслибъ Литва могла провидѣть, куда выведутъ русскій народъ поданные ею первые адрссы объ улучшеніи крестьянскаго быта, она навѣрное никогда бы не стала въ главѣ эмансипаціонной реформы. Она надѣялась надѣлить крестьянъ личною свободою, а землю удержать вполнѣ за собою, и потомъ взять свободнаго земледѣльца въ кабалу, тягчайшую, можетъ быть, самаго рабства. Мы увѣрены, что серьезнаго покушенія на русскую народность въ 1858 году еще не было въ планѣ патріотовъ, созрѣли же—и планъ и пропаганда послѣ, когда западное дворянство догадалось, что съ эмансипаціею крестьянъ на началахъ, поставленныхъ правительствомъ, оно безповоротно утрачиваетъ свое политическое значеніе въ средѣ русской народности, и становится къ ней въ отношенія совершенно обратныя.

Пожалуй вотъ и теперь, послѣ мессіанизма Мицкевича и разныхъ другихъ теорій, возводившихъ въ апоѳеозъ шляхетство, свободу, декмократію и проч. построена новая теорія возстановленія Польши посредствомъ арміи. Года три тому назадъ патріоты мечтали провести въ русскую армію такое направленіе, чтобы войска русскія поднялить за Польшу противъ Россіи, но прошлаго лѣта сознали, что мысль эта уродливая химера, и хлопочутъ уже о томъ, какъ бы образовать свою польскую армію. По расказамъ ихъ дѣло на половину будетъ выиграно если Польша послѣ 30 лѣтъ, снова увидитъ своего солдата въ національномъ мундирѣ; но собственники и землевладѣльцы не вполнѣ раздѣляютъ и это увлеченіе, они признаютъ, что открытая борьба съ Россіею бредъ горячки, особенно теперь, когда мы русскіе заявляемъ полное сочувствіе къ улучшенію какъ польской, такъ и каждой славянской національности. Истинные поляки питаютъ даже нескрываемое ими отвращеніе отъ Герцена, Бакунина и другихъ анархистовъ нивелляторовъ общества; на ихъ языкѣ расширеніе правъ народа на счетъ сословныхъ привеллегій, есть таже жаккерія, они удивляются русскому дворянству, добровольно вызвавшемуся, дѣлиться съ народомъ сословными привеллегіями; имъ непонятно это великодушное самоубійство, какъ равно и наша *красная* Россія. Сказать правду, они сперва очень обрадовались, полагая, что русское юношество подражаетъ польскому, но узнавъ потомъ чѣмъ выразилась и заявила себя наша юная, *красная* Русь, они ус-

тыдились и за насъ и страшно за себя. Пройдетъ годъ другой и вожаки *красной* Руси сами отрекутся отъ своихъ дѣлъ и будутъ *краснѣть* за праздность и разтленіе, которое они внесли въ нравы молодаго поколѣнія. О польскомъ юношествѣ нечего и говорить, оно уже 40 лѣтъ пробавляется несбыточными теоріями и анархическими стремленіями,—оно мыслитъ только воображеніемъ.

Наша *красная* Русь не уразумѣла даже и того, что ей предстояла роль чернорабочаго въ польскомъ анархическомъ движеніи; она съ непонятнымъ одуреніемъ бросалась въ объятія патріотовъ и заключала съ ними pacta conventa, чтобъ идти противъ Россіи. Ея девизъ: съ кѣмъ ни соединяться, лишь бы дѣйствовать какъ ни дѣйствовать, да только бы встряхнуть (взбунтовать) Россію. Подготовительныя къ встряскѣ средства употребляемыя молодой Россіею тѣже, которыя употреблены были и польскими патріотами: клевета на правительство, ложное толкованіе преобразовательныхъ правительственныхъ мѣръ, распространеніе идеи атеизма, коммунизма, сепаратизма, нареканіе на такъ называемую нѣмецкую партію и на всѣхъ русскихъ, возставшихъ противъ *красной* Руси и оставшихся вѣрными консервативно-прогрессивному направленію.

Какія наконецъ личности представляли *красную* Русь? Большею частію люди наглядного ничтожества, молодые честолюбцы, мелкіе деспоты, обожатели своего *я*, люди ничего не дѣлавшіе, не опытные, невѣжественные, не знавшіе Россіи,—люди безъ заслугъ, безъ правилъ и убѣжденій, легкаго, поверхностнаго образованія и большею частію шарлатаны и наглые самолюбцы.

П. Саковичъ.

СТОРОЖЪ.

(Притча).

Въ имѣніи одномъ спокойно люди жили,
Съ сосѣдями хлѣбъ-соль водили,
И, сами никому не мысля зла,
Безпечны черезъ-чуръ ужъ были.
Но вдругъ изъ одного села
Пришло извѣстіе: „разбой, убійство, драка!“...
Изъ-за границы злой какой-то забіяка,
Прокравшися въ село,
Нашелъ бездѣльниковъ и всѣхъ увлекъ на зло:
Пошли съ огнемъ, съ ножами, съ кистенями,
Бьютъ, рѣжутъ, жгутъ, и межъ лѣсами
Другихъ разбойниковъ на помощь ждутъ....
Что дѣлать тутъ?....
Вотъ мирные жильцы спокойнаго имѣнья,
Ужъ какъ ни мирны, вышли изъ терпѣнья,
И сильную послали рать,
Чтобъ тѣхъ разбойниковъ ловить и истреблять;
Тревога сдѣлалась повсюду!
Для ободренія испуганнаго люду,
Одинъ нашелся добрый человѣкъ,
Взялъ должность сторожа и Вѣстника для всѣхъ,
Сталъ зорко наблюдать за всей своей страною,
Чтобъ зажигатели иной порою
Не подкралися къ намъ;

Чуть лишь завидитъ—что,— подниметъ крикъ и гамъ,
И громко всѣхъ безпечныхъ будитъ,
И къ защищенью всѣхъ ихъ нудитъ.....
„Ахъ Боже мой! какой же вы чудакъ!“
Отозвались жильцы спокойнаго имѣнья;
„Ну, можно ли кричать вамъ такъ?
Зачѣмъ **„столь рѣзкій тонъ?“** зачѣмъ такое рвенье?“
— „Да насъ же рѣжутъ!“—Онъ сказалъ.
„Ну, рѣжутъ! пусть себѣ! а все-же не кричите!
Вашъ крикъ и ваше рвеніе—скандалъ!
„Международную вражду“ разворошите,
Раздразните враговъ, и—больше ничего...“
— Ого!
Подумалъ сторожъ;—какъ далеко
И какъ глубоко
Пропагандисты зла свою метнули сѣть!....
Душа болитъ, и видитъ око...
Но какъ же смѣть—
Сказать тузамъ спокойнаго имѣнья:
— Отцы родимые! побойтесь заблужденья!
Поберегите честь,
Когда она въ васъ есть,
Чтобъ кары избѣжать общественнаго мнѣнья!...

И. К.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛЪ, ЗАВЕДЕННЫХЪ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ, ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ [1]).

Отъ Редакціи.

По просьбѣ Редакціи Вѣстника, она получила отъ одного изъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ вѣдомствѣ виленскаго учебнаго округа, письмо, содержащее краткій отчетъ о состояніи сельскихъ школъ, открытыхъ этимъ округомъ. При всей своей краткости, при всѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчаютъ благородныя усилія этого округа къ развитію народнаго образованія со стороны латинской пропаганды, отчетъ этотъ говоритъ такъ много, о такихъ отрадныхъ явленіяхъ, которыя не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ, выводахъ, дополненіяхъ. Любуясь ими, нельзя удержаться отъ желанія, чтобъ и во всѣхъ школахъ сельскихъ развитіе народа было основано на тѣхъ прочныхъ началахъ, на которыхъ оно фундовано въ виленскомъ учебномъ окру-

---

1) Здѣсь дѣло идетъ только о сельскихъ школахъ, вновь открытыхъ виленскимъ учебнымъ округомъ, на заведенныя же при церквахъ самимъ духовенствомъ, округъ не имѣетъ никакаго вліянія—даже косвеннаго, чтобъ не оскорбить духовенство, обучающее грамотности безвозмездно, не пользующееся никакимъ пособіемъ отъ правительства, и большею частію исполняющее этотъ добровольный долгъ съ разными лишеніями и самопожертвованіемъ. Въ минской епархіи число сельскихъ церковныхъ школъ превосходитъ чи риходовъ и всѣ эти школы состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи эпархіальнаго начальства и св. Сvнода.

гѣ, чтобы народное обрвзованіе, по примѣру виленскаго округа, совершалось въ духѣ дружнаго взаимодѣйствія, любви и согласія начала духовнаго и свѣтскаго, чтобы духовенство пропитывало школу духомъ религіозности и нравственности христіанской, а министерство народнаго просвѣщенія содѣйствовало ему учебными и матеріальными пособіями, руководствомъ и воспитаніемъ въ сельской школѣ, въ сердцахъ молодаго поколѣнія чувства **общерусской** народности.

Милостивый государь
Ксенофонтъ Антоновичъ!

Въ отвѣтъ на почтенное письмо ваше, отъ 20-го декабря минувшаго года, честь имѣю сообщить вамъ слѣдующее:

Подробныхъ извѣстій о состояніи народныхъ училищъ, открытыхъ въ прошедшемъ году въ виленскомъ учебномъ округѣ, о ихъ успѣхахъ и противодѣйствіяхъ, встрѣчаемыхъ ими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ настоящее время я представить вамъ не могу, главнѣйшимъ образомъ потому, что служебныя мои занятія не оставляютъ мнѣ достаточно свободнаго времени для составленія подобнаго рода статьи, объемъ которой необходимо долженъ былъ бы принять значительные размѣры. По этому здѣсь я ограничусь сообщеніемъ только краткихъ свѣдѣній о томъ, какъ это дѣло идетъ у насъ вообще и какихъ результатовъ достигли мы на первыхъ порахъ.

Народныя училища открыты покуда въ губерніяхъ: виленской, гродненской и въ новогрудскомъ уѣздѣ минской грберніи, число ихъ—117; учащихся въ нихъ къ 1-му января состояло около 4000 мальчиковъ и дѣвочекъ (послѣднихъ, впрочемъ, весьма немного). Училища помѣщаются или въ общественныхъ и церковныхъ домахъ безплатно, или же въ домахъ, нанимаемыхъ округомъ отъ частныхъ лицъ; всѣ они снабжены частію отъ округа, частію отъ обществъ необходимою классною мебелью; а учебныя пособія для первоначальнаго обученія дѣтей русской и славянской грамотѣ, закону Божію, исчисленію, доставляетъ округъ. Вотъ перечень книгъ и учебныхъ пособій, имѣющихся въ каждомъ училищѣ: 1) Руководство къ изученію русской грамоты

Главинскаго. Отд. 1-й по 50 экз. на училище. 2) Начатки христіанскаго ученія, по 35 экз. 3) Молитвенникъ, по 35 (въ нѣкоторыхъ по 50). 4) Прописи по 10 и по 20 экз.; 5) Аспидныя доски по 12 штукъ на школу. Въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ имѣются: Евангеліе, Азбука и таблицы Золотова, Бесѣды его же, Бесѣды въ досужее время, Разсказы странника, Народная христоматія, Ариѳметика Фогеля и счетный самоучитель, Ариѳметика Паульсона, составленная по Грубе. Кромѣ того, для каждаго училища выписывается Вѣстникъ западной и юго-западной Россіи и педагогическій журналъ: „Учитель.“ На покупку бумаги, чернилъ, перьевъ и пр. для учениковъ, ассигновано на каждое училище по 6 руб. въ годъ. Въ большей части училищъ въ должности наставниковъ состоятъ мѣстные приходскіе священники, рекомендованные духовнымъ начальствомъ, какъ способные преподаватели, а для того, чтобы занятія по училищу не препятствовали исполненію прямыхъ ихъ обязанностей по приходу, всѣ священники-наставники, состоящіе въ вѣдомствѣ виленской епархіи, по распоряженію духовнаго начальства, обязаны имѣть у себя благонадежныхъ помощниковъ, которые, въ случаѣ ихъ отсутствія, могли бы занять ихъ мѣсто въ училищѣ. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ наставниками назначены, согласно собственному своему желанію, воспитанники средняго и высшаго отдѣленія семинарій виленской и минской; всѣ они предварительно выслушали въ Вильнѣ и Минскѣ небольшой педагогическій курсъ: свѣдущими мѣстными педагогами имъ объяснена была цѣль училищъ и то направленіе, которому они должны неуклонно слѣдовать и указаны лучшіе методы и пріемы первоначальнаго обученія. Въ числѣ учителей есть также нѣсколько дьяконовъ и дьячковъ, доказавшихъ уже на дѣлѣ, въ церковныхъ училищахъ, свои педагогическія способности [1]). Наставникъ получаетъ 150 руб. въ годъ жалованья и помѣщеніе съ отопленіемъ. Для установленія надлежащаго единства въ направленіи школъ и для ознаком-

---

[1]) Какъ не пожелать, что бы и ко всѣмъ сельскимъ школамъ въ Россіи были приставлены учители изъ среды духовенства, какъ самые сподручные, благонадежные и угодные народу учители! (Ред.)

ленія преподавателей съ раціональными способами обученія, всѣ наставники снабжены отъ округа подробными инструкціями [1]) и учебными руководствами.

Въ концѣ минувшаго года, по распоряженію его сіятельства г. попечителя округа, командированы были для самаго тщательнаго обозрѣнія всѣхъ народныхъ училищъ четыре чиновника, вполнѣ ознакомленные съ этимъ дѣломъ,—тѣже самые, которые открывали училища, каждый по своему участку. Независимо отъ этой ревизіи, которая еще не окончена, его сіятельство самъ, лично изволилъ осмотрѣть тридцать два училища въ гродненской губерніи и на основаніи тѣхъ отрадныхъ впечатлѣній, которыя его сіятельство вынесъ изъ своей поѣздки, судя также по донесеніямъ ревизующихъ лицъ, и по тому, чего я былъ очевидцемъ, я могу вамъ сообщить, что въ большей части мѣстностей училища наши принялись и стоятъ, кажется, прочно. Народъ уже начинаетъ пріобрѣтать къ нимъ довѣріе, не смотря на неблагопріятные слухи, распущенные о нихъ нашими недоброжелателями, такъ—распространена была (носится еще и теперь) молва, что послѣ выучки въ школѣ, крестьянскихъ дѣтей будутъ брать въ солдаты, въ козаки, высылать на Амуръ и т. п. Но крестьяне, вразумляемые отъ кого слѣдуетъ, не вѣрятъ этимъ нелѣпостямъ: они увѣрены, они видятъ, что правительство дѣйствительно заботится о нихъ, заводитъ для ихъ дѣтей училища, даетъ книги и все, нужное для ученія, назначаетъ учителей и платитъ имъ жалованье, и все это не стоитъ имъ ни копѣйки; мало того, начальство посылаетъ даже особыхъ чиновниковъ, которые смотрятъ, чтобы учители хорошо занимались своимъ дѣломъ. При этомъ замѣчу кстати, что бдительный надзоръ за училищами оказывается полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; взглядъ крестьянъ на этотъ предметъ я уже выразилъ: наставники же, въ свою очередь, дорожа мѣстомъ и зная, что труды ихъ будутъ начальству из-

---

[1]) Весьма замѣчательная инструкція эта помѣщается рядомъ съ настоящимъ отчетомъ. (Ред.)

вѣстны и оцѣнены имъ какъ слѣдуетъ, трудятся охотнѣе и усерднѣе. Довольны бываютъ также и учащіеся, видя, что пріѣхавшій чиновникъ говоритъ съ ними запросто и обращается ласково. Свѣтскіе наставники живутъ со священниками согласно и дружно [1]) и работаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла. Во всѣхъ училищахъ обученіе и всѣ объясненія производятся на русскомъ языкѣ, который дѣти хорошо понимаютъ; когда же бываетъ нужно, тогда наставниками употребляется (для поясненія непонятнаго слова или оборота) мѣстное, т. е. бѣлорусское нарѣчіе. Обученіе церковному пѣнію идетъ, большею частію, успѣшно; есть такія училища, въ которыхъ мальчики всю обѣдню поютъ на клиросѣ цѣлымъ классомъ, отъ 30 до 40 человѣкъ. Обученіе грамотѣ производится по методѣ Главинскаго и по таблицамъ Золотова; ариѳметикѣ по методѣ Грубе; введены также въ употребленіе и счеты. Правда, не всѣ еще преподаватели успѣли ознакомиться съ новыми методами; примѣненіе ихъ, кромѣ того, встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препятствіе въ томъ, что дѣти поступаютъ въ школу въ разное время; однако замѣтно уже, что прежняя система обученія, состоявшая въ механическомъ чтеніи и заучиваніи наизустъ, безъ толку и пониманія, падаетъ, уступая мѣсто новѣйшимъ, лучшимъ методамъ. Тѣлесныя наказанія не допускаются, и, что всего отраднѣе, по отзывамъ всѣхъ наставниковъ, въ нихъ не оказывается ни малѣйшей надобности. Дѣти посѣщаютъ школу охотно, зная, что ихъ тамъ не будутъ ругать и бить и въ ученіи старательны.

Какъ ни ограничивалъ я изложеніе дѣла общими чертами, не могу однако отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ вами и нѣкоторыми подробностями, хотя бы относительно одного изъ осмотрѣнныхъ мною училищъ. Выбираю не лучшее, но имѣющее ту особенность, что наставникъ въ немъ священникъ, который и училище ведетъ очень хорошо и по приходу исправенъ, не смотря на то, что у него нѣтъ ни дьякона, ни дьячка и что училище расположено въ мѣстечкѣ, въ которомъ есть костелъ,

---

[1]) Честь и благодареніе виленскому учебному округу.

другими словами, противодѣйствіе. Учащихся въ этой школѣ 38, въ томъ числѣ 12 дѣвочекъ. Всѣ они знаютъ молитвы, нѣкоторые съ объясненіями; событія изъ св. исторіи разсказываютъ своими словами; половина хорошо читаетъ по русски и по славянски, другая учится по таблицамъ Золотова, лучшіе пишутъ на доскѣ небольшія предложенія изъ своей головы; къ письму дѣти рвутся и выводятъ буквы мѣломъ на доскѣ, на столахъ и на стѣнахъ; небольшія практическія задачи, относящіяся къ 4-мъ дѣйствіямъ и взятыя изъ ихъ быта, рѣшаютъ изустно, безъ помощи доски и мѣла. Пріятно мнѣ было бесѣдовать съ этими добрыми дѣтьми, но наступилъ уже вечеръ и я долженъ былъ кончить осмотръ; тогда я вызвалъ, на удачу, дѣвочку и попросилъ ее сказать молитву, какую они обыкновенно говорятъ послѣ ученія. Всѣ мальчики и дѣвочки собрались въ одно мѣсто и обратились лицомъ къ образу; вызванная мною дѣвочка стала впереди и начала говорить наизустъ молитвы Пресвятой Тройцѣ, Богородицѣ, Отче нашъ, Вѣрую, Спаси Господи и подъ Твою милость. Она говорила громко, не торопясь и произнося каждое слово внятно и вѣрно; всѣ остальныя дѣти тѣже самыя молитвы повторяли шопотомъ, крестились и молились, какъ учитъ наша православная церковь. Я никогда не забуду тѣхъ прекрасныхъ минутъ, которыя провелъ я, присутствуя при этой трогательной молитвѣ, и дай Богъ, чтобы ученики нашихъ гимназій молились когда нибудь такъ искренно и благоговѣйно, какъ молились эти бѣдныя крестьянскія дѣти въ этой бѣдной школьной избѣ [1]). Но какъ же, спросите Вы, управляется священникъ и съ училищемъ и съ приходомъ? Очень просто: у него есть два помощника, изъ крестьянскихъ мальчиковъ, имъ же самимъ подготовленныхъ: они очень хорошо читаютъ по русски, по славянски, знаютъ св. исторію, катехизисъ и 4 дѣйствія ариѳметики. Одному изъ нихъ 17, другому 18 лѣтъ. Священникъ не можетъ достаточно нахвалиться ихъ усердіемъ, охотою къ занятіямъ и нравственными ихъ каче-

---

[1]) Можно-ли и намъ удержаться отъ восторга и благодарнаго чувства при заявленіи такого прекраснаго настроенія и наставника, и школы, и ея посѣтителя. Ред.

ствами. Въ церкви они попеременно читаютъ часы и Апостолъ и знаютъ церковную службу лучше любаго дьячка; священникъ не только не нуждается въ дьячкѣ, но даже проситъ, чтобы его не присылали. За трудъ по училищу священникъ выдаетъ этимъ молодымъ людямъ небольшое денежное вознагражденіе изъ своего жалованья.

Изо всего сказаннаго вы, милостивый государь, изволите замѣтить, что въ нашихъ народныхъ училищахъ есть много прекрасныхъ задатковъ; успѣхами ихъ мы обязаны преимущественно тому счастливому обстоятельству, что учебное наше начальство дѣйствовало и дѣйствуетъ въ этомъ важномъ дѣлѣ рука объ руку съ высшими духовными и гражданскими властями [1]). Но я не обольщаю себя увѣренностію, что всѣ наши училища стоятъ уже на твердой почвѣ, особенно въ виленской губерніи. Нѣтъ, и у насъ есть ксендзы, мировые посредники, паны и траурныя дамы и волостные писаря—католики, которые дѣйствуютъ неутомимо, стремясь къ своей **великой цѣли**, т. е. къ ополяченію и окатоличенію русскаго православнаго населенія. Трудно бываетъ повѣрить той наглости, съ какою дѣйствуютъ иногда эти господа! Еслибы когда нибудь наше правительство поступило такъ съ ихъ незаконными школками, притаившимися при костелахъ и въ помѣщичьихъ дворахъ, въ которыхъ дѣтей православнаго исповѣданія обучаютъ по польски, а для преподаванія имъ закона Божія нашихъ священниковъ не допускаютъ; еслибы, говорю я, съ этими школками, совращающими крестьянъ съ православія, распорядиться такъ, какъ распорядился недавно одинъ волостной писарь католикъ съ нашимъ училищемъ, то всѣ эти господа завопили бы на всю Европу о гоненіяхъ на вѣру, о нашемъ варварствѣ и проч. и проч. А писарь этотъ отличился вотъ чѣмъ: изъ одного народнаго училища онъ выгналъ учениковъ, выбросилъ классную мебель и училище заперъ; разбойничалъ онъ такъ потому, что въ училищѣ дѣтей православнаго исповѣданія не учатъ по польски. Надо прибавить впрочемъ, что онъ былъ исполнителемъ распоряженій мироваго посредника [2]).

---

[1]) Еще разъ честь и признательность виленскому учебному округу!
[2]) И эти господа остались не наказанными за преступленіе??????!!!!!! Ред.

Не могу при этомъ не присовокупить, что гг. пропагандисты польскихъ идей изобрѣли недавно еще одинъ маневръ, о которомъ не мѣшало бы оповѣстить въ вашемъ Вѣстникѣ [1]). Видя, что народныя училища во многихъ мѣстностяхъ идутъ хорошо, что крестьяне получаютъ къ нимъ довѣріе и что народное образованіе такимъ образомъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ,—зная также, что православное духовенство имѣетъ вліяніе на народъ, они задумали ни болѣе ни менѣе, какъ сблизиться съ нашими священниками, и ласками, угожденіями, подарками и деньгами привлечь ихъ на свою сторону, ввести чрезъ нихъ польскій языкъ въ наши училища и дѣйствовать на народъ въ духѣ своихъ идей. Что вы скажете объ этой новой затѣѣ? Я полагаю, что нашихъ священниковъ на такую удочку не поймаешь. Надо быть простакомъ до одурѣлости, чтобы не понять, что когти, которыя нѣсколько вѣковъ терзали страну, теперь только прячутся въ бархатныя лапки, но со временемъ высунутся снова, если мы не будемъ смотрѣть на нихъ, не спуская глазъ.

Только побольше бы денежныхъ средствъ, чтобы одновременно всѣ западныя губерніи можно было покрыть цѣлою сѣтью народныхъ школъ, и польская пропаганда доведена будетъ до безсилія. Деньги нужны только на первое время. Впослѣдствіи же, когда польза, приносимая школами, будетъ для крестьянъ, такъ сказать, осязательна, нѣтъ никакого сомнѣнія, что содержаніе ихъ они охотно примутъ на себя.

При этомъ прилагается инструкція для народныхъ учителей. Съ начала настоящаго года, по управленію народными училищами печатаются особые циркуляры, которые, по распоряженію его сіятельства, будутъ доставляемы къ вамъ. 1-й № уже печатается; въ скоромъ времени вы его получите.

Вильно, 16-го января 1863 г.

---

[1]) И съ удовольствіемъ оповѣщается. Ред.

ИНСТРУКЦІЯ НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ.

1. Въ народныхъ училищахъ преподаются слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ: чтеніе и письмо, 3) славянскій языкъ: чтеніе, 4) ариѳметика и 5) пѣніе.

2. При обученіи Закону Божію должно имѣть цѣлію: развить въ дѣтяхъ чувство любви къ Богу, къ ближнимъ и ко всему доброму и укрѣпить въ нихъ истины православной вѣры. Кромѣ важнѣйшихъ молитвъ, слѣдуетъ объяснить дѣтямъ чинъ церковнаго Богослуженія, преимущественно литургіи, и значеніе праздничныхъ дней, равнымъ образомъ познакомить ихъ съ священною исторіею въ краткихъ разсказахъ, въ особенности изъ земной жизни Спасителя.

Руководства: Молитвословъ, Начатки христіанскаго ученія, Евангеліе и Апостолъ.

Примѣчаніе. Для преподаванія Закона Божія дѣтямъ римско-католическаго исповѣданія приглашаются священники ближайшихъ костеловъ, въ особые отъ общаго распредѣленія уроковъ часы.

3. На распространеніе русской грамотности въ народѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; надо стараться, чтобы дѣти научились читать по русски и по славянски отчетливо, съ сохраненіемъ должнаго ударенія на словахъ, и, самое главное, чтобы они все читаемое понимали и могли разсказать своими словами. При объясненіи непонятныхъ словъ пользоваться родною рѣчью народа, т. е. бѣлорусскимъ нарѣчіемъ [1]).

Руководства: Азбука Главинскаго и Книга для чтенія.

4. Въ письмѣ, кромѣ четкаго и красиваго почерка, требуется, чтобы учащіеся съумѣли написать содержаніе прочитанной или разсказанной имъ въ классѣ статьи и пріучались писать изъ своей головы.

Руководство для чистописанія—прописи.

5. Ариѳметику начинать со счисленія, наглядно, и на счетахъ: потомъ ознакомить дѣтей съ цифрами и научить ихъ рѣшать на бумагѣ и въ умѣ практическія задачи, относящіяся къ

---

[1]) Это дѣло—но учить на бѣлорусскомъ жаргонѣ—нелѣпость, которая, слава Богу, до сихъ поръ еще не взбрѣла на умъ ни одному изъ бѣлоруссиновъ. Ред.

четыремъ дѣйствіямъ надъ простыми и именованными числами и дробями.

Руководство: Ариѳметика по методѣ Грубе.

6. Учить дѣтей церковному пѣнію и пѣнію свѣтскихъ пѣсень, любимыхъ народомъ и не заключающихъ въ себѣ ничего предосудительнаго.

7. Вообще, ученіе должно производиться отнюдь не механически, но въ формѣ обыкновеннаго разговора или бесѣды, просто, наглядно. Въ преподаваніи слѣдуетъ соблюдать постепенность и неторопливость, т. е. переходить мало по малу отъ легкаго къ болѣе трудному и приступать къ объясненію новаго только тогда, когда уже все предъидущее всѣми учащимися будетъ понято и усвоено. Заучиваніе наизустъ, безъ вниманія заученнаго, не должно имѣть мѣста.

8. Ученіе начинается и оканчивается молитвою, которую ученики говорятъ по очереди или поютъ хоромъ.

9. При распредѣленіи уроковъ по днямъ и часамъ, сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами, не стѣсняясь при этомъ иногда измѣнять порядокъ распредѣленія уроковъ; но заниматься въ день не менѣе пяти часовъ.

10. На законоучителя, сверхъ преподаванія Закона Божія, возлагается обязанность озаботиться, чтобы въ воскресные и праздничные дни дѣти ходили въ церковь, гдѣ пріучать ихъ не только къ благопристойности, но и къ тому, чтобы они съ благоговѣніемъ и сердечнымъ участіемъ внимали Богослуженію и смотрѣли на храмъ не какъ на обыкновенное сборное мѣсто, но какъ на святыню, гдѣ человѣкъ, отрѣшаясь отъ житейскаго, душою возносится къ Богу. Законоучитель не оставитъ дѣтей безъ вразумленія, что все на свѣтѣ дѣлается по волѣ Божіей, что Богъ все видитъ и знаетъ, внушитъ имъ понятіе о Его безконечной любви, мудрости и справедливости.

11. Наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня законоучитель читаетъ и объясняетъ дѣтямъ соотвѣтственные тѣмъ днямъ Евангеліе и Апостолъ. Къ слушанію этихъ чтеній и объясненій приглашать и родителей и вообще всѣхъ желающихъ.

12. Для исправленія провинившихся учениковъ учитель долженъ употреблять нравственныя мѣры: совѣты, внушенія, замѣчанія, выговоръ на единѣ и передъ цѣлымъ классомъ, лишеніе довѣрія и т. п., стараясь при этомъ пробудить въ дѣтяхъ чувство стыда и сознанія въ своей виновности. Тѣлесныя же наказанія **ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ** не допускаются, хотябы и сами родители просили о томъ. Не дозволяя себѣ никакихъ бранныхъ словъ и грубаго обращенія, учитель долженъ дѣйствовать на учащихся примѣромъ собственной жизни, честной, трудолюбивой и благородной.

13. Въ наградахъ быть осмотрительнымъ. Важнѣе всего, пробудить въ дѣтяхъ сознательную охоту къ ученію. Поощрять можно одобреніемъ, похвалою, позволеніемъ читать Апостолъ передъ Царскими дверями, прислуживать священнику въ олтарѣ и выдачею книгъ.

14. Доводить дѣтей до сознанія, что они русскіе, развивать въ нихъ любовь и уваженіе къ православной вѣрѣ, къ своей русской народности, къ сельскому быту, къ законамъ и къ Царю-Освободителю.

15. Отучать дѣтей отъ суевѣрій и предразсудковъ, дѣйствуя при этомъ не насмѣшкой а убѣжденіемъ, объясняя всю нелѣпость ихъ и несообразность ни съ природой, ни съ разумомъ.

16. Пріучать дѣтей къ чистотѣ, опрятности въ одеждѣ, въ книгахъ, тетрадяхъ и вообще къ порядку.

17. Не съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ относиться къ окружающей средѣ, а снисходительно, съ ласкою, участіемъ и любовью, стараясь сблизиться съ нею, не упуская ни одного случая для ея просвѣщенія въ духѣ любви и уваженія къ человѣческому достоинству.

18. Учитель долженъ стараться увеличить объемъ своего знанія и аккуратно приготовляться къ каждому уроку, серьезно обдумывая, какъ и чему учить.

Примѣчаніе. Въ каждую народную школу будетъ высылаться педагогическій журналъ.

19. Убѣждать поселянъ въ пользѣ и необходимости знанія для нихъ русской грамотности, поставляя имъ на видъ, что пре-

подаваніе въ уѣздныхъ училищахъ, въ гимназіяхъ, университетахъ и во всѣхъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, куда могутъ поступать дѣти всѣхъ сословій, безъ исключенія, слѣдовательно и дѣти крестьянъ, производится на русскомъ языкѣ, равно какъ администрація и судопроизводство въ государствѣ совершаются на томъ же языкѣ; совѣтовать крестьянамъ посылать своихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ школу.

20. Заботиться о привлеченіи въ школу дѣвочекъ и обращать особенное вниманіе на ихъ умственное и нравственное развитіе.

21. Дѣвочекъ до 10-ти лѣтняго возраста обучать вмѣстѣ съ мальчиками, съ имѣющими же болѣе 10-ти лѣтъ, заниматься отдѣльно, назначивъ для того особые часы.

22. Передъ открытіемъ ученія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, должно быть совершено молебствіе въ самой школѣ или въ церкви, въ присутствіи дѣтей и ихъ родителей. При закрытіи ученія въ концѣ апрѣля, производится учащимся испытаніе, въ присутствіи дѣтей и ихъ родителей и постороннихъ лицъ. Окончившимъ курсъ съ успѣхомъ выдаются свидѣтельства, за подписью законоучителя и учителя, съ показаніемъ пріобрѣтенныхъ ими познаній. Отъ ученія дѣти освобождаются по воскресеньямъ, большимъ церковнымъ праздникамъ и главнымъ табельнымъ днямъ, о Рождествѣ Христовомъ на три дня, отъ 24-го до 27-го декабря, во время Великаго поста съ субботы Вербной недѣли и до середы Свѣтлой. Страстная недѣля назначается для приготовленія къ исповѣди и пріобщенію Св. Тайнъ. Лѣтняя вакація отъ мая до сентября.

23. Къ 1-му января и къ 15-му мая представлять непосредственно г. попечителю округа отчетъ: а) сколько ежемѣсячно находилось учащихся въ школѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, какого они возраста и вѣроисповѣданія, б) о поведеніи ихъ и успѣхахъ въ наукахъ, в) о числѣ классныхъ дней въ каждомъ полугодіи, сколько было праздниковъ и какіе именно, и г) о поступившихъ пожертвованіяхъ. Къ отчету присоединять подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, удобно ли помѣщеніе школы, достаточно ли мебели и учебныхъ пособій, причины исправнаго или неисправнаго посѣщенія учащимися школы, хорошаго или худаго поведенія, успѣха или безуспѣшности ихъ въ наукахъ, поименованіе тѣхъ

изъ нихъ, которые отличаются особенными способностями и могли бы впослѣдствіи, по надлежащемъ приготовленіи ихъ въ учительской семинаріи, занять мѣста народныхъ учителей; причины увеличенія или уменьшенія числа учащихся, желанія общества относительно школы и мѣры, принятыя учителемъ для ея процвѣтанія.

24. Обо всѣхъ необыкновенныхъ случаяхъ, касающихся школы, о противодѣйствіи ей и о существованіи въ околоткѣ школъ, неизвѣстныхъ начальству, немедленно и непосредственно доводить до свѣдѣнія г. попечителя округа.

25. Не учить тому, чего не положено, и употреблять руководства, одобренныя начальствомъ учебнаго округа. Если въ книгахъ окажется недостатокъ—писать о томъ въ округъ, съ указаніемъ, какого сочиненія и сколько требуется экземпляровъ.

Примѣчаніе. Для сношеній съ училищнымъ начальствомъ каждое училище снабжается бумажными печатями.

26. Сверхъ того, на учителя возлагается: а) наблюденіе за правильнымъ посѣщеніемъ уроковъ учащимися и б) присмотръ за училищнымъ домомъ, классною мебелью и за сохранностію учебныхъ пособій, которымъ онъ ведетъ подробную опись.

27. Въ заключеніе предлагается учителямъ вести дневникъ, въ который вносить разныя замѣтки, касающіяся преподаванія, нравственнаго воспитанія дѣтей, наблюденія, взятыя изъ опыта, соображенія, предположенія, вообще все, что можетъ имѣть значеніе и принести пользу школѣ и обществу. Такой дневникъ можетъ служить матеріаломъ для полугодовыхъ отчетовъ и для педагогическихъ статей.

Подлинное подписалъ: Попечитель виленскаго учебнаго округа,

Князь Ширинскій-Шихматовъ.

Скрѣпилъ: Правитель канцеляріи **Романкевичъ.**

ОБРАЗЧИКИ НОВОЙ ЛОГИКИ.

Ой, на горі журавли, а въ Кіевѣ дядько:
За то я тебя полюбила, что на небѣ мѣсяцъ...

(Изъ малорос. пѣсни).

1) Совершенно въ такомъ же логическомъ построеніи понятій и мыслей, какъ вышеприведенный эпиграфъ, одна наша газета [1]) доказываетъ, что въ Россіи до тѣхъ только поръ могла существовать предварительная цензура книгъ, журналовъ и газетъ, пока крестьяне не были освобождены изъ владѣнія помѣщиковъ, а теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, непремѣнно должна быть уничтожена и предварительная цензура. Но чтобы намъ, для приличія, не оставаться таки совсѣмъ безъ цензуры, то пожалуй—пускай себѣ будетъ „карательная." Вотъ подлинныя слова газеты, которыя мы выписываемъ съ дипломатическою точностью: „При существованіи крѣпостнаго права, по необходимости должна была существовать и предварительная цензура, а между тѣмъ не трудно (**чрезвычайно трудно!**), кажется, понять, что одна правдивая карательная цензура, при правильномъ устройствѣ судовъ можетъ удовлетворять (?) всѣмъ законнымъ условіямъ общественнаго благосостоянія, законнымъ требованіямъ общественной (?) власти и не менѣе законнымъ, какъ матеріальнымъ (?), такъ и нравственнымъ потребностямъ народа."

А въ слѣдующемъ 46 номерѣ той же газеты напечатано извѣстіе о **„новой коммисіи по дѣламъ печати."** Изъ сближенія

[1]) № 43 Сына т 1863, 19-го февраля.

этихъ двухъ листковъ одной и той же газеты самъ собою выдвигается на видъ слѣдующій силлогизмъ: дѣло о преобразованіи цензуры теперь на очереди; слѣдовательно надобно забѣжать впередъ и сыпнуть въ глаза публики парадоксальною пылью, что предварительная цензура вовсе не нужна; а чтобы подкрѣпить этотъ парадоксъ, то сочинитель статьи и привязалъ его къ „уничтоженію крѣпостнаго права“ такъ точно, какъ малороссіяне, по пословицѣ, **привязываютъ кобылѣ хвостъ**. Вѣдь славная логика? послѣдняго фасона, самая новѣйшая!

2) Недавно напечатана въ С. Петербургѣ брошюрка подъ титуломъ: **„Дополненіе къ замѣчаніямъ на проэктъ общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ россійскихъ университетовъ. Университетскій вопросъ, Н. И. Пирогова. 1863.**

При нашемъ достодолжномъ уваженіи къ глубокой учености и къ великой славѣ Н. И. Пирогова, мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ его ученой брошюрки **только одну** слѣдующую выписку,— можно бы сдѣлать больше, но мы изъ уваженія позволяемъ себѣ только **одну**, и осмѣливаемся—съ его учеными мнѣніями сопоставить простой общечеловѣческій смыслъ.

На стр. 68 и 69-й вотъ что говоритъ г. Пироговъ: „Слово, имѣющее смыслъ чисто матеріальный—**воспитаніе**,—получило у насъ другой смыслъ, и теперь сказать: я воспитываю, а не „образую“ можно только про дерево или про скотину.“ (**Значитъ— это слово еще не получило другаго смысла, но остается при прежнемъ матеріальномъ смыслѣ: гдѣ же тотъ другой смыслъ, о которомъ вы намекаете?**) „Остались слова: ученіе и просвѣщеніе, которыя отличаются отъ воспитанія, но не отъ образованія.“ (**А по общечеловѣческому смыслу, кажется, такъ: ученіе и просвѣщеніе относится къ уму, образованіе—къ наружной дрессировкѣ, а воспитаніе—къ нравственной сторонѣ человѣка. Можно быть ученымъ, но необразованнымъ—какихъ очень много! Можно быть ученымъ и образованнымъ, но не получить нравственнаго воспитанія—такихъ еще больше! Бываютъ и нравственно-воспитанные люди, но не ученые и не образованные**). „А какъ воспитывать безъ образованія, и образовывать не уча и не просвѣщая нельзя, то стало быть—воспитывать не уча можно развѣ

въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще безсловесенъ." **(Для чего это слѣдствіе и весь этотъ силлогизмъ? Развѣ для того, что „на небѣ мѣсяцъ?")**.

Но и учить, не образуя и не воспитывая, также невозможно." **(Можно, наприм., въ прежнихъ училищахъ учили безъ всякаго образованія; а въ нынѣшнихъ университетахъ учатъ безъ всякаго воспитанія!)** „Вся наша нравственность, правда, добро, свѣтъ—все ученіе." **(Смотрите: какъ вы безпощадно смѣшиваете въ вашемъ парадоксѣ теорію съ практикой, образованіе ума съ образованіемъ нравственной дѣятельности!")** „И учить, не воспитывая, не образуя, значило бы не учить, а дѣлать что-то другое." **(Вѣдь такъ оно и есть теперь въ нашихъ университетахъ! Развѣ вы не видите этихъ субъектовъ? Развѣ звѣроподобіе этихъ „воспитанниковъ" служитъ вывѣскою „воспитанія и образованія?")**.

„Между тѣмъ университетъ, какъ учрежденіе учебное, еще никто не признаетъ eo ipso воспитательнымъ; а требуютъ его такимъ; **(значитъ** признаютъ **за нимъ эту обязанность, т. е. по вашему:** „никто не признаетъ, и—признаютъ); „значитъ, принимаютъ, что можно учить не образуя и не воспитывая." **(Повторяемъ; это послѣднее у насъ дѣлается сплошь и рядомъ!)**

„Если скажутъ, что учить можно и худому, то на это отвѣтъ, что и воспитывать можно худо." **(Что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели то, что „въ Кіевѣ дядько?...")** „Но учить, значитъ, по преимуществу учить добру." **(А въ Воскресныхъ школахъ чему учили?...)** „Если кто не отвергаетъ, что учить не образуя нельзя **(вопросъ: чему учить? и—какъ образуя?...)** тотъ можетъ только утверждать, что для воспитанія учить—это мало; нужно еще что-то. Что же?" **(Во всемъ этомъ періодѣ подстеречь связь и отношеніе понятій черезъ-чуръ трудно!)** На вопросъ: „**что же?**" г. Пироговъ самъ себѣ отвѣчаетъ такъ:

„Что же другое, какъ не надзоръ, не присмотръ. И весь вопросъ вертится на томъ, какъ и надъ чѣмъ надзирать? Надъ тѣмъ ли, чтобы заправду учился тотъ, кого хотятъ воспитать? Вѣдь въ ученіи все и есть" **(далеко не все! Герценъ превосходно учился, и даже кандидатъ университета!)** „Воспитаніе безъ ученія не можетъ быть" **(но ученіе безъ воспитанія, какъ види-**

те, часто бываетъ); „чѣмъ болѣе кто учится, тѣмъ болѣе воспитывается." **(Позвольте сказать: неправда!)** „Кто учится, тотъ и узнаетъ, какъ и что должно дѣлать." **(Мало ли мы чего знаемъ, какъ и что дѣлать? да лиха бѣда, что не ХОЧЕМЪ дѣлать, потому что ВОЛЯ НАША НЕ ВОСПИТАНА; а вы хлопочете только объ умѣ, да объ ученьи...)** „Или этого мало, ученье идетъ и не впрокъ, надо еще умѣть исполнять то, что знаешь; т. е. надо, чтобъ кто нибудь и за этимъ надзиралъ—значитъ, училъ еще, какъ исполнять то, что знаешь и—долженъ знать, если учишься." **(Въ этихъ словахъ такъ—и слышенъ букетъ тонкой ироніи надъ требованіемъ практической нравственной цѣли для ученія,—какъ вы ни прячете его).**

„Такіе учители будутъ воспитатели par excellence, въ отличіе отъ тѣхъ, которые учатъ только знать," **(и здѣсь, не кстати, маленькая иронія!)**

„А такіе воспитатели будутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отцы, да еще какіе? **(опять иронія!)** которые выше учителей, потому что не только знаютъ, но и знаютъ еще, какъ дѣлать то, что знаютъ. Или наконецъ, это будетъ сама жизнь. Разумѣется, этихъ отцовъ и воспитателей не только въ университетѣ налицо нѣтъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ не много. А жизнь впереди. И потому, за неимѣніемъ, прибѣгаютъ къ **дѣйствіямъ отрицательнымъ,** т. е. надзираютъ не за тѣмъ, чтобы было все хорошо, **(почему же не за тѣмъ? И за этимъ должно и можно надзирать. При томъ же, большая часть заповѣдей Божіихъ—**„не укради, не убѣй, не пріемли имени Божія всуе" и проч... **Говоритъ намъ тоже объ отрицательныхъ дѣйствіяхъ. Какъ же это по вашему: неужели и заповѣди говорятъ** „не объ томъ, чтобы все было хорошо??...) а за тѣмъ, чтобы не было слишкомъ худо." **(Это ужъ не иронія, но грубая, съ позволенія сказать, насмѣшка надъ требованіемъ нравственнаго надзора за студентами!!)**

„Это и значитъ полиція: и такъ все воспитательное сводится на полицейское." **(У васъ оно дѣйствительно такъ свелось, потому что вы издѣваетесь надъ требованіемъ нравственнаго воспитанія отъ школы. Помните ли, вы когда-то напечатали такъ:** „школа можетъ воспитывать только путемъ науки, которая обра-

зуетъ здравый смыслъ, а здравый смыслъ самъ скажетъ юношѣ, что онъ долженъ дѣлать и чего не дѣлать.“ Дожидайтесь этого здраваго смысла! А дурныя привычки и страсти, не предъупрежденныя въ свое время добрымъ нравственнымъ воспитаніемъ, уже повлекли юношу къ погибели...)

„Въ другомъ смыслѣ (кромѣ полицейскаго)—продолжаетъ г. Пироговъ)—воспитательнаго университета нѣтъ, и быть не можетъ. Играть и обольщать себя словами безполезно.“

А такъ играть парадоксами и софизмами, какъ играетъ г. Пироговъ въ важномъ дѣлѣ, касающемся образованія юношества, (скажемъ не обинуясь) **непростительно.**

Мы, вообще, не можемъ похвалиться избыткомъ логическаго образованія. Гдѣ у насъ доселѣ учили философіи? Только въ духовныхъ академіяхъ! Удивительно ли, что многими изъ насъ всѣ парадоксы г. Пирогова принимаются на вѣру, проводятся въ административную сферу, и вмѣсто исправленія разстроенныхъ частей въ учебно-воспитательномъ организмѣ нашихъ училищъ, еще болѣе служатъ къ разстройству?... На просвѣщенныхъ наставникахъ нашихъ духовныхъ академій лежитъ святая обязанность: непремѣнно разоблачить современную свѣтскую ученость отъ всѣхъ софизмовъ и парадоксовъ, которыми она портитъ дѣло образованія и воспитанія. Пора, пора нашимъ духовнымъ академіямъ сказать правдивое, христіански-логическое слово объ этомъ важномъ предметѣ.

И. К.

Корреспонденція и библіографическія замѣтки.

I.

Письмо 6. Густъ 19 (31) декабря 1862 г. — Не можемъ не выразить нашей радости о томъ, что со дня на день замѣчаемъ большое и большое оживленіе и распространеніе взаимнаго литературнаго сношенія между славянами. Это сближеніе ихъ, послѣ вѣковаго разобщенія, надѣемся, откроетъ имъ глаза, дабы они, узнавъ собственные интересы, дружнымъ взаимнымъ содѣйствіемъ защищали ихъ отъ враждебной силы. Конечно, событія 1848 года произвели въ жизни славянъ самую достопамятную эпоху относительно ихъ народнаго значенія. Кажется, будто бы раскаты, сопровождавшіе взрывъ политическаго устройства, происшедшій на западѣ Европы въ упомянутомъ году, главнѣйшимъ образомъ послужили къ тому, чтобъ разбудить славянъ отъ ихъ летаргическаго сна и расположить къ сближенію другъ съ другомъ и къ развитію взаимной дѣятельности. (Сей духъ) это желаніе ознакомиться другъ съ другомъ, прежде всего, самымъ поразительнымъ образомъ проявилось на Пражскомъ Конгрессѣ (съѣздѣ), происходившемъ въ 1848 году. Тутъ собрались, по большей части, представители всѣхъ славянскихъ племенъ, находящихся въ Австріи и, въ первый разъ, заключили между собою союзъ братскаго единенія и взаимнаго вспомоществованія. Этотъ союзъ запечатлѣли они торжественнымъ актомъ, освященнымъ св. вѣрою, побудившей ихъ присутствовать на св. литургіи, которая, 4-го мая (по нов. с.) упомянутаго года, была совершаема подъ открытымъ небомъ, при статуѣ св. Венцеслава, патрона Богеміи, по обряду православной

восточной Церкви. При встрѣчѣ своей, представители славянъ австрійскихъ вдругъ замѣтили неудобность, представлявшуюся имъ въ отношеніи объясненій на природныхъ языкахъ, а потому, по необходимости, избрали для совѣщанія нѣмецкій языкъ, обнародовавъ на томъ же и дѣйствія и постановленія свои. Хотя это собраніе, по причинѣ происшедшихъ смутъ, должно было преждевременно разойдтись и такимъ образомъ, не могло вполнѣ достигнуть цѣли своей, однако оно громко свидѣтельствуетъ какъ о проникновеніи славянъ желаніемъ вступить въ живѣйшее взаимное сношеніе, такъ и о безсиліи ихъ дать полное выраженіе своему народному существованію. Нѣтъ сомнѣнія, что и совершившійся въ 1849 г. походъ русской арміи въ Венгрію для потушенія венгерской революціи, много способствовалъ взаимному ознакомленію здѣшнихъ различныхъ славянскихъ племенъ съ восточно-сѣвернымъ славянскимъ міромъ, извѣстнымъ имъ дотолѣ, по большей части, подъ названіемъ варваровъ. Знаемъ, что этотъ походъ преимущественно состоялся по уваженію международныхъ интересовъ, требующихъ спасенія австрійской династіи и отклоненія мятежнаго напора отъ предѣловъ россійской имперіи, но тѣмъ не менѣе послѣдствія его (похода) не ограничились одними торжествами въ международномъ отношеніи, они имѣли благодѣтельное вліяніе также и на національную жизнь славянъ, скрѣпивъ ихъ новыми узами племеннаго родства. Во время пребыванія русской арміи посреди насъ, мы убѣдились въ превосходствѣ народныхъ силъ русской братіи надъ всѣми другими славянскими племенами и, мимовольно покорились мысли, проникнувшей насъ о необходимости поближе узнать жизнь этого единственнаго славянскаго племени, у котораго уцѣлѣла политическая независимость и съ судьбою котораго тѣсно соединена судьба прочихъ славянскихъ племенъ. Кажется, эта самая же мысль, въ продолженіе всего послѣдующаго времени болѣе или менѣе находила поддержку во всѣхъ славянскихъ періодическихъ изданіяхъ и національныхъ стремленіяхъ. Мы помнимъ, какъ нѣмецкая газета, выходившая въ Загребѣ подъ названіемъ „Agramer Zeitung,“ вдругъ съ 1849 года стала гремѣть о принятіи общелитературнаго русскаго языка во взаимныхъ сношеніяхъ славянъ между собою. Въ тоже

время родилась также мысль объ изданіи и распространеніи въ Австріи лучшихъ русскихъ литературныхъ произведеній и основаніи журнала на упомянутомъ общеписьменномъ русскомъ языкѣ. Съ цѣлію привесть въ исполненіе эту мысль, приступилъ къ дѣлу Андрей Андреевичъ Радолинскій (Радлинскій), священникъ гранскаго архіепископства латинскаго обряда. Въ 1852 году онъ издалъ въ Budинѣ первый томъ сюда относящихся своихъ трудовъ подъ заглавіемъ: „Собраніе русскихъ проповѣдей,“ вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему словаря, содержащаго въ себѣ объясненія русскихъ словъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. На заглавномъ листѣ этого словаря, вышедшаго въ свѣтъ въ Budинѣ въ 1853 году, напечатано также объявленіе о продолженіи „Собранія русскихъ проповѣдей“ и объ изданіи „Сравнительной всеславянской грамматики.“ Но такъ какъ полиція вскорѣ сдѣлала автору замѣчаніе, что это предпріятіе его не своевременно (nicht zeitgemätz), то онъ заблагоразсудилъ прекратить продолженіе своего весьма важнаго и полезнаго предпріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ покинуть мысль о задуманномъ имъ изданіи журнала на литературномъ русскомъ языкѣ. Впрочемъ, о ревности автора къ литературному единству, лучше всего свидѣтельствуетъ отвѣтъ, данный имъ на польское письмо, въ которомъ выражено удивленіе на счетъ предпріятія г. Радлинскаго. Это письмо, а равно и послѣдовавшій на него отвѣтъ, помѣщены въ предисловіи къ „Собранію русскихъ проповѣдей.“ Здѣсь выписываемъ всего прежде польское письмо, въ которомъ говорится слѣдующее:

Wielmożny Panie Dobrodzieju!

„Ogłoszenie Pana Dobrodzieja przedpłaty na wydawać się mające kazania ruskie, które Pan Dobrodziéj w krakowskim dzienniku „Czas“ umieścić kazałeś, mile nas przekwapiło w dwójnasób, pierwsze co do materyi i miejsca, drugie co do osoby czcigodnego wydawcy. Wszyscy, którzy tu „Czas“ czytamy i których to ogłoszenie szczerze zajmuje, zdziwiliśmy się, jakim sposobem to się dzieje, że kazania ruskie wychodzić mają w Bydzinie, i że wydawcą jest nie rusin, bo ksiądz łacińskiego obrządku; zdaje się, że polak podług nazwiska, a przecie w dyecezyi węgierskiéj; a do tego polski ksiądz jeszcze do-

tychczas rzadko który się tak nad przesądy krajowe wzbił, aby podjął się czytać, nie dopiéro pisać ruskie dzieła. Jeżeliby Pan Dobrodziéj nie uważał to za natrętność z naszéj strony, a za ubliżenie sobie, to prosiémy o łaskawe wyjaśnienie—a może się to w przedmowie do samego dzieła stanie.

Z wysokim szacunkiem
W-go Pana Dobrodzieja
Unižony sługa
Dr. L. H.

Olsz... dnia 4 maja,
ze Złoczowskiego.

Послѣ сего сообщаемъ отвѣтъ автора слово въ слово:

„По истинѣ я, по имени и по происхожденію отъ моихъ прародителей **полякъ**, но по рожденію и отечеству **венгерскій словакъ** и духомъ **славянинъ** въ настоящемъ смыслѣ. Какъ **словакъ** вѣрный моему роду, усовершился я въ нарѣчіи словенскомъ (словяцкомъ), а какъ настоящій **славянинъ**, ознакомился я со всѣми славянскими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ языкомъ, въ которомъ я замѣтилъ всю славянскую подлинность, точность, опредѣленность, сжатость и полнозвучность какъ въ самихъ словахъ, такъ въ формахъ и слогѣ, чему подобнаго не нашелъ я въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. А потому могу основательно заключать, что, если надобно славянамъ приближаться къ единству литературному, это единство возможно токмо при согласномъ стремленіи славянъ къ оному источнику славянской литературы. Въ слѣдствіе сего предался я, преимущественно изученію русскаго языка, въ которомъ нахожу богатую сокровищницу для образованія духа и наслажденія умственной жизни."

Этотъ знаменитый мужъ А. А. Радлинскій въ продолженіе ближайшаго десятилѣтія былъ въ Офенѣ словяцкимъ переводчикомъ при редакціи издаваемаго правительствомъ Свода земскихъ законовъ. Нынѣ занимаетъ мѣсто приходскаго священника въ гранской архіепископіи. Отличается обширными и точными познаніями по разнымъ отраслямъ наукъ и неутомимою дѣятельностію. Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ тружениковъ, подви-

зающихся для литературной пользы своихъ соплеменниковъ. Подъ его редакціей уже 13-тый годъ выходитъ церковный журналъ подъ заглавіемъ: „Cyrill a Method.“ Не смотря на неудачу предпріятія г. Радлинскаго, въ теченіи упомянутаго десятилѣтія были сдѣланы и другими лицами многія попытки для введенія между австрійскими славянами въ употребленіе общелитературнаго русскаго языка. Къ этимъ попыткамъ, между прочими, относятся: „Церковная газета,“ выходившая въ Венгріи, многія періодическія изданія и научныя сочиненія, напечатанныя въ Галиціи. О склонности славянскихъ ученыхъ ввести настоящій письменный русскій языкъ въ общелитературное употребленіе, свидѣтельствуетъ тоже со дня на день возрастающее литературное участіе въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ за границею, именно въ Россіи.

Сообразивъ все это, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ, какъ могла образоваться въ предѣлахъ самой же Россіи, партія, отвергающая настоящій письменный русскій языкъ? Что въ Австріи готова почва для подобнаго рода дѣятелей и для произращенія посѣваемыхъ ими плевеловъ, раздоровъ и несогласій, это намъ понятно; ибо, само собою разумѣется, что нѣмецкое правительство равнодушно не можетъ смотрѣть на преуспѣяніе другой народности, могущей, въ свое время, оспаривать преобладаніе нѣмецкаго элемента; но что въ Россіи, и именно между соплеменниками нашими малороссами находятся мечтающіе объ образованіи малорусской литературы, отдѣльной отъ настоящей русской, это, конечно, приводитъ насъ въ изумленіе и совершенно ставитъ насъ въ тупикъ. Уже ли должно бросить все, что въ продолженіе многихъ вѣковъ создано въ области русской литературы, и начать новое вавилонское столпотвореніе? Уже ли тысячелѣтнее существованіе русскаго царства думаемъ прославить тѣмъ объявленіемъ, что въ немъ понынѣ не выработался письменный языкъ? Ужели къ довершенію благоденствія славянъ ничего иного не достаетъ, какъ одной малороссійской литературы? Не имѣютъ ли сербы, чехи и поляки своихъ литературъ, а при всемъ томъ, не стенаютъ ли подъ чужимъ игомъ? Мы вовсе не оспариваемъ нужды разработывать малорусскій языкъ и углубляться въ его тайны

и особенныя свойства, точно такъ, какъ надобно воздѣлывать также и прочіе славянскіе языки и изслѣдовать ихъ сокровенности; но при этомъ мы должны замѣтить, что нисколько не видимъ нужды покинуть настоящую русскую литературу и гоняться за призраками какой-то новой малорусской литературы. Все то, что мерещится въ умѣ нѣкоторыхъ на счетъ образованія малороссійской литературы, по нашему мнѣнію, нечто иное, какъ потребность дальнѣйшаго развитія настоящаго литературнаго русскаго языка для болѣе удобнаго обобщенія его съ малорусскимъ и прочими славянскими языками. И какъ всякій языкъ образуется соотвѣтственно потребностямъ націи и духу времени, то мы увѣрены, что по мѣрѣ развитія славянскаго языковѣдѣнія въ Россіи и умноженія писателей славянскихъ, усвоившихъ себѣ настоящій литературный русскій языкъ и взявшихся за пользованіе имъ при составленіи своихъ ученыхъ трудовъ, будутъ входить въ составъ его выраженія, обороты, рѣчи и, пожалуй, грамматическія основы, доселѣ ему чуждыя и въ немъ не встрѣчаемыя, разумѣется, на сколько это возможно безъ нарушенія цѣлости его организма. Но спрашивается: не замѣчаемъ ли мы уже и теперь, въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ таковое же направленіе писателей въ отношеніи образованія другаго, особаго литературнаго языка? Особенно встрѣчали мы въ выходившей „Русской Бесѣдѣ" многія выраженія, взятыя изъ малорусскаго нарѣчія и понынѣ исключенныя изъ великорусскихъ словарей. Но чтобъ оказать такую услугу литературному языку, непремѣнно требуется отъ г. малорусскихъ писателей быть разборчивѣе въ употребленіи народныхъ выраженій, и не вносить въ свою письменность всякій избалованный и произвольный выговоръ, а руководствоваться преимущественно правилами словопроизводства и требованіями грамматическихъ условій. Мы признаемся, что никакъ не можемъ одобрять того образа писанія, который позволяютъ себѣ многіе изъ поборниковъ новой малорусской литературы; именно не находимъ мы никакой ни грамматики, ни логики въ употребленіи слѣдующаго образа писанія: **вже, де, ще, усѣ, гострый, читавъ, говорить, у церковь, у коровѣ** и пр., вмѣсто: **уже, гдѣ, еще, всѣ, острый, читалъ, говоритъ, въ церковь, въ коровѣ,** почему уже не писать: **знау**

вм. **знаю, знауть** вм. **знають, цяръ** вм. **царь, цяру** вм. **царю, читать, читат** вм. **читаешь, читаеть** и пр.? Не свойственно ли подобное произношеніе приведенныхъ тутъ словъ значительной части малорусскаго племени? Не вдаемся здѣсь въ дальнѣйшее разбираніе правописанія и прочихъ грамматическихъ и лексиконскихъ аттрибутовъ языка, такъ какъ все это, по сознанію самыхъ же писателей, находится еще въ зародышѣ и вовсе не установилось, а потому, не находя никакой точки опоры для изложенія нашихъ замѣчаній, подождемъ опредѣленія правилъ, долженствующихъ служить основаніемъ малорусскаго языка.

Нѣкоторые изъ поборниковъ малорусской литературы въ своемъ жару такъ увлекаются, что даже завидують счастью австрійскихъ русиновъ по части дарованной имъ свободы касательно развитія ихъ языка и литературнаго образованія. Выписываемъ тутъ слова **Ѳ. Верниволя,** корреспондента львовскаго „Слова“ изъ Полтавы, помѣщенныя въ 97 № с. г.: „Э! мы сподѣваемось того часу, що й нашъ Царь-Царь 12 миліоновъ Украйнцêвъ дасть намъ таке-жъ наукове и языкове право, яке Царь австрійской давъ нашимъ братамъ галичанамъ.“ Если этому почтенному корреспонденту львовскаго „Слова“ что нибудь извѣстно было о гоненіи австрійскаго правительства на русскую литературу, дошедшемъ до того, что оно, не смотря на провозглашенное имъ начало національной равноуправности, вздумало, въ 1859 г. истребить кирилицу и вмѣсто ея завести латинскія буквы, то, думаемъ, онъ не рѣшился бы восхвалять царя австрійскаго за его покровительство наукамъ и образованію русскаго языка. Но почтенному корреспонденту совершенно не извѣстно прошедшее по части преслѣдованія и притѣсненія русской литературы въ Австріи. Онъ имѣетъ въ виду только настоящее состояніе австрійскихъ русиновъ, и, этимъ увлекаясь, желаетъ получить отъ своего царя такія же права въ отношеніи наукъ и языка, какими пользуются галицкіе братья. Съ благодарностью сознаемъ, что въ настоящее время мы свободнѣе дышемъ и пользуемся кой-какою свободою въ развитіи народной жизни, раскрытіи ея элементовъ. Но тутъ же должны мы замѣтить, что не все то золото, что блеститъ, а потому и слабые проблески нашей народной жизни не должны вводить ни-

кого въ заблужденіе. Правда, намъ русинамъ теперь предоставлено право печатать кое-что на нашемъ малорусскомъ языкѣ и подавать въ присутственныя мѣста просьбы на упомянутомъ языкѣ. Но за то въ школахъ мы должны изучать два-три языка, какъ то: нѣмецкій, мадярскій или польскій, чтобъ добыть наукою средства къ жизни и поступить на какое-либо мѣсто государственной службы. А что касается до подачи прошеній на природномъ языкѣ, можемъ сказать, что это право находится еще только на бумагѣ, а не на дѣлѣ, ибо всякій, желающій получить исполненіе прошенія своего, старается написать его на такомъ языкѣ, какой въ употребленіи у начальства, и не рѣшается подвергать дѣло свое затрудненіямъ и проволочкамъ на неопредѣленное время, ибо, въ случаѣ подачи прошенія на русскомъ языкѣ, начальство обыкновенно объявляетъ, что ничего не понимаетъ на этомъ языкѣ, а потому надо присоединить къ просьбѣ переводъ или ожидать, пока начальство постарается о переводѣ ея. По этой причинѣ прошенія обыкновенно подаются русинами на нѣмецкомъ, латинскомъ, мадярскомъ или польскомъ языкахъ. Не говоримъ ничего объ официіальныхъ бумагахъ и дѣловыхъ актахъ, ибо эти, по предписанію, составляются на вышеупомянутыхъ языкахъ. Пусть же теперь разсудитъ упомянутый корреспондентъ львовскаго „Слова:“ завидно ли наше положеніе въ отношеніи облегченія языковыхъ условій и гражданскихъ выгодъ? У насъ требуется свѣденіе, кромѣ природнаго, въ двухъ, трехъ языкахъ, чтобъ занять самое низшее чиновничье мѣсто, тогда какъ онъ при изученіи одного литературнаго русскаго языка можетъ достигнуть самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Не удобнѣе ли ему, при его малорусскомъ языкѣ, изучить общелитературный русскій языкъ, мало чѣмъ отличающійся отъ малорусскаго, какъ намъ усвоить себѣ нѣмецкій, латинскій и мадярскій языкъ? По всей справедливости можемъ сказать г. корреспонденту львовскаго „Слова:“ **„не вѣста, чесо просиша“**

Сверхъ того, мы должны припомнить нашему заграничному соплеменнику, что политическое положеніе Австріи, въ настоящее время очень затруднительно, такъ какъ преобразованіе ея на основаніи диплома отъ 20-го октября 1860 г. идетъ весьма

туго и оно понынѣ еще не состоялось вполнѣ. Если австрійское правительство успѣетъ сладить съ мадярами и поляками, окончивъ съ ними свою сдѣлку, останутся ли русины при предоставленныхъ имъ нынѣ національныхъ правахъ? Не беремся рѣшать этотъ вопросъ; напротивъ, правду сказать, можемъ опасаться, чтобъ національная равноправность, по расчетамъ хитрой политики, подобно церковной уніи, не послужила къ жесточайшему порабощенію нашей народной жизни.

Многіе изъ защитниковъ малорусской литературы возражаютъ, что при ея существованіи болѣе будетъ успѣвать народное просвѣщеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что народное просвѣщеніе только, при помощи природнаго языка и воздѣлыванія собственной литературы, можетъ процвѣтать у каждаго народа; но во первыхъ: мы не считаемъ настоящую русскую литературу чуждою для малорусскаго племени, а трактуемъ ее какъ общее достояніе всѣхъ русскихъ; во вторыхъ: если и допустимъ существованіе отдѣльной малорусской литературы (чего вовсе нѣтъ), то и въ этомъ случаѣ считаемъ нужнымъ изученіе настоящей русской литературы, частью по причинѣ ея неоспоримаго достоинства и литературнаго значенія, частью же по уваженію всеобщей славянской духовной взаимности; въ третьихъ: принявъ во вниманіе, что по сознанію самыхъ же передовыхъ малорусскихъ писателей, понынѣ нѣтъ еще никакой малорусской литературы, мы въ интересѣ народнаго просвѣщенія желаемъ, чтобы настоящая русская литература служила проводникомъ и посредникомъ образованія всего русскаго племени. А потому, по нашему убѣжденію, она должна быть водворяема во всѣхъ русскихъ училищахъ. На основаніи этихъ соображеній нашихъ, мы желаемъ, чтобы учебники у насъ издавались какъ можно болѣе приблизительно на настоящемъ литературномъ русскомъ языкѣ. Поэтому заграничные соплеменники наши оказали бы намъ величайшую услугу, еслибы при препровожденіи своихъ стихотвореній, басней и повѣстей, вмѣстѣ присылали во Львовъ лучшіе учебники настоящаго русскаго языка, дабы наши австрійскіе издатели русскихъ учебниковъ, принявъ ихъ за образецъ, могли внести въ нихъ требуемое единообразіе, ибо отъ настоящаго galimathias, встрѣчающагося въ нашихъ учеб-

никихъ, кругомъ идетъ голова не только ученика, но и учителя.

Съ большимъ удовольствіемъ и какого-то рода удивленіемъ многократно указываемъ мы на многочисленность милліоновъ славянъ. И, въ самомъ дѣлѣ, она замѣчательна и достойна уваженія. Но соотвѣтствуетъ ли дѣятельность славянъ ихъ многочисленности? Никакъ! Другой народъ, гораздо меньшій по своей численности, способнѣе и легче можетъ развить народную жизнь въ политическомъ и литературномъ отношеніи, нежели славяне. Вотъ нѣмцы, при образованіи ими разныхъ обществъ, какъ то: агрономическаго, естественныхъ наукъ, лѣсоводства и пр., странствуя по цѣлой австрійской имперіи и, въ опредѣленное время собираясь въ разныхъ мѣстахъ монархіи, на дѣлѣ доказываютъ, что они представители образованности (Culturträger), тогда какъ славяне ничего подобнаго не имѣютъ и при настоящемъ разобщеніи ихъ языка, не въ состояніи составить дѣятельнаго общеславянскаго собранія. Не успѣли ли уже англичане, французы, въ столицѣ Венгріи—Пештѣ, образовать общества для религіозной и литературной цѣли, тогда какъ тамошніе многочисленные славяне не въ состояніи выхлопотать себѣ у правительства основанія національнаго касино? И могутъ ли славяне хоть для благоговѣйнаго отпразднованія тысячелѣтія въ честь ихъ просвѣтителей вѣрою христіанскою св. Кирилла и Мееодія въ какомъ нибудь уголкѣ Европы собраться и единодушнымъ усердіемъ засвидѣтельствовать преданность своимъ народнымъ апостоламъ. Никакъ желающихъ убѣдиться въ этомъ, отсылаемъ къ трогательной и полной истины статьѣ г. Погодина, написанной имъ по поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтней памяти св. Кирилла и Мееодія и перепечатанную изъ „Словѣнина“ въ „Галичанинѣ“ періодическомъ изданіи, выходящемъ во Львовѣ.

Изъ этой весьма важной и прекрасной статьи г. Погодина выписываемъ мы слѣдующее мѣсто: „Бѣдные славяне! Васъ чуть-ли не сто милліоновъ, полъ Европы занимаете, вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде разсыпаны были вездѣ по всему ея пространству, до крайнихъ предѣловъ,—но сынамъ нашимъ смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негдѣ

приклонить голову! Нѣтъ мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ бы они могли помолиться спокойно и свободно, не оглядываясь, не стѣсняясь, не тревожась!" Въ продолженіи статьи своей г. Погодинъ приглашаетъ славянъ къ соединенію въ языкѣ и согласію между собою, изливая свои благородныя чувства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „При началѣ славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣже сѣмена по всѣмъ странамъ славянскимъ: о! еслибы теперь, исполняющемуся тысячелѣтію, о еслибы теперь за литургіею святыхъ Кирилла и Меѳодія, услыша ихъ вѣщіе звуки, встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ разномыслящихъ, враждующихъ между собою братьевъ!" Наконецъ заключаетъ г. Погодинъ статью свою такими словами: „Помолимся, да снизойдетъ къ намъ миръ—и будемъ мы хотя въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ, едино стадо и единъ пастырь!"

И, въ самомъ дѣлѣ, славянамъ не остается ничего, какъ только примкнуть духомъ и умственною жизнію къ Россіи, чтобъ единодушіемъ обезсилить коварные происки непріятелей славянства, старающихся подорвать могущество Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что для достиженія этой цѣли ничто не можетъ быть желательнѣе, какъ изъ Малороссіи образовать вторую Польшу. Боже сохрани, чтобъ такая мысль нашла твердую опору между соплеменниками нашими! Это значило бы пронзить оружіе въ собственную грудь и вмѣстѣ обнаружить намѣреніе дать смертоносный ударъ настоящей Россійской Имперіи, вскормившей насъ своею попечительностію и отстаивавшей своимъ могуществомъ народные интересы всего славянскаго міра.

I. Раковскій.

— **Библіографическія замѣтки.**— **Widok przemocy na słabą niewinność wywartéj. Историческія записки Ѳедора Бродовича, архипресвитера греко-уніатскаго капитула Луцкаго, о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 г., Львовъ, типомъ института Ставропигійскаго. 1851. Цѣна книгѣ 50 крейцеровъ австрійскихъ.—**

Выписавши полное названіе ново-изданной въ Львовѣ книги, спѣшимъ познакомить читателей съ этимъ замѣчатель-

вымъ явленіемъ западно-русской литературы. Написана эта книга очевидцемъ тѣхъ плачевныхъ произшествій, которыя совершались въ 1789 году на Волыни и Подолѣ, о. протоіереемъ уніатскимъ Бродовичемъ, умершимъ въ 1803 году, и, по его завѣщанію, отослана въ Львовъ, въ катедру уніатскаго митрополита. Съ того времени рукопись эта лежала въ тамошнемъ катедральномъ архивѣ, а теперь, по порученію тамошняго начальства, напечатана львовскимъ профессоромъ, священникомъ Я. Ѳ. Головацкимъ.

«*Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ*» Лучше сказать: изъ уваженія къ человѣчеству, совсѣмъ не хотѣлось бы вѣрить тому ослѣпленному безумію и бѣшенству, съ какимъ волынскіе и подольскіе поляки преслѣдовали, били, мучили, сѣкли, вѣшали невинныхъ уніатскихъ священниковъ, по самому неосновательному и нелѣпому подозрѣнію, будто эти несчастные священники получали отъ Росс. Императрицы Екатерины II, чрезъ русскихъ маркитантовъ, письменныя приглашенія бунтовать крестьянъ-уніатовъ противъ помѣщиковъ-католиковъ. Не хотѣлось бы вѣрить, чтобъ въ концѣ XVIII вѣка, одна изъ націй, хотя отвергнувшаяся прародительскаго славянства, но все-таки считавшая себя *просвѣщенною*, могла унизиться до такой клеветы, лжи, подкуповъ, и до такого изувѣрства, какимъ отличались тогдашніе поляки.... А варшавскій сеймъ еще поощрялъ ихъ ко всему этому!—всему этому, повторяемъ, и схотѣлось бы вѣрить; но на Волынѣ и Подолѣ доселѣ еще живы дѣти, внуки и родственники тѣхъ мучениковъ, которые тогда погибли отъ руки пановъ и шляхтичей. Эти *шляхетные выродки человѣчества* не хотѣли знать ни закона, ни суда, ни слѣдствія, ни оправданія; произволъ пановъ и полупанковъ рѣшалъ: „на шибенницу его!“—и повѣсили! Чтеніе этой книги, любопытной какъ самое лучшее произведеніе Вальтера-Скота, и правдивой какъ самая очевидная правда, наводитъ на душу много думъ, грустныхъ тяжкихъ думъ [1]). Поляки никогда не могли и не могутъ терпѣть *ничего русскаго;* по цѣлой Ев-

---

[1]) Не пускаемся въ ужасныя подробности, которыми наполнена эта книга, а отсылаемъ любопытныхъ къ ней самой.

Желающіе пріобрѣсти это, въ высшей степени любопытное сочиненіе, могутъ адресоваться въ Редакцію Вѣстника, съ приложеніемъ двухъ рублей за 2 части. Пересылочныхъ прилагается за 2 фунта. Ред.

ропѣ они всегда безсовѣстно лгали и лгутъ на Россію, на ея правленіе и на ея религію. А еслибы они потрудились пристально заглянуть въ исторію своего погибшаго (по суду Божію) отечества, то могли бы увидѣть, что они, ихъ религія, ихъ *права* и ихъ національность никогда, подъ русскимъ правленіемъ не терпѣли и не терпятъ даже милліонной доли тѣхъ притѣсненій, какія терпѣли нѣкогда русскіе подъ безпутнымъ правленіемъ „незабвенной" Рѣчи-Посполитой. Теперь архивы открыты; читайте, господа, и убѣдитесь, что ваши предки, напоивши васъ ненавистью къ Россіи, оставили вамъ въ этой ненависти отравляющее васъ наслѣдство....

2) *Бунтъ Стеньки Разина. Сочиненіе Николая Костомарова. Изданіе второе, исправленное.* С. Петербургъ 1859.— Книга *не новая*, но наводитъ на новыя мысли, которыя въ 1859 году были бы не современны, а теперь какъ-разъ впору являются послѣ чтенія этой книги, написанной мастерски и съ любовью къ своему дѣлу. Мы способны къ самимъ жалкимъ иллюзіямъ: намъ кажется, на-примѣръ, что мы живемъ въ вѣкъ прогресса, что до насъ жили люди—обскурантъ на обскурантѣ, и что только мы исчерпали всю мудростъ соціализма и коммунизма—такъ что если бы только намъ было позволено, мы бы на ново передѣлали всю Россію по самому лучшему образцу изъ всѣхъ утопій. Все это, повторяемъ, самое жалкое самообольщеніе! *Стенька Разинъ* цѣлыми двумя столѣтіями опередилъ уже нашу „молодую Россію, и двѣсти лѣтъ назадъ уже дѣятельно работалъ надъ тѣмъ, къ чему стремятся наши „молодые" утописты. Да какой еще умница былъ этотъ Стенька! представте себѣ: во второй половинѣ XVII-го вѣка онъ уже былъ такой великій прогрессистъ, что отвергалъ церковь съ ея уставами, отвергалъ бракъ, не признавалъ ничьей собственности, и самымъ лучшимъ средствомъ всеобщаго *просвѣщенія* признавалъ пожары и убійства. А для уравненія всѣхъ правъ, онъ почиталъ надежнѣйшимъ средствомъ: истребить всѣхъ, кто имѣлъ какія-либо права, освященныя вѣками, закономъ и обычаями. Жаль только, что этотъ „великій прогресистъ" и „передовой" своего времени не любилъ грамоты, и хотя разсылалъ по Россіи свои рукописныя „*воровскія*" воззванія къ бунту, но все-же не имѣлъ еще ни типографіи, и не издавалъ ни-гдѣ, ни за границей, ни подъ поломъ, революціонной русской газеты. Только развѣ въ этомъ онъ и можетъ уступить первенство знаменитому нашему „генералу отъ революціи" и достойнымъ его сподвижникамъ.

ВѢДОМОСТЬ
об успѣхахъ народнаго образованія по Подольской Епархіи за Февраль мѣсяцъ 1863 года.

СВѢДЕНІЕ ОБЪ УСПѢХАХЪ ШКОЛЪ ПРИ ЦЕРКВАХЪ.

НАЗВАНІЕ ЦЕРКВЕЙ СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ ГОРОДА ИЛИ СЕЛА.	Число училищъ.	Число учащихся. Мужескаго пола.	Число учащихся. Женскаго пола.
Къ 1 Февраля 1863 года состояло въ Подольской Епархіи	1313.	25373.	5999.
Въ теченіи Февраля мѣсяца какъ изъ донесеній Благочинныхъ видно, поступило учащихся	»	228.	6.
Въ теченіи Февраля мѣсяца вновь открыто			
ПРОСКУРОВСКАГО УѢЗДА:			
Въ деревни Курникахъ принадлежащей къ приходу села Заваліекъ Михайловской Церкви	1.	8.	»
Въ деревнѣ Криштофовкѣ принадлежащей къ приходу С. Третильникъ Покровской Церкви	1.	10.	»
А всего . .	1315.	25619.	6005.

СОДЕРЖАНІЕ VIII КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.